

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт славяноведения и балканистики

СЛАВЯНЕ И РОССИЯ

к 70-летию
со дня рождения
С. А. НИКИТИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1972

В сборнике освещаются проблемы славянской истории и истории России, рассматриваются вопросы славянской историографии и источниковедения, социально-экономического развития южных славян XIII—XIV вв., русско-славянские общественно-политические и культурные связи в XIX в., взгляды В. Пелагича, Д. Обрадовича, В. Левского, Христо Ботева, проблемы национально-освободительной борьбы болгарского народа в 60—70-х годах XIX в.

На основе изучения архивных данных, статистики, данных периодической печати авторы вводят в научный оборот много новых сведений по рассматриваемой проблеме, а в ряде случаев уточняют прежние взгляды и положения.

Редакционная коллегия:

Ю. В. БРОМЛЕЙ (ответственный редактор),
В. Г. КАРАСЕВ, В. Д. КОНОБЕЕВ, И. И. КОСТЮШКО,
Е. П. НАУМОВ

ПРОФЕССОР
СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ НИКИТИН

Имя доктора исторических наук профессора С. А. Никитина — одного из ведущих советских славистов, внесшего огромный вклад в становление и развитие советской славяноведческой науки, — хорошо известно советской и зарубежной научной общественности. Его выдающиеся научные и организаторские заслуги уже давно получили широкое признание историков.

С. А. Никитин родился 25 июня 1901 г. в Москве. Юность его совпала с годами революции и гражданской войны. Университетская подготовка С. А. Никитина отличалась необычайной широтой. В 1918 г. он поступил на историко-филологический факультет Московского университета, который в 1919 г. был превращен в факультет общественных наук. В связи с реорганизацией происходила перестройка учебных планов. Вводились юридические и экономические дисциплины, но в то же время сохранялась основа старой программы историко-филологического факультета — философия, логика, психология. В области истории С. А. Никитин занимался у крупнейших специалистов того времени. По истории России — у С. В. Бахрушина, М. М. Богословского, Ю. В. Готье, А. И. Яковлева. По всеобщей истории — у Р. Ю. Виппера, В. П. Волгина, Д. Н. Егорова, В. М. Лавровского, Д. М. Петрушевского, С. Д. Сказкина. Таким образом, он получил основательную подготовку и по медиэвистике, и по истории нового времени, сохранив интерес к этим областям исторических знаний и позже.

В годы аспирантуры в Институте истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов (РАНИОН) С. А. Никитин начал вести самостоятельные научные исследования. Продолжая занятия по русской истории, он специализировался у А. Е. Преснякова, Н. А. Рожкова, не прекращая связей с М. М. Богословским и А. И. Яковлевым. Одновременно С. А. Никитин начал работу в профсоюзных организациях в качестве лектора. Это побудило его глубже заняться вопросами истории русского рабочего и профсоюзного движения. Результатом были статьи, опубликованные в различных профсоюзных изданиях. Они основывались на ранее не использовавшихся источниках (материалы полицейских архивов, профессиональная и другая печать),

в них вводились в оборот новые данные, раскрывались малоизвестные стороны рабочего движения.

В годы аспирантуры С. А. Никитиным была разработана тема: «Русско-турецкая война и русская политика в Болгарии в 70-е годы XIX в.» Хотя эта работа была написана на основе печатных источников и обширного круга литературы и не претендовала на глубокое самостоятельное исследование вопроса, она получила весьма высокую оценку М. К. Любавского, В. И. Пичеты и С. Д. Сказкина, которые, одоббив выбор темы, рекомендовали автору для продолжения начатого исследования обратиться к архивным материалам. Успех этой работы в значительной мере определил дальнейшие научные интересы С. А. Никитина. Он все большее внимание стал уделять истории балканских стран, политике России на Балканах. В результате было написано несколько статей и заметок для первого издания БСЭ по истории Балкан и начата исследовательская разработка периода Крымской войны в плане русско-балканских связей и русско-балканской политики. В то время и позже эти аспекты проблемы почти не освещались даже в таком капитальном труде, как «Крымская война», написанном Е. В. Тарле.

С. А. Никитин охотно отозвался на предложение Историко-архивного института читать курс источниковедения России XIX в. По предложению М. Н. Тихомирова, читавшего этот курс, С. А. Никитин занялся исследовательской разработкой части его, относящейся к XIX в. Горячо взявшись за дело, молодой лектор непрерывно работал над совершенствованием курса, в результате чего родилась книга «Источниковедение истории СССР. XIX век (до начала 90-х годов). Курс источниковедения истории СССР» (том II, М., 1940), которую автор успешно защитил в качестве кандидатской диссертации. Первый официальный оппонент Ю. В. Готье начал речь на диспуте так: «Выступая на этой защите, я чувствую себя в положении прокурора, который отказывается от обвинения». Он показал новизну и оригинальность книги, в которой впервые давалась классификация источников этого периода и раскрывалось их значение, характеризовались научные приемы их анализа. Несколько сокращенная по сравнению с текстом диссертации работа эта была утверждена в качестве учебника для исторических факультетов университетов и педагогических институтов и служила студентам и аспирантам на протяжении 20 с лишним лет.

Затем С. А. Никитин снова вернулся к проблеме русско-балканских отношений. На этот раз он перенес центр тяжести задуманного труда из области официальной политики в сферу общественных отношений и связей, понимая вместе с тем, что полностью оторвать такую тему от вопросов внешней политики России невозможно. После длительных раздумий определилась проблема: «Вопросы балканской политики России и русское общество в 50—70-х годах XIX в.». Сложность и объем темы, ее но-

визна и неразработанность потребовали от автора огромных усилий. В ходе работы он решил не разрабатывать специально вопросов официальной политики царского правительства, довольствуясь уже сделанным в литературе, но зато углубился в область общественных отношений, политических доктрин и других связанных с этим вопросов. Завершенная в 1947 г. новая монография была защищена в качестве докторской диссертации.

В 1960 г. появилось исследование С. А. Никитина «Славянские комитеты в России в 1858—1876 гг.» Оно посвящено исключительно сложной политически важной теме. Вокруг славянских комитетов, существовавших в России в 60—70-х годах XIX в., на Западе сложилось немало нелепых легенд. Западноевропейские буржуазные публицисты и историки еще с конца XIX в. изображали славянские комитеты как мощную секретную организацию русского правительства, имевшую якобы широко разветвленную агентурную сеть в балканских странах, поднимавшую восстания во владениях Османской империи. Во время второй мировой войны гитлеровская пропаганда изображала советскую внешнюю политику как политику панславистскую и в этой связи ссылалась на славянские комитеты. В писаниях ряда западногерманских и американских авторов и после войны продолжали звучать те же мотивы. Нужно было распутать клубок всех этих нелепых легенд, разоблачить вымыслы и фальсификации, показать подлинную деятельность славянских комитетов — деятельность крайне сложную, противоречивую, где прогрессивное и реакционное тесно соседствовало друг с другом.

На основе изучения огромного материала многочисленных архивов, различного рода документации, русской периодической печати, разбора как старой, так и новейшей литературы на многих языках С. А. Никитин проследил 20-летний период (1858—1876 гг.) существования славянских комитетов, вскрыл их действительную сущность и сделал очень ценные и интересные наблюдения. Он критически рассмотрел ряд опубликованных источников, на которых базировались некоторые заграничные издания, доказав, в частности, что изданный в 1877 г. в Константинополе сборник являлся фальшивкой, созданной по заданию турецких властей и имевшей целью оправдать их жестокости в славянских провинциях Турции, свалить всю вину на якобы подрывную деятельность славянских комитетов и русского правительства.

С. А. Никитин показал, что в течение 20 лет деятельности комитетов, после чего последовало их свертывание, они были своеобразной общественно-благотворительной организацией с политическими тенденциями, довольно многочисленной и вместе с тем очень пестрой по своему составу. Комитеты располагали весьма скромными средствами и не пользовались никакими правительственными субсидиями. Московский комитет и его отделения были единственной легальной организацией в России, помогавшей южным славянам. Поэтому он объединял и сплачивал вокруг

себя всех, кто по тем или иным мотивам помогал освобождению славян на Балканах. Это особенно ярко сказалось в период восточного кризиса 1876—1877 гг., когда широкое движение помощи борющимся славянам, особенно в связи с сербо-турецкой войной, нашло свой естественный организационный центр в Московском комитете и его отделениях.

Славянские комитеты объективно играли положительную роль как организаторы добровольческого движения и центры сбора средств для помощи борющимся южным славянам. Это движение, писал С. А. Никитин, «важно и значительно, как выражение симпатий и готовности помочь далеким братьям-славянам со стороны русского мужика, недавно избавившегося от крепостного гнета и по-своему понимавшего происходившую борьбу, со стороны трудящихся города, отдававших свои гроши в пользу повстанцев, со стороны казаков, готовых обрушиться на мусульманских насильников, со стороны интеллигенции, жертвенно стремившейся помочь далеким братьям и т. д. Все слои русского населения приняли участие в деле освобождения южных славян». Деятельность славянских комитетов способствовала пробуждению интереса в России к славянам, установлению связей с ними.

С. А. Никитин не проходит и мимо реакционных планов и идей руководителей комитетов, их явной тенденциозности даже при предоставлении помощи. Он показывает, например, что Аксаков, Погодин и другие руководители обрушивались на Любена Каравелова и Васу Пелагича и других за их отход от идей панславизма и переход на сторону русских революционеров-демократов. Руководство славянских комитетов хотело использовать симпатии русского народа к борющимся за свою свободу южным славянам в своих политических целях. Оно преследовало цель поддерживать южных славян оружием, толкнуть правительство на войну, с тем чтобы таким образом проникнуть на Балканы и утвердить там влияние Российской империи.

С. А. Никитин отмечает, что царское правительство, разрешая деятельность комитетов, не оказывало им никакой финансовой или иной поддержки. Между правительством и руководством комитетов возникло расхождение, которое привело во время войны к фактическому прекращению их деятельности. Этот момент обычно ускользал от внимания исследователей. С. А. Никитин показал действительную историческую роль такой сложной организации, как славянские комитеты, в развитии русской политики на Балканах. Он одновременно разоблачил попытки буржуазных фальсификаторов истории замолчать огромную качественную разницу между отношением царского правительства к славянам, подчиненным Австро-Венгрии и Османской империи, и позицией Советского Союза в отношении самостоятельных социалистических славянских государств.

Упомянутая книга С. А. Никитина получила высокую оценку как в СССР, так и в зарубежных социалистических странах.

«Тот, кого интересуют такие проблемы, как славянское единство и славянская взаимность, освободительная роль России и различные ее интерпретации, расхождения между русскими славянофилами и славянофилами других стран, должны непременно обратиться к этой работе С. А. Никитина»¹, — пишет директор Института балканистики Болгарской Академии наук, доктор исторических наук Н. Тодоров. Книга о славянских комитетах в России отмечена и в научных кругах ФРГ и США.

После окончания Великой Отечественной войны, когда советское славяноведение начало быстро развиваться, С. А. Никитин стал одним из первых организаторов этой науки и активно участвовал в ее перестройке на основе марксистско-ленинской методологии. Он принадлежит к тому поколению советских ученых, на которых была возложена задача направлять в изменившихся условиях советское славяноведение по новому пути. Работая в Институте славяноведения со дня его основания (1947 г.), С. А. Никитин в течение почти четверти века (1947—1970 гг.) возглавлял в нем сектор истории зарубежных славянских народов периода феодализма и капитализма, где сосредоточивалась значительная часть ведущих советских славистов. В течение двух с половиной лет он исполнял обязанности заместителя директора Института. Обладая незаурядной эрудицией в самых разнообразных областях славяноведения, С. А. Никитин участвует во многих крупнейших трудах Института.

С равным мастерством, широтой и оригинальностью он исследовал, наряду с уже упомянутыми проблемами истории России и балканских народов в XIX в., и первобытнообщинный, и рабовладельческий строй на территории нынешних южнославянских государств, и раннее средневековье балканских славян, и период разложения феодальных и развития капиталистических отношений, а также национально-освободительное движение в конце XVIII и XIX в. Особенно значителен вклад советского ученого в разработку проблем болгарского Возрождения, начиная с первого проповедника идей Возрождения Паисия Хилендарского (конец XVIII в.) и кончая Апрельским восстанием 1876 г., сыгравшим значительную роль в борьбе болгар за освобождение от турецкого ига.

Широко известно участие С. А. Никитина (в качестве руководителя, автора ряда разделов и редактора) в коллективных обобщающих трудах Института славяноведения АН СССР: двухтомной «Истории Болгарии» (1954—1955 гг.), «Истории Чехословакии» (т. II, 1959 г.), «Истории Югославии» (т. I, 1963 г.) и многих других. Под его руководством в 1961—1967 гг. была осуществлена трехтомная публикация документов «Освобождение Болгарии от турецкого ига», выпущенная совместно с Болгарской

¹ N. Todorov. Le professeur S. A. Nikitin. «Etudes balkaniques». Sofia, 1971, N 1, p. 150—153.

Академией наук. В настоящее время он руководит подготовкой публикации по истории сербского восстания 1804—1813 гг. Над ней совместно работают советские и югославские историки. В течение ряда лет С. А. Никитин был ответственным редактором сборников «Славянский архив».

В 1970 г. вышла в свет книга С. А. Никитина «Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX века», положительно оцененная научной критикой². В ней собраны некоторые уже опубликованные и подготовленные заново исследования по указанной тематике. Среди других очерков этой книги обращает на себя внимание исследование об экономическом облике болгарского города в момент освобождения Болгарии от турецкого ига. В основу исследования положены впервые вводимые в научный оборот данные русской аграрной переписи в Болгарии в 1879 г., которая содержит весьма интересные сведения и о городском населении. В работе рассматриваются соотношение сельского хозяйства и промыслов в занятиях жителей, относительная численность и национальный состав населения, характер городского производства и др. Это дало автору возможность значительно расширить прежние представления о социально-экономической структуре болгарского города. В книге помещен ряд исследований по дипломатической истории 50—70-х годов XIX в., в которых охарактеризована основная линия внешней политики России в отношении южных славян и их освободительной борьбы.

«Двадцать лет русской политики на Балканском полуострове,— заключает С. А. Никитин,— политики поддержки национально-освободительных стремлений южнославянской буржуазии со стороны царской России, привели в конечном счете к несомненному успеху. Русская политика преследовала свои собственные цели. Цели дворянско-буржуазной Российской империи не были тождественны задачам южнославянского освободительного движения. Русская политика рассматривала славянские народы Балканского полуострова и их освободительную борьбу как союзную силу, могущую создать более благоприятную для русских интересов ситуацию... Это создавало почву для ответного тяготения к России со стороны южных славян». В «Очерках» показано, в силу какого исключительного сочетания обстоятельств балканская политика царской России в конце 50—70-х годов XIX в. соответствовала интересам южных славян — их «национальному освобождению, а с ним и уничтожению феодальных отношений». В «Очерках» помещена статья, являющаяся продолжением ранее опубликованных автором исследований по истории русско-балканских общественных связей.

Начиная с первых печатных работ, в творчестве С. А. Никити-

² См., например, рецензию В. Д. Конобеева и С. И. Сидельникова («Новая и новейшая история», 1971, № 2).

на большое место занимают исследования в области русской и южнославянской периодической печати. Среди советских историков-славистов он первым обратился к этим сюжетам, показав, что русская периодика представляет большой интерес для историка-слависта как в плане выяснения позиций различных общественно-политических течений в тогдашнем русоком обществе по славянскому вопросу, так и в плане ее связей с зарубежными славянами. Под таким углом зрения в работах С. А. Никитина³ основательно изучены основные русские повременные издания 50—70-х годов XIX в.: революционно-демократические, либеральные и славянофильские. Фундаментальные и во многом новаторские труды С. А. Никитина в этой области дали толчок дальнейшим успешным исследованиям историками-славистами данной темы. Результаты многочисленных исследований С. А. Никитина (а их насчитывается свыше 150) во многом способствовали развитию советского славяноведения и исторической науки в зарубежных славянских странах. Многие его научные работы переведены на иностранные языки, изданы в Болгарии, Чехословакии, Румынии.

С. А. Никитин постоянно занимался педагогической деятельностью, готовя кадры отечественных историков и историков-славистов. В 1935 г., будучи сотрудником Историко-археографического института АН СССР, он работал в группе по подготовке публикации материалов по истории Средней Азии. В составе бригады проф. А. В. Шестакова С. А. Никитин участвовал в написании учебника истории СССР для начальной школы, который в 1937 г. был удостоен правительственной премии.

С 1937 г. С. А. Никитин начал преподавать в высших учебных заведениях — первоначально в Историко-архивном институте, где вел занятия по истории СССР, читал курсы источниковедения и историографии истории СССР, затем (в порядке совместительства) в Московском институте истории, философии и литературы (МИФЛИ). Будучи воспитанником Московского университета, С. А. Никитин 20 лет отдал подготовке кадров высококвалифицированных историков в стенах исторического факультета МГУ. С 1941 г. он преподавал на кафедре истории СССР, а затем на кафедре истории южных и западных славян, принимая активное участие в становлении и расширении этой кафедры. После смерти академика В. И. Пичеты (1947 г.) С. А. Ники-

³ «Южнославянские связи в русской периодической печати 60-х годов XIX века». — «Уч. зап. Института славяноведения», т. VI. М., 1952, стр. 89—122; «Парижская Коммуна в оценке болгарской печати». «Парижская Коммуна 1871 г.», т. II. М., 1961, стр. 468—472; «Сербская политическая жизнь 60-х годов в русской периодической печати». — «Уједињена Омладина Српска. Зборник радова. Матица српска». Нови Сад, 1968, стр. 363—374; «Национальное движение на Балканах в 60-е годы XIX века в освещении современной русской периодической печати». — «Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX в.» и др.

тин в течение 14 лет возглавлял кафедру истории южных и западных славян. Он принимал непосредственное участие в создании общего курса истории зарубежных славян, курсов источниковедения и историографии, многочисленных спецкурсов и спецсеминаров. Его педагогическая работа в университете была связана с участием в подготовке вузовских учебников. Коллектив кафедры истории славян МГУ под руководством С. А. Никитина выпустил в 1957 г. первый марксистский учебник по истории южных и западных славян. Кроме того, С. А. Никитин участвовал в написании учебников, учебных пособий и хрестоматий по истории СССР, новой истории, истории средних веков. Им подготовлено много специалистов-славяноведов, в том числе свыше 20 кандидатов и докторов исторических наук, которые в настоящее время ведут исследовательскую и преподавательскую работу в Институте славяноведения и балканистики АН СССР, в МГУ и в других научных и высших учебных заведениях страны. Его учениками являются и историки из зарубежных социалистических стран (Болгарии, Румынии, Чехословакии), успешно работающие в области славяноведения и балканистики.

В связи с научно-исследовательской и научно-организационной работой С. А. Никитину приходилось неоднократно бывать за рубежом. Он много раз выезжал на международные конгрессы и встречи историков: в составе делегаций СССР участвовал в работе V Международного конгресса славистов в Софии, XII Международного конгресса исторических наук в Вене, коллоквиума Международной славянской комиссии в Париже и др. Его плодотворная научная деятельность получила широкое международное признание. На Венском конгрессе историков он был избран вице-президентом Славянской комиссии при Международном комитете исторических наук, а на Московском конгрессе историков в августе 1970 г. — президентом этой комиссии.

С. А. Никитин неоднократно выступал с докладами на внутренних и международных форумах историков по различным теоретическим вопросам славяноведения, о задачах советских славистов в изучении истории Болгарии и Югославии⁴.

С. А. Никитину принадлежит большая заслуга в объединении историков-славистов Советского Союза и налаживании их сотрудничества с учеными братских славянских стран. Он один из инициаторов и организаторов периодических всесоюзных межвузовских научных конференций историков-славистов, способствующих

⁴ С. А. Никитин. Общие черты и специфические особенности формирования славянских наций в XIX в. (преимущественно на южнославянском материале). «История, культура, фольклор и этнография славянских народов». VI Международный съезд славистов (Прага, август 1968 г.). М., 1968; *он же*. Задачи на съезских историче в исследоването на историята на България. «Исторически преглед», 1954, № 6; *он же*. Задачи советских историков в области изучения истории Югославии. «Славянский сборник», т. I. Воронеж, 1958.

развитию и координации славяноведческих исследований, улучшению учебно-методической работы и подготовке кадров славистов. С. А. Никитин входит также в состав Комиссии историков СССР и Болгарии, деятельно участвует в ее работе. За заслуги в укреплении советско-болгарского научного сотрудничества С. А. Никитин награжден болгарским орденом Кирилла и Мефодия I степени.

Нельзя не упомянуть и об активной общественной деятельности С. А. Никитина. Видный советский ученый, продолжатель дела таких выдающихся представителей советской исторической науки, как В. И. Пичета, Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров, З. Р. Неудлы, С. А. Никитин, так же как и они, никогда не замыкался в тесных рамках научного кабинета. Долгое время он участвовал в работе Славянского комитета СССР, в 1947—1957 гг. входил в состав редколлегии издававшегося этим комитетом журнала «Славяне», в 1950 г. избирался делегатом Славянского комитета на II Всесоюзную конференцию сторонников мира, был членом комиссии ученых по содействию Комитету борьбы за мир. В течение многих лет С. А. Никитин активно участвует в работе Общества советско-болгарской дружбы, являясь членом его Центрального правления.

Один из представителей старшего поколения советских историков-славистов, счастливо сочетающий глубокие знания отечественной истории со столь же глубокими знаниями истории зарубежных славян, С. А. Никитин, как педагог и ученый, служит примером для молодых специалистов, посвятивших себя изучению истории зарубежных славянских народов.

Академик В. М. Хвостов, действительный член Академии педагогических наук СССР А. Л. Нарочницкий, доктора исторических наук Л. Б. Валев, Ю. А. Писарев, кандидат исторических наук доцент В. Г. Карасев.

ИССЛЕДОВАНИЯ С. А. НИКИТИНА В ОБЛАСТИ РУССКО-СЛАВЯНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 50—70-х ГОДАХ XIX в.

В. И. Фрейдзон, И. В. Чуркина

Настоящая статья ставит перед собой задачу раскрыть главные направления исторических исследований С. А. Никитина, каковыми были: изучение внешней политики России на Балканах, деятельности славянских комитетов, русской и южнославянской периодической печати. Все эти три направления укладываются

в рамки одной широкой проблемы русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX в., которой и посвящена вышедшая в 1970 г. монография ученого¹.

Исследования С. А. Никитина раскрыли основное направление политики России на Балканах в 50—70-х годах XIX в. и эволюцию этой политики на отдельных этапах — в зависимости от сложной и быстро менявшейся ситуации. В этих исследованиях умело увязаны различные компоненты данной ситуации: перекрещивающиеся интересы и действия держав, внутривосточная обстановка в Сербии и Черногории, освободительное движение народов против османского господства. Методологию ученого характеризует всестороннее рассмотрение проблемы в ее развитии. Использование веских свидетельств политики царского правительства (например, докладов и отчетов министерства царю) позволило С. А. Никитину убедительно обосновать выдвинутые им тезисы.

Проблематику политики России в отношении южных славян можно разделить на несколько вопросов: русская политика периода Крымской войны, борьба за устранение последствий поражения — 1856—1870 гг. (внутренним рубежом здесь, как показал автор, являлся 1866 год), наконец, восточный кризис 70-х годов.

Как показал С. А. Никитин, на активности правительства Николая I накануне и во время Крымской войны сказалось намерение воспользоваться помощью населения Балканского полуострова и одновременно — неистребимый страх перед освободительным движением; поэтому, даже решившись на войну, правительство приняло кунтаторский, «нелепый» (по характеристике исследователя) стратегический и политический план Паскевича, основанный на ошибочной оценке позиции Австрии, Пруссии и даже Англии². Вооружение и привлечение к борьбе христианского населения рассматривалось в качестве самого «страшного» средства. «Николаевское правительство смотрело на балканские народы лишь как на средство осуществления своих военно-политических планов и не учитывало собственных интересов этих народов. Оно переоценивало слабость Турции и готовность славян в любой момент подняться по мановению руки «покровителя православия» на Востоке»³.

После Крымской войны в политике России произошли заметные перемены. Особенность положения России, как отмечает исследователь, определялась первостепенным значением внутривосточных задач и внешнеполитической изоляцией, объяснявшей-

¹ С. А. Никитин. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX в. М., 1970.

² Там же, стр. 116.

³ Там же, стр. 141.

ся «различием существенных интересов России и других стран»⁴. Два пункта, по свидетельству Горчакова, больше всего «задевали» правительство Александра II: «уступка части Бессарабии и ограничение наших морских сил на Черном море, т. е. ограничение абсолютных суверенных прав». Устранение этих последствий Парижского мира и выдвигалось в качестве ближайшей цели. Задача разрушения Османской империи в 60-х годах не ставилась ввиду полной неготовности России к крупному конфликту⁵.

В условиях, когда ни одна крупная держава не являлась надежным союзником, в среде русских дипломатов созрела мысль о важности прочих связей с национальными движениями на Балканах. Еще в конце 50-х годов посланник в Вене Будберг писал: «Наши отношения со славянскими народами, право же, важнее наших отношений с европейскими державами и стоят того, чтобы о них серьезно заботились»⁶.

С. А. Никитин показал, в чем коренилась возможность и необходимость для царского правительства сближения с сербскими национально-буржуазными кругами. Сербия, внешнеполитическое положение которой в 60-х годах XIX в. упрочилось, правительство России рассматривало в качестве центра южнославянского объединительного движения. Сходство интересов правящих кругов Сербии и России заключалось в том, что и первые и вторые — по разным причинам — были заинтересованы в создании крупного славянского государства на Балканах. По мнению исследователя, дипломатия Горчакова рассчитывала, что это государство, сложившееся «при эффективной русской поддержке» и, естественно, находящееся «в постоянном конфликте с Турцией», было бы заинтересовано и далее в контакте с Россией»⁷. Вместе с тем необходимость поддержки Сербии диктовалась не только усилением конкурирующего влияния западных держав на Балканах и изменением общей обстановки в Европе в результате войны 1866 г., но и подъемом национально-освободительного движения. Именно тогда Горчаков отмечал, что «политика успокоения», осуществлявшаяся Россией на Балканах раньше, становится невозможной: «всякое усилие остановить движение было бы бесполезно и мы были бы лишены симпатий восточных христиан»⁸. С. А. Никитин привел важнейший документ, содержащий практическую программу Горчакова — Александра II после 1866 г.: взять на себя «моральное руководство» движением, предупредить и ограничить общий конфликт; в случае его возникновения — добиваться согласия с правительствами держав в деле

⁴ Там же, стр. 147.

⁵ Там же, стр. 149, 170.

⁶ Там же, стр. 160.

⁷ Там же, стр. 163.

⁸ Там же, стр. 150.

умиротворения, но «помешать Европе подавить» национальное движение; укрепить связи с христианами, но «не допускать нашего втягивания в осложнения... и не подвергать себя опасности возродить против нас враждебные союзы...»⁹

Подробное рассмотрение указанных выше обстоятельств и общих принципов политики России автор предпослал характеристике русско-сербских отношений в годы организации балканского союза (1866—1868 гг.), тем самым разъяснив сущность и развитие этих отношений.

Столь же основательному изучению подверглась внешнеполитическая ситуация накануне и в годы восточного кризиса. Позиция России в это время обрисована С. А. Никитиным следующим образом: «Сдерживая от выступления Сербию, русское правительство... стремилось убедить Австро-Венгрию в необходимости реформ (в Турции.— *Авр.*), которые обеспечили бы восставшим провинциям автономию (по типу Румынии), близкую к независимости»¹⁰. Пока оставалась надежда на решение вопроса дипломатическим путем, Горчаков не хотел военного вмешательства. Когда же в начале 1876 г. стало ясно, что выступление Сербии и Черногории неизбежно, он добивается невмешательства Австро-Венгрии. Наконец, ввиду неудачи дипломатии, правящие круги России, стремившиеся сохранить традиционное влияние и престиж на Балканах, посчитали войну единственным выходом¹¹.

В 1876 г. все более явным стало стремление Австро-Венгрии захватить часть югославянских земель, позиция же Бисмарка свидетельствовала о том, что в назревавшем конфликте было необходимо заручиться австрийским нейтралитетом (иначе грозило столкновение с обоими союзниками). Отсюда — рейхштадтские переговоры и будапештская конвенция. Однако в 1878 г., «как и двадцать лет назад, Россия фактически осталась изолированной, хотя формально имела союзников»¹². В этих условиях стал возможен берлинский договор.

Каким образом политика полуфеодальной помещичьей монархии сыграла определенную прогрессивную роль? Для ответа на этот вопрос нужно было подвергнуть конкретному рассмотрению все аспекты русской политики на Балканах. В работах С. А. Никитина показано, в силу какого исключительного сочетания обстоятельств балканская политика царской России в конце 50-х — 70-х годах XIX в. способствовала интересам южных славян — их «национального освобождения, а с ним и уничтожения феодальных отношений»¹³.

⁹ С. А. Никитин. Указ. соч., стр. 151.

¹⁰ Там же, стр. 174.

¹¹ Там же, стр. 178.

¹² Там же, стр. 179.

¹³ Там же, стр. 180.

С. А. Никитин первым из советских исследователей обратился к изучению истории славянских комитетов в России, сыгравших известную роль в общественной жизни третьей четверти XIX в. Роль эта была очень сложной и противоречивой. Свою монографию о славянских комитетах¹⁵ С. А. Никитин обосновал на большом количестве ранее неизвестных материалов архивов, русской прессы, мемуаров и др. Вместе с тем он критически рассмотрел ряд опубликованных источников, на которых базировались некоторые заграничные издания, посвященные славянофильскому движению. В частности, ученый доказал, что изданный в 1877 г. в Константинополе сборник является фальшивкой, созданной по заданию турок фанариотами и польскими эмигрантами и имеющей целью оправдать жестокости турецких властей в Боснии и Герцеговине и в Болгарии, свалив всю вину за волнения в славянских провинциях Турции на «подрывную» деятельность славянских комитетов и русского правительства. Этим разоблачением был нанесен серьезный удар по фальсификаторам истории, утверждающим, что славянские комитеты являлись орудием русского правительства на Балканах и даже главными виновниками антитурецких выступлений славян.

Возникновение Славянского комитета в Москве в конце 1858 г. было делом не только русских славянофильских и панславистских кругов. Его основатели были побуждаемы к созданию организации помощи славянам определенными кругами болгарской буржуазии, ведшей в это время упорную борьбу за самостоятельность болгарской церкви против греческих фанариотов. Вместе с тем в создании комитета были заинтересованы и русские правительственные круги, которые после поражения в Крымской войне с помощью Славянского комитета думали укрепить русское влияние среди славянских народов Турецкой империи. Таким образом, «комитет возник в итоге совпадения интересов и стремлений болгарских буржуазных кругов, русского правительства и некоторой части русского общества». Поэтому его не следует рассматривать только как факт чисто русской истории¹⁶.

Характерно, что с самого начала в состав Славянского комитета входили не только славянофилы и панслависты погодинского толка, но и представители либеральной интеллигенции. Долгое время комитеты оставались чисто дворянской организацией, и только со времени славянского съезда в Москве в 1867 г. превратились в организацию дворянско-буржуазную, где ведущую роль все же продолжали играть дворяне.

¹⁵ С. А. Никитин. Славянские комитеты в России в 1858—1876 годах. М., 1960.

¹⁶ Там же, стр. 35.

Проф. Никитин показал, что славянские комитеты являлись по своим целям и деятельности преимущественно благотворительными организациями с небольшими финансовыми средствами. Они оказывали поддержку книгами и деньгами славянским школам, газетам, различным славянским просветительским организациям, православным церквям, отдельным национальным деятелям славянских народов, а также славянским студентам, часть которых училась на средства славянских комитетов в России, а часть получала их помощь, учась в австрийских высших учебных заведениях. Эта благотворительная деятельность славянофилов положительно оценивается С. А. Никитиным, так как «славянский комитет способствовал подготовке необходимых болгарам, черногорцам, боснякам, сербам¹⁷ деятелей в области культуры: учителей, художников, ученых и др.»¹⁸ При этом славянофильские идеи оказывали небольшое влияние на стипендиатов славянских комитетов, так как в их странах социальные и политические условия в корне отличались от русских.

С. А. Никитин указал, что сама благотворительность славянских комитетов «вносила определенную политическую окраску»¹⁹. Главной целью благотворительности было, с одной стороны, укрепление русского влияния в кругах славянских национальных деятелей, а с другой — попытка поддержать национально-освободительную борьбу славян против турецкого ига. Хотя эта попытка была результатом панславистских стремлений славянофилов, объективно она сыграла положительную роль. Примером поддержки политических славянских акций была помощь И. Аксакова и его единомышленников Белградскому комитету Матии Бана, имевшему целью поднять восстание в Боснии и Герцеговине и присоединить их к Сербии; миссия агента Московского славянского комитета Н. Н. Раевского в Бухарест, где он пытался побудить болгарскую эмиграцию организовать партизанскую борьбу в Болгарии; наконец — широкое движение в поддержку борющихся балканских славян, организованное славянскими комитетами в 1875—1876 гг.

1875—1876 годы явились кульминацией в деятельности славянских комитетов России. В это время им удалось объединить вокруг себя не только узкий круг панславистски и славянофильски настроенной дворянско-буржуазной интеллигенции, но и более широкие круги русской общественности. Движение помощи герцеговинским повстанцам, начавшееся в 1875 г., охватило крестьян и дворян, купцов и рабочих, казаков и интеллигенцию. События 1875—1876 гг. показали, что в России круг людей, симпатизирующих славянам, гораздо шире, чем состав славянских комитетов, от которых демократов отталкивала их реакционно-

¹⁷ К этому можно добавить — западноукраинцам, словакам, словенцам и др.

¹⁸ С. А. Никитин. Славянские комитеты в России, стр. 345.

¹⁹ Там же, стр. 343.

панславистская идеология. В 1876 г. наряду с пожертвованиями из России в Сербию для борьбы с турками отправилось значительное число добровольцев, которых, по мнению исследователя, насчитывалось более 5 тыс. человек. И хотя движение в помощь балканским славянам шло в согласии с планами царского правительства, сам его размах испугал официальных лиц, ибо симпатии к освободительному движению славян легко могли перейти в желание освобождения России от оков самодержавия.

С. А. Никитин высоко оценил добровольческое движение русских в помощь восставшим славянам, хотя в силу своей малочисленности русские добровольцы не могли оказать решающего воздействия на ход военных действий.

До монографии С. А. Никитина не было научных исследований, посвященных славянским съездам конца 60-х годов XIX в. Изучив проблематику съездов на новом материале, С. А. Никитин сделал вывод, что русские славянофильские круги на них преследовали определенную цель — подчинить национальное движение славянских народов своей идеологии. Они подняли вопрос о более тесном культурном общении славян, о принятии ими для этого единого литературного общеславянского языка (русского).

Однако вопрос о государственном единстве славян с Россией славянофилами не поднимался. Панславистские политические планы развивали русские националистические круги, группировавшиеся вокруг Погодина.

С. А. Никитин показал, что в среде тех, кого объединяют под названием панславистов, имелись значительные различия во взглядах на славянский вопрос. Указав, что панславистские планы славянофилов не нашли отклика среди славянских деятелей, борющихся за свои национальные интересы, С. А. Никитин пришел к выводу, что все же оба славянских съезда сыграли определенную положительную роль, усилив у славян интерес к русской культуре, а у русских — интерес и сочувствие к национально-освободительной борьбе славянских народов, на базе которого и смогло проявиться в 1875—1878 гг. движение в поддержку славянских народов.

* * *

В исторических исследованиях С. А. Никитина большое место занимает периодическая печать. Среди советских историков-славистов он одним из первых обратился к систематическому изучению русской и южнославянской периодики второй половины XIX в.

Интерес С. А. Никитина к русской периодической печати возник очень рано. Его первые работы были посвящены профессиональной печати в России²⁰. Позднее, в пору усиленных заня-

²⁰ С. А. Никитин. *Очерки по истории профессиональной печати в Рос-*

тый русско-южнославянскими связями и отношениями, этот интерес расширился и углубился.

Русская периодическая печать как исторический источник представляет большой интерес для историка-слависта не только в плане выяснения позиций различных общественно-политических течений и групп тогдашнего русского общества по славянскому вопросу, но и с точки зрения его связей с зарубежными славянами.

Все эти аспекты проблемы, применительно к южным славянам, нашли свое отражение в творчестве С. А. Никитина. В его работах обстоятельно обследованы основные русские повременные издания 50—70-х годов XIX в. всех направлений, дана их характеристика и оценка позиции каждого издания по славянскому вопросу.

В статье «Южнославянские связи русской периодической печати 60-х годов XIX в.» С. А. Никитин писал: «Русская периодическая печать первой половины XIX в. представляет мало интересного с точки зрения своих заграничных связей вообще, а балканских в особенности»²¹. Но положение коренным образом меняется во время Крымской войны, ускорившей оформление основных направлений русской общественной мысли. «Уже в это время,— констатирует С. А. Никитин,— легла резкая грань между идеологами экспансии — панславистами и славянофилами — и подлинными защитниками свободы и независимости славян — революционерами-демократами, возглавляемыми Н. Г. Чернышевским»²².

В статье подвергнуты обстоятельному анализу славянофильские издания начиная с «Русской беседы» (1856—1860) и кончая аксаковскими газетами «День» (1861—1864), «Москва» и «Москвич» (1867—1868).

Несомненной заслугой автора является освещение вопроса о создании славянского отдела в газете «День» и всестороннее изучение его содержания: «Газета Аксакова смотрела на дела Балканского полуострова глазами русских консулов и московских болгар, а осмысливала их в свете славянофильских идей. «День» навсегда остался русским органом, отражавшим славянские темы, не занял положения межславянского издания и не приобрел существенного значения и влияния в славянской журналистике»²³.

Большое внимание в статье уделено освещению славянского вопроса на страницах русских журналов и газет, не связанных

сия. Печать 1905 г. «Материалы по истории профессионального движения в России», сб. 2. Изд-во ВЦСПС, 1924, стр. 141—158; Очерк 2. Общественная печать в 1906 г. Там же, сб. 3. М., 1925, стр. 43—59.

²¹ «Ученые записки Института славяноведения», т. VI. М., 1952, стр. 89.

²² Там же, стр. 91.

²³ Там же, стр. 103.

со славянскими комитетами и славянофилами. Подробно изучена умеренно-либеральная газета А. А. Краевского «Голос». Автору удалось установить интересный и важный факт сотрудничества болгарского общественного деятеля и революционера Любена Каравелова в «Голосе» и «Русских ведомостях».

Материалы русской и южнославянской периодической печати широко и умело используются во многих исторических исследованиях С. А. Никитина. Принадлежащая его перу глава в двухтомнике «Парижская Коммуна 1871 года»²⁴ целиком построена на материалах болгарской периодической печати. Большой интерес представляет и его доклад на международной конференции 1967 г. (в г. Нови Сад), посвященной 100-летию со дня основания сербской Омладины — «Сербская политическая жизнь 60-х годов в русской периодической печати»²⁵.

В книге С. А. Никитина «Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей» две статьи целиком посвящены отражению национально-освободительного движения на Балканах в 60—70-е годы прошлого столетия в русской прессе.

В статье «Национальное движение на Балканах в 60-е годы XIX в. в освещении современной русской периодической печати»²⁶ предпринята успешная попытка воссоздать картину борьбы балканских народов за свою национальную свободу и независимость путем широкого использования русской периодической печати всех направлений и оттенков. Автор вводит в научный оборот огромный фактический материал, почерпнутый им из многочисленных русских повременных изданий того времени, по таким кардинальным вопросам, как церковное движение в Болгарии, славянофильское «Послание к сербам» и бомбардировка турками Белграда, восстание в Герцеговине и черногорско-турецкая война, восстание на Крите и восточный вопрос во всех его аспектах и проявлениях.

Автор показывает, как все эти проблемы обсуждались в русской периодической печати, почему славянский вопрос в России приобрел большую популярность, в какой мере и степени этому содействовал славянский съезд 1867 г. в Москве и др.²⁷

Весьма поучителен с точки зрения использования прессы второй очерк С. А. Никитина — «Балканские события в русской периодической печати кануна восточного кризиса»²⁸. Очерк на-

²⁴ См. «Парижская Коммуна 1871 года», т. II. М., 1961, глава сороковая: «Парижская Коммуна в оценке болгарской печати» (стр. 468—472).

²⁵ «Уједињена Омладина српска. Зборник радова. Матица Српска». Нови Сад, 1968, стр. 363—374.

²⁶ С. А. Никитин. Очерки по истории южных славян..., стр. 183—259.

²⁷ См. С. А. Никитин. Славянские комитеты в России в 1858—1876 гг. В этой монографии автором широко используется периодическая печать России и зарубежных славянских народов.

²⁸ С. А. Никитин. Очерки по истории южных славян, стр. 260—306.

глядно показывает, как много может дать печать различных направлений для освещения такой важнейшей исторической проблемы, какой являлся восточный кризис середины 70-х годов XIX в.

Своими работами по изучению русской и южнославянской периодической печати С. А. Никитин открыл новую страницу в истории советского славяноведения. Эта интересная, но еще слабо разработанная область славистических исследований благодаря фундаментальным и во многом новаторским трудам С. А. Никитина в настоящее время успешно разрабатывается советскими историками-славистами.

ОБ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ МЕТОДИКЕ

С. А. НИКИТИНА

(по материалам статьи «Паисий Хилендарский и современная ему южнославянская историография»)

С. П. Боброва

При изучении научной деятельности историка, особенно крупного ученого, проложившего новые пути в науке и накопившего большой опыт исследовательской работы, важным и интересным является вопрос об его исследовательской методике. Какими принципами он руководствовался при определении наиболее важных и второстепенных аспектов избранной темы, отборе фактического материала, выборе логической линии, приведшей к научному выводу?

В этом плане представляется интересным изучение методики научной работы проф. С. А. Никитина, прямо или косвенно оказавшего огромное влияние на становление среднего поколения советских славистов. Мы попытаемся поделиться своими впечатлениями от статьи С. А. Никитина «Паисий Хилендарский и современная ему южнославянская историография»¹.

Паисиевский вопрос (по терминологии автора) нельзя назвать малоизученным. Нет ни одного крупного болгарского историка или литературоведа, который не обратился бы к деятельности человека, стоящего у истоков болгарского Возрождения. Один только неполный перечень ученых, занимавшихся данной проблемой (Г. Раковский, М. Дрианов, Ив. Шипманов, Б. Пенев,

¹ С. А. Никитин. Паисий Хилендарский и современная ему южнославянская историография. «Славянское источниковедение». М., 1965.

В. Златарский, Ю. Трифонов, Д. Благоев, Г. Бакалов, Т. Павлов, Ж. Натан, Д. Косев, Хр. Христов и др.) свидетельствует, как широк в Болгарии интерес к Паисию, как много сил вложено в изучение его «Истории славяноболгарской».

Рассматривая национально-освободительное движение болгарского народа, советская историография также уделяла внимание труду Паисия. Анализ содержания «Истории» и идеологии Паисия, предпринятый в статье Н. С. Державина «Паисий Хилендарский»², получил высокую оценку болгарских историков³. Однако болгарская критика указала и на определенное преувеличение Н. С. Державиным степени развития болгарской буржуазии в XVIII в.⁴ Кроме того, его статья не ставила целью изучение деятельности Паисия в качестве зачинателя болгарской историографии нового времени. Этот пробел был восполнен исследованием А. Н. Робинсона «Историография славянского Возрождения и Паисий Хилендарский»⁵. Но, выявляя на примере «Истории славяноболгарской» общие черты, характерные для развития славянской историографии данного периода, А. Н. Робинсон не определил всех отличительных особенностей труда родоначальника болгарского Возрождения. В сводной работе ученых МГУ «Историография нового времени стран Европы и Америки»⁶ последний вопрос также не нашел полного разрешения.

Таким образом, появление статьи С. А. Никитина было вызвано потребностью советского славяноведения в более глубоком изучении болгарской историографии вообще, «Истории славяноболгарской» в частности.

С данной темой С. А. Никитин встречался не впервые. В принадлежащих его перу главах первого тома «Истории Болгарии» труд Паисия определялся как «публицистический трактат, опирающийся на исторические данные», а его появление рассматривалось как начало нового этапа национально-освободительной борьбы болгарского народа⁷. Сообщая краткие биографические данные о болгарском историке и выясняя идейное содержание его сочинения, автор приходит к выводу, что это было «первое заявление о себе и своих правах пробуждавшейся молодой болгарской буржуазии»⁸.

² Н. С. Державин. Сборник статей и исследований в области славянской филологии. М.—Л., 1941.

³ Д. Ангелов, Г. Тодоров. Н. С. Державин като историк на българския народ. «Исторически преглед», 1963, № 6, стр. 80—81.

⁴ Д. Косев. За идеологията на Паисий Хилендарски. «Паисий Хилендарски и неговата епоха». София, 1962, стр. 11.

⁵ А. Н. Робинсон. Историография славянского Возрождения и Паисий Хилендарский. «Вопросы лит.-ист. типологии». М., 1963.

⁶ «Историография нового времени стран Европы и Америки». М., 1967, стр. 584—585.

⁷ «История Болгарии». Под ред. П. Н. Третьякова, С. А. Никитина, Л. Б. Валева, т. I. М., 1954, стр. 242.

⁸ Там же, стр. 243.

В декабре 1962 г. С. А. Никитин выступил на юбилейной сессии БАН, посвященной 200-летию «Истории славяноболгарской», с докладом «Паисий Хилендарский и современная ему южнославянская историография»⁹, который и был положен в основу разбираемой статьи.

Прежде всего отметим некоторые структурные особенности статьи. Она сравнительно невелика по объему и лишена обширного историографического введения, один подстрочник которого мог бы составить ее значительную часть. С. А. Никитин ограничился обобщенной характеристикой состояния проблемы в целом: «Историки и литературоведы изучают скудные данные биографии Паисия, рассматривают сохранившиеся списки его «Истории», выясняя их происхождение, исследуют взгляды автора книги «История славяноболгарская», интересуются использованными им источниками, стремятся оценить и определить роль этого произведения в развитии болгарского Возрождения»¹⁰. За этими точными и емкими строками стоит и знание историографии вопроса, и мастерство ученого, одним предложением охватившего главные направления в научных изысканиях своих предшественников.

Из всех нерешенных и дискуссионных вопросов, которые автор статьи сознательно не перечисляет, ибо это могло бы увести внимание читателя в сторону, его интересует только один — о научном значении «Истории». С. А. Никитин почти не изменяет принятой им манере изложения и называет лишь некоторых исследователей, придерживающихся крайне противоположных точек зрения. Более важен для него общетеоретический вопрос: можно ли вообще с позиций современной исторической науки говорить о научном значении того или иного исторического сочинения, отделенного от нас несколькими веками. «Не является ли оценка труда Паисия как ненаучного оценкой модернизирующей, сделанной с позиций историка XIX—XX вв., а не с уровня науки XVIII в., и не является ли она антиисторичной, а потому ошибочной?» Сочинение историка далекой поры, утверждает С. А. Никитин, представляет интерес своим фактическим содержанием лишь в том случае, если автор располагал не дошедшими до нашего времени источниками¹¹. Во всех остальных случаях о ценности исторического сочинения каждого периода можно судить только исходя из уровня науки соответствующего времени¹². Это теоретическое положение, ставшее исходным для всей статьи, выходит далеко за рамки поставленной темы.

Нельзя сказать, что сравнительный метод не применялся до сих пор при изучении «Истории славяноболгарской». И буржуаз-

⁹ П. Коледаров. Двеста години от написването на «История славяноболгарска». «Исторически преглед», 1963, № 1, стр. 114.

¹⁰ С. А. Никитин. Указ. соч., стр. 3.

¹¹ Там же, стр. 3—4.

¹² Там же, стр. 4.

ные (Ив. Шишманов¹³), и марксистские (Э. Георгиев¹⁴) исследователи сопоставляли выводы Паисия и Руссо; большинство ученых в той или иной форме связывали имена Паисия и сербского историка Раича. Но подобные сопоставления зачастую носили эпизодический характер. С. А. Никитину присуща большая четкость и конкретность самой методики сравнения. При выяснении научного значения «Истории» автор считает неправомерным сопоставлять ее с историческими сочинениями, представлявшими значительно более развитую, чем в Болгарии, историографию. Он избирает для сравнения труды двух сербских современников Паисия — Г. Бранковича и Й. Раича.

Исторические взгляды этих ученых еще не подвергались специальному разбору в советской историографии, и любые параллели показались бы интересными и впечатляющими. Но исследователь, исключая чисто внешний эффект, ограничивает задачи своей статьи и останавливается лишь на трех вопросах: «отношение авторов к источникам, их критические приемы, понимание ими общих задач истории и историка»¹⁵.

Ученые давно обратили внимание на глубокое идейно-политическое содержание двух предисловий в труде Паисия: «Польза от истории» и «Предисловие ко хотящим читати». Они сопоставляли «Историю» и сочинение кардинала Цезаря Барония, русское предисловие к переводу которого послужило основой для паисиевского текста «Польза от истории»; выясняли характер заимствований и переделок, роль предисловий при определении философских и общественно-политических воззрений автора. Не имея надобности рассматривать эти вопросы, С. А. Никитин обращает внимание на сходство и различия в понимании задач истории у Паисия и Раича. Он приходит к выводу об общности взглядов сербского и болгарского историков, считавших, что история служит совершенствованию общества, и в то же время указывает, что Паисий более четко определяет «широкий государственный смысл исторических знаний, являющихся прежде всего наукой о хорошем управлении»¹⁶.

Каждый из трех историков — Бранкович, Паисий и Раич — стремится показать величие и значение своего народа и его правителей, но, как подчеркивает С. А. Никитин, их труды имеют и некоторые отличия. Обращение к прошлому у Бранковича предполагает борьбу за освобождение страны на феодальной основе; сочинение Раича характеризуются лояльностью к феодальной Габсбургской империи. Паисий же возлагает все надежды на болгарский народ, призывает его к активной деятельности. В силу

¹³ И. Шишманов. Паисий и Руссо. «Денница», год. I, кн. 7—8.

¹⁴ «Паисий Хиландарски и неговата епоха», стр. 281—282.

¹⁵ С. А. Никитин. Указ. соч., стр. 5—6.

¹⁶ Там же, стр. 8.

этого полностью убедительным является определение позиции Паисия как «национальной, демократической, прогрессивной»¹⁷.

Известная статья М. Дринова «Отец Паисий» положила начало выяснению источников, которые использовал в своем труде первый болгарский историк. Немало сделали в этой области и другие буржуазные ученые. Достижения марксистской историографии нашли отражение в юбилейном сборнике «Паисий Хилендарский и его эпоха», вышедшем в 1962 г. Поэтому С. А. Никитин лишь в общих чертах определяет круг источников болгарского историка. Для него более важно установить, что круг источников Паисия в силу особых причин был уже, чем у его сербского современника Раича. Но сознание недостаточной источниковедческой базы и постоянное стремление к ее расширению сближают всех трех историков.

Исследователи не раз обращали внимание на новое отношение Паисия к источникам — на попытку их сопоставления и критики. В этом отношении интересны выводы А. Н. Робинсона, отметившего стремление всех славянских историографов периода Возрождения к исторической достоверности. «Однако представление об объективности исторического факта не созрело и легко восполнялось подбором желательных «свидетельств» — версий, оставленных их предшественниками»¹⁸. Метод Паисия и его современников Робинсон определяет как компилятивно-иллюстративный¹⁹.

С. А. Никитин также отмечает, что манера работы болгарского и сербского историков одинакова: «Данные разных источников укладывались в единое повествование»²⁰. Более глубокое изучение их критических приемов позволяет выяснить, что Паисий и его современники прежде всего обращают внимание на место происхождения источников, национальность их авторов и справедливо подозревают иноземных историков в меньшей объективности. При этом Раич, лучше знакомый со специальной научной литературой, более всех осознает значение критики источников, хотя «характер и уровень критики у всех рассматриваемых авторов близок»²¹. В построении своего труда Раич также делает шаг вперед, отказавшись от традиционного летописно-библейского начала исторического повествования. Он более чем Паисий отходит от средневековых хронистов и в ходе дальнейшего изложения событий. Указав на эти преимущества труда Раича, С. А. Никитин в то же время выявляет такую особенность «Истории славяноболгарской», как «возрожденческий пафос, демократизм изложенных в ней воззрений», и делает вывод, что

¹⁷ С. А. Никитин. Указ. соч., стр. 10.

¹⁸ А. Н. Робинсон. Указ. соч., стр. 59.

¹⁹ Там же, стр. 63.

²⁰ С. А. Никитин. Указ. соч., стр. 11.

²¹ Там же, стр. 14.

произведение болгарского историка отличается «своей прогрессивностью от сочинений других современных южнославянских историков»²².

Теперь становится ясным, что выбор трех вопросов в исследовании С. А. Никитина не был случайным. Выяснение отношения историков к источникам и определение их критических приемов позволили установить, что нового они внесли или стремились внести в развитие науки. Постановка вопроса о задачах истории и историка дала возможность показать, насколько верно каждый из ученых понимал и отражал социальные задачи своего времени, что в свою очередь определяло степень общественного воздействия каждого труда на современников.

Таким образом, углубленное изучение именно этих вопросов позволило в конечном счете аргументированно ответить на основной вопрос статьи — о научной значимости «Истории славяно-болгарской». Труд Паисия был не менее научным, чем сочинения других южнославянских историков той поры. Сравнительный метод делает этот вывод автора еще более полным. Паисий идет впереди Бранковича и Раича там, где нужно политическое чутье, знание требований современности. Однако в решении вопросов, для которых необходимо было научное общение, широкое знакомство с достижениями историографии, он несколько отстает, хотя интуитивно избирает правильный путь.

Одновременно исследователь затронул вопрос о социальной сущности идеологии Паисия, который также являлся предметом оживленной дискуссии. Если Н. С. Державин полагал, что в лице Паисия на идеологическом фронте выступила «достаточно к тому времени окрепшая» национальная буржуазия²³, то В. Топенчаров считает его идеологом крестьян и ремесленников и расценивает позицию Паисия как антибуржуазную²⁴. Д. Косев рассматривает автора «Истории» в качестве выразителя «коренных интересов, стремлений, настроений крестьянства, ремесленников, торговцев и патристически настроенной части болгарской буржуазии»²⁵. В то же время Х. Христов видит в Паисии представителя мелких производителей города и деревни²⁶.

С. А. Никитин уже высказывался по этому вопросу в «Истории Болгарии», но в то время его определение, будучи в общем правильным, не учитывало всего разнообразия движущих сил болгарского национально-освободительного движения. В настоящей статье автор считает «Историю славяноболгарскую» революционирующим сознанием манифестом «выходивших на историческую сцену новых общественных сил, призванных разрушить

²² Там же, стр. 15.

²³ Н. С. Державин. Указ. соч., стр. 107.

²⁴ В. Топенчаров. Портретът на Паисий. София, 1959, стр. 49—57.

²⁵ Д. Косев. Указ. соч., стр. 30.

²⁶ Х. Христов. Паисий Хилендарски и българското Възраждане. «Паисий Хилендарски и неговата епоха», стр. 67.

феодалный турецкий режим и с ним национальное угнетение»²⁷. Эта, на первый взгляд, более общая формулировка точнее отражает сложный характер национально-освободительной борьбы и социальные основы идеологии Паисия.

Итак, мы проследили основную логическую линию статьи С. А. Никитина (составляющей только одно звено в серии его научных работ, посвященных болгарскому национально-освободительному движению) и тем не менее получили возможность установить некоторые методические приемы ученого.

1. Ведение исследования по схеме все большего уточнения задач и конкретизации темы: а) общая постановка проблемы; б) определение главного направления исследования — основного (дискуссионного) вопроса, на который автор предполагает дать ответ; в) выделение конкретных «рабочих» вопросов, углубленное рассмотрение которых позволяет дать аргументированный ответ на основной вопрос.

2. Отказ от общеизвестных повторов. Обобщенное изложение выводов предшественников при одновременной постановке теоретических вопросов, выходящих за пределы избранной темы.

3. Использование сравнительного метода. Конкретность и целенаправленность при его применении. Фактический материал, приведенный для сравнения, перестает быть только «фоном»; исследование взглядов Бранковича и Раича приобретает самостоятельное научное значение, при сохранении общей логики.

4. Косвенное участие в решении других спорных вопросов данной проблемы; уточнение собственных выводов, сделанных в предыдущих работах.

Применение тех или иных методических приемов диктуется прежде всего целью исследования, его особенностями, характером и количеством имеющихся источников, объемом работы. Но в достижении цели, в том, что статья при сравнительно небольшом объеме явилась ценным вкладом в советскую историографию и открыла новый аспект в изучении паисиевского вопроса, не последнюю роль сыграла сама методика научной работы автора.

²⁷ С. А. Никитин. Указ. соч., стр. 9.

АРМЯНСКИЙ АВТОР XI СТОЛЕТИЯ О БОЛГАРИИ И БОЛГАРАХ

Г. Г. Литаврин

Судьбы Болгарии и армянских княжеств, лежавших у противоположных границ византийского мира, оказались сходными в конце X — начале XI в.: болгарские земли целиком, а армянские в значительной их части подверглись экспансии империи и были включены в ее пределы.

Как ни далеко отстояли друг от друга эти две страны, они, однако, не были лишены взаимных контактов. Осуществлялись эти контакты в основном двумя путями: в Болгарии нередко несли в течение определенного времени имперскую службу армянские подданные Византии, как простые воины, так и полководцы и представители чиновной бюрократии, а в армянских областях — болгарские воины и сановники. Что касается знатных болгар и армян, то подобного рода политика византийского двора была вполне сознательной и преследовала определенные цели: удаление из родной этнической среды эвентуальных вождей освободительного движения и постепенную их деэтнизацию.

Существенно отличалась от этой формы болгаро-армянских контактов другая: как известно, византийские императоры практиковали переселение на постоянное жительство в славянские районы империи армян, а в армянские — болгар. Особенно часто эти случаи имели место в отношении знатных болгар и армян. Иногда, однако, такие меры распространялись и на значительные группы рядового населения, преимущественно армянского, водворяемого в балканских фемах империи.

Так, еще в VIII в. с целью укрепления военных рубежей Византии на границу с Болгарией, в район Филиппополя, была переселена многотысячная армянская колония, мужское взрослое население которой было обязано нести военную службу в качестве акритов — пограничных воинов. Эта колония была значительно пополнена в X в. — в царствование Иоанна I Цимисхия. Сохраняла она свое значение и в последующее время.

Однако нельзя безоговорочно утверждать, что имперская политика в данном случае увенчалась полным успехом. Длительные постоянные контакты армянских колонистов с окружающим славянским населением, осуществляясь стихийно и на самом демо-

кратическом уровне, повлекли за собой последствия, существенные для истории Балкан X—XIII вв. Северофракийские армяне не раз оказывались участниками серьезных антиправительственных движений в этом районе, именно они сыграли основную роль в распространении среди славян павликианских воззрений, оказавших огромное влияние на оформление богомилства.

Вопросы болгаро-армянских отношений в пределах Византийской империи уже находили неоднократное освещение в историографии¹. Учитывая это, мы поставим в данной заметке проблему несколько иначе: возможно ли составить некоторое представление об отношении армян, живших на территории своей малоазийской родины, к болгарам — жителям бывшего Болгарского государства, а балканских славян — к жителям далекой Армении. К сожалению, ответ на вторую часть вопроса едва ли возможен: в сохранившихся славяно-болгарских памятниках не содержится каких-либо данных на этот счет. Но зато некоторые сведения о болгарях заключены в «Повествовании» армянского духовного деятеля (вардапета) XI в. Аристакаса Ластивертци².

Свой труд Аристакас писал, по заключению К. Н. Юзбашяна, опубликовавшего новое, критическое издание «Повествования» и его комментированный перевод на русский язык, в период между 1072 и 1087 г.³ В своем сочинении Аристакас подчеркивает, что события 1022 г. он описывает как очевидец⁴. Следовательно, едва ли мы допустим грубую ошибку, если предположим, что и в 1018 г., когда Болгария была полностью завоевана Византией, армянский автор находился в сознательном возрасте.

Болгарию и болгар Ластивертци упоминает до семи раз. Большинство этих известий представляет несомненный интерес, хотя и относится к отдельным историческим персонажам. Однако для нас особенно важен тот пассаж «Повествования», в котором автор говорит о Болгарии и болгарях в целом.

¹ См., например: P. Charants. The Armenians in the Byzantine Empire. BS, 22, 1961, p. 196—240; рец. на указ. работу: R. Janin. REB, 22, 1964, p. 301—302; P. S. Nasturel. «Revue des études sud-est européennes», 5, 1967, p. 381; S. Der Nersessian. Armenia in the Tenth and Eleventh Centuries. «Thirteenth International Congress of the Byzantine Studies». Oxford, 1966; H. K. Ter-Sahakean. Die armenische Kaiser von Byzanz, Bd. II, s. a. et s. l.; Iv. Dujčev. Aux origines des courants dualist à Byzance et chez les slaves méridionaux. «Revue des études sud-est européennes», VII, N, 1, 1968, p. 56—57, 60—62.

² «Повествование вардапета Аристакаса Ластивертци». Перевод с древнеармянского, вступ. статья, комм. и приложения К. Н. Юзбашяна. М., 1968.

³ Там же, стр. 14. Впрочем, рассказав об избиении турками в 1057 г. жителей армянского города Екелеац, Аристакас пишет: «Сколь велики наши бедствия! Уже 13 лет роду христианскому приходится выносить страшные мучения...». Не написаны ли отдельные части «Повествования» ранее 1072 г.? (См. об этом нашу рец.: «Народы Азии и Африки», 1972, № 1).

⁴ Там же, стр. 64.

Приведем этот отрывок полностью. Совершив победоносный поход в армяно-грузинские земли в 1000—1001 гг., Василий II Болгаробойца по возвращении в Константинополь «отдался богатом о западной стороне. Он овладел страной болгар, их областями и городами — с начала своего царствования в течение долгих лет он вел непрерывные войны, но не мог покорить болгар, ныне же обстоятельства ему благоприятствовали. Правитель страны, выходявший победителем в войнах, умер своей смертью, сыновья же его, не желая подчиняться друг другу, сдались на милость императора, поскольку, «если царство разделится само в себе, не может устоять царство то»⁵. Таким путем была захвачена Болгария. Сыновей болгарского правителя вместе со всеми представителями их рода император лишил прав наследства и места [для пребывания] пожаловал им в ромейской стране. Болгарские же войска он обманным путем собрал в одном месте, словно желая одарить их, а затем приказал переписать всех и отправить на восток путями, по которым не будет возврата. Они прибыли туда и вконец разорили всю ту сторону. О, каким бедствием был их приход на восток, сколь несчастны места, где они проходили! Что за злобный и безжалостный народ, жестокосердый и склонный к насилию!»⁶.

В данном известии нас интересуют главным образом два момента. Во-первых, мнение армянского современника о причинах подчинения Болгарии Византией и, во-вторых, его известие о переводе болгарского войска в восточные фемы империи.

Разумеется, сжатый рассказ Аристакеса содержит неточности: Самуил отнюдь не всегда выходил победителем в войнах с могущественной империей (Аристакес прав лишь в том, что Василию II при жизни Самуила не удалось подчинить всю Болгарию), раздоры в Болгарии после смерти Самуила возникли не между его сыновьями, а между его наследниками и потомками брата Самуила Аарона; преемники Самуила отнюдь не сразу сдались, а продолжали борьбу еще в течение четырех лет и т. п.

Главное, однако, не в этом. Насколько нам известно, ни один византийский источник не указывает на внутренние усобицы в Болгарии как на одну из существенных причин поражения Болгарии в длительных войнах с Византией. Такой вывод на основе данных тех же хроник был сделан лишь в новейшее время⁷. Но этот вывод, оказывается, был сделан еще в XI в. армянским современником событий, жившим недалеко от Эрзерума^{7а}.

⁵ Марк, 3, 24.

⁶ «Повествование...», стр. 57.

⁷ См., например: В. Н. Златарски. История на Българската държава през средните векове, т. 1, ч. 2. София, 1927, стр. 773—774.

^{7а} Это отметили также: Д. Ангелов, В. Гюзелев. Известия в арменски извори за средновековна история на България. «Исторически преглед», 1966, № 1, стр. 123—124.

Аристоклас писал свое «Повествование» в период, когда его родина, как и другие малоазийские фемы Византии, в которую она входила, подверглась опустошительному нашествию турок-сельджуков. Аристоклас был очевидцем всех этих трагических событий. Наблюдая нарастающие успехи жестокого врага, армянский автор с гневом и болью неоднократно пишет о раздорах среди армянских и грузинских князей и о дворцовых смутах в Византии. К. Н. Юзбашян убедительно показал, что «Повествование» — не только историческая хроника, но и жанр наидательной литературы⁸. Так, приведенный выше пассаж о завоевании Болгарии служит примером гибели государства, в чем повинны в первую очередь раздоры между его правителями. Вкрапленная повествователем цитата из евангелия призвана оттенить эту же мысль. Но аналогия, проведенная Аристокласом, этим не ограничивается.

Из приведенного пассажа и следующего за ним рассказа о подчинении Византией армяно-грузинской области Тайк⁹ следует, во-первых, что сходство положения дел на востоке империи и в соседствующих здесь с нею княжествах с ситуацией в Болгарии в 1014—1018 гг. имело место не только в 50—70-х годах XI в., но и в первые два десятилетия этого века; во-вторых, причиной подчинения империей и Болгарии, и Тайка были не только раздоры среди правящей верхушки, но и ее добровольный отказ от борьбы и переход на сторону императора.

При этом, если при изложении обстоятельств подчинения Тайка Аристоклас рассказывает о военных действиях Византии, то, говоря о Болгарии после смерти Самуила, у него нет даже намека на какие-либо вооруженные столкновения византийцев с болгарами. Едва ли причина этого в неосведомленности автора: он делает это сознательно, стремясь передать свою мысль предельно выразительно: несогласие среди правителей может стать причиной гибели государства даже без военных усилий со стороны врага.

Остановимся кратко на втором моменте в свидетельстве Аристокласа. Мы уже говорили, что византийские императоры практиковали переселение в Армению не только представителей болгарской знати, но и рядовых болгар. Однако это утверждение было преждевременным: нам не известно ни одного прямого свидетельства об этом. Но мы склонны расценить вторую часть приведенного нами отрывка как известие, дающее некоторые основания для такого утверждения.

Факт созыва войска завоеванной страны (или части войска) в одном месте «обманным путем», якобы для раздачи наград, не представляется слишком невероятным. Точно так поступил, например, спустя 64 года Алексей I Комнин с оппозиционно

⁸ «Повествование...», стр. 42.

⁹ Там же, стр. 58—66.

настроенными воинами из армянских колонистов Фракии¹⁰. Перепись болгарских воинов означала, несомненно, занесение их в список либо военных пограничных поселенцев (акритов), либо в профессиональное постоянное войско (тагмы). Однако замечание Аристакаса, что болгарские воины прибыли на восток путями, «по которым не будет возврата», позволяет думать, что они были поселены на воинских участках на положении акритов, так как тагмные войска часто в зависимости от нужд государства перебрасывались в любые его концы и редко задерживались на долгое время в одном месте.

Большая часть границ империи на востоке в это время проходила как раз в пределах грузино-армянских земель: фемы Халдия, Феодосиуполь, Иверия, Васпуракан, Тарон, Месопотамия. О границах одной из этих фем — и именно армянской фемы — и идет, по нашему мнению, речь в известии Аристакаса, так как он вкладывает слишком много страсти в оценку тех последствий, которые были вызваны появлением новых военных поселенцев.

Возможно, что, лишённые родины, а может быть и семей, практически подвергшиеся ссылке, обозленные болгарские воины на пути к местам своего нового поселения не особенно церемонились с жителями тех районов, через которые шли. Что же касается замечания Аристакаса, что болгарские воины, прибыв на место, «вконец разорили всю ту сторону» и «бедствием был их приход на восток», то нельзя ли понимать эти слова в том смысле, что наделение болгар-акритов земельными участками осуществлялось в значительной степени за счет местного населения и тяжело отразилось на его материальном положении. Нам представляется такое толкование данного места вполне вероятным.

Итак, из «Повествования» Аристакаса, по-видимому, явствует, что в далекой Армении, подвергшейся византийской экспансии одновременно с Болгарией, достаточно внимательно следили за ходом событий в этой стране и долго помнили об ее участии. Объективно Болгария и армянские княжества оказались в этот период союзниками. Однако вряд ли это обстоятельство было осознано современниками. Для образованных армян XI в. судьба Болгарского государства служила лишь примером для назидания в эпоху победоносного наступления турок-сельджуков.

¹⁰ *Анна Комнина*. Алексиада. Вступ. статья, перевод, комм. Я. Н. Любарского. М., 1965, стр. 178.

СЛАВЯНЕ В СОСТАВЕ ГОСПОДСТВУЮЩЕГО КЛАССА ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XI—XII вв.

А. П. Каждан

Хорошо известно, что славянский этнический элемент занимал важное место в составе населения Византии. Его роль особенно возросла после покорения Болгарии Василием II. В частности, особые болгарские контингенты действовали в византийской армии по крайней мере до царствования Алексея I¹. Сведений о болгарских отрядах при Иоанне II и Мануиле I нет², но в конце XII в. они появляются снова. В 1185 г. в обороне Солуни от норманнов участвовала болгарская пехота³, и историки третьего крестового похода упоминают болгар в составе византийской армии⁴.

Разумеется, основная масса славянского населения Византийской империи входила в состав эксплуатируемого крестьянства. Подчеркивая это обстоятельство, не следует забывать и того, что некоторая часть славян вошла в господствующий класс и активно участвовала в политической деятельности константинопольских верхов. Не претендуя на всестороннее освещение этой проблемы, я хотел бы тем не менее привлечь к ней внимание.

Среди славянской знати в Византийской империи были выходцы из славянских государств, переселившиеся в Византию и получавшие здесь обычно земли и титулы. Были среди них и русские. По печати XI—XII вв. известен Иоанн Русский, носивший титул протовеста⁵. При Мануиле Василько и Мстислав Юрьевичи, изгнанные Андреем Боголюбским, получили в Византии: Василько — четыре города, а Мстислав — «волость Отскалана»⁶. Позднее владения Василька были переданы одному из «тавроскифских династов» Владиславу, переселившемуся в Византию с семьей и дружиной⁷. При Мануиле же Иван Ростиславич Берладник, искавший спасения от Ярослава Осмомысла, поселился в Солуни, где он был, по-видимому, отравлен в 1162 г.⁸ Известна надпись, сделанная на анколпии (скорее всего в XII в.), владелец кото-

¹ П. Тивчев. За участието на българи във византийската войска през периода на византийското иго. «Исторически преглед», 1963, № 1, стр. 86—89.

² П. Тивчев (указ. соч., стр. 90) полагает, что болгарские области и при Мануиле поставляли воинов в византийскую армию, но приводимые им данные свидетельствуют лишь о стратегической роли болгарских городов.

³ *Eustazio di Tessalonica. La espugnazione di Tessalonica. Palermo, 1961, p. 120. 7—8.*

⁴ *A. Chroust. Quellen zur Geschichte des Kreuzzuges Friedrichs I. Berlin, 1928, S. 28; H. E. Meyer. Das Itinerarium peregrinorum. Stuttgart, 1962, s. 291.*

⁵ *V. Laurent. La collection C. Orghidan. Paris, 1952, N 69.*

⁶ ПСРЛ II, стлб. 521. Ср. ПСРЛ XXV, стр. 72.

⁷ *I. Cinnamus. Epitome rerum. Bonnae, 1836, p. 236, 19—23.*

⁸ ПСРЛ II, стлб. 519.

рого называл себя Феодором, русским, из царского рода⁹. Возможно, что к числу этих княжеских эмигрантов нужно отнести и княгиню Ксению Брачиславну, похороненную в церкви Даниила Столпника в Македонии¹⁰.

В конце 80-х годов в Константинополь прибыл Георгий, сын Андрея Боголюбского, муж грузинской царицы Тамары, которая, разведясь, изгнала его из Грузии. Он провел некоторое время в византийской столице, а затем попытался вернуть себе престол — сперва при поддержке византийцев, затем атабека Азербайджана¹¹.

Поселялись в Византии также сербские и западнославянские феодалы. В начале XII в. в Трапезунде жил, считаясь одним из знатных горожан, племянник Вакхина¹², по-видимому, выходец из Сербии; позднее Вакхином Никита Хоният именовал «архикупана» сербов¹³. Моравский аристократ Богута, обедневший родственник моравского герцога Конрада, также переселился в Византию, по словам Винцентия Пражского, Мануил считал его среди первых лиц государства и пожаловал ему богатейший замок¹⁴.

Другой разряд славянской знати составляли выходцы из балканских областей, подчиненных Византией. Таков патрикий Богдан, ослепленный по приказу Константина VIII, по мнению В. Златарского, болгарский боярин¹⁵. Христофор, протоспафарий и катепан Лонгивардии в 1028—1029 гг., носил, согласно «Сицилийско-арабской хронике», прозвище Болгарин¹⁶; его владения лежали скорее всего в районе Солуни, здесь во всяком случае, основал он церковь богородицы Кузнецов¹⁷.

В экспедиции Романа III против Алеппо в 1030 г. важную роль играли два славянских магната (к сожалению, не поименованных Абу-л-Фараджем), которые со своим отрядом шли в авангарде войск¹⁸. Возможно, славянином был Мануил Ивач, один из приближенных Михаила IV, ведавший царской палаткой и

⁹ *S. Lampros*. No Markianos kodix 524. «Neos Hellenomnemon», 8, 1911, p. 153 bis, N 254.

¹⁰ *Антоний*. Книга Паломник. «Православный палестинский сборник», XVII, 3, 1889, стр. 36.

¹¹ См. о нем: *С. Т. Еремян*. Юрий Боголюбский в армянских и грузинских источниках. «Научные труды Ереванского ун-та», 23, 1946, стр. 403—419.

¹² *Anna Comnène*. Alexiade, t. 3. Paris, 1945, p. 75, 21—23.

¹³ *Nicetas Choniates*. Historia. Bonnae, 1835, p. 122. 3—4.

¹⁴ «*Vincentii Pragensis Annales*». MGH SS XVII, p. 681.

¹⁵ *Georgius Cedrenus*. Bonnae, 1838, p. 483. 14. См.: *В. Н. Златарски*.

История на Българската държава, т. II. София, 1934, стр. 34.

¹⁶ *V. von Falkenhause*n. Untersuchungen über die byzantinische Herrschaft in Süditalien vom 9. bis ins 11. Jahrhundert. Wiesbaden, 1967, S. 87 f., 100, 184.

¹⁷ *K. Papadopoulos*. Die Wandmalereien des XI. Jahrhunderts in der Kirche Panagia ton Chalkeon in Thessaloniki. Graz, Köln, 1966, S. 12, A. 3.

¹⁸ *Bar Hebraeus*. Chronicon Syriacum, vol. 2. Lipsiae, 1789, p. 230.

казной императора. Во время восстания [О]деляна он перешел к болгарам, но затем попал в плен к византийцам. По В. Златарскому, он — сын болгарского воеводы Ивача, упорно сопротивлявшегося Василию II¹⁹.

Нестор, современник Михаила VII, — катепан Дристры или дука Придунавья. Аталлиат называет его иллирийцем. По мнению В. Златарского, Нестор — болгарин из юго-западных земель, согласно Г. Г. Литаврину — «скорее всего славянин»²⁰. Борис-Давид (судя по имени, болгарин) был в 1072 г. византийским полководцем²¹.

Значительно большую роль играли фавориты Никифора III Борил и Герман, которые были, по всей видимости, славянами²². Борил носил титул протопроэдра и занимал пост этнарха — командира ивояемных наемников. Сохранились печати Борила, где он назван проэдром и примикирием иноземцев²³.

Славянское имя Пиригорд имел дука Диррахия в начале царствования Иоанна II²⁴. Исследователи идентифицируют его с Пиррогеоргием, примикирием двора при Мануиле²⁵. Но отождествление, построенное только на отдаленном сходстве имен, рискованно, особенно если учитывать различие должностей. Впрочем, мы не можем быть уверенными, что имя Пиригорд дошло до нас не искаженным.

Источники XII в. почти ничего не сообщают о византийской знати славяно-болгарского происхождения. Иногда считают, что упомянутый Хониатом Иоанн «с Тираса», поставленный при Андронике I судьей, принадлежал к болгарам или влахам²⁶, однако вместо «с Тираса» следует читать патроним Апотир²⁷, и таким образом исчезают основания для гипотезы о его болгаро-влашском происхождении.

¹⁹ *Cedrenus*, II, p. 529. 6—8, 533. 16. См.: В. Н. Златарски. История..., т. II, стр. 55.

²⁰ *Michael Attalioles. Historia*. Bonnae, 1853, p. 205.8. Ср.: *Ioannes Skylitzes Continuatus*. Thessalonike, 1968, p. 166, 16—17. См.: В. Н. Златарски. История..., II, стр. 156; Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960, стр. 412. См. также: *E. Stanescu. La crise du Bas-Empire byzantin au cours de la seconde moitié du XIe siècle*. ЗРВИ, 9, 1966, p. 57—59.

²¹ *Ioannes Skylitzes Continuatus*, p. 164, 14—15. См.: В. Н. Златарски. История..., II, стр. 144.

²² В. Крекић. О називу «скити» за балканске словене код Ане Комnene. «Годишњак филос. фак. у Новом Саду», 8, 1964—1965, стр. 1—3.

²³ В. Шандровска. Печать с именем Борила. «Сообщения Гос. Эрмитажа», XXXI, 1970, стр. 46—48.

²⁴ «Ljetopis popa Dukljanina». Zagreb, 1950, str. 102 sl.

²⁵ См.: *F. Chalandon. Les Comnène*, t. II. Paris, 1912, p. 73.

²⁶ Г. Г. Литаврин. Налоговая политика Византии в Болгарии в 1018—1185 гг. ВВ, X, 1956, стр. 94.

²⁷ См.: *Ph. Koukules. Byzantinon tinon epitheton semasia kai orthographia. «Epeteteris Hetaireias Byzantinon Spudon»*, 5, 1928, p. 3 sq. Иоанн Апотир (тот или другой?) был судьей в 1196 г. См.: *P. Lemerle. Notes sur l'administration byzantine à la veille de la IVe croisade*. REB, 19, 1961, p. 262.

Вскоре после смерти Андроника I болгары Петр и Асень явились ко двору Исаака II и просили о том, чтобы их зачислили в ромейское войско и пожаловали им «малодоходное село» на Геме. Хотя просьба братьев была отвергнута, сам факт такого обращения свидетельствует, что военная служба болгарской знати, получавшей земельные пожалования, была обычным явлением²⁸.

Наконец, часть славянской знати ассимилировалась, волилась в ряды византийской аристократии и не воспринималась как иноземная, что, кстати сказать, затрудняет ее вычленение.

Болгарское происхождение потомков Ивана-Владислава, последнего болгарского царя, несомненно. Его старший сын Пресиан, или Персиан, — магистр и стратиг фемы Вукелариев. За участие в заговоре против Романа III сослан²⁹. Второй брат, Алусиан, получил земли в Харсианской феме и должность стратега Феодосиополя. Сыграл предательскую роль во время восстания 1040 г. и был награжден титулом магистра³⁰. Дочь Алусиана вышла за Романа Диогена, их сын Константин был женат на Феодоре, сестре Алексея I. Сын Алусиана Василий служил при Романе IV наместником Эдессы³¹. В. Златарский отождествил его с магистром Василием Подунайским, названным в помете от 1059 г., но это отождествление спорно³². Самуил Алусиан командовал войсками в Армении; на печати он назван проэдром и дукой³³. Следы некоторых потомков Алусиана, по всей видимости воинов, сохранились в сигиллографических памятниках³⁴.

Третий из сыновей Ивана-Владислава, Аарон, командовал войсками на востоке империи, носил титулы патрикия, веста, магистра, проэдра и был последовательно дукой Васпуракана, Ме-

²⁸ См.: Г. Г. Литаерин. Болгария и Византия..., стр. 441 и сл.

²⁹ И. Дуйчев. Пресиан — Персиан. «Езиковедско-этнографски изследвания в памет на С. Романски». София, 1960, стр. 479—482.

³⁰ См.: В. Златарски. Моливдовулът на Алусиана. «Изв. на истор. дружество», 10, 1930 (1931), стр. 52—63; Г. Г. Литаерин. Болгария и Византия в XI—XII вв., стр. 388. Об имени см.: И. Дуйчев. Върху някои български имена и думи. «Езиковедски изследвания в чест на С. Младенов». София, 1957, стр. 159 и сл., а также: S. Gičev. Essay on Interpreting the Name Allussian. «Etudes balkaniques», 6, 1967, p. 167, 173.

³¹ *Matthieu d'Edesse. Chronique. Paris, 1858, p. 164.*

³² В. Златарски. Една датирана приписка на гръцки от средата на XI век. BS, 1, 1929, стр. 30. Ср.: Р. М. Бартикан. Относится ли прозвище Paradunabis к магистру Василию в памятной записке монаха Феодула. «Изв. АН Арм. ССР», обществ. науки, 1959, № 8, стр. 80—86; N. Bănescu. A propos de Basile Arosapes, duc de Paradunavis (= Paristrion). «Revue des études sud-est européennes», 1, 1963, p. 155—158.

³³ В. Златарски. Моливдовул на Самуила Алусиан. «Изв. на Бълг. археол. ин-т», 1, 1922—1923, стр. 86—99.

³⁴ V. Laurent. Bulgarie et princes bulgares dans la sigillographie byzantine. «Echos d'Orient», 37, 1934, N 176, p. 420—422.

сопотамии и Эдессы³⁵. Остается неясным, можно ли отождествлять его с одноименным наместником Ани в 1055/56 г.³⁶ Феодор, сын Аарона, был наместником в Тароне³⁷. Еще в 1112 г. некто Аарон был наместником Месопотамии³⁸. Братья Ааронии были замешаны в заговоре против Алексея I³⁹. В это же время Феофилакт Болгарский посвятил две эпиграммы какому-то Аарону⁴⁰.

Траян, четвертый сын болгарского царя, был женат на аристократке, приходившейся родственницей Кондостефанам, Фокам и Аваландам⁴¹. Их дочь Мария вышла за Андроника Дуку, дочь Андроника и Марии Ирина — за Алексея I, а ее сестра Анна — за Георгия Палеолога.

Михаил Деволский, помимо Алусиана, Аарона, Пресиана и Траяна, называет еще одного брата — Радомира⁴². Сохранились печати Радомира Аарона, на одной из которых он назван магистром, вестархом и стратигом⁴³, а на другой — проэдром и дукой⁴⁴. Кроме того, Анна Комнин упоминает болгарина Радомира, полководца Алексея I и родственника его жены⁴⁵. Идентификация этих Радомиров затруднительна: М. Ласкарис отождествлял Радомира Аарона печатей с Радомиром Анны Комнин⁴⁶. В Златарский разделял их и видел в первом сыне Аарона, а во втором — сына Ивана-Владислава⁴⁷. Однако не слишком ли стар был бы сын Ивана-Владислава, чтобы служить военачальником на рубеже XI и XII вв.?

В. Златарский предполагает, что у болгарского царя был еще

³⁵ V. Laurent. La prosopographie de l'Empire byzantin. «Echos d'Orient», 37, 1934, N 176, p. 392 sq.

³⁶ В. Бенешевич. Три анийские надписи. Пг., 1921, стр. 2 и сл. См.: Р. М. Бартикян. «Энциклон» в Византии и столице армянских Багратидов Ани в эпоху византийского владычества. «Историко-филол. журнал», 1968, № 2, стр. 120 и сл.

³⁷ «Повествование вардапета Аристархаса Ластивертци». М., 1968, стр. 105 и сл.

³⁸ V. Laurent. La prosopographie..., p. 393.

³⁹ B. Leib. Complots à Byzance contre Alexis I Comnène. BS, 23, 1962, p. 271 sq.

⁴⁰ S. G. Mercati. Poesie di Teofilatto di Bulgaria. «Studi bizantini», 1, 1924, p. 192, N 11—12.

⁴¹ Nicephorus Bryennius. Commentarii. Bonnae, 1836, p. 106, 11—14.

⁴² B. Prokić. Die Zusätze in der Handschrift das Johannes Skylitzes. München, 1906, S. 47, N 49. См.: J. Ferluga. John Skylitzes and Michael of Devol. ЗРВИ, 10, 1967, p. 169.

⁴³ V. Laurent. Les sceaux buzantins du Médaillier Vatican. Vaticano, 1962, N 148.

⁴⁴ M. Lascaris. Sceau de Radomir Aaron. BS, 3, 1931, p. 404 sq.

⁴⁵ Anne Comnène, t. 2, p. 138. 13—15.

⁴⁶ M. Lascaris. Sceau..., p. 411 sq. В. Лоран первоначально разделял двух Радомиров и склонялся к тому, что владелец печати — дук Ани Аарон (V. Laurent. Bulgarie et les princes bulgares, p. 426), позднее отождествил их (V. Laurent. Médaillier Vatican, p. 153).

⁴⁷ В. Златарски. История..., II, стр. 133—136.

один сын, о котором мы ничего не знаем⁴⁸. Одна из дочерей Ивана-Владислава вышла за Романа Куркуаса, другая, Екатерина, — за Исаака Комнина, будущего императора.

Прямо назван болгаринем Николай Хрисилий, патрикий при Романе III, который командовал войсками на востоке; В. Златарский считает его сыном диррахийского протевонта Иоанна Хрисилия⁴⁹. На рубеже XI и XII вв. жил Феодор Хрисилий, которого современники считали знатоком арифметики, астрономии и геометрии и который, по-видимому, служил податным сборщиком на Вардаре⁵⁰.

Судя по имени, славянской была семья Веривоев, или Воривоев. В 1027 г. Воривой занимал пост стратига Хиоса⁵¹. То же имя носил один из вождей фессалийского восстания 1066 г., возможно, славянизированный влах⁵². По печати XII в. известен Феодор Веривой, носивший титул протопродра⁵³. Мануил и Никифор Веривой были корреспондентами Михаила Хониата, а их родственница вышла за племянника афинского митрополита⁵⁴.

По всей вероятности, славянами были и Воиоанны. По мнению М. Матвея, это имя восходит к славянскому Боян⁵⁵. Протоспафарий Василий Воиоанн служил катепаном Италии в 1017—1028 гг., а его родственник или сын (преном не известен) — дукой Италии в 1041 г.⁵⁶ Затем в конце XII в. известен Константин Воиоанн⁵⁷, который принадлежал, по всей видимости, к северобалканской провинциальной знати.

Главы были, видимо, тоже родом славянского происхождения: еще в XIV в. Мануил Фил отчетливо сознавал славянскую этимологию этого имени⁵⁸. Впервые Главы упоминаются в конце X в.: они принадлежали в ту пору к адрианопольским «идиостриям» и командирам, подобно Василию Главе, заподозренному в

⁴⁸ Там же, стр. 136.

⁴⁹ *Cedrenus*, II, p. 502. 19—20. См.: В. Златарски. История..., III, стр. 124, бел. 4. Возможно, что протевонту Хрисилию тождествен упомянутый попом Дуклянином топарх Диррахия Курсилий. (*J. Ферлува*. Драч и Драчка област пред крај и почетком XI века. ЗРВИ, 8(2), 1964, стр. 123—130). О Николае Хрисилии см.: Р. Баргукян. К вопросу о политической ориентации Григория Магистра. «Страницы истории и филологии армянского народа». Ереван, 1974, стр. 68—72.

⁵⁰ *J. P. Migne*. *Patrologia graeca*, t. 126, col. 493 B.

⁵¹ *Cedrenus*, II, p. 484, 12—13.

⁵² См. о нем: Г. Г. Лугавин. Восстание болгар и влахов в Фессалии в 1066 г. ВВ, XI, 1956, стр. 127.

⁵³ *V. Laurent*. *Médaillier Vatican*, N 63.

⁵⁴ *G. Stadtmüller*. *Michael Choniates, Metropolit von Athen*. Roma, 1934. S. 140 (262) f.

⁵⁵ *M. Mathieu*. *Noms grecs déformés ou méconnus*. «Nouvelle Clio», 4, 1952, p. 299—301.

⁵⁶ *V. von Falkenhause*n. *Untersuchungen...*, S. 86—90.

⁵⁷ *V. Grumel*. *Les registes des actes du patriarcat de Constantinople*, f. 3, 1947, N 1192.

⁵⁸ *E. Miller*. *Manuelis Philae carmina*, vol. II. Paris, 1857, p. 107, N 57, 74—76.

сочувствии болгарам⁵⁹. В XI в. Главы участвуют в мятежах и заговорах знати: при Константине VIII один из них был ослеплен вместе с Романом Куркуасом и другими вельможами⁶⁰. В 1047 г. люди из рода Глав поддерживали Льва Торника⁶¹. Немвогим позднее протоспафарий Никита Глава занимал пост топотирита схол и действовал против печенегов в районе Адрианополя⁶². Может быть, он стал в дальнейшем патрикнем и стратигом⁶³. Главы были земельными собственниками: рубежом XI и XII вв. датируется печать Марии Главены, монахини и харистикарии, возможно, основательницы монастыря св. Стефана⁶⁴. На протяжении XII в. Главы, по-видимому, не играли серьезной роли — источники их не упоминают. Только к концу XII в. относится печать севаста Георгия Главы⁶⁵.

Трудно сказать, происходили ли Гудели⁶⁶ также из болгар. Гуделя, ослепленного вместе с Главой в царствование Константина VIII, В. Златарский считает болгарским болярином⁶⁷. Другой Гудель в 1078 г. был среди «первенствующих на востоке» — сторонников Никифора Вотаниата⁶⁸. К XI в. относятся печати магистра и стратига Христофора Гуделя⁶⁹ и, видимо, магистра Льва Гуделя⁷⁰, к XI—XII вв. — моливдовул новелисима Иоанна Гуделя⁷¹.

Сохранилась эпитафия севасту Гуделю Цикандилу, внучатому племяннику Никифора III. Он был женат на Евдокии, внучке Алексея I, и при Мануиле сражался против турок⁷². Он несомненно принадлежал к знатному роду Цикандилов, но его связь с Гуделями неясна. Это имя может быть употреблено как пре-

⁵⁹ *Cedrenus*, II, p. 451. 23—452. 3. См.: В. Н. Златарски. История..., I, 2, стр. 714.

⁶⁰ *Cedrenus*, II, p. 483. 14.

⁶¹ Там же, стр. 565. 23.

⁶² Там же, стр. 602, 2—3.

⁶³ G. Schlumberger. La Sigillographie de l'Empire byzantin. Paris, 1884, p. 667.

⁶⁴ V. Laurent. Le corpus des sceaux de l'Empire byzantin. V, 2. Paris, 1965, N 1336.

⁶⁵ V. Laurent. Médailler Vatican, N 67. Ср. еще: A. Szemioth, T. Wasilewski. Sceaux byzantins du Musée National de Varsovie I. «Studia Zródłoznawcze. Commentationes», 11, 1966, N 35.

⁶⁶ См. о них: S. Lampros. Ho byzantinos oikos Gudele. «Neos Hellenomnemon», 13, 1916, p. 210—219.

⁶⁷ *Cedrenus*, II, p. 483. 15. См.: В. Златарски. История..., II, стр. 34.

⁶⁸ *Ioannes Skylitzes Continuatus*, p. 172.2

⁶⁹ V. Laurent. La collection C. Orghidan, N 336.

⁷⁰ V. Laurent. Les bulles métriques dans la sigillographie byzantine. Athènes, 1932, N 688.

⁷¹ G. Schlumberger. Sigillographie..., p. 549.

⁷² S. Lampros. Ho Markianos kodix..., p. 124, N 103. См.: С. Шестаков. Заметки к стихотворениям codicis Marciani 524. ВВ, XXIV, 1923/6, стр. 53; L. Stiernon. Notes de titulature et de prosopographie byzantines. Sébaste et Gambros. REB, 23, 1965, p. 242.

ном или как второй патроним. Во второй половине XII в. Лев Гудель был корреспондентом Евстафия Солунского ⁷³.

Вопрос о происхождении Радинов сложен. Псевдо-Симеон прямо возводит эту фамилию к топониму Рада — местности на востоке империи ⁷⁴, а вместе с тем славянская этимология имени отчетливо воспринималась византийцами (см. ниже). Иоанн Радин командовал флотом при Романе I ⁷⁵. В X и XI вв. Радины состояли в родстве со знатнейшими фамилиями, в том числе с Мономахами и Аргирами. XI в. датируется печать магистра и симпона Радина, где он назван «сосудом радости» — с явным намеком на славянское значение патронима ⁷⁶. В 1081 г. другой (или тот же?) Радин был константинопольским епархом ⁷⁷. В 1088 г. Иоанн Радин находился на посту начальника сакеллы ⁷⁸.

Продром упоминает Георгия из «славного рода» Радинов, который был полководцем ⁷⁹, но мы не встречаем представителей этой семьи на высоких постах вплоть до конца столетия, когда севаст Константин Радин был парафаласитом ⁸⁰. Какого-то Радина константинопольцы выдвигали в 1204 г. претендентом на престол, но он не пожелал этого ⁸¹.

Славянским по происхождению был, по-видимому, и род Вранов ⁸². Правда, Ф. Кукулес придерживался иной точки зрения: по его мнению, фамилия происходила от латинского *brandeum* и означала «торговец коврами» ⁸³. Объяснение это искусственно, тогда как в Сербии имя Вран засвидетельствовано уже в X в. Около 1080 г. жил жупан Вран ⁸⁴. Имя Вранов отразилось и в северобалканской топонимике ⁸⁵.

В Византии Враны дали ряд полководцев. В 1047 г. Мариан Вран — ближайший сподвижник Льва Торника ⁸⁶. Николай Вран

⁷³ *Eustathius Thessalonicensis. Opuscula. Francof. a. M., 1832, p. 341.*

⁷⁴ *Theophanes Continuatus. Bonnae, 1838, p. 707, 9—10.*

⁷⁵ *A. A. Васильев. Византия и арабы [ч. 2]. СПб., 1902, стр. 208, 219.*

⁷⁶ *V. Laurent. Les bulles métriques... N 736.*

⁷⁷ *Anne Comnène. Alexiade, t. 1, p. 103.5.*

⁷⁸ *F. Miklosich, J. Müller. Acta et diplomata graeca, vol. 6. Vindobonae, 1890, p. 51. 11.*

⁷⁹ *E. Miller. Poésies inédites de Théodore Prodrome. «Annuaire de l'Association pour l'encouragement des études grecques en France», 17, 1883, p. 55. 14—16, 29.*

⁸⁰ *F. Miklosich, J. Müller. Указ. соч., т. 6, p. 124.25; Nicetas Choniates, p. 672, 21—22; Ср. также: V. Laurent. La collection C. Orghidan, N 121—122.*

⁸¹ «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов». М.—Л., 1950, стр. 47, 242.

⁸² *И. Дуйчев. Въстанието в 1185 г. и неговата хронология. ИИБИ, 6, 1956, стр. 348, бел. 3.*

⁸³ *Ph. Kukulcs. Byzantinon tinon epitheton..., p. 6 sq.*

⁸⁴ «Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae», vol. I. Zagreb, 1967, N 136, p. 177.

⁸⁵ *И. Дуйчев. Проучвания върху българското средновековие. София, 1945, стр. 163, бел. 1.*

⁸⁶ *Cedrenus, II, p. 565.22. См. также печать: G. Schlumberger. Sigillographie..., p. 626.*

командовал войсками при Алексее I⁸⁷. В. Лоран идентифицировал с ним протоновелисима Николая Врана, известного по мольдовулу⁸⁸. Напротив, Ф. Дэльгер относил протоновелисима ко второй половине XII в.⁸⁹, а Я. Н. Любарский считал внуком полководца-омонима⁹⁰.

При Мануиле братья Димитрий и Георгий Враны командовали войсками⁹¹. Михаил Вран последовательно занимал ряд военно-административных постов в середине XII в.: был наместником Ниша, командовал войсками на Кипре, был стратигом Киликии, воевал против венгров⁹². Современником Андроника I был Иоанн Вран, дука Диррахия, попавший в плен к норманнам. Остается проблематичной возможность отождествить с ним севаста Иоанна Врана, которого мы знаем только по печати⁹³.

Алексей Вран командовал войсками, разгромившими норманнов в 1185 г. После этого он поднял мятеж против Исаака II, подавленный с большим трудом⁹⁴. Дочь Алексея была замужем за близким родственником Исаака II и Алексея III. Ее брат Феодор командовал отрядом аланов. Никита Хониат называет его среди лиц, осуществивших в 1195 г. низложение Исаака⁹⁵. После четвертого крестового похода Феодор Вран, женатый на Агнесе, вдове Алексея II и сестре французского короля, стал вассалом Латинской империи и сеньором Дидимотики и Андрианополя⁹⁶.

Таким образом, мы можем констатировать прежде всего, что славяне занимали существенное место в составе господствующего класса Византийской империи XI—XII вв. При этом можно заметить, что их роль была особенно велика на протяжении XI в., тогда как после Алексея I они, по всем признакам, вытесняются из византийской элиты, хотя и сохраняются на положении провинциальной аристократии. В правление Иоанна II и Мануила I славянский этнический элемент в византийской знати был незначительным, если не говорить о славянах-иноземцах, иммигрировавших в империю. Напротив, при Андронике I и Ангелах можно как будто бы отметить своего рода возвращение славянства в ряды господствующего класса.

В дальнейшем предстоит выяснить, является ли это обстоятельство исторической случайностью или оно связано со всем характером политической жизни Византии этих столетий.

⁸⁷ *A. Hohlweg. Beiträge zur Verwaltungsgeschichte des Oströmischen Reiches unter den Komnenen. München, 1965, S. 121.*

⁸⁸ *V. Laurent. Les bulles métriques..., N 739.*

⁸⁹ *F. Dölger. Byzantinische Diplomatie. Ettal, 1956, S. 31.*

⁹⁰ *Анна Комнина. Алексиада. М., 1965, стр. 494.*

⁹¹ *Cinnamus, p. 271.11—12.*

⁹² См. индекс в кн.: *F. Chalandon. Les Comnène, vol. II, p. 671.*

⁹³ *Nicetas Choniates, p. 411.14—15; V. Laurent. Les bulles métriques..., N 593.*

⁹⁴ *М. Я. Сюзюмов. Внутренняя политика Андроника Комнина и разгром пригородов Константинополя в 1187 г. ВВ, XII, 1957, стр. 69—72.*

⁹⁵ *Nicetas Choniates, p. 535.4—6, 593.16—19.*

⁹⁶ *J. Longnon. L'Empire latin de Constantinople. Paris, 1949, p. 134.*

О ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕНТЕ В ЗАДАРСКОМ ДИСТРИКТЕ XIII—XIV вв.

В. В. Захаров

В марксистское понимание феодальных производственных отношений включаются не только специфические отношения собственности, но и «экономическая реализация земельной собственности»¹ — феодальная рента как основная форма эксплуатации крестьян. Развитие феодального общества приводило к смене различных форм земельной ренты. В свою очередь, как показал К. Маркс, эволюция феодальной земельной ренты оказывала обратное влияние на дальнейшее развитие общества². Поэтому проблема эволюции феодальной земельной ренты — одна из важнейших в средневековом исследовании.

К сожалению, указанная проблема применительно к Далматинской Хорватии XIII—XIV вв. почти не изучена. В трудах советских и югославских исследователей находятся лишь общие замечания о формах ренты этого региона. Ниже мы попытаемся проследить эволюцию земельной ренты в XIII—XIV вв. в основном земледельческом районе Далматинской Хорватии — Задарском дистрикте, объяснить причины этой эволюции и выявить ее воздействие на аграрный строй задарской деревни.

Развитие товарного производства в Задарском дистрикте в XIII—XIV вв., как и во многих районах Западной Европы, привело к кризису барщинной системы хозяйства, сокращению или ликвидации домена, превращению феодалов в получателей земельной ренты. В задарских источниках XII—XIV вв. даже при описании вотчинных хозяйств нет данных о делении земли на господскую и крестьянскую. В 1194 г. монастырь св. Кршевана приобрел «предию» в с. Каменяне, состоявший «из обработанной и необработанной земли» (очевидно, предназначенной под пашню), пастбищ, виноградников, лугов и лесов³. В одном из актов XIV в. говорится о «вилле» в с. Берда, принадлежавшей светскому лицу. Она включала дом землевладельца, очевидно с хозяйственными постройками, землю, возделанную под зерновые культуры и виноградники, пастбища, леса и другие угодья⁴. И в первом, и во втором случаях не упомянуто о делении земли на домениальную и крестьянскую. Все это дает убедительное объяснение тому, почему в задарских документах XII—XIV вв. нет данных о работе крестьян на барщине.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 184.

² Там же, стр. 358, 361.

³ «Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae». Zagrabiae, 1904—1934 (далее — CD), vol. II, p. 252.

⁴ Там же, т. X, стр. 382.

Как свидетельствуют источники XIII в., продуктовая земельная рента в Задарском дистрикте, вероятно, являлась единственной при всех видах земельных держаний вплоть до второй трети XIII в. Натурой выплачивались и штрафы за нарушение условий держаний. Примечательно, что это было характерно даже для аренды, получившей широкое распространение в пригородной зоне Задара под влиянием роста городского товарно-денежного хозяйства. Например, в 1205 г. монастырь св. Кузмы и Демьяна сдал в аренду виноградник в с. Мукла Бона на условии уплаты трети урожая. В 1224 г. арендовалась земля монастыря св. Кршевана в с. Церодол для посадки на ней виноградных лоз за плату в восьмую часть урожая. В 1231 г. монастырь св. Кршевана сдал в аренду необработанную землю в с. Петрчане для возделывания и посадки на ней виноградных лоз. Арендаторы ежегодно уплачивали седьмую часть всех плодов. В случае обмана землевладельца арендаторы наказывались потерей оставшейся им доли урожая⁵.

С дальнейшим развитием товарно-денежных отношений во второй трети XIII в. «чистая» продуктовая рента начинает заменяться продуктово-денежной. В договорах об аренде — эмфитевзисе появляется добавление: если эмфитевт продает часть полученного им урожая, то установленную плату с этой части плодов он вносит деньгами⁶. Денежную форму приобретают и штрафы, бывшие ранее натуральными⁷. Однако при других видах держаний земельная рента почти на протяжении всего XIII в. продолжает выплачиваться продуктами, хотя штрафы за нарушение договоров и здесь приобретают денежную форму. В 1266 г. монастырь св. Кршевана сдавал свой виноградник в аренду *ad laborandum* за третью часть урожая. При обмане арендатор уплачивал штраф в 6 перперов⁸. В 1297 г. кметы монастыря св. Марии за держание земли в Обровце ежегодно уплачивали монастырю 11 модиев муки с каждого надела и подносили «дары» (*ensenia*) — свиней, баранов, коров или быков, кур⁹). Денежная плата при аренде земли *ad afflictum* появляется в источниках лишь в конце XIII в.¹⁰ Но и в XIV в. продуктовая рента в Задарском округе преобладает. Приблизительно со второй трети XIV в. происходит даже «натурализация» платы при аренде-эмфитевзисе. Мы уже не встречаем в договорах об эмфитевзисе указания о том, что при продаже плодов арендатор обязан уплачивать установленную долю в деньгах. Зато появляются до-

⁵ CD, т. III, № 45, 212, 297.

⁶ См., например: там же, т. III, № 312: *et si de aliquo fructu ex ipsa habito recenti vel sicco vendideris, septimum denarium nobis paccabis.*

⁷ См.: CD, vol. IV, № 5—7, 16 и др.

⁸ Там же, т. V, № 857.

⁹ Там же, т. VII, № 237.

¹⁰ «Spisi zadarskih bilježnika Henrika i Creste Tarallo (1279—1308)». Zadar, 1959: Tarallo, N 95, 108; Henrik A, N 121.

полнительные натуральные поборы — некоторые из арендаторов при уборке урожая обязывались преподнести землевладельцу кур и пироги¹¹, а при продаже насаждений многие эмфитевты должны были дарить землевладельцу барана¹².

Почему же в Задарском дистрикте XIII—XIV вв. в период расцвета товарно-денежных отношений преобладает натуральная, а не денежная земельная рента? Почему ростки денежной ренты при аренде-эмфитевзисе, возникшие в первой половине XIII в., не получили развития и со второй трети XIV в. были вытеснены «чистой» натуральной рентой? Не означало ли это застоя в развитии задарского общества?¹³

Нам думается, что господство ренты продуктами объяснялось не застоем в социальных отношениях Задарского дистрикта, а возросшим спросом на сельскохозяйственную продукцию в Задаре, которая шла на удовлетворение нужд горожан, а также на вывоз. Подавляющее большинство крупных землевладельцев Задарского дистрикта находились в Задаре и были непосредственно связаны с городским рынком и морской торговлей (многие патриции, другие богатые горожане, монастыри св. Кршевана, св. Марии, св. Николая и др.). Им принадлежали в городе лавки, склады, суда, через коммунальное управление они контролировали городскую и морскую торговлю. Феодалные земельные собственники имели возможность выгодно реализовать сельскохозяйственную продукцию, получаемую ими в виде продуктовой земельной ренты. Как свидетельствуют источники, продуктовая земельная рента в XIII—XIV вв. доставлялась держателями земли в основном в город, а сами продукты, входившие в состав ренты, иногда определялись как *mercalis*¹⁴, что, очевидно, указывало на их товарное назначение.

То, что часть продуктовой земельной ренты, получаемой землевладельцами, шла в продажу, сказывалось на развитии хозяйства крестьян-держателей. Ведущая роль в их хозяйствах принадлежала культурам, выгодным в товарном отношении. Это сковывало инициативу крестьян, мешало им возделывать иные культуры, кроме подлежащих уплате. Продуктовая форма ренты в значительной степени отгораживала крестьян от рынка, связь с которым осуществлялась в основном через господское хозяйство. Таковы отрицательные последствия преобладания натуральной ренты в Задарском дистрикте XIII—XIV вв. Однако преобладание продуктовой земельной ренты не означало, что крестьяне

¹¹ CD, v. X, № 1, 26, 244.

¹² Там же, № 141, 229, 244; т. XI, № 7, и др.

¹³ Продуктовая рента рассматривается в марксистской науке как наиболее пригодная для того, «чтобы служить базисом застойных общественных отношений» (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 359—360*). Ср.: *Е. А. Косминский. Исследования по аграрной истории Англии XIII в. М.—Л., 1947, стр. 440—441.*

¹⁴ См., например: CD, v. VII, N 237.

вовсе не были связаны с рынком. Доставляя в город чинш, крестьяне могли продавать на городском рынке часть оставшегося им урожая. При этом в лучшем положении оказывались зажиточные крестьяне, имевшие возможность больше продать, а также обладавшие средствами доставки урожая в город. Для бедных же крестьян извозная повинность была довольно обременительной.

Таким образом, товарное производство и при господстве продуктовой ренты углубляло имущественную дифференциацию крестьян Задарского дистрикта, обогащало их верхушку и ухудшало положение обедневших крестьян. Аналогичные явления, связанные с преобладанием натуральной ренты, наблюдались в Сезерной и Средней Италии XII—XIV вв.¹⁵

ТОРГОВЫЕ ОБЩЕСТВА В ДУБРОВНИКЕ В XIII—XIV вв.

Н. П. Мананчикова

В обширной задаче изучения средневековой средиземноморской торговли вопрос о торговых обществах занимает особое место: объединения купцов, строившиеся на различных принципах, в целом соответствовали сугубо практическим целям товарообмена и были не только удобной формой капиталовложения в торговлю, но и формой вовлечения различных слоев населения в сферу торговой деятельности. Этим, по-видимому, объясняется пристальное внимание зарубежных, особенно итальянских, ученых к исследованию комменды — наиболее распространенного вида купеческого общества в итальянских городах XIII—XIV вв. для ведения морской торговли¹.

К сожалению, до настоящего времени остаются недостаточно изученными виды торговых обществ, получивших широкое распространение в указанный период в далматинских городах, в частности в крупнейшем из них — Дубровнике².

¹⁵ См.: *Л. А. Котельникова*. Итальянское крестьянство и город в XI—XIV вв. М., 1967, стр. 114—115 и др.

¹ См., например: *A. Arcangeli*. La commenda a Venezia specialmente nel secolo XIV. «Rivista Italiana per le Scienze Giuridiche», XXXIII. Torino, 1902 или *G. Astuti*. Origini e svolgimento storico della commenda fino al secolo XIII. Torino, 1933.

² Специально этому вопросу посвящена лишь статья: *G. Čremošnik*. Naša trgovačka društva u srednjem veku. «Glasnik Zemaljskog muzeja», XXXVI. Sarajevo, 1924. Некоторые торговые общества рассматриваются

Целью нашего сообщения является небольшой анализ конкретного торгового общества — коллеганции (*collegantia*) и ее разновидностей, по данным дубровницкого Статута 1272 г. и нотариальных актов Дубровника 1278—1282 гг.³ Нами использованы также свидетельства источников XIV в., приведенных в известном исследовании И. Манкен о дубровницком патрициате⁴.

В отличие от других часто встречающихся в дубровницких документах XIII — XIV вв. торговых обществ (*entega, societates*) коллеганция больше всего напоминала по принципам объединения своих членов итальянскую коммунду. Некоторые ученые склонны рассматривать коллеганцию в целом как один из видов этого известного в Средиземноморье торгового сообщества⁵.

Так же как и коммунда, дубровницкая коллеганция в XIII в. состояла главным образом из двух членов: лица, вкладывавшего капитал в торговые операции, или инвеститора, и купца, который непосредственно вел дела и участвовал в торговых экспедициях, или трактатора.

В 50-й главе седьмой (морской) книги Статута 1272 г. содержатся краткие сведения об отношениях контрагентов в коллеганции. В статуте предусматривалось, что купец-дубровчанин, получивший в коллеганцию деньги или товары от другого дубровчанина для торговли в удаленных областях, расположенных за пределами Адриатического моря, обязан вести дела в интересах владельца денег или товаров и что прибыль от их реализации должна делиться в отношении 1 : 2⁶. По-видимому, здесь имелся в виду случай, когда купец, ведущий дело, сам не вкладывал никаких денег в коллеганцию и свою долю прибыли получал лишь как вознаграждение за труд по ведению торговых операций. Из кратких указаний статута о разделе прибыли в коллеганции можно заключить, что она давала возможность инвеститору выгодно помещать свой капитал и получать с этого капитала определенный доход.

В нотариальных актах 1278—1282 гг. содержатся 11 документов, где упоминается или подробно фиксируется соглашение об организации коллеганции⁷. Эти документы дают возможность более подробно познакомиться с коллеганцией. Текст одного из соглашений приводим полностью:

также в работе: *A. Marinović. Pomorsko-pravni propisi sredovječnog dubrovačkog statuta. «Pomorski zbornik», knj. 1. Zadar, 1963.*

³ «*Liber statutorum civitatis Ragusii compositus anno 1272*». Ed. V. Bogišić et C. Jireček. Zagrabiae, 1904 (далее — LSR); «*Spisi Dubrovačke kancelarije, knj. 1. Zapisi notara Tomazina de Saveri 1278—1282*». Prepisao i uredio G. Čremošnik. Zagreb, 1951 (далее — MHR, I).

⁴ *И. Манкен. Дубровачки патрицијат у XIV в.* Београд, 1960. Здесь помещены многие акты и отрывки из актов XIV в. (далее — Манкен. Патрицијат).

⁵ *A. Marinović. Указ. соч., стр. 446.*

⁶ LSR, VIII, cap. 50.

⁷ MHR, I, N 223, 785, 794, 828, 832, 849, 915, 971, 974, 978, 1078.

«Я, некий Радоан Кроич, заявляю, что получил от Петра Бенешича в коллеганцию по обычаю Рагузы 100 перперов для ведения на указанные деньги по своему выбору или морской, или сухопутной торговли (*ad negotiandum*). От прибыли, которую пошлет бог на вложенные деньги, я могу взять половину, а названному Петру я должен дать другую половину. Деньги вкладываются [в торговую операцию] на риск их владельца, т. е. Петра, но при условии, что в случае убытка мной, Радоаном Кроичем, должно быть доказано, что этот убыток произошел по божьей воле.

Все деньги с половиной прибыли я обязан отдать Петру через год. Если Петр потребует вернуть деньги раньше срока, я отдам ему эти деньги. Но если же я задержу деньги дольше назначенного срока, то на указанный долг будут насчитываться пени из расчета 20% в год»⁸.

Как видим, в отличие от итальянской комменды, которая являлась договором о помещении капитала в морскую торговлю чаще всего на срок одного плавания, дубровницкая коллеганция была шире по своему назначению: она могла быть создана для ведения как морской, так и сухопутной торговли на определенный по времени срок — например, на один год, в течение которого, по-видимому, совершалась не одна торговая операция.

Приведенный договор не придерживается установленного в статуте раздела прибыли в коллеганции: если статут требовал предоставления инвеститору $\frac{2}{3}$ прибыли, то данное соглашение выделяло вкладчику лишь половину прибыли. Следует отметить, что большинство других договоров о вкладе капитала в коллеганцию в вопросе распределения прибыли также отступает от предписаний статута. Доля прибыли, отчисляемая инвеститору, на практике, по всей вероятности, зависела от многих важных для торговли моментов: опасности морского путешествия, ценности товара, трудности его транспортировки, платы за провоз и пр.

Кроме того, в приведенном тексте содержится условие, которое можно считать одной из характерных черт коллеганции второй половины XIII — XIV в. Мы имеем в виду четкое указание договора, на чей риск вкладываются деньги — на риск самого инвеститора или того лица, который ведет дело. В рассмотренном документе инвеститор теряет свои деньги в случае какого-либо стихийного бедствия и гибели товара.

Из 11 документов, содержащих упоминание о коллеганции за 1278—1282 гг., в четырех идет речь о торговых операциях вне Дубровника, связанных, возможно, с дальними морскими или сухопутными путешествиями. Деньги в торговые операции во всех этих случаях были вложены на риск инвеститора, причем прибыль между ведущим дело и инвеститором в трех договорах де-

⁸ MHR, I, № 785.

лилась пополам⁹ и только в одном договоре — в соотношении 1 : 2¹⁰.

Нередко весь риск торговой операции принимал на себя трактор. В таких случаях при успешном завершении операции его доля прибыли, как правило, возрастала: часто купец соглашался рисковать лишь за $\frac{2}{3}$ прибыли, реже — за половину прибыли. Существуют и такие договоры, где принявший на себя риск трактор заявлял, что он выделит инвеститору такую часть дохода, которую сам найдет справедливой¹¹. Если же торговая операция терпела неудачу и все товары погибали, ведущий дело обязан был вернуть инвеститору вложенную сумму денег из своего имущества¹². Но если же погибала лишь часть товаров или часть вложенных денег, то инвеститор иногда предоставлял трактору возможность совершить на оставшийся капитал еще одну торговую операцию, чтобы полученной прибылью возместить первоначальный убыток¹³.

Все постановления, правовые нормы второй половины XIII в., которые регулировали взаимоотношения членов коллеганции, остались в основном неизменными и в XIV в. Однако капитал, вкладываемый в торговые общества, с течением времени значительно возрос: в конце XIII в. довольно редко вкладывались в коллеганцию суммы, превышающие 1000 перперов; в XIV в. коллеганции часто располагали несколькими тысячами перперов, а иногда и капиталом сыше 10 тыс. перперов¹⁴. В XIV в. встречаются коллеганции, объединявшие 3—4 вкладчика капитала. Вести торговую операцию в таком обществе предоставлялось лицу, сделавшему наименьший вклад. Доход и возможный убыток иногда делились между всеми соразмерно вложенному капиталу, иногда ведущему дело доставалась бóльшая доля прибыли¹⁵.

Другим видом коллеганций в рассматриваемый период были коллеганции, созданные для торговли только в пределах Дубровника¹⁶. Для краткости мы можем назвать их внутренними коллеганциями в отличие от тех, которые были организованы для широкой внешней торговли «по суше и по морю». Для внутренней коллеганции характерна сравнительно небольшая сумма вкладываемого капитала и гарантия почти полной безопасности этих денег или товаров для инвеститора. Поэтому в договорах о подобных коллеганциях нет пункта, указывавшего, на чей

⁹ Там же, № 785, 794, 978.

¹⁰ Там же, № 849.

¹¹ *G. Čremošnik*. Указ. соч., стр. 78. См. также: MHR, I, № 828, 832, 971 и др.

¹² MHR, I, N 832.

¹³ LSR, VII, сар. 51.

¹⁴ *Манкен*. Патрицијат, стр. 329, 207, 326, 342, 375 и др.

¹⁵ Там же, стр. 326, 207.

¹⁶ В работе Г. Чремошника о торговых обществах средневекового Дубровника не упоминается об этом виде коллеганций.

риск вкладывается капитал, зато обязательно содержится обещание трактатора не вывозить этот капитал за пределы Дубровника.

Образцом соглашения о внутренней коллеганции может служить договор 1280 г.: «Я, Леонард Чешегуз, ювелир, заявляю, что получил для коллеганции от Леонарда Коктича 20 перперов по обычаю Дубровника. С этими деньгами я имею право вести торговые операции, связанные с моим ремеслом (*negotiarum de arte mea*) в Дубровнике, но не имею права каким-либо образом вывозить эти деньги из Дубровника. От прибыли, которую пошлет бог, я должен взять $\frac{2}{3}$, Леонард Коктич получит $\frac{1}{3}$. Вложенные деньги с $\frac{1}{3}$ прибыли я обязуюсь вернуть [вкладчику] не позже, чем через один год...»¹⁷.

Незначительные на первый взгляд отличия внутренней коллеганции были, по-видимому, внешне выражением более существенной особенности этого общества торговцев: можно предположить, что внутренняя коллеганция создавалась по инициативе преимущественно мелких и средних торговцев, которые скупали у сельских жителей и перепродавали продукты питания, а также ремесленников, которые закупали сырье для производства своих изделий, а затем продавали эти изделия как готовый товар. В 1278—1282 гг. среди лиц, получивших небольшой капитал для внутренней коллеганции, можно встретить не только ювелиров, но и сапожников¹⁸.

Во внутреннюю коллеганцию могли вкладывать деньги представители самых различных слоев населения, в том числе простые горожане среднего достатка, которые имели небольшие свободные средства, но опасались подвергать их риску дальних торговых путешествий.

Сравнивая различные соглашения вкладчиков капитала и купцов, встречающиеся в актах Дубровника XIII—XIV вв., можно отметить, что в рассматриваемый период здесь существовали и другие торговые общества, напоминавшие по своим основным условиям коллеганцию. В этом отношении весьма любопытным является объединение торговцев на основе «*salvus in terra*». Определение «*salvus in terra*» применяется в договорах для подтверждения полной безопасности капиталовложения. Так же как и в коллеганции, в обществе «*salvus in terra*» упоминаются главным образом два контрагента: вкладчик капитала, не принимавший никакого участия в проведении торговых операций, и ведущий дело — трактатор. Указанное общество встречалось реже, чем коллеганция. От 1278—1282 гг. сохранилось лишь четыре подобных договора¹⁹. Самым важным пунктом этих

¹⁷ MHR, I, N 828.

¹⁸ Там же, 915, 971.

¹⁹ Там же, N 581, 880, 923, 924. Беглое упоминание об этом обществе содержится только в статье: Э. И. Чудиновский. Развитие торговых связей далматинских городов в XIII—XIV вв. «Уч. зап. Пермского ун-та», исторические науки, № 143, 1966, стр. 120.

договоров было обещание трактатора вернуть инвеститору полную сумму его капиталовложения в назначенный срок. В случаях, рассчитанных на ведение дел вне Дубровника, обещание подкреплялось ручательством третьего лица — ближайшего родственника трактатора, например отца. Если получивший вклад нарушал условия договора, то поручитель должен был возместить инвеститору его убытки из своего имущества.

Примером договора о заключении торгового общества «salvus in terra» может быть соглашение от 1 мая 1280 г.: «Я, Палма, сын Марина Кисонича ...получил от Петра, сына Михаила Држимировича, 80 перперов salvos in terra без какого бы то ни было риска для упомянутого Петра. От прибыли, которую пошлет бог на вложенные деньги, я дам Петру часть, какую мне угодно. Вложенные деньги с причитающейся частью прибыли я должен вернуть Петру через год.

Я, названный Марин, отец Палмы, согласен со всем вышеизложенным и в свою очередь обязуюсь перед упомянутым Петром во всем том, в чем обязан по отношению к нему Палма, в случае если сам Палма нарушит установленный срок возврата долга»²⁰.

К сожалению, другие обязанности трактатора, помимо перечисленных в приведенном договоре, а также его права, конкретно не определяются ни в одном из четырех соглашений. Можно лишь отметить, что в большинстве обществ «salvus in terra» (в трех случаях из четырех), как и в некоторых коллеганциях²¹, трактатор обладал большой свободой в отношении распределения прибыли — он мог выделить инвеститору любую часть прибыли по своему усмотрению. Неизвестно, присоединял ли трактатор к полученному капиталу свои собственные деньги или товары. Очевидно, ему предоставлялось неограниченное право самостоятельно решать все вопросы, связанные с расширением капиталовложений и ведением торговых операций.

Капиталовложения на подобных условиях весьма напоминали простую ссуду. В трех соглашениях из четырех вкладчиками выступают женщины. По-видимому, отсутствие возможности более рационально использовать свои денежные средства заставляло их становиться кредиторами обществ «salvus in terra» с неопределенным процентом годового дохода.

В рассмотренном выше договоре не указано, где должны проводиться торговые операции на вложенные деньги (80 перперов) — в Дубровнике или за его пределами. Но в одном документе зафиксировано создание общества, которое рассчитано на ведение торговли в пределах Дубровника. При составлении договора на таких условиях уже не требовалось ручательства третьего

²⁰ MHR, I, N 924.

²¹ Там же, 828, 832, 971.

лица. Это последнее общество «*salvus in terra*», на наш взгляд, почти не отличалось от внутренней коллеганции.

Итак, имеющиеся в нашем распоряжении документы дают основание считать общество «*salvus in terra*» той разновидностью коллеганции, в которой инвеститору предоставлялись твердые гарантии безопасности капиталовложения и, как правило, заранее не определялась доля его прибыли.

Многообразие видов одного из самых распространенных в Дубровнике торговых объединений вкладчиков капитала и купцов — коллеганции — может рассматриваться, с одной стороны, как свидетельство незавершенности процесса юридического оформления торговых обществ, но, с другой стороны, это же явление можно расценивать как особую гибкость правовых норм, регулирующих приток капиталовложений в дубровницкую торговлю XIII—XIV вв.

КТО ТАКИЕ «ЛАБОРАТОРЫ» В ДАЛМАЦИИ XIII—XIV вв.

А. Е. Москаленко

Далматинские земледельцы, как и крестьяне других областей средневековой Европы, обозначаются в источниках различными терминами, толкование которых не всегда однозначно. К ним относится и часто встречающийся в далматинских документах XIII—XIV вв. термин *laborator* (мн. число — *laboratores*).

Исследований, посвященных специально «лабораторам», кажется, нет. Но естественно, что о «лабораторах» писали все авторы, изучавшие аграрные отношения в Далмации, начиная с А. Рейца¹.

Издатели далматинских статутов, где интересующий нас термин встречается чаще всего, пытались его объяснить. Наиболее подробно это сделал Иван Строхал, напечатавший в 1915 г. Трогирский статут и реформации к нему². В терминологическом словаре, помещенном в конце книги, он пишет: «*laborator, pastinator, zaprator*, а также *villanus, bubulcus* — земледelec, работник, который обрабатывает поле, принадлежавшее но-

¹ *A. Reutz. Verfassung und Rechts-Zustand der Dalmatischen Küsten-Städte und Inseln im Mittel-Alter. Dorpat, 1841.* Есть не очень удачный русский перевод, см.: «Сборник истор. и статист. сведений о России и народах, ей единоверных и единоплеменных», т. I. Издал Д. В. [Волуев.] М., 1845.

² «*Monumenta historico-juridica slavorum meridionalium*» (далее — МНЖСМ), vol. X.

билию или церкви». Строхал отличал «лабораторов»-издольщиков от «лабораторов»-поденщиков. Издольщина — это *pastinatio*.

В 1940 г. Винко Форетич напечатал книгу о Корчуле³, в которой приводит большое количество хранящихся в архивах договоров между собственниками земли (локаторами) и «лабораторами»⁴. Форетич говорит об отдаче земли в аренду: *ad pastinandum* (пустующую землю) и *ad laborandum* (уже возделанную землю, обычно плодоносящий виноградник).

В 1954 г. Мирославом Брандтом в Загребе⁵ и мною в Воронеже⁶ были защищены диссертации о социально-экономических отношениях в средневековом Сплите. Оба мы, независимо друг от друга, пришли по существу к одинаковым выводам: термином «лаборатор», «лабораторы» в сплитских документах обозначаются обычно виноградари: с одной стороны, издольщики и, с другой, применяя терминологию Б. Д. Грекова⁷, наймиты. Брандт, который пользовался не только опубликованными источниками, но и архивными материалами, разделил издольщиков в свою очередь на две категории: «лабораторы», получившие для обработки уже плодоносящие виноградники, и «лабораторы», которые должны были вначале насадить виноградные лозы на пустующих участках⁸.

Советский исследователь М. М. Фрейденберг усомнился в таком толковании термина «лаборатор». Он пишет: «А. Е. Москаленко предлагает объяснение достаточно противоречивое. Он то полагает, что люди, которые „обрабатывали землю за определенную плату“, были наймитами, то называет их „издольщиками“»⁹.

³ V. Foretič. Qtok Korčula u srednjem vijeku do g. 1420. U Zagrebu, 1940, str. 270 sl.

⁴ У Форетича речь идет как раз о тех договорах, которые М. М. Фрейденберг называет «договоры с двойным сроком» или «с вознаграждением землей» и о которых он ошибочно пишет, что они «обычно обходятся молчанием в литературе по истории Далмации». См.: М. М. Фрейденберг. Поземельные отношения в окрестностях г. Трогира в XIII в. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1963 г.». Вильнюс, 1965, стр. 94.

⁵ M. Brandt. Privredni i društveni odnosi u Splitu do kraja XVI st. Doktorska teza. Filosof. facult. Zagreb, 1954. К сожалению, эти тезисы известны мне только по названию. Однако свою точку зрения Брандт изложил в очень интересной работе «Wiclifova hereza i socijalni posreti u Splitu krajem XIV st.» (Zagreb, 1955, str. 133 sl.).

⁶ А. Е. Москаленко. Социально-экономический и политический строй города Сплита в XIII—XIV вв. (Из истории средневековых городов Далмации). Автореф. канд. дисс. Воронеж, 1954. См. также мою статью «К вопросу о социально-экономических отношениях в Сплите в XIV в.» («Византийский временник», т. XIII, М., 1958, стр. 157 и сл.).

⁷ Б. Д. Греков. Полица. Опыт изучения общественных отношений в Полице XV—XVII вв. М., 1951, стр. 58 и др.

⁸ M. Brandt. Wyclifova hereza..., str. 133.

⁹ М. М. Фрейденберг. Поземельные отношения..., стр. 95. Мне думается, что М. М. Фрейденберг напрасно не изучает городские статуы так же внимательно, как нотариальные акты. Невнимание к Трогирскому статуту привело М. М. Фрейденберга к тому, что он в «лабораторах» видит только

По-видимому, следует еще раз возвратиться к затронутому вопросу и попытаться внести в него ясность. Вопрос этот далеко не второстепенный: он касается коренной проблемы аграрных отношений в Далмации — истории сельскохозяйственных производителей. Но его необходимо разобрать еще и потому, что в нашей литературе намечилась тенденция невнимательного отношения к терминологии источников. Например, М. М. Фрейденберг, Н. П. Мананчикова, В. В. Захаров широко применяют взятые из современного сербо-хорватского языка термины «кмет», «кметство», тогда как в источниках XIII—XIV вв. эти термины не встречаются и появились в документах значительно позже.

Настоящее сообщение ставит узкую цель — выяснить, что за люди скрываются под термином «лабораторы» (их роль в общественной жизни явится предметом другой статьи).

Слова *laborator*, насколько мне известно, в классическом латинском языке нет. Но совершенно очевидно, что, появившись в средние века, этот термин происходит от древнелатинского *labor, laboris* — труд, работа. Согласно Дюканжу, в средние века слово *labor* обозначало и работу специально в земледелии, а *laborator* — земледельца, еще уже — виноградаря¹⁰.

Именно в таком значении чаще всего употребляется термин «лаборатор» в далматинских источниках XIII—XIV вв. Это человек, обрабатывающий землю — обычно виноградник, реже сад и еще реже — ниву, ибо хлебопашество возможно в Далмации лишь в немногих местах (в районах Задара, Трогира — Сплита, Дубровника, а также на некоторых островах).

Следует сразу же оговориться, что «лаборатором» иногда назывался человек, выполнявший не только сельскохозяйственную работу. Например, в Шибенинском статуте¹¹ (кн. VI, гл. 25) сказано: «Устанавливаем, что, если какое-то лицо дало кому-нибудь обещание обработать виноградник или землю или выполнить какой-либо (иной) труд за определенную плату (курсив мой.— А. М.)... и если такой лаборатор не выполнил того, что обещал, он уплачивает вдвое больше того, что должен был получить»¹². Но такие случаи редки — «лабораторы» большей частью работают на земле.

поденщиков (см.: М. М. Фрейденберг. О социальной структуре Трогира в XIII в. «Уч. зап. Ин-та славяноведения», т. XXX, 1966, стр. 24).

¹⁰ См.: *Du Cange. Glossarium mediae et infimae latinitatis*, t. IV. Parisiis, 1845, p. 4—5.

¹¹ В одном из наиболее ранних статутов — Корчульском (1244) глава 76 называется: *De laboratoribus vinearum* (MHJSM, vol. I, 1877, p. 45); глава 21 второй книги Хварского статута озаглавлена: *De laboratoribus vinearum vel hortorum* (MHJSH, vol. III, 1882—1883, p. 186). Подобную терминологию находим в других статутах и документах.

¹² «*Volumen statutorum, legum et reformationum Sibenici*». Venetiis, 1608, p. 95. В Сплите «лаборатором» назывался, например, грузчик, нанятый на баржу во время сбора винограда. См.: «Сплитский древний статут», кн. VI, гл. 16. MHJSM, vol. II, 1878, p. 215. В Италии *laboratores*

Возникают вопросы: на чьей земле трудились «лабораторы» и что получали за труд? Своей земли «лабораторы» или не имели вовсе, или имели в недостаточном количестве для того, чтобы прокормить себя и семью. Как правило, они арендовали землю у церкви или у светских лиц на определенных условиях, фиксируемых договором. Условия эти разнообразны, но в основном это издольщина двух видов: *ad pastinandum* и *ad laborandum*.

Что эти понятия не идентичны, хорошо видно из постановления Скрадинского статута XIV в. (гл. 39): «Также, если кто-нибудь получит чью-либо землю *ad pastinandum*, то он обязан два раза в год ее вскапывать и один раз обрезать (лозы) под угрозой штрафа в 4 либры, половина которого уплачивается коммуне, а вторая — потерпевшему несправедливость, и (кроме того) лаборатор теряет (свою часть) урожая того года. Такому же наказанию подвергается каждый, получивший чей-либо виноградник *ad laborandum*, если сам хорошо его не обрабатывает, как выше было сказано»¹³. Другие далматинские статуты, за исключением Дубровницкого, тоже разграничивают понятия *ad pastinandum* и *ad laborandum*. Отдать землю *ad pastinandum* — значит отдать целину или запущенный участок для расчистки и насаждения виноградных лоз (сада) или для посева. Когда земля отдается *ad laborandum*, то это значит, что на ней уже есть виноградник (сад) или что она представляет собой уже обрабатывающееся поле.

По терминологии Задарского статута (XIV в.), человек, получивший землю *ad pastinandum*, назывался *pastinator*¹⁴. «Лаборатором» же назывался тот человек, который получал землю *ad laborandum*¹⁵. Дубровницкий статут (1272 г.) вообще не знает термина *ad pastinandum*, обозначая отдачу для обработки и неводеланной земли термином *ad laborandum*. В то же время в других дубровницких документах понятие *ad pastinandum* встречается¹⁶.

terraium «могли привлекаться и для прорытия каналов и рвов» (*Л. А. Котельникова*. Итальянское крестьянство и город в XI—XIV вв. М., 1967, стр. 393). В документах XIV—XV вв., относящихся к генуэзским колониям в Крыму, «лабораторами» назывались люди, которые служили на судах и «выполняли всевозможную работу за плату». См.: *А. М. Чуперис*. Социально-экономическое положение и движение моряков, соций и стипендиариев в генуэзских колониях Крыма в XIV—XV вв. «Уч. зап. Кабардинского пед. ин-та», вып. 9. Нальчик, 1956, стр. 70.

¹³ MHJSM, vol. III, p. 129.

¹⁴ *В. В. Захаров*. К вопросу об аграрных отношениях в Задарском округе в XIII—XIV вв. «Вопросы истории славян», вып. 2. Воронеж, 1966, стр. 59 сл. То же, очевидно, и в Трогире. См.: *М. М. Фрейденберг*. Поземельные отношения..., стр. 97.

¹⁵ *В. В. Захаров*. Указ. соч., стр. 61.

¹⁶ *Н. П. Мананчикова*. Очерки социально-экономической истории Дубровника второй половины XIII—XIV вв. Канд. дисс. Воронеж, 1967, стр. 242 и сл.

При сдаче земли *ad pastinandum* и *ad laborandum* между собственником земли, с одной стороны, и «лаборатором» («пастинатором») — с другой, заключался, как указывалось выше, договор. Условия таких договоров в общем хорошо выяснены для различных районов Далмации как югославскими, так и советскими исследователями, и здесь нет нужды их повторять. Отмечу только, что земля отдавалась для обработки обычно из доли урожая. Часть собственника земли называлась «терратикум» и составляла от $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{2}$ всех доходов. Различными были и сроки сдачи земли: от двух лет до пожизненной и вечно наследственной аренды. Естественно, что земля отдавалась *ad pastinandum* на более длительные сроки, чем *ad laborandum*. Но в том и в другом случае «лаборатор» (или «пастинатор») являлся арендатором-издольщиком. Однако имелись также «лабораторы», трудившиеся не из доли урожая, а за определенную плату. Выше приведен текст Шибеникского статута, где речь идет о человеке, обязавшемся обрабатывать землю за определенную плату. Аналогичные постановления находим и в других статутах.

Вопроса о наемном труде в сельском хозяйстве Далмации в той или иной степени касались А. П. Каждан¹⁷, автор настоящего сообщения¹⁸, Н. П. Мананчикова¹⁹, В. В. Захаров²⁰, но и до сих пор он остается мало изученным, отчасти из-за скудости источников. Однако совершенно ясно одно: работники, нанимавшиеся обрабатывать виноградник или землю за определенную плату, именуются в источниках, так же как и арендаторы, «лабораторами».

Таким образом, далматинские «лабораторы» XIII—XIV вв. являются, с одной стороны, краткосрочными или долгосрочными арендаторами, преимущественно издольщиками, а с другой — батраками, или, как мне кажется, точнее, наймитами.

Такова, так сказать, формальная сторона дела. Что касается социального статута «лабораторов», то на основе имеющихся данных, можно сказать, что они в отличие от вилланов и иобагионов (так называемых кметов) были людьми лично свободными и составляли основную массу сельских производителей в городах и городских округах Далмации. Их материальное положение, роль в общественной жизни далматинских городов, их эволюция в достаточной степени пока не выяснены.

¹⁷ А. П. Каждан. Наемный труд в Дубровнике в XIV в. КСИС, вып. 17, 1955, стр. 43 и сл. Автор называет наемных «лабораторов» батраками.

¹⁸ А. Е. Москаленко. К вопросу..., стр. 157, 159. См. также мою диссертацию: «Социально-экономический и политический строй города Сплита в XIII—XIV вв.», стр. 259 и сл. «Лаборатора», работающего за определенную плату, я называю наймитом.

¹⁹ Н. П. Мананчикова. Указ. соч., стр. 209 и сл. Здесь «лабораторы» за плату названы батраками.

²⁰ В. В. Захаров. Указ. соч., стр. 162—163. См. также его диссертацию: «Аграрные отношения в Задарском дистрикте в X—XIV вв.» Воронеж, 1970, стр. 255 сл.

ИЗ ИСТОРИИ ФЕОДАЛЬНОЙ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В СЕРБИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIV в.

Е. П. Наумов

Проблемы развития феодальных отношений в средневековой Сербии, в частности история феодального землевладения и отдельных прослоек феодального класса, закономерно занимает важное место в работах советских и современных югославских медиевистов¹. Результатом данных исследований явилось выяснение роли пронии и других разновидностей условного светского владения, уточнение расположения и структуры крупных церковных и монастырских имений, возникших преимущественно в XIII — первой половине XIV в., как и прослеживание в целом процессов роста и концентрации духовного феодального землевладения, убедительно свидетельствующих о происходившем в то время перераспределении земельной собственности между разными группами феодалов.

Однако нельзя не отметить, что такое направление исследований данной проблематики (в плане историко-географических, узлокальных либо историко-юридических этюдов) не позволяет изучить конкретное соотношение разных видов земельной собственности и отдельных прослоек знати в тот или иной период, выяснить реальное содержание известной уже в общих чертах системы феодального землевладения в масштабах всего государства и тенденции ее развития с учетом специфики отдельных областей. Вполне понятно, что отсутствие в литературе попыток воссоздания (хотя бы весьма приблизительно) общей структуры феодальной собственности во взаимосвязи с сословной системой господствовавшего класса закономерно вызывает и появление неверных или спорных утверждений даже в работах последних лет. Так, например, к их числу можно отнести заявление о наличии лишь «двух основных форм» феодального землевладения в Сербии XIII—XIV вв. — баштины и пронии, хотя выше в этом разделе упоминаются и монастырские владения². К сожалению, в исторической литературе еще недостаточно охарактеризована роль.

¹ См., например: *С. П. Боброва*. К вопросу об условном землевладении в Сербии. «Славянский сборник», I. Воронеж, 1958, стр. 13—22; *О. Х. Соколовский*. Ріст феодального землеволодіння в південній Сербії XIII — першої половини XIV ст. «Доповіді та повідомлення міжвузівської конференції істориків педінститутів УРСР», вип. 1. Полтава, 1958, стр. 91—117; *Г. Острогорски*. Пронија. Београд, 1954; *Р. Грујић*. Руска властелинства по Србији у XIV и XV веку. «Историски часопис», кн. V, 1955, стр. 53—74 (о других историко-географических трудах такого типа см.: «Уч. зап. Ин-та славяноведения», т. XXIV, 1962, стр. 260); *М. Динић*. Хумско-требињска властела. Београд, 1967; и др.

² «История южных и западных славян». М., 1969, стр. 35.

и хронология термина «властеличичи», как и сущность взаимоотношений их с властелями, что в свою очередь говорит о малой изученности данной проблематики, в особенности для второй половины XIV в.— эпохи, связанной со многими политическими и социально-экономическими переменами³. В частности, применительно к названной эпохе вопрос о положении церковного и монастырского землевладения в собственно сербских областях вызывает особый интерес, поскольку, как известно, уже период постепенного распада Сербского государства Неманичей ознаменовался весьма заметными стремлениями светской знати и центрального правительства (при Уроше V) ограничить и приостановить дальнейший рост владений духовных феодалов⁴. Тем не менее, по нашим подсчетам, основанным на данных сохранившихся грамот, в Сербии и Северной и Центральной Македонии во второй половине XIV в. новые пожалования церкви включали около 340 селений (помимо принадлежавших ранее церкви 23 селений), причем в Сербии новые дарения составляли в этот период 284 селения и заселка (кроме 5 ранее отобранных селений с 14 заселками), а в Северной и Центральной Македонии — 64 селения (не считая временно отобранных у церкви 4 селений)⁵.

В то же время для Зеты, Зетского приморья и Западной Македонии мы не располагаем ни одной пожалованной грамотой церкви или монастыря за весь период после распада Сербского царства и до начала XV в. Вероятно, это можно истолковать как свидетельство того, что в Зете и Западной Македонии в этот период церковное феодальное землевладение почти не расширялось, а иногда даже сокращалось. По-видимому, размеры церковных имений несколько сократились и в Западной и Юго-Западной Сербии.

В Сербии же в целом в данный период церковное и монастырское землевладение не только заметно увеличилось за счет новых пожалований, но и распространилось к северу, северо-востоку — в тех северных областях Сербии, где прежде, до середины XIV в., церковных имений, видимо, было немного. Во второй половине XIV в. в северной и северо-восточной частях Сербии были основаны новые монастыри, а также дарованы земли старым обителям.

Как и всегда, первенство в получении новых владений принадлежало и здесь Хиландарскому монастырю, который уже в 1360 г. добился от жупана Вукослава передачи пяти сел в Петрусской области (северная Сербия, район г. Парачин), однако

³ Ср.: «Вопросы истории славян», вып. 2. Воронеж, 1966, стр. 109.

⁴ См. подробнее в нашей статье («Средние века», вып. 23, 1963, стр. 134 и сл.).

⁵ Ср.: Д. Ангелов. Аграрные отношения в северна и средна Македония през XIV век. София, 1958, стр. 28.

вскоре эта Лешьянская метохия была отобрана сыном Вукослава, воеводой Црепом⁶. Правда, сам же Цреп даровал в 1375 г. другому афонскому монастырю — Лавре св. Афанасия два своих селения (с. Горня Мутница и «торг» Паракин Брод — вероятно, нынешний г. Парачин)⁷.

Еще севернее, в придунайской области Браничево, правителем Сербии князем Лазарем в конце 70-х годов XIV в. был основан монастырь Ждрело (Горняк), владения которого были разбросаны в окрестных областях Северной Сербии (Браничево, Пек, Хомолье, Звижд). Этому монастырю князь даровал примерно 17 сел⁸. Вероятно, в это же время Лазарь пожаловал румынским монастырям Тисмена и Водица имения, в частности, десять сел в области Пек, подтвержденные позднее деспотом Стефаном, а также «торг» Киселево с четырьмя селами на Млаве и Дунае⁹.

Гораздо более обширны были владения другого новосозданного монастыря — Раваницы (восточнее г. Чуприя), которому князь Лазарь в 1376—1377 гг. даровал 149 населенных пунктов (селений, заселков и «торгов»), не считая прочих прибыльных пожалований — денежных выдач, передачи бродов и ярмарок и т. п.¹⁰ Именья Раваницы располагались в этих же северных краях Сербии: в бассейне Великой Моравы, близ самой Раваницы (в районе городов Парачин, Чуприя, Сталач), а также в придунайских областях Браничево, Пек, Звижд, Мачва и Битва; более того, этому монастырю был передан в городе Смедереве некий Богосав со своей «общиной» и баштиной.

Несколько южнее г. Крушевац, в бассейне р. Расины (от Александровца до Алексинца) были разбросаны главные села монастыря Дренча, основанного видным вельможей (в монашестве — Дорофеем) в 1382 г. и получившего в «метохию» не менее 30 сел; остальные же именья, пожалованные этому монастырю, были расположены в Браничевской области¹¹. Заметим, что история создания этой обители вызывает немало вопросов

⁶ Подробнее см.: «Средние века», вып. 23, 1963, стр. 140; *Л. Стојановић*. Цреп и Витомир. «Зборник у част Богдана Поповића». Београд, 1929, стр. 356—357.

⁷ *Д. Анастасијевић*. Српски архив Лавре Атонске. «Споменик Српске Краљевске Академије», LVI, 1922, стр. 8—9.

⁸ *С. Новаковић*. Законски споменици српских држава средњега века. Београд, 1912, стр. 771—772 (грамота, к сожалению, сохранилась в поздней копии). О датировке см.: *Б. Ст. Радојичић*. Григорије из Горњака. «Историски часопис», кн. 3, 1952, стр. 85—90; *Б. Стричевић*. Хронологија равних споменика Моравске школе. «Старинар», н. с., кн. V—VI, 1956, стр. 117 (нам представляется более обоснованной точка зрения Стричевича и его возражения Радоичичу).

⁹ См., например: *С. Новаковић*. Указ. соч., стр. 752.

¹⁰ Там же, стр. 769—770; *В. Петковић*. Старице. Београд, 1923, стр. 55 и сл. (ср. «Историски часопис», кн. 16-17, 1970, стр. 237—253).

¹¹ *С. Новаковић*. Указ. соч., стр. 763—764.

и недоумения; здесь примечательно не только само (весьма щедрое) дарение феодала, но и тот факт, что, вероятно, таким путем некий влиятельный вельможа, приняв монашество вместе со своим сыном Данилом, постарался уберечь свои земли от опалы и конфискации князем Лазарем. Вполне возможно, что это был один из соперников Лазаря, «великий деспот всех сербских земель» (Иваниш?)¹².

Таким образом, подавляющая часть новых земельных пожалований, сделанных церкви и монастырям в Сербии во второй половине XIV в. (около 200 сел), падает на эти северные сербские области (от Крушевца до Дуная). Даже те земельные пожалования, которые церковь получила в Центральной и Южной Сербии, в значительной части расположены не в бассейне р. Ибар, на Косовом поле и Метохии (где ранее были многочисленны владения Хиландарского, Архангельского, Дечанского и других монастырей), а в бассейне р. Южная Морава, Топлица, Ябланица — в окрестностях городов Прокупле, Вране, Лесковац. Здесь, в восточной и юго-восточной Сербии, до середины XIV в. были лишь отдельные разрозненные церковные имения, роль которых была не столь велика. Во второй половине XIV в. в этих районах, как и вообще в Центральной и Южной Сербии, заметно выросли владения Хиландарского и Русского монастырей.

Так, в 1361 г. один из светских феодалов чельник Милош с согласия царя Уроша приложил Хиландарю село Сопиники, пожалованное ему еще царем Душаном на правах баптины¹³. Позднее, в 1365 г., другие вассалы Уроша — Вук и Гргур Бранковичи передали этой обители от своей баптины восемь сел на Косовом поле (западнее г. Приштины — села Трстеник, Тушиле и др.)¹⁴. Помимо этого, Вук Бранкович, став после 1371 г. самостоятельным правителем южносербских областей, пожаловал Хиландарю также и оба села Гадимле (Верхнее и Нижнее), южнее г. Приштина¹⁵.

Аналогичные земельные дарения этому монастырю были сделаны и другими феодальными государями. Так, например, в 1380 г. князь Лазарь дал «от господства моего» этой обители два села с девятью заселками¹⁶, а правитель Восточной Македонии Константин Деянович, которому была подвластна и южносербская область Вране, даровал здесь Хиландарю (1380 г.) два села, существующие и поныне (Раковац и Лопардинци у Буяновца)¹⁷.

¹² В. Петковић. Ко је био оснивач манастира Дренче. «Старинар», н. с., кн. II, 1951, стр. 57—58.

¹³ С. Новаковић. Указ. соч., стр. 440—441 (быть может, это нынешнее с. Сопнич в Метохији).

¹⁴ Там же, стр. 441—444.

¹⁵ Там же, стр. 451.

¹⁶ Там же, стр. 449—450 (с. Елашница, Гюрга, Ненишика и др.).

¹⁷ Там же, стр. 457.

Любопытна история небольшого имения (Введенской церкви в бассейне р. Ибар), которое получили хиландарские монахи от князя Стефана Лазаревича (около 1392 г.). Эту церковь построил на своей баштине воевода князя Лазаря Обрад Драгосалич (Декиндич) и подчинил этому храму село Кукань и три заселка. Но уже вскоре преемник Лазаря, его сын Стефан, за измену отобрал имения у Обрада и «дал его баштину моему властелину в пронию», а затем передал Хиландарскому монастырю Введенскую церковь с двумя селами и шестью заселками, находившимися в Брвеничкој жупе¹⁸.

Несколько позже, в 1399—1401 гг., как показывает Ливочская грамота преемников Лазаря (княгини Евгении и ее сыновей Стефана и Вука Лазаревичей)¹⁹, Хиландарский пирг на Хрусии (т. н. Башня св. Василия) получил в юго-восточной части Сербии новое имение — село Ливочу (ныне с. Дони Ливоч близ г. Гнилане)²⁰.

Не менее щедрое покровительство оказывали князь Лазарь, его преемники и их вассалы — светские феодалы другому афонскому монастырю — Русской обители. Так, например, в 1381 г. Лазарь подтвердил дарование этому монастырю четырех селений в долине р. Лаб (с. Горни Закут, заселок Трнава церковь св. Николы с заселком, заселок Горни Луковькь), которое было сделано Мусой, фактически независимым правителем земель по рекам Ибар и Лаб²¹. Сам же князь Лазарь в 1381 г. подчинил власти Русского монастыря прежде самостоятельное феодальное владение — церковь Спасову в области Хвостно (нынешняя Метохия, близ г. Печ) со всеми ее селами, метохами (имениями), людьми, виноградниками, лугами, полем и т. д., со всем, что принадлежало этой церкви по старым королевским хрисовулам во времена Душана²². Князем Лазарем была дарована этой обители и другая церковь (Бучайская) с приписанными к ней четырьмя селами близ г. Крушевца, столицы Лазаря, в бассейне р. Западная Морава²³.

Все эти земельные пожалования Русскому монастырю были утверждены преемниками князя Лазаря — княгиней Евгенией и ее сыновьями Стефаном и Вуком (1395 г.), причем они в свою очередь щедро одарили этот монастырь. По грамоте от 8 июня.

¹⁸ Там же, стр. 458. Ср.: Г. Островорски. Указ. соч., стр. 144—145; А. Соловьев. Једна српска жупа за време царства. «Гласник Скопског научног друштва», кн. III, 1928, стр. 40—41; J. Алексић. Жупе у сливу реке Ибра у средњовековној српској држави. «Историски часопис», кн. VII, 1957, стр. 342.

¹⁹ О датировке ее см. в нашей статье («Славянский архив», 1962, стр. 24—26).

²⁰ С. Новаковић. Указ. соч., стр. 489.

²¹ Там же, стр. 516.

²² Там же, стр. 515 и 519.

²³ Там же, стр. 519.

1395 г. русские монахи получили от преемников Лазаря 19 селений, разбросанных большей частью в междуречье Ибра и Южной Моравы (в частности, с. Копоричи и другие восточнее Рапки, села в Топлице, Дубочице и Белице — близ Лесковца, Светозарева, Прокупле). Кроме того, в числе этих новых имений Русского монастыря было и одно село на Дунае, и владения восточнее г. Ново Брдо и Гнилане, на южной окраине собственно сербских земель²⁴.

Вместе с этими деревнями Русскому монастырю были дарованы также и дома, и люди в городах этой части Сербии (Ново Брдо, Лесковац, Крушевац, Болван — ныне Бован, севернее Алексинца, Прокупле, Сталач). Таким образом, в результате этих пожалований размеры феодальной собственности Русского монастыря значительно выросли не только в средневековой сербской деревне, но и в сербском феодальном городе.

Одновременно (в 1395 г.) Русский монастырь получил и ряд земельных пожалований от светских феодалов. Так, воевода Никола приложил церковь в Сребрнице и Сребрницу со всеми селами и метохами, расположенные, видимо, в бассейне Западной Моравы (близ Трстеника)²⁵. Другой вельможа — воевода Михаил даровал Хлапову Поляну (в долине Восточной Моравы) с селами и заселками. Третий воевода — Новак передал село на р. Топлице и церковь в Црколезе (в нынешней Метохии) с приписанными к ней селами и прочими владениями. Другая такая же церковь (в Драгобили, севернее Призрена) с ее деревнями была пожалована логофетом (канцлером) Лукой. Меньше были земельные пожалования мелких феодалов: одно село в Топлице (дар дворянина Дуки), два села в Дубочице (близ Лесковца), данные неким Югой, и приложенное Богданом Радувичем с. Дубово (также в Топлицкой области)²⁶.

В конце XIV в. (видимо, в 1395/1396 — 1405 гг.) преемники князя Лазаря возвратили Дечанскому монастырю некоторые потерянные им владения (три села и восемь заселков), подвергшиеся секуляризации, а также даровали еще восемь селений и шестью заселками (в том числе села Днеполе и Ческово — прежние владения Хиландаря и с. Плянани, прежде принадлежавшее Архангельскому монастырю близ г. Призрен)²⁷. Все эти имения были расположены в нынешней Метохии, возле городов Печ и Призрен. На противоположной окраине Сербии, недалеко от Алек-

²⁴ С. Новаковић. Указ. соч., стр. 517—518 и 520 (село на Дунае).

²⁵ Там же, стр. 519. Ср.: Р. Грујић. Указ. соч., стр. 65; Ј. Алексић. Указ. соч., стр. 338.

²⁶ С. Новаковић. Указ. соч., стр. 519; ср. Р. Грујић. Указ. соч., стр. 62 и сл. (с картой владений Русского монастыря).

²⁷ С. Новаковић. Указ. соч., стр. 655—656; F. Miklosich. Monumenta serbica. Vindobonae, 1858, p. 284. О датировке III Дечанской грамоты см. в нашей статье («Славянский архив», 1962, стр. 21—24).

синца, в 1399 г. была построена церковь св. Стефана (Липовац), получившая от князя Стефана Лазаревича некоторые земельные владения (в частности виноградники)²⁸.

И в Северной, и в Центральной Македонии, как и в собственно сербских землях, во второй половине XIV в., после распада Сербского царства Стефана Душана, церкви и монастырям было дано немало новых земельных пожалований светскими феодалами и правителями различных феодальных государств и княжеств. Больше всего земель в это время получили Хиландарский и Русский монастыри²⁹. Приведем в качестве примеров несколько небезынересных свидетельств первоисточников, которые, к сожалению, не были использованы в работах Д. Ангелова.

Так, уже в 1355—1360 гг. царь Урош передал Хиландарю горные пастбища (планины) на территории своего домена — близ Струмицы и Радовиша³⁰. В этом же регионе, возле Струмицы, Русский монастырь получил от феодала Константина Ласкариса его село Бресницу, которое, между прочим, давно стремились захватить монахи Хиландаря³¹. Следует учитывать также, что, помимо этих крупнейших земельных собственников, здесь получали имения и другие, довольно мелкие новосозданные церковные сеньерии. Например, в 1356 г. царь Урош утвердил за мельничьим митрополитом Кириллом обновленную им церковь св. Николая Стожского (в г. Мельник) и пожаловал митрополиту при этом с. Смилово с заселками и несколько земельных участков³².

Нам известны и аналогичные сведения более поздней поры. Из сохранившейся неполностью надписи в монастыре св. Андрея на р. Треске (близ Скопье), в частности, мы узнаем, что этой обители, построенной в 1389 г. королевичем Андреяшем, сыном короля Вукашина и братом короля Марка, любимого героя южнославянского эпоса, были даны довольно обширные земли (не менее восьми-девяти сел). Правда, два селения ранее принадлежали Сушицкой церкви, получившей взамен другие³³. А в 1388 г. Константин Деянович утвердил создание нового церковного владения — Вознесенской церкви в г. Штип, воздвигнутой его вассалом, воеводой Дмитром. В состав этого владения вошли

²⁸ *F. Miklosich*. Указ. соч., стр. 245—246 (эта надпись, к сожалению, испорчена).

²⁹ Ср.: *Д. Ангелов*. Аграрните..., стр. 18—28; *он же*. Рост и структура крупного монастырского землевладения в Северной и Средней Македонии в XIV в. «Византийский временник», т. XI, 1956, стр. 135—141.

³⁰ *С. Новаковић*. Указ. соч., стр. 437. О датировке Радовишской грамоты см. в нашей статье («Славянский архив», 1962, стр. 6—15).

³¹ «Византийский временник», т. XVII, прилож. I, 1911, стр. 326—327.

³² *С. Новаковић*. Указ. соч., стр. 308—309.

³³ *Љ. Стојановић*. Стари српски записи и натписи, кн. I. Београд, 1902, стр. 54; кн. IV, 1923, стр. 17—18; кн. VI, 1926, стр. 94 (ср.: *Ј. Ф. Трифуноски*. За средновековните села на манастирот св. Андреја крај Треска. «Годишен зборник, филозофски факултет на универзитетот Скопје, историско-филолошки оддел», кн. 4, 1951, стр. 1—16).

с. Баня и земельные участки и мельницы, купленные воеводой у жителей г. Штип или переданные ими этой церкви³⁴. Примерно в это же время возникает другое, гораздо более мелкое церковное имение — церкви Константина и Елены в Охриде³⁵.

Анализируя все эти данные о новых земельных пожалованиях церкви и монастырям во второй половине XIV в., мы можем заметить, что и в этот период, как свидетельствуют приведенные факты, большую часть этих дарений составляют, как и прежде (до распада Сербского царства), государственные земли или домениальные владения княжеских династий. Например, после 1355 г. на этой территории, как мы отмечали выше, было даровано (только по данным сохранившихся грамот) около 340 селений, не считая тех имений, которые ранее принадлежали церкви и были временно захвачены светскими землевладельцами. Из этого числа более 46 селений в Сербии, т. е. 1/6 часть, согласно нашим подсчетам, было приложено светскими феодалами. По-видимому, в этот период земельные пожалования достигали в целом еще больших размеров, поскольку многие грамоты не сохранились и нам не известны размеры некоторых новых церковных и монастырских вотчин (например, сербского монастыря Любостиня, основанного княгиней Евгенией, вдовой князя Лазаря³⁶, и др.).

В то же время рассмотренные нами материалы позволяют сделать и другие весьма поучительные заключения. В частности, если мы из общей суммы новых земельных пожалований, которые были переданы в собственно сербских землях светскими феодалами, исключим дарения, сделанные крупнейшими вельможами — будущими или уже бывшими наследниками империи Душана (Муса, Вук Бранкович, деспот Дорофей), то в действительности щедрость сербской светской знати по отношению к монастырям и церкви во второй половине XIV в. окажется минимальной (всего лишь около 10 деревень). Для сравнения укажем на совершенно иные свидетельства за тот же период из Северной и Центральной Македонии, где земельные пожалования светских феодалов в пользу церкви составляли около трети всех новых имений, которые приобрели тогда духовные землевладельцы.

³⁴ С. Новаковић. Указ. соч., стр. 765—767.

³⁵ М. Марковић. Грчки натпис са цркве Константина и Јелене у Охриду. «Старинар», н. с., кн. II, 1951, стр. 187—191 (ср.: М. Ђоровић-Љубинковић. Црква Константина и Јелене у Охриду. Датум постанка и ктитори. Там же, стр. 177—183). В последнее время была предложена датировка этой надписи XV в. (Д. Коцо. Околу датирањето на црквата Константин и Елена во Охрид. «Годишен зборник...», кн. 7, 1954, стр. 187—203), однако она нам кажется малоубедительной, так как год 1477 мог быть приписан позже, а термин «чауш» был известен в Византии уже в XIII—XIV вв. (как звание и личное имя).

³⁶ F. Miklosich. Указ. соч., стр. 263.

Таким образом, изучение всех этих данных о перераспределении земельной собственности в Сербии после распада государства Неманичей позволяет нам более полно представить взаимоотношения разных прослоек феодального класса и государственной власти, подтверждая одновременно выводы о весьма сильных секуляризационных тенденциях, особенно четко прослеживающихся именно на материале собственно сербских областей³⁷.

К ВОПРОСУ ОБ ИММУНИТЕТЕ НА РУСИ И У ЮЖНЫХ СЛАВЯН

Л. В. Черепнин

Нет нужды доказывать важность сравнительно-исторического метода при изучении общественного развития в разных странах. Пользование этим методом — одно из средств познания общих закономерностей исторического процесса и его конкретных вариантов. Вряд ли также кто-либо станет отрицать, что в комплексе приемов, употребляемых советскими исследователями при рассмотрении проблем русского варианта феодализма, наблюдения сравнительно-исторического характера пока занимают далеко не основное место. Если же какие-либо сопоставления и производятся, то преимущественно с явлениями западноевропейского (чаще всего — французского) феодального развития. Между тем не меньшего, а большего внимания исследователей отечественной истории заслуживает материал, относящийся к средневековым отношениям в славянских странах. На это обратил внимание еще Н. П. Павлов-Сильванский, сопоставивший сербские и болгарские хрисулуы со средневековыми русскими жалованными грамотами и пришедший к выводу, что институт иммунитета на Руси, в Сербии и Болгарии имел много общих черт¹.

Продолжателей у Павлова-Сильванского нашлось немного. Напротив, метод сравнительно-исторических параллелей, к которому он широко прибегал, вызывал скорее критику как в дореволюционной, так и в советской историографии. И. И. Смирнов в 1942 г.

³⁷ Ср. в нашей работе «Секуляризация в феодальном развитии балканских стран в XIV—XV вв. (по материалам Македонии, Зеты и Сербии)». М., 1966.

¹ Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910, стр. 298—303.

писал, что это пройденный в науке этап². С. Б. Веселовский упрекал Павлова-Сильванского за то, что он «стал на рискованный путь смелых сравнений и поверхностных аналогий»³.

Конечно, методология Павлова-Сильванского страдала формализмом и недостатком историзма. Но само по себе обращение к сравнительно-историческому методу было сильной стороной трудов ученого, и от этого не следует отказываться⁴. Надо лишь не просто искать аналогии (хотя и это важно), а подчинить подобные поиски главной задаче исторических исследований — раскрытию и объяснению общности и своеобразия путей развития ряда стран и народов.

Надо договориться и о том, как пользоваться сравнительным методом при изучении феодализма. Сравнить можно разное и по-разному. Очевидно, исследование должно начинаться с сопоставления *источников* феодальной эпохи, относящихся к отдельным странам, переживающим одинаковые стадии. Здесь особенно следует выделить задачу сличения документов юридического характера, сохранивших близкие по своей сути правовые нормы, запечатленные часто в сходных формулах грамот тех или иных разновидностей. Их параллельное дипломатическое обследование приводит иногда к весьма показательным результатам. Источниковедческий анализ прокладывает путь к сопоставлению феодальных *институтов* и *явлений*, наблюдавшихся у тех или иных народов. Следующий шаг — это сравнение *путей* и *направлений* феодального развития у отдельных народов. Наконец, встает задача уяснения, на основе сравнительно-исторического метода, *типологии* феодализма, выявления *типов* и *вариантов* процесса феодализации.

Таким образом, сравнительно-исторический метод включает в себя целый комплекс сложных исследовательских процессов — от источниковедческих аналитических изысканий до социологических обобщений. Для настоящей заметки из этого большого комплекса выделена лишь одна, весьма ограниченная тема: источниковедческие наблюдения (в плане перекрестного анализа) над формулами иммунитетных привилегий церковного феодального землевладения, имеющимися в древнерусских жалованных грамотах XIV—XV вв. и болгарских, и сербских хрисовулах XIII—XIV вв. Заранее оговариваюсь, что это опыт скорее постановки, чем решения вопроса.

² И. И. Смирнов. Проблемы крепостничества и феодализма в советской исторической литературе. «Двадцать пять лет исторической науки в СССР». М.—Л., 1942, стр. 98.

³ С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. I. М.—Л., 1947, стр. 14—15.

⁴ Недавно против мнения И. И. Смирнова выступил С. О. Шмидт, подчеркнувший важность «сравнения аналогичных институтов феодального права» (С. О. Шмидт. К изучению аграрной истории России XVI в. «Вопросы истории», 1963, № 5, стр. 27).

Не касаясь сейчас классификации всех жалованных грамот феодально-раздробленной Руси, укажу лишь, что среди них особенно следует выделить две группы, из которых одна содержит привилегии податного характера, другая — судебные. Чаще же всего исследователю приходится иметь дело с жалованными грамотами сложного состава, в которых соединены формулы податного и судебного иммунитета.

Грамоты с привилегиями податного характера распадаются на *тарханские (обельные)*, говорящие о полном или частичном, но бессрочном освобождении от податей и повинностей; *льготные*, устанавливающие временную льготу (на определенный срок) в уплате податей и выполнении повинностей; *оброчные*, заменяющие всю массу разветвленных повинностей, падающих на данное феодальное владение, единой твердой суммой оброка, уплачиваемого в заранее установленный срок⁵. Перечисленные разновидности документов говорят о наличии на Руси в различных церковных вотчинах податного иммунитета разной степени полноты и различных сроков действия.

Хрисовулы южнославянских стран не поддаются такому четкому делению на разновидности. Но среди них также есть грамоты, фиксирующие и полный, и ограниченный иммунитет, и вообще не говорящие об иммунитетных правах⁶. Так же было и в Византии⁷. Иной вопрос: всегда ли формулы документов соответствовали реальной действительности. Но об этом ниже.

Формула податного иммунитета в русских жалованных грамотах обычно такова: «...Не надобе... некоторая моя дань, ни... (далее идет перечисление еще ряда повинностей) ...ни иные некоторые пошлыны, ни розмет, ни помет, некоторая пошлына»⁸. К этому часто присоединяется запрет княжеским слугам приезжать во владения монастыря и привлекать крестьян к выполнению различных повинностей: «И яз, князь... игумена з братьею пожаловал: мои волостели... и дети боярские... и всякие ездоки... в деревнях их не ставятся, и подвод, и проводников, и кормов, и сторожов у них не емлют...; мои ловчие, княжи... и псари в их деревни не въезжают, ни кормов, ни подвод, ни проводников, ни сторожов не емлют, а соколники мои... в их деревнях на мои соколы куров не емлют»⁹.

⁵ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 2. М., 1951, стр. 112.

⁶ Е. П. Наумов. Феодальный иммунитет по распаде на Срдского царство. «Историка. Списание на союзот на историските друштва на СР Македонија», год V. Скопје, 1969, број 2, стр. 45, 47, 48.

⁷ Г. А. Острогорский. К истории иммунитета в Византии. «Византийский временник», т. XIII. М., 1958, стр. 58.

⁸ «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.», т. I. М., 1952, стр. 49, № 44 (1425 г.) (далее — АСЭИ).

⁹ АСЭИ, стр. 266, № 363 (1467—1474 гг.).

А вот некоторые варианты соответствующих формул, фигурирующих в сербских хрисовулах: «И освободи е кралевство ми оть всехъ работъ царьскихъ и оть всехъ поданькъ, малихъ и великихъ...»¹⁰; «...освобождено оть всехъ работъ царьскихъ и оть всехъ поданькъ, малихъ и великихъ...»¹¹; «и да е този свободно одь всехъ работъ господьствоующихъ, великихъ и малыхъ, и оть сильныхъ оу области кралевства ми, да не повредитъ што се тоу именуеть цръквно»¹².

В ряде грамот встречается перечисление повинностей, от которых дается освобождение. Например: «И такожде е освободи царство ми одь сокя, одь позоба... (и т. д.), просто рекши одь всехъ работъ велихъ и малихъ»¹³; «и такози освободи царство ми оноузи цръквь и люди, што си има онази цръквь, да имь несть ни еднога поданка, ни сокя... (и т. д.) и просто рекше одь всехъ работъ и поданкъ, иже ее обретаю оу земли царства ми, велихъ и малихъ, да несть вольнь никто забавити а или оузети, что любо посилиемь оть сиези цръкве...»¹⁴. Состав повинностей и порядок их расположения в различных документах неодинаков.

Как и в русских жалованных грамотах, в сербских хрисовулах имеются указания на неподвластность иммунитетных владений царской (королевской) администрации, которой запрещается туда въезд, на свободу населения вотчин от поборов и притеснений со стороны разных властей. Вот образцы текстов этих правовых норм: «...И да не имають власть надь ними ни севасть... (и т. д.), ни кнезь, никто оть владоуштихъ оу кралевства ми»¹⁵; «оброка не дати апоклисияроу... (и т. д.), ни конюхоу, ни псароу, ни коемоу кефалии кралевства ми, оть великихъ и до малихъ власти»¹⁶; «и да нема улести у село то... никой владальцъ кралевства ми, ни владальцъ дръжецаго жупу ту, ни узети коега доходка, ни мала, ни велика, ни севасть...» (далее перечисляются князь, конюх, писец и т. д.)¹⁷.

Хрисовулы болгарских царей содержат формулы иммунитетного права, близкие по своей сущности к русскому и сербскому материалу.

В грамоте царя Константина Асеня Виргинскому монастырю конца XIII в. читаем: «Да не влазят, ни забавляют, ни пакостеть метохомь, ни селомь, ни людемь святаго Георгия.. ни

¹⁰ «Законски споменици српских држава средњега века». Прикупно и уредио Стојан Новаковић. Београд, стр. 388 (1276—1281 г.).

¹¹ Там же, стр. 613 (1299—1300 г.).

¹² Там же, стр. 604 (ок. 1319 г.).

¹³ Там же, стр. 424 (1348 г.).

¹⁴ С. Новаковић. Указ. соч., стр. 309 (1356 г.).

¹⁵ Там же, стр. 609 (1299—1300 г.).

¹⁶ Там же.

¹⁷ «Одабрани споменици српског права (од XII до краја XV века)». Прикупно и уредио Александар В. Соловјев. Београд, 1926, стр. 75 (1299—1300 г.).

севасть, ни дука...» (затем приведены наименования других должностных лиц, власть которых не должна простираться на монастырские земли и монастырских людей, а также пошлии и работ, которые эти люди не несут) ¹⁸. Примерно таково же содержание хрисовула царя Иоанна Александра Ореховскому монастырю 1348 г. Никто из должностных лиц не имеет права «испакостити, ни ноги поставити на силу в сия села... ни дани взяти...» и т. д. (идет список других работ и поборов, которые не должны иметь места) ¹⁹. Развернутую формулу податного иммунитета находим в хрисовуле царя Иоанна Шипмана Рыльскому монастырю 1378 г.: «... Никто от всех болерь и работникь царства ми; великихь и малых, иже сут на все времена посилаеми о всечьских данех и работах царства ми, никто от таковых да не смеет забавити темь людем святого отца... никто от таковых да не смеет насилом влести в села и в люди того монастыре царства ми святого отца насилом хлеба взяти, ни коурети оубити...» и т. д. ²⁰

Среди княжеских (или царских) агентов, которым закрывают доступ в иммунитетные округа русские грамоты и южнославянские хрисовулы, фигурируют часто люди одной профессии, выполняющие однородные функции: писцы, конюха, псары, соколары-сокольники и т. д. В ряде случаев сходны по существу, а иногда даже по названию, повинности, выполнения которых не могут требовать от жителей монастырских вотчин лица, принадлежащие к административному или хозяйственному княжескому (или царскому) аппарату: основной налог — дань, сок; строительство городских укреплений — «градозидание», «градные работы», «городное дело»; войсковая, «посошная» служба; «сельское дело», «орание», «жатва», «сенокопение» («сено косити»), предоставление подвод и «кормов» представителям центральной власти и местной администрации ²¹, и т. д.

В исторической литературе давно уже поставлен вопрос о реальности сведений, содержащихся в иммунитетных грамотах. Сомнения в их источниковедческой ценности высказывались неоднократно. Так, А. И. Яковлев говорил о невозможности «поручиться за то, что финансовая схема, развертываемая тем или иным актом, содержит перечисление *всех* повинностей, ложившихся на данную группу населения, на данное лицо или учреждение» ²². С. Б. Веселовский отмечал «ненадежность» тарханских грамот в двух отношениях: во-первых, они, «устанавливая исклю-

¹⁸ «Грамоты болгарских царей». Труд Г. А. Ильинского с приложением семи фототипических снимков. М., 1911, стр. 18.

¹⁹ Там же, стр. 25.

²⁰ Там же, стр. 27.

²¹ С. Новакович. Указ. соч., стр. 424, 486, 515, 609, 614; Г. А. Ильинский. Указ. соч., стр. 18—19, 25—27; АСЭИ, т. I, № 52, 76, 117, 133, 221, 250, 363.

²² А. И. Яковлев. Приказ сбора ратных людей. М., 1917, стр. 3.

чения из общего правила, перечисляют более или менее подробно и точно те повинности, которых грамотчики не должны были платить, но ничего не говорят большей частью о тех, которые они должны были платить»; во-вторых, «давая жалованные грамоты, князья постоянно нарушали их другими жалованными же или указными грамотами, в порядке повседневного управления»²³.

Дебатируется вопрос и о соответствии действительности формулы хрисовулов. Так, К. В. Хвостова указывает, что развитие сербского и византийского иммунитета состояло в расширении податных привилегий, но в то же время перечень налогов и повинностей в сербских жалованных грамотах с течением времени становился все более детальным, а в византийских — лаконичнее, короче²⁴.

Очевидно, предпосылкой использования жалованных грамот и хрисовулов для характеристики эволюции иммунитета должен быть их всесторонний дипломатический, текстологический, исторический анализ с учетом хронологических и локальных моментов, с установлением того, какие из клаузул являются простым трафаретом, а какие — результатом воздействия жизненной ситуации. Такой анализ русских жалованных грамот дал уже известные итоги, показав роль иммунитета как атрибута феодальной земельной собственности и как орудия княжеской политики и раскрыв две тенденции его развития: борьбу иммунитетов за расширение своих привилегий, с одной стороны, стремление великокняжеской власти к их сокращению — с другой. С течением времени, к концу XV в., в связи с образованием на Руси единого государства, победу одерживает вторая тенденция.

Взаимосвязанные задачи дипломатического анализа²⁵ и уяснения характера эволюции иммунитета стоят и в отношении сербских хрисовулов. Их решению помогает то обстоятельство, что формулы податного иммунитета из хрисовулов перешли в «Законник» Стефана Душана, приобрели общезаконодательный характер²⁶. Следовательно, можно говорить о победе здесь тенденции,

²³ С. В. Веселовский. К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926.

²⁴ К. В. Хвостова. Особенности аграрно-правовых отношений в поздней Византии (XIV—XV вв.). М., 1963, стр. 242. Хвостова полемизирует с Г. А. Острогорским по вопросу об адекватности реальным отношениям клаузулы хрисовулов, фиксирующей полный податный иммунитет.

²⁵ См., например: С. Бобчев. История на старобългарското право. София, 1910, стр. 176—191; «Акти из светогорских архива». Издао и објаснио В. Мошин; «Списак краљевска Академија Споменик XCI», други разред. Београд, 1939, стр. 152—260; F. Dölger. Die byzantinische und die mittelalterliche serbische Herrscherkanzlei. «XII-e Congrès international des études byzantines. Ochrade, 1961». Rapports, IV. Belgrade — Ochrade, 1961, S. 83—103.

²⁶ «Црква все, що се обретаю по земли царства ми, освободи царство ми оть всех работь малых и великихъ»; «И що су села меропышние царства ми по Загории и иноуде црковны людие да не гредоу оу меропышние, ни на село, ни на орание, ни на винограде, ни на едину работу, ни на малу, ни на велику оть всех работь освободии царство ми, тьрьмо

противоположной той, которая возобладала на Руси, где процесс государственной централизации сопровождался сужением фискальных льгот. Но и в Сербии известны случаи ограничения иммунитетных привилегий²⁷. В одной из грамот 1395 г. они не распространяются на повинности в отношении Турции: «И ослободихомь села метохии ихь... отъ всякое наше работе, малие и великие, разве работе великога господара, кога ке прити на всоу землю Срыпскоу, тоузи и они да работаю према моки ихь...»²⁸. В «Законнике» Стефана Душана имеется статья: «И башине все да су свободне отъ всехь работъ и поданькъ царства ми разве да даю соке и войску да воюю по закону»²⁹. Словом и здесь, как и на Руси, действовали две противоборствующие силы.

Теперь несколько слов о судебном иммунитете. На Руси грамоты, фиксирующие судебные привилегии, носили название *несудимые*. Их формуляр складывается обычно из четырех статей: 1) неподсудность населения иммунитета округа представителям княжеской власти по всем делам или за исключением наиболее крупных уголовных дел («а волостели мои... и их тиуни не судят их ни в чем...» или: «Ни в чем опричь душегубства и розбоя и татбы с поличным»); право иммунитета самому судить людей, живущих у него в вотчинах («а ведает и судит тех своих людей игумен сам во всем или кому прикажет»); 3) суд «сместный», т. е. совместный, когда судьями являются представители князя и привилегированного землевладельца, а подсудимыми — лица, подвластные тому и другому («а случится суд смесной... и волостели... и их тиуни судят, а игумен с ними судит или его приказник»³⁰); 4) подсудность самого иммунитета и его приказчика князю или княжескому боярину («а кому будет искати чего на самом игумене... ино их сужу яз сам, князь великий или мой боярин введены») ³¹.

Сходство с южнославянскими хрисовулами имеют две первые статьи русских жалованных грамот. Сербские хрисовулы фикси-

да работаю цркви» (Ф. Зигель. Законник Стефана Душана, вып. 1. СПб., 1872, стр. 20, 24; Т. Флоринский. Памятники законодательной деятельности Душана, царя сербов и греков. Киев, 1888, стр. 17, приложения).

²⁷ Е. П. Наумов. Указ. соч., стр. 49.

²⁸ С. Новакович. Указ. соч., стр. 496. Характерно, что в ряде русских княжеских жалованных грамот, предоставляющих податной иммунитет отдельным вотчинам, он не распространяется на обязанности по содержанию «ямов» для проезда ордынских посланцев («опричь татарского яму», «опроче одного татарского яму») или заготовке корма их лошадям (АСЭИ, т. I, № 304, 312).

²⁹ Ф. Зигель. Указ. соч., стр. 28; Т. Флоринский. Указ. соч., стр. 18. В русских жалованных грамотах дань и войсковая служба также иногда изымаются из числа повинностей, фигурирующих в формуляре податного иммунитета (А. Д. Горский. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1960, стр. 189, 222).

³⁰ АСЭИ т. I, № 399.

³¹ Там же, № 416.

рукот как ограниченный, так и полный судебный иммунитет. В хрисовуле Стефана Драгутина конца XIII в. из судебной компетенции монастыря — иммунитета изымаются дела об измене, переманивании чужих крестьян, земельных спорах, убийстве: «И людие сие светые цркъве пре кое имаю мегоу собомь, да се прю предь игоумномь или предь владальцы цркъвными, разве невере и провода, земле и вражде...». В ряде хрисовул XIV в. находим разные варианты формулы полного судебного иммунитета: «И никто да не соуди човекоу... оть власти више писанихъ, ни да га свеже безь игоуменова соуда»; «и никто да не соуди метохие Хиландарьской ни за еднь соудь, ни мали, ни големы, ни за землю, ни за враждоу, нь да соуде старци, коихъ посла светий монастырь, и соудье, коихъ они поставе»; «и да имь не соуда предь кимь, тъкмо предь своимь предстателемь...»; «и соуда да имь несть ни предь кепалиомь... ни предь инимь владоуштимь, тъкме предь игоумномь настоещимь...» и т. д.³² Иногда хрисовулы предоставляют землевладельцам иммунитетные привилегии в форме права на получение (полностью или частично) судебных пошлин: «... Нь всякоу глобу да оузима цркъвь малоу и великоу»; «... и што се оучини глоба на техзи селехъ, да си е цркъвь волна...»³³ и т. д. «Законник» Стефана Душана говорит о судебном иммунитете церковных вотчин без всяких ограничений. О полном судебном иммунитете ведут речь некоторые болгарские грамоты конца XIII—XIV вв.: «...Ни судити, ни связати, ни глобу взяти, ни кои доходокъ»; «а на водчини що... истина вражду.. девичь разбой и конску вражду да си възима црква на своих си людехъ...»³⁴. Указание на наличие в южнославянских странах «сместного» суда можно видеть в грамоте Стефана Драгутина конца XIII в.: «А съ земляны соудь да имь есть предь кралемь или предь единомь одь владальць двора кралева, коего испрости игоумнь и братья...»³⁵.

В заключение следует сказать, что в отношении судебного иммунитета можно усмотреть те же две тенденции развития, что и в отношении иммунитета податного.

³² С. Новаковић. Указ. соч., стр. 387, 432, 515, 609.

³³ Там же, стр. 456, 609.

³⁴ Г. А. Ильинский. Указ. соч., стр. 15, 18.

³⁵ С. Новаковић. Указ. соч., стр. 387.

между государствами должен был просто воспроизводить выработанный в Москве предварительный текст.

Для получения ратификационной грамоты и решения некоторых вопросов, не урегулированных во время переговоров в Москве, в Речь Посполитую отправилось русское «великое» посольство, которое встретилось с королем Сигизмундом в декабре 1591 г. в городке Яновце на Висле, где и был изготовлен окончательный текст соглашения с польско-литовской стороны.

Ратификационная грамота Сигизмунда дошла до нас в двух вариантах — в русском архиве³ и в тексте Посольских книг Литовской Метрики⁴. Текст русского экземпляра почти полностью совпадает с записью, данной в Москве польско-литовскими послами⁵. При сличении же записи с текстом Посольских книг выявляется, что в литовских экземплярах ее текст подвергся многочисленным изменениям разного рода.

Некоторые из них носят редакционный характер. Так, в отдельных местах вставлены пояснения: «В тые перемирные лета», в других заменены отдельные слова: вместо слов записи «то дело в рубежах довершити» в договоре читается «то дело в рубежах докончити». Наряду с такими мелкими поправками в отдельных статьях литовских экземпляров имеется также ряд сокращений, которые не меняют смысла текста. Если не считать случаев, когда опускались отдельные слова и обороты, крупных сокращений можно отметить два. Опущено во вводной части краткое описание переговоров, предшествовавших заключению соглашения⁶, а в разделе, содержащем постановление о размежевании границ в районе Велижа, Усвята и Озерица, снято описание самой процедуры размежевания, очевидно потому, что оно уже было помещено в другом разделе соглашения.

Кроме того, лица, работавшие над литовскими экземплярами текста, исправили некоторые редакционные неточности записи послов, которые перешли из нее в русский экземпляр ратификационной грамоты. Так, в перечне русских городов, на которые распространялось действие перемирия, в записи послов упомина-

³ ЦГАДА, ф. 79, кн. 20, оп. 3, д. 47.

⁴ Там же, ф. 389, кн. 593, л. 154; кн. 594, лл. 172—177 и об. В обоих книгах текст по существу идентичный; в кн. 594 он списан с оригинала, в котором были перепутаны листы, но последовательность легко восстанавливается.

⁵ При сличении удалось выявить лишь одно существенное разночтение. Словам записи: «А меж Усвята и Усвятского уезда с Луцким уездом и Невельским уездом» соответствует в ратификационной грамоте текст: «А меж Усвята и Усвятского уезда и Суража Суражского уезда и Озериц и Озерицского уезда с Луцким уездом и Невельским уездом». Вероятнее всего, здесь налицо случайный пропуск в дошедшем до нас тексте записи, тем более что в русском варианте договора — «государевом слове» эти слова читаются (*М. М. Щербатов. Указ. соч., стр. 234*).

⁶ Текст записи от слов «говорили тебе, великому государю» до слов «взяли перемирья на дванадцать лет».

ние о городе Себеже оказалось не на месте, разорвав перечень составных частей Псковской земли⁷. В литовском экземпляре эта неточность исправлена. Сходный случай можно отметить и в заключительной части договора. Помещенные здесь статьи об условиях торговли для купцов обоих государств были в записи механически заимствованы из московского варианта договора, где, естественно, сначала говорилось о «московских», а затем о «литовских» купцах. В литовском экземпляре такой порядок расположения текста был изменен.

Однако такого рода изменениями дело не ограничилось. В ряде мест в литовских экземплярах можно отметить и такие переделки, которые существенно меняют смысл текста, а также одну вставку. В заключительной части договора помещена новая статья, по которой предусматривалось, что задержанные в России «литовские» купцы должны быть отпущены в Речь Посполитую «добровольно и без обиды» со всем имуществом и получить вознаграждение за нанесенные им убытки. Цель вставки очевидна и в комментариях не нуждается.

Что касается изменений, то их можно сгруппировать как бы по трем группам: а) изменения титулатуры; б) изменения по территориальным вопросам; в) изменения в тексте статей, определяющих общий характер взаимоотношений между государствами.

Титулатура монархов при сношениях между Россией и Речью Посполитой была постоянно предметом самых жарких споров, которые обычно оставались неразрешенными из-за неуступчивой позиции обеих сторон. Несмотря на это (а, может быть, благодаря этому), титулатура монархов в договорных актах между государствами носила на протяжении второй половины XVI—начала XVII в. устойчивый характер. Правитель Речи Посполитой в обоих вариантах договора имел одинаковый титул «божьєю милостью король Польский, великий князь Литовский, Русский, Прусский, Жомойтский, Мазовецкий, Лифлянский и иных», в сокращенной передаче в самом ходе изложения — «божьей милостью король Польский и великий князь Литовский». Что касается русского государя, то в русском тексте договора — «государевом слове» он выступал с полным царским титулом: «Великий государь, царь и великий князь всея Руси...» В литовском же тексте за ним сохранялся лишь тот титул, который признавали за московскими великими князьями в 90-х годах XV в. — «Божьєю милостью великий господарь и великий князь всея Руси, Владимирский, Московский, Новгородский, Казанский, Астраханский, Псковский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгар-

⁷ В записи текст имеет следующий вид: «Города Пскова и псковских пригородов... (следует их перечень.—*Б. Ф.*), города Себежа и волостей Себежских и волостей Псковских и Псковское земли все».

ский», а сокращенно — «божьей милостью великий государь и великий князь всея Руси»⁸.

К 1590 г. это была уже давно установившаяся традиция, и во время переговоров в Москве внесение этих титулов в тексты перемирных грамот не вызвало никаких столкновений. Дело несколько осложнило только то обстоятельство, что король Сигизмунд III был одновременно наследником шведского трона. В соответствии с этим его положением послы Речи Посполитой требовали, чтобы в обоих вариантах договора он, помимо обычных наименований, получил титул «королевства Швецкого приближенный дедич и пришлый король», но это требование было отклонено русским правительством⁹, и послам пришлось удовлетвориться тем, что они внесли этот титул в текст собственной записи.

В литовских экземплярах титулы обоих монархов оказались существенно измененными. Что касается Сигизмунда, то в начальной и заключительной части договора данное послами обозначение его положения в Швеции было заменено титулатурой, употреблявшейся в официальной шведской документации: «Швецкого, Кготского, Вандальского власный дедич и пришлый король и великий князь Финлянский и иных». Еще большим изменениям подверглась титулатура Федора Ивановича. Из перечня территориальных атрибуций в титуле Федора Ивановича в начальной и заключительной части договора был исключен эпитет «Псковский» и, что самое главное, и в тексте договора, и в заключительной его части он именовался просто «великий государь и великий князь». Опущенными оказались, следовательно, такие существенные элементы титулатуры русского монарха, как «божьей милостью» и «всея Руси»¹⁰. Нетрудно видеть, что такая обработка соответствовала интересам польско-литовских феодалов, стремившихся вытравить из признававшегося ими за русскими государями титула всякие следы претензий на суверенитет над белорусско-украинскими землями в составе Речи Посполитой.

Изменения в том разделе договора, где дается перечень территорий обоих государств, на которые распространяется действие перемирия, немногочисленны, но также четко выражают определенную тенденцию. Так, в литовских экземплярах оказался опущенным кусок из перечня русских городов: «И новых городов, города Ливна, города Воронежа». Эти крепости на южной грани-

⁸ См. ратификационные грамоты Ям-Запольского мира 1582 г. (Книга посольская Метрики Великого Княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государствовании Стефана Батория. СПб., 1843, стр. 259 и сл.) и тексты перемирия 1601 г. («Сборник Русского исторического общества», т. 137. М., 1912, стр. 58 и сл.)

⁹ ЦГАДА, ф. 79, кн. 20, лл. 488 и сл.

¹⁰ В двух местах, правда, эпитеты «всея Руси» и «божьей милостью» присутствуют, но это надо отнести за счет несовершенства редакционной работы над текстом.

це России формально не должны были включаться в текст договора. На такой шаг русское правительство подвинуло, видимо, то обстоятельство, что в конце 80-х годов эти города подверглись нападениям запорожских казаков¹¹. Включая их названия в текст договора, русские дипломаты как бы налагали на польско-литовскую сторону обязательство препятствовать подобным нападениям. Во время переговоров в Москве русское условие было принято, а в литовских экземплярах от него отказались, что, конечно, соответствовало интересам польско-литовской стороны.

Еще более характерна вставка, сделанная в перечень владений Речи Посполитой. К тексту записи «Витепская земля з городом Велижом к Витебску» в литовских экземплярах добавлены слова «и з волостями Велижскими». Вопрос о судьбе Велижского уезда к моменту заключения перемирия 1591 г. был уже почти 10 лет предметом ожесточенных споров между польско-литовской и русской сторонами. Пограничный город Велиж был уступлен Речи Посполитой по Ям-Запольскому договору 1582 г. Будущая граница между государствами была определена в этом соглашении следующим образом: «А земля Велижу по старым рубежом, как было Витебской земли с Торопецкою землею — Витебская земля з городом Велижем к Витебску, а Торопецкая — к Торопцу». Эта не совсем ясная формула в дальнейшем толковалась обеими сторонами по-разному. Польско-литовская сторона трактовала этот текст как передачу Речи Посполитой города Велижа вместе с прилегающей к нему территорией, в то время как русская, ссылаясь на то, что в договоре упоминается только город Велиж, отказывалась уступить территорию уезда. На практике произошел фактический раздел уезда между обоими государствами, а спор между ними так и остался неразрешенным до самого начала XVII в.¹² Сделанная вставка, как видим, уточняла договорную формулу в соответствии с толкованием, которое вкладывали в нее представители Речи Посполитой.

Более сложно объяснить происхождение вставки, сделанной в перечне ливонских владений Речи Посполитой. Здесь после «Пернава нового» добавлены отсутствовавшие в записи послов слова «и города Нарви, Ругодева названого». Нарва — порт на побережье Финского залива в момент подписания перемирия входила в состав владений Шведского королевства и, таким образом, о ней как будто не нужно было упоминать в двустороннем договоре между Россией и Речью Посполитой. В действительности, однако, в 1590—1591 гг. вопрос о судьбе данного го-

¹¹ Об этих нападениях см.: *С. М. Соловьев*. История России с древнейших времен, кн. IV. М., 1960, стр. 234.

¹² Подробный разбор дипломатического спора о Велиже и установление фактической границы в этом районе см.: *Н. В. Шеламанова*. К вопросу об изучении источников по истории внешней политики России в конце XVI в. «Новое о прошлом нашей страны». М., 1967, стр. 181 и сл.

рода стал предметом острой дипломатической борьбы между этими государствами. К концу 1589 г. между Россией и Швецией началась война, протекавшая для России в целом успешно. В связи с этим возможность перехода под русскую власть Нарвы — города, лежавшего очень близко от русско-шведской границы, стала в это время очень реальной. Такая перспектива, однако, вызывала сильную тревогу политических деятелей Речи Посполитой, опасавшихся, что, получив порт на Балтийском море, Россия может слишком усилиться. Поэтому на происходивших в Москве переговорах послы Речи Посполитой требовали, чтобы русское правительство отказалось от притязаний на Нарву и не вводило свои войска в этот город. После длительных дебатов вопрос так и остался нерешенным¹³. В литовских экземплярах дано, как видим, уже решение вопроса, максимально соответствующее интересам польско-литовской стороны: Нарва включена в состав владений Речи Посполитой.

Еще одно изменение текста записи вводит нас в сложную проблематику русско-польско-шведских отношений. В перечне составных частей Новгородской земли, на которые распространяется действие перемирия, в записи послов названы города Ивангород, Ям, Копорье и Корела. В литовских экземплярах грамоты Сигизмунда названия этих городов опущены. Колебания в определении статуса этих городов станут понятны, если учесть, что в последние годы Ливонской войны все эти города были завоеваны шведами. Во время военной кампании 1590 г. Ям, Ивангород и Копорье были заняты русскими войсками, но эти изменения не были юридически признаны шведским правительством, продолжавшим вести войну против России. Что касается Корелы, то в момент заключения русско-польского договора и в течение нескольких последующих лет этот русский город еще продолжал оставаться под властью шведского короля. Понятно поэтому, что на переговорах в Москве включение этих городов в перечень русских владений по перемирной грамоте вызвало возражения польско-литовских послов, указывавших, что это бы означало признание со стороны Речи Посполитой прав России на территории, которые являются предметом спора между Россией и Шведским королевством. Однако в дальнейшем, в обмен на уступки по другим, более важным для интересов Речи Посполитой вопросам послы согласились на включение этих пунктов в текст перемирной грамоты¹⁴. В литовском экземпляре грамоты Сигизмунда эта уступка, как видим, уже аннулирована.

Пересмотр позиции по этому вопросу можно поставить в определенную связь с изменениями, внесенными в литовские экземпляры при редактировании тех статей договора, которые оп-

¹³ Краткий очерк переговоров о судьбе Нарвы см.: *С. М. Соловьев. Указ. соч.*, стр. 235 и сл.

¹⁴ ЦГАДА, ф. 79, кн. 20, лл. 564 и сл.

ределяли отношение каждой из договаривающихся сторон к возможным конфликтам между ее контрагентом и каким-либо третьим государством.

Запись послов в соответствии с обычными нормами, принятыми при заключении мирных договоров между Россией и Речью Посполитой, предусматривала, что Россия на протяжении перемирия не должна «людми и казною вспомогати» «недругам» Речи Посполитой, а Речь Посполитая со своей стороны не будет помогать «недругам» России. При составлении литовских экземпляров в этот текст был сделан целый ряд вставок. В новой редакции было добавлено, что Россия должна сохранять нейтралитет не только в случае столкновения Речи Посполитой с каким-либо третьим государством, но и в случае выступлении каких-либо держав «противу отчизны наше Королевства Швецкого». Другая сторона, напротив, не брала на себя обязательств сохранять нейтралитет в русско-шведском конфликте: четко оговаривалось, что Речь Посполитая не будет помогать всем «недругам» России, «опроче короля его милости Швецкого».

Внесенные изменения, как видим, очень существенно меняли содержание соответствующих статей договора и отнюдь не в пользу Русского государства.

Подводя итоги, можно, таким образом, констатировать, что правка, которой подвергся текст литовских экземпляров ратификационной грамоты Сигизмунда III, не ограничилась чисто редакционными изменениями и означала пересмотр целого ряда условий московского соглашения в невыгодную для России сторону.

Часть из внесенных поправок, такие, как включение спорной территории Велижа в состав владений Речи Посполитой, попытка исключить из титулатуры русского монарха эпитет «всёя Руси», внесение в договор статьи об освобождении литовских купцов, могла быть, вероятно, обязана своим появлением инициативе тех или иных кругов польско-литовского общества.

Этого, однако, никак нельзя сказать о наиболее существенной части правки: поправках, внесенных в статьи договора, определявшие на будущее характер международных отношений в Восточной Европе. По одной из этих поправок, как мы видели, на Россию налагалось обязательство не помогать «недругам» Швеции — государства, с которым она находилась в войне. По другой — Россия по существу обязывалась не выступать против Речи Посполитой, если та станет оказывать помощь Швеции. Нетрудно видеть, что выгоды от этих изменений могла извлечь не Речь Посполитая, а прежде всего Швеция. Интересам шведской короны отвечал и фактический отказ Речи Посполитой признать русские права на отвоёванные у шведов новгородские пригороды.

Это дает основание полагать, что инициатива данных поправок исходила скорее всего не от сенаторов, участвовавших в переговорах с русским посольством, а лично от короля Сигизмун-

да III, стремившегося при заключении соглашения максимально обеспечить интересы своего «дедичного» Шведского королевства.

Такое предположение тем более вероятно, что условия соглашения в Москве определенно расходились с указаниями, которые король дал своим «великим» послам, отправляя их в русскую столицу. В «дополнительной» инструкции от 25 апреля 1590 г. им предписывалось внести в мирный договор условие «иж где бы князь великий Московьский на дедичные панства наши на королевство Швецкое обуритисе и оное в чом ушчербити хотел, же мы дедицтва нашего боронити будем... покою однак того с Коруюю Польской и з Великим князьством Литовским застаповного до выитья назначоных лет не порушаючи»¹⁵. Послы, однако, как видно из вышеизложенного, не проявили заботы о шведских интересах и не только не внесли соответствующие условия в текст договора, но даже признали русские права на город Корелу, входивший до 1595 г. в состав Шведского королевства. В таких условиях попытка короля Сигизмунда III при ратификации договора пересмотреть его условия представляется вполне естественной.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что в русском экземпляре его ратификационной грамоты поправки, внесенные в литовские экземпляры, полностью отсутствуют.

Какой же из двух вариантов следует признать аутентичным текстом документа?

Материал для решения этого вопроса дает статейный список «великого» посольства в Польшу, содержащий разнообразные сведения о происходивших в Яновце переговорах. Так, выясняется, что некоторые из вопросов, привлекавших внимание лиц, работавших над литовским текстом ратификационной грамоты Сигизмунда, действительно обсуждались в Яновце. Так, на заседании 3 декабря сенаторы Речи Посполитой отметили, что в перемирной грамоте «написан... город Велиж к Торопцу», а между тем Велижская волость — владение Речи Посполитой, «и государь бы ваш вперед,— заявили они послам,— в Велижскую волость не вступался»¹⁶. Однако после длительных споров польско-литовская сторона пошла на уступки, и «споровавсе много, приговорили» о Велижской волости: «Быти ей в государеву сторону с Торопецкими волостями вместе попрежнему»¹⁷. Вопрос о Велиже, как видим, был решен совсем иначе, чем это зафиксировано в литовских экземплярах.

Вопрос о судьбе Нарвы также занял на переговорах в Яновце большое место. В ходе дебатов представители Речи Посполитой действительно предлагали внести Нарву в перемирную гра-

¹⁵ ЦГАДА, ф. 389, № 623.

¹⁶ Там же, ф. 79, кн. 21, л. 457.

¹⁷ Там же, л. 462 и об.

моту как владение Речи Посполитой¹⁸, но это требование было русскими отклонено, и результатом переговоров было особое соглашение, по которому обе стороны приняли на себя обязательства в течение срока перемирия «к Ругодиву рати и войны не посылати и его не добывати»¹⁹. И здесь нет никакого совпадения между найденным решением и тем, которое зафиксировано в литовских экземплярах.

Русские посольские записи позволяют также составить довольно точное представление о выработанном в Яновце тексте ратификационной грамоты.

Работа над текстом этого документа производилась ночью с 3 на 4 декабря специально выделенными для этого представителями сторон. С русской стороны это были дьяки Захарий Свизев и Постник Дмитриев, с польско-литовской — канцлер Великого княжества Лев Сапега и подканцлер Габриель Война. Представленный польско-литовской стороной проект договора русские представители сличили со своей копией записи, данной литовскими послами в Москве. В результате выяснилось, что представленный проект «не справив, во многих статьях в их списке прописано»²⁰, и русские послы отказались положить его в основу соглашения. В конце концов, после длительных споров выход был найден в том, что «справили список с государевою перемирною грамотою, какова дана литовским послом»²¹. Это означало фактический отказ польско-литовской стороны от своего проекта, так как русский вариант договора, как указывалось выше, отличался от записи послов лишь различиями в титулатуре обоих монархов. Подготовленный текст был зачитан на следующей встрече сторон 4 (14) декабря Львом Сапегой, а русские дьяки при этом «смотрели в список... с перемирной грамоты, которую послы королевские писали у государя»²². Поскольку никаких возражений с их стороны не последовало, есть все основания полагать, что подготовленный текст дословно воспроизводил данный документ²³. На следующий день, 5 (15) числа, после принесения присяги королем Сигизмундом грамота была передана пос-

¹⁸ Там же, л. 455 и об.

¹⁹ Текст договора не сохранился; краткое резюме его содержания см. в отписке послов из Минска (там же, кн. 21, л. 325), а также в их статейном списке (лл. 470 и об.—471).

²⁰ Там же, л. 463.

²¹ Там же, л. 464 и об.

²² Там же, л. 472 и об.

²³ Русские послы были очень внимательны к любым расхождениям между текстами. Так, получив, например, второй вариант записи о Нарве, послы записали в статейном списке, что при сличении вместо слов «и то меж великого государя царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии и меж великого государя Жигимонта короля ныне не сталосся» в представленном тексте читается «и то меж панов-рад и меж государевых великих послов не сталосся» (там же, л. 492).

лам²⁴. Приведенные сведения позволяют, таким образом, сделать определенный вывод, что дословно воспроизводящий запись послов экземпляры русского архива и представляет собой согласованный с обеими сторонами текст соглашения в Яновце.

Вместе с тем сообщение о подготовленном представителями Речи Посполитой проекте, который чем-то отличался от текста записи, говорит о том, что в момент переговоров польско-литовские дипломаты проводили какую-то работу над текстом заключенного в Москве соглашения. О характере этой работы позволяют отчасти догадываться замечания, сделанные русскими послами по поводу представленного Львом Сапегой первого варианта записи о ненападении на Нарву. В этом документе оказалось «не написано в государеве имени всеа Руси в пяти строках»²⁵ — аналогичным образом была изменена, как показано выше, титулатура Федора Ивановича и в литовских экземплярах ратификационной грамоты.

Все эти соображения как будто позволяют прийти к заключению, что литовский экземпляр ратификационной грамоты представляет собой подготовленный литовской стороной, но в ходе переговоров не получивший утверждения проект договора.

Такое решение вопроса наталкивается, однако, на некоторые трудности. Во-первых, совершенно непонятно, почему в Посольские книги Литовской Метрики оказался внесенным неутвержденный проект, а подлинный текст такого важного документа, как ратификационная грамота короля, в них вообще не попал. Во-вторых, такое предположение никак не объясняет происхождение даты, поставленной на этом документе, — «декабра двадцать осмого дня» (18 декабря по ст. ст.) 1591 г. К этому числу переговоры в Яновце были уже давно закончены, а русские послы уже выехали из Польши и находились на пути к русской границе²⁶.

Обращение к материалам польского происхождения не только не разрешает трудностей, но порождает новые недоумения. Так, известно, что из Яновца Сигизмунд III писал ряду сенаторов о ходе и результатах переговоров с московским посольством. В этих письмах, как указывает изучавший их польский исследователь К. Лепши, король обращал внимание своих корреспондентов на то, что по заключенному соглашению в случае русско-шведской войны Сигизмунд может оказывать помощь своему отцу, не навлекая на Речь Посполитую опасность разрыва с Россией²⁷. В выступлениях ораторов на «инквизиционном» сейме

²⁴ Там же, л. 478.

²⁵ Там же, л. 491.

²⁶ 12 декабря они были в Брест-Литовске, 25-го — в Минске (там же, лл. 326 и об., 491).

²⁷ К. Лепши. *Rzeczpospolita polska w dobie sejmu inkwizycyjnego (1589—1592)*. Kraków, 1939, str. 5.

1592 г. также можно встретить утверждение, что к московскому соглашению в Яновце была «*przydana kondyсуа*», согласно которой Речь Посполитая могла оказывать военную помощь Швеции, не нарушая при этом мирных отношений с Россией²⁸.

В этих высказываниях, как видим, цитируются как имеющие силу такие постановления, которые не были включены в подлинный текст соглашения.

На этом, к сожалению, приходится прервать исследование, так как все возможности для установления истины автором уже исчерпаны. Ему остается лишь выразить надежду, что, может быть, со временем новые архивные находки позволят пролить свет на происхождение включенного в Литовскую Метрику текста.

РАЗВИТИЕ ГОРНО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В СИЛЕЗИИ

(по данным «Генеральных статистических
табелей Силезии 1787 г.»)

Е. Е. Станкевич

«Генеральные статистические таблицы Силезии 1787 г.»¹ возникли на основе всеобщей переписи населения Силезии в 1787 г. Она была предпринята по случаю коронации прусского монарха Фридриха-Вильгельма II. Развитие прусской статистики начинается еще в XVII в. Вначале она охватывала только отдельные стороны экономической жизни. С течением времени объем статистических сведений увеличивался. Наконец, 19 марта 1747 г. был издан королевский указ о ежегодной переписи и введены так называемые «исторические таблицы», которые должны были содержать данные о численности населения в стране и о различных социально-экономических явлениях.

«Генеральные статистические таблицы Силезии 1787 г.» отличаются от всех предыдущих и последующих «исторических таблиц» большей точностью регистрации и обработки данных. Для выполнения этой переписи были мобилизованы все силы феодаль-

²⁸ См. «дневник» сейма 1592 г. «*Dyaryusze i akta sejmowe z r. 1591—92*», Kraków, 1911, str. 287—288.

¹ «*Generalne tabele statystyczne Śląska 1787 roku*». Wrocław, 1954.

ной прусской монархии. Инструкции, разъяснения, указы, касающиеся переписи 1787 г., свидетельствуют о том, что прусские власти придавали ей большое значение, что на этот раз была поставлена задача охватить переписью буквально все население². Помимо данных о численности населения, «Генеральные статистические таблицы» содержат также многочисленные сведения о силезской промышленности на этом этапе ее развития: ремесле, мануфактурах, горном деле и металлургии.

Но источник имеет и ряд недостатков. В частности, это касается данных по горно-металлургической промышленности, которые отличаются некоторой фрагментарностью. Такие пробелы восполняются в определенной мере сведениями немецкого буржуазного историка Г. Фехнера³, который в своей работе использовал ежегодно составлявшиеся «исторические таблицы».

Со времени захвата Пруссией у Австрии Силезии (1740—1742 гг.) здесь уже на довольно высоком уровне находились добыча железной руды и выплавка чугуна, добыча олова, серебра, цинковой руды, меди. Это развитое для того времени производство имело для Пруссии большое значение, оно послужило основой для создания мощной верхнесилезской металлургии, которая должна была обеспечивать военную промышленность.

Вторая половина XVIII в. является периодом бурного развития металлургической и горнодобывающей промышленности в Силезии. В 1753 и 1755 гг. возникли первые государственные металлургические заводы сначала в Опольском, а потом в Ключборкском поветах. Рядом с ними были построены предприятия по производству оружия.

Созданное в 1769 г. Высшее горное ведомство принимает на себя руководство как государственными, так и частными предприятиями. Оно назначало служащих и поставило на предприятия квалифицированных рабочих, определяло их вознаграждение, устанавливало размеры производства, а также осуществляло технический надзор на горно-металлургических предприятиях. В основе этой системы управления лежал так называемый директивный принцип, который во второй половине XVIII в. сыграл несомненно положительную роль, способствуя созданию квалифицированных кадров и введению технических усовершенствований в горное дело и металлургию. С другой же стороны, отрицательной чертой этой системы было то, что Высшее горное ведомство устанавливало масштабы производства для отдельных предприятий, что в известной мере ограничивало развитие последних.

В 1784 г. под непосредственным руководством Высшего горного ведомства возобновилась добыча олова и серебра на рудни-

² «Generalne tabele statystyczne...», s. 25.

³ H. Fechner. Wirtschaftsgeschichte der preussischen Provinz Schlesien in der Zeit ihrer provinziellen Selbständigkeit 1740—1806. Breslau, 1907.

ке «Фридрих» в Тарновских Гурах, который вскоре становится одним из крупнейших горнодобывающих предприятий в Силезии. Рядом с рудником в Стшибнице был построен металлургический завод, который перерабатывал добываемую руду.

Помимо этих государственных предприятий, возникших до 1787 г., в Силезии была еще масса частных рудников и металлургических заводов, принадлежащих главным образом помещикам, которые выступали здесь в качестве предпринимателей. Этому способствовали как социально-экономическая политика прусского государства, так и само положение феодалов, владеющих не только большей частью земель, но и крестьянами, находящимися от них в личной зависимости. Горное право давало помещику первенство на разработку месторождений в его владениях. Более того, некоторые помещики имели привилегии, утвержденные прусским королем, которые признавали и недра принадлежащей помещикам земли их собственностью. Это относилось к князьям Пщинским, графам Доннерсмаркам, к владельцам «мысловицкого государства»⁴. Эти положения горного права от 1769 г. уже в какой-то мере предопределяли классовую принадлежность предпринимателя. Известно, например, что в 1796 г. в верхнесилезской металлургии было только 6 предпринимателей буржуазного происхождения, но и они выступали в качестве арендаторов предприятий помещиков⁵.

Другим важным фактором была проблема рабочей силы на горно-металлургических предприятиях. Во второй половине XVIII в., на заре капиталистического развития, особенно трудно было с квалифицированными кадрами рабочих. Высшее горное ведомство вербовало горняков и металлургов для Силезии за границей, прежде всего в Германии, Речи Посполитой и Австрии. Эти квалифицированные рабочие распределялись затем на государственных и частных предприятиях. Так, например, на металлургическом заводе «Фридрих» в 1788 г. из 18 занятых там рабочих 5 человек было из Австрии и 2 — из Германии⁶, а на металлургическом заводе в Оссовце (Опольский повет) большая часть рабочих происходила из западных провинций Пруссии⁷.

Правовое положение горняков и металлургов в Силезии было определено привилеем от 3 декабря 1769 г. Они освобождались от барщины и других феодальных повинностей, от военной службы и налогов до тех пор, пока работали на рудниках и металлургических предприятиях. Кроме того, они получали пособия по болезни и пенсии по старости⁸. Лица, направляющиеся на рабо-

⁴ *A. Grodek. Wybór pism, t. 2. Warszawa, 1963, s. 289—290.*

⁵ *H. Büchsel. Rechts- und Sozialgeschichte des oberschlesischen Berg- und Hüttenwesens 1740 bis 1806. Breslau — Kattowitz, 1941, S. 111.*

⁶ Там же, стр. 135.

⁷ Там же, стр. 111.

⁸ Там же, стр. 72—73.

ту в горное дело и металлургию, приносили присягу и, таким образом, становились «реестровыми» горняками и металлургами. На них и распространялись в основном вышеуказанные привилегии.

Гораздо проще решался на частных предприятиях вопрос о неквалифицированных рабочих. К услугам землевладельцев был даровой труд зависимых крестьян, обязанных обрабатывать барщину. Этим крестьян помещики-предприниматели использовали в качестве неквалифицированных рабочих на своих рудниках и металлургических заводах. Для работы же на государственном предприятии крестьянин должен был получить согласие помещика. Последние отпускали крестьян только на сезонную работу (осенью и зимой). Многие крестьяне бежали от помещиков на государственные предприятия. Горное ведомство охотно принимало их на работу, так как постоянно ощущался недостаток рабочей силы. Все это неоднократно вызывало споры и тяжбы между помещиками и Высшим горным ведомством. Часто таким беглым крестьянам приходилось возвращаться к своим прежним владельцам. В конце XVIII в. Высшее горное ведомство уже не возвращало беглых крестьян и даже помогало им выкупить феодальные повинности. Это было связано с тем, что в этот период со всей остротой встал вопрос о формировании кадров квалифицированных рабочих из местного населения.

Наконец, третьим фактором, способствующим развитию промышленности в имениях феодалов, было предоставление прусским правительством помещикам дешевого долгосрочного кредита. Для этой цели в 1763 г. было создано Земское кредитное общество, первое в Пруссии и вообще в Европе⁹. Таким образом, при поддержке государства силезские помещики превращались в предпринимателей.

По данным «Генеральных статистических табелей», в 1787 г. в Силезии насчитывалось 63 рудника, на которых было занято 535 человек¹⁰. В основной своей массе это были мелкие предприятия, на некоторых из них работало от трех до пяти человек. Наиболее крупные рудники были в Львовецком повете (Нижняя Силезия): здесь на двух горнодобывающих предприятиях было занято 98 человек¹¹. Также следует отметить рудник по добыче мышьяка в Злотым Стоке с 33 горняками¹². На остальных рудниках количество рабочих составляло в среднем 7—15 человек¹³. Например, на руднике в Люблинецком повете работало 15 человек¹⁴, а на четырех рудниках по добыче цинковой

⁹ А. Grodek. Указ. соч., стр. 289—290.

¹⁰ «Generalne tabele statystyczne...», s. 273, 300, 314, 316.

¹¹ Там же, стр. 314.

¹² Там же, стр. 272.

¹³ Там же, стр. 314, 316—317.

¹⁴ Там же, стр. 314.

руды в Бытомском повяте — 46 человек¹⁵, основная масса которых — это горняки из Олькуша (Речь Посполитая), переселившиеся в Силезию¹⁶. По-видимому, производительность этих предприятий была низкой, так как в рассматриваемый период в горном деле господствовал ручной труд и уровень добычи во многом зависел от числа занятых работников. В то же время следует отметить, что перепись 1787 г. зарегистрировала только постоянных рабочих и здесь не учитывались поденщики-сезонники, которых использовали на вспомогательных операциях.

В железоделательном производстве Силезии в 1787 г. было 142 чугуноплавильных предприятия, 97 кузнечных цехов по производству полосового железа, 6 по производству листового железа, 48 доменных печей и только 9 горнов¹⁷ (последние вытесняются домнами). Это производство было сосредоточено в сельской местности. Кроме того, в переписи указано еще три металлургических предприятия в городе Болеславец¹⁸. В общей сложности в железоделательном производстве было занято более 800 человек¹⁹. В металлургии, как и в горнодобывающей промышленности, доминировали мелкие предприятия. Например, на металлургическом комплексе в Гливицком повяте (8 домен, 1 горн, 31 чугуноплавильный цех и 3 кузнечных цеха) было занято 143 человека²⁰, в Люблинецком повяте (4 домны, 9 чугуноплавильных цехов) было занято 60 рабочих²¹. В среднем на один объект приходилось от трех до семи человек. Так же примитивно выглядело и производство меди — от двух до четырех рабочих на одном предприятии²².

Интересно, что уже в этот период в металлургии и в производстве металлургических изделий ведущее место занимает Верхняя Силезия. Здесь было 43 домны, 136 чугуноплавильных предприятий и приблизительно 87% рабочих, занятых в силезской металлургии железа²³. А в трех верхнесилезских повятах (Люблинецкий, Опольский, Гливицкий) было сосредоточено 57,4% рабочих в железоделательном производстве Силезии²⁴.

По концентрации рабочих, по степени развития различных отраслей металлургии особенно выделяется Гливицкий повят²⁵. Здесь наряду с железоделательным производством было развито

¹⁵ Там же, стр. 316.

¹⁶ *H. Büchsel*. Указ. соч., стр. 29.

¹⁷ «Generalne tabele statystyczne...», s. 314.

¹⁸ Там же, стр. 272.

¹⁹ Там же, стр. 273, 314, 317.

²⁰ Там же, стр. 314.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же, стр. 314, 317.

²⁴ Там же, стр. 314.

²⁵ Там же, стр. 314, 316—317.

О ТЕКСТАХ РУССКО-ПОЛЬСКОГО ПЕРЕМИРИЯ 1591 г.

В. Н. Флоря

Соглашение 1591 г. между Россией и Речью Посполитой представляло собой важное событие в истории международных отношений в Восточной Европе последней четверти XVI в. После ряда кратких перемирий времени Ливонской войны и первых лет по ее окончании между двумя главными державами этого региона был, наконец, заключен договор, определявший отношения между ними на длительный (более чем 10-летний) промежуток времени.

К сожалению, историческая обстановка, в которой это соглашение возникло, а в равной мере и его условия до настоящего времени еще не стали объектом специального внимания исследователей. Между тем уже сопоставление текстов договора 1591 г. ставит перед исследователем русско-польских отношений последних десятилетий XVI в. целый ряд вопросов.

Прежде всего следует кратко остановиться на происхождении и последовательности появления основных текстов соглашения.

Переговоры о заключении перемирия вело в Москве в ноябре 1590—январе 1591 г. «великое» посольство Речи Посполитой во главе с воеводой подляшским Станиславом Радиминским. Воевода, впрочем, умер на начальной стадии переговоров, и текст соглашения, которым переговоры завершились, был результатом совместных усилий его литовских коллег — подканцлера Габриеля Войны и писаря Матвея Войны, с одной стороны, и русских дипломатов — с другой (Степан Васильевич Годунов, Богдан Юрьевич Сабуров, Андрей Щелканов, Елизар Вылузгин). Переговоры завершились составлением двух вариантов договора, практически почти тождественных между собой. Один из них — так называемое государево слово — представляет собой русскую ратификационную грамоту, на которой 10 января 1591 г. царь Федор Иванович «целовал крест» перед послами¹. Другой текст, почти идентичный с первым², представлял собой предварительный текст польско-литовской стороны — запись, скрепленную печатями послов, которая затем должна была быть заменена ратификационной грамотой короля Сигизмунда. Этот документ в соответствии с обычной практикой дипломатических сношений

¹ Публикация этого документа см.: *М. М. Щербатов. История Российская от древнейших времен*, т. VI, ч. II. СПб., 1790, стр. 227—237.

² Текст записи послов см.: Центральный государственный архив древних актов (далее — ЦГАДА), ф. 79 (Сношения России с Польшей), кн. 20, лл. 531—542 об. и ф. 389 (Литовская Метрика), кн. 594, лл. 123—131 об.

производство латуни, ложек, проволоки, на которых было занято 221 человек ²⁶.

Во второй половине XVIII в. в Силезии начинается регулярная разработка каменноугольных залежей. Преобладали мелкие шахты, в которых добыча велась открытым способом. Так, в 1787 г. было зарегистрировано 6 угольных шахт в Нижней Силезии (в районе Богущова), на которых работало 57 горняков ²⁷. В то же время Г. Фехнер называет для 1786 г. 48 шахт во всей Силезии с числом горняков 451 человек ²⁸, из которых 6 шахт с 26 горняками было в Верхней Силезии ²⁹. Разница между этими данными слишком велика. Основным источником для работы Г. Фехнера, как известно, послужили «исторические таблицы», которые составлялись ежегодно. Хотя «Генеральные статистические таблицы 1787 г.» и отличаются большей точностью от всех остальных, по-видимому, по каменноугольному производству они приводят неполные данные. Это же относится и к статистическим сведениям о рудниках и металлургических предприятиях. Например, в Бытомском повяте зарегистрировано 11 рудников с 38 горняками ³⁰. В то же время здесь, как известно, находился крупнейший в этот период в Силезии рудник «Фридрих» по добыче олова и серебра у Тарновских Гур и металлургический завод под таким же названием в Стшибнице. По другим данным, на одном только руднике «Фридрих» в 1788 г. было занято 178 рабочих ³¹. В Ключборском повяте, где находились государственные металлургические предприятия, указано только 10 металлургов. По данным же Г. Фехнера, в 1786 г. здесь работало 96 человек ³².

Таким образом, при восполнении всех этих пробелов «Генеральные статистические таблицы» дают нам общую картину силезского горнодобывающего и металлургического производства в 1787 г. Обе эти отрасли промышленности в рассматриваемый период уже концентрировались в основном в Верхней Силезии и получили к этому времени значительное развитие. Это выражалось прежде всего, в количественном отношении (например, в 1742 г. в Силезии было только 12 доменных печей, 59 литейных и 25 кузнечных цехов) ³³. Тем не менее в горно-металлургической промышленности преобладали в основном мелкие предприятия с примитивной техникой производства. Их «генеалогия»

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, стр. 272.

²⁸ H. Fehner. Указ. соч., стр. 613.

²⁹ H. Büchsel. Указ. соч., стр. 194.

³⁰ «Generalne tabele statystyczne...», s. 314.

³¹ W. Długoborski. Rekrutacja górników w Zagłębiu Górnosląskim w okresie przed zniesieniem poddaństwa. «Przegląd Zachodni», N 7—8, s. 82.

³² H. Fehner. Wirtschaftsgeschichte..., S. 194.

³³ F. Poptótek. Dzieje hutnictwa żelaznego na ziemiach Polskich. Katowice — Wrocław, 1947, s. 86.

циала феодально-крепостнической Пруссии. Интересы государства тесно переплетались с интересами крепостников-помещиков.

Но, несмотря на все эти феодальные черты, государственные предприятия в горном деле и металлургии были прогрессивным явлением, так как они способствовали созданию кадров квалифицированных рабочих, развитию производительных сил и техническому прогрессу. В отношении последнего следует отметить, что 1787 год является для силезской горно-металлургической промышленности как бы своеобразной границей, за которой начинается новый период ее развития.

В 1788 г. на Тарновогурском руднике по добыче олова и серебра была применена первая в Силезии паровая машина для приведения в движение насосов, откачивающих воду из рудника. Распространение паровых машин дало возможность вести добычу угля и руд не только карьерным способом или небольшими шахтами, но сделало доступными для разработки и богатые пласты глубокого залегания.

Прогрессом в металлургии было введение доменных печей, которые широко распространяются в Силезии, начиная со второй половины XVIII в. В 1787 г. они еще работали на древесном угле. Но в конце XVIII в. быстро увеличивается применение каменного угля в промышленности. Его начинают сначала использовать на мануфактурах и других предприятиях: на кирпичных заводах, в белильнях, в производстве извести. С 90-х годов XVIII в. в металлургии начинается применение кокса, что было громадным техническим достижением, способствовавшим созданию основ тяжелой промышленности в Верхней Силезии.

Эти явления можно считать предвестниками будущего технического переворота в горно-металлургическом производстве.

ВЗГЛЯДЫ ДОСИФЕЯ ОБРАДОВИЧА ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОПРОСУ

И. И. Лециловская

Идейному наследию великого сербского мыслителя, просветителя, литератора и национального деятеля Досифея Обрадовича посвящена огромная научная литература. Но разные стороны его мировоззрения раскрыты неравномерно. В наибольшей мере изучены его философские и просветительские взгляды, в то время как позиция его по национальному вопросу освещена далеко не достаточно.

Досифей Обрадович явился идейным зачинателем сербского национального Возрождения. В системе его взглядов, сложившихся под влиянием эпохи Просвещения, существенное место занимал национальный вопрос, что было обусловлено реальными запросами сербского буржуазного общества, развивавшегося в Австрийской империи и Турции в условиях феодализма и национального угнетения.

Уже в своем первом сочинении, выдержанном в духе Возрождения, «Письме Харалампию»¹ (1783 г.) сербский мыслитель обнял своим взором всех сыновей и дочерей сербского народа «от Черногории до Смедерево и до Баната». Выражая желание писать для всего «сербского рода» и надежду, что на его книгу «Советы здравого разума» подпишется «сарайлия и требиянин, новисадец и осиечанин»², Обрадович проявил новый взгляд на действительность — с точки зрения общенациональной. Он явился первым сербским мыслителем и деятелем общенационального масштаба.

Обрадович выступил провозвестником сербской «национальной идеи». Он ввел новое для своего времени понятие — «нация», «наша нация», «славяносербская нация», которое заключало в себе мысль о национальной целостности народа. В «Баснях» (1788 г.) Обрадович писал: «Я хотел и пытался познать различные нации,

¹ Харалампию Мамуле — священнику в Триесте. Это было своеобразное объявление о подписке на книгу Обрадовича «Советы здравого разума».

² «Дела Доситеја Обрадовића». Пето, државно, издање. Београд, 1911, стр. 4—5.

а особенно нашу, славяносербскую, от Баната до Албании»³. Это было рождение сознания национальной сербской общности, независимо от государственных, административно-политических, местных и других разграничений и различий.

Сербский просветитель понял важную роль национального чувства в деле национального прогресса и стремился к пробуждению самосознания сербского народа. Обрадовичу принадлежат крылатые слова: «Лежит и будет лежать вовеки в рабстве тот народ, сердце которого не знает, что такое национальная гордость»⁴.

До Обрадовича его соплеменникам было знакомо чувство определенной общности и самобытности сербского народа. В добуржуазную эпоху наиболее осязаемой нитью, связывавшей разбросанных по разным провинциям и находившихся под властью разных чужеземных сил сербов, была религия. Поэтому консервативное сознание, своими корнями уходившее в далекое прошлое, сливало воедино православную религию с принадлежностью к сербскому народу и выдвигало религию как исходное начало и самое существо сербской индивидуальности, особенно в окружении иноязычного, иноверного угнетающего мира.

Начавшийся процесс складывания сербской нации, в основе которого лежало формирование буржуазного общества с его новыми классами, новым типом взаимоотношений между ними и новым складом их общественной психологии, неизбежно принес с собой иное понимание существа и истоков общенародных связей.

Обрадович — наиболее ранний идеолог сербского буржуазного развития, отталкиваясь от реальных нужд буржуазной среды в подъеме, развитии и утверждении своего родного языка, особенно в условиях угнетения, а также под влиянием идей эпохи Просвещения, оттеснивших на второй план традиционные религиозные представления, выдвинул в качестве главного критерия единства и целостности «славяносербской нации» язык. «Весь народ одного рода и языка, — писал он, — подобен одному телу...»⁵ Не религиозная, а языковая и родовая общность была для него основой национального единства, ибо «религия и вера могут измениться, а род и язык — никогда»⁶. Такой подход к национальной проблеме был распространенным среди европейских идеологов Просвещения и являлся передовым для своего времени.

Сербский мыслитель представлял себе «славяносербскую нацию» как многочисленный народ, проживающий во многих королевствах и провинциях и насчитывающий миллионы человек⁷. Говоря о составлявшем ее населении, Обрадович в «Письме Харалампию» отмечал: «Кто не знает, что жители черногорские,

³ «Дела Доситеја Обрадовића, стр. 248.

⁴ Там же, стр. 110.

⁵ Там же, стр. 380.

⁶ Там же, стр. 5.

⁷ Там же, стр. 117.

хорошо представлена в работе Г. Фехнера³⁴. Некоторые из них очень быстро прекращали свое существование из-за технических трудностей, на их месте возникали новые. Препятствием на пути технического прогресса в горно-металлургической промышленности были в первую очередь феодально-крепостнические отношения, феодальная собственность на средства производства. Силезские помещики, владельцы предприятий, предпочитали выходить из всех затруднений за счет дешевого труда крепостных крестьян, не вкладывая в производство слишком больших средств. Государственные предприятия выделяются в этот период как по степени концентрации рабочих, так и по масштабам производства.

На всех горно-металлургических предприятиях существовало разделение труда. В горнодобывающей промышленности работали рудокопы, забойщики, промыватели руды, грузчики, возчики. В металлургии — литейщики, кузнецы, персонал для обслуживания доменных печей и, наконец, угольщики, которые обычно работали рядом с металлургическим комплексом и поставляли для производства древесный уголь. Основывались эти предприятия на примитивной, ручной технике. С этой точки зрения их можно отнести к мануфактурам. В то же время по своей социальной сущности это были мануфактуры, свойственные феодальному обществу. Об этом свидетельствует прежде всего широко используемый труд крепостных крестьян на частных предприятиях.

Применение наемного труда также носило еще феодальные черты. Во-первых, организации «реестровых» горняков и металлургов присуща особая «сословная» замкнутость, что напоминает до некоторой степени цеховую систему. Во-вторых, форма свободного найма сочеталась здесь с моментами принуждения. Это проявлялось прежде всего в том, что Высшее горное ведомство могло даже квалифицированных рабочих независимо от их желания перемещать с одного предприятия на другое, туда, где ощущался недостаток в кадрах. Часто с этой целью рабочие были вынуждены переезжать в другой повят или даже департамент. В-третьих, феодальный характер найма проявлялся также в том, что вольнонаемный труд сочетался здесь с определенными привилегиями, которые использовались для того, чтобы «прикрепить» рабочего к месту его труда. Особенно ярко это выражено на примере поселков-колоний для горняков и металлургов. Здесь колонист-рабочий получал не только квартиру, но и несколько моргов земли, что «привязывало» его крепкими узами к предприятию.

Наконец, государство покровительствовало горному делу и металлургии, так как оно было заинтересовано в развитии именно этих отраслей, способствующих укреплению военного потен-

³⁴ Н. Fechner. Указ. соч.

далматинские, герцеговинские, боснийские, сербские, хорватские (кроме кайкавцев), славонские, сремские, бачкавские и банатские (кроме влахов) говорят на одном и том же языке?»⁸ В том же духе сербский деятель высказался и в предисловии к первой части «Жизни и приключений» (1783 г.)⁹. Его обращение «О, любезнейший и сладчайший славяносербский народ», которому он посвящал свой труд, предназначалось для жителей Сербии, Боснии, Герцеговины, Черногории, Далмации, Хорватии, Срема, Баната и Бачки¹⁰. Это наиболее полная характеристика состава «славяносербской нации».

У Обрадовича встречаются и другие высказывания по вопросу о границах распространения сербского населения. В своем последнем сочинении, которое вышло уже после смерти Обрадовича под названием «Мезимац» (1818 г.), он отмечал, что сербы по названию королевств и провинций по-разному именуются: «По Сербии — сербами... по Боснии — босняками, по Далмации — далматинцами, по Герцеговине — герцеговинцами и по Черногории — черногорцами»¹¹. Эта суженная характеристика не была связана с изменением представления Обрадовича о территории, на которой проживали сербы. В данном случае, как и в других подобных¹², сербский деятель давал выборочные примеры в связи с постановкой того или иного конкретного вопроса.

Исходя из языкового принципа, Обрадович понятием «славяносербская нация» обнимал все население, которое говорило на штокавском диалекте. Территориальные границы распространения сербов совпадали, в представлении сербского просветителя, с границами употребления штокавского говора. Правда, Обрадович выделял как особую национальную единицу хорватов. В этом отношении является примечательным следующее замечание автора в «Мезимаце»: «Славы, или, лучше сказать, славяне — это всеобщее имя: под этим именем подразумеваются русские, поляки, богемцы, хорваты, словаки, или тоты в Венгрии, сербы и болгары»¹³. Однако под «хорватами» Обрадович понимал только ту часть хорватского народа, которая говорила на кайкавском диалекте. В подобных суждениях Обрадовича не следует усматривать великосербских поползновений. Это были заблуждения, проистекавшие из крайней неразвитости в то время национальной дифференциации сербов и хорватов, двух ближайшеподродственных народов. Его воззрения были на уровне современных лингвистических и филологических представлений и знаний. Долго еще и после

⁸ Там же, стр. 5.

⁹ Полное название — «Жизнь и приключения Димитрия Обрадовича, нареченного в монастыре Досифеем, им самим написанная и изданная».

¹⁰ «Дела...», стр. 15.

¹¹ Там же, стр. 414.

¹² Там же, стр. 248.

¹³ Там же, стр. 414.

Обрадовича даже крупные представители славистики будут придерживаться мнения о национальном разграничении югославянского населения по диалектным группам.

Исходя из сознания национальной целостности говорившего на одном диалекте населения и теоретической посылки, отвергающей религию как основу национального единства, Обрадович считал, что существовавшие в очерченном им регионе религиозные различия не влияют на национальную принадлежность населения. В «Письме Харалампию», указывая на языковую общность, а стало быть, и национальное единство населения Черногории, Далмации, Герцеговины, Боснии, Сербии и т. д., Обрадович высказал следующую мысль: «Говоря о народах, которые живут в этих королевствах и провинциях, я понимаю последователей как греческой, так и латинской церквей, не исключая ни самих турок — босняков и герцеговинцев, поскольку религия и вера могут измениться, а род и язык — никогда. Босняк и герцеговинец — турок, он по религии турком зовется, а по роду и языку как были некогда его прапрадеды, так будут и его последние внуки — босняки и герцеговинцы, пока существует мир»¹⁴. Обрадович придерживался подобной точки зрения до конца своей жизни¹⁵.

Вопрос о роли религиозного фактора в национальном оформлении сербского народа весьма сложный. Складывание сербской нации было исторически подготовлено предшествовавшим развитием сербов. В добуржуазную эпоху религиозное сознание, как и ряд других факторов, способствовало духовному сплочению и одновременно обособлению сербского общества в условиях национальной и религиозного угнетения. Православие сжилось с представлениями об отличии сербов от иноверного чужеземного мира и с сознанием того, что вера является цементирующей силой сербского общества. Пронизывающая общественное сознание религиозность, как и господство в сербской среде православного духовенства, которое выдвигало религиозные различия на первый план, сыграли определенную роль в том, что с развитием капитализма сербская нация стала складываться в основном из православного населения, в то время как одноязычное католическое население постепенно оформлялось в хорватскую нацию. Национальная дифференциация между сербами и хорватами явилась результатом всей совокупности особенностей их исторического развития, но водоразделом для нее послужило различие религий.

Процесс национальной консолидации народа — это не только и не столько процесс его отделения от этнически и языково-родственных групп населения, но в первую очередь процесс развития общенародных связей на материальной основе и в соответствии с потребностями капитализма. И в этом отношении гос-

¹⁴ «Дела...», стр. 5.

¹⁵ Там же, стр. 114, 414.

подство православной церкви в общественной жизни и особенная живучесть конфессиональной формы общественного сознания у сербов наносили большой вред национальной консолидации сербского народа. Религиозное сознание затрудняло развитие светского мировоззрения, т. е. задерживало перестройку духовного мира человека в соответствии с потребностями времени, консервировало отжившие представления и, следовательно, сужало горизонт общественного видения. Религиозные догмы мешали сербу воспринимать новую идеологию, еретическую с точки зрения ортодоксального православия. И формировавшееся национальное сознание было проникнуто религиозностью.

Религиозный фактор способствовал сохранению старых, не соответствовавших эпохе складывания нации форм духовной культуры на базе церковнославянского языка и тормозил развитие и принятие сербского литературного языка на основе народной речи. Наконец, в немалой степени именно на религиозный фанатизм опиралась консервативная сила сербского общества — православное духовенство, которое долгое время главенствовало в сербской среде, мешая развитию и общественному подъему национальной буржуазии, с которой в то время был связан прогресс сербской нации. Религиозное сознание не столько спланивало нацию, сколько тормозило ее развитие, ибо оно было орудием господства реакционных сил.

Процесс национальной дифференциации югославянского населения во второй половине XVIII в. лишь намечался, и, естественно, Обрадович не мог еще уловить всю его сложность. Он обоснованно выступал против церкви и религии как знамени общественной и национальной жизни, это его отрицание было своевременным и нужным для развития сербской нации. В то же время Обрадович не учитывал, что религиозный фактор в определенной мере повлиял на общественное сознание, на духовную культуру народа и находился в связи с национальным размежеванием югославянского населения.

Самоотверженный патриотизм являлся существеннейшей чертой мироощущения и деятельности Обрадовича. «Я люблю свой род всем сердцем и душой», — заявлял он в «Советах здравого разума»¹⁶. В 1804 г. сербский просветитель писал в письме братьям С. и И. Гавриловичам в Карловцы: «Я знал и знаю, что мои сербы — прекрасной и милой души и красивого сердца, поэтому я и хочу, насколько могу, жить им на пользу...»¹⁷. Жизнь и деятельность Обрадовича — это замечательный пример беззаветного служения своему народу одного из выдающихся его сынов.

Пламенный патриот любил «сербский род» активной, действенной любовью. «Для меня нет ничего на свете милее и любезнее моего рода, — писал он в первой части «Жизни и приключе-

¹⁶ Там же, стр. 98.

¹⁷ Там же, стр. 545.

ний», — но чем больше я его люблю, тем больше я должен показывать и говорить ему правду и истину»¹⁸. Обрадович, отмечая, что природа наделила сербов всеми «преимуществами тела, сердца и души»¹⁹, вместе с тем видел и их отсталость, патриархальную неподвижность, примитивный образ жизни и даже дикость. Вскрывая и остро критикуя общественные и нравственные пороки, сербский просветитель старался помочь своему народу преодолеть дух косности и консерватизма и выйти на дорогу счастья и прогресса. Глубоко веря в торжество добра и справедливости, Обрадович задолго до Первого сербского восстания писал Георгиевичу, сенатору Потисского дистрикта, о сербах следующее: «Храбрые и остроумящие от природы народы в столь прекрасных и пространных королевствах и провинциях достигнут и другого состояния»²⁰.

До Первого сербского восстания Обрадович, будучи сторонником просвещенного абсолютизма, мыслил о национальном освобождении только той части сербов, которая находилась под турецким гнетом. Еще в «Письме Харалампию» он призывал Иосифа II обратить свой взор «на бедную Сербию и на Боснию»²¹. В «Баснях», которые вышли вскоре после начала австро-турецкой войны, он высказал твердое убеждение в неизбежности ликвидации турецкого господства над сербами. «Сербия, Босния и Герцеговина, — писал он, — избавятся со временем от турок и освободятся»²².

Когда австрийские войска заняли Белград, Обрадович в 1789 г. напечатал «Песню об избавлении Сербии», выражая радость по случаю изгнания из ее пределов турок. В этой песне сербский деятель восхвалял Иосифа II и Екатерину II, благодаря которым была повергнута турецкая сила, а варварство, глупость, тоска, мучения и чума исчезли из Европы. Обрадович славил Кобурга и Суворова, «перед которыми турецкая сила пала». В этой песне Сербия увещевала свою сестру Боснию, чтобы она не теряла времени и просвещалась²³. В стихотворении выражалось удовлетворение Обрадовича восточной политикой Иосифа II. Сербский просветитель связывал в те годы освобождение сербов и других южных славян от турецкого господства с внешнеполитической активностью Австрии и России.

Хотя вопрос о национальном развитии и судьбах сербов в целом Обрадовичем в ту пору не ставился, он присутствовал в просветительской концепции сербского мыслителя. Будучи рационалистом, Обрадович видел источник благоденствия, счастья и

¹⁸ «Дела...», стр. 42.

¹⁹ Там же, стр. 529.

²⁰ Там же, стр. 534.

²¹ Там же, стр. 3.

²² Там же, стр. 248.

²³ Там же, стр. 363.

славы отдельного человека и общества в целом в свободном развитии, просвещении и совершенствовании «естественного здравого разума»²⁴. Все недостатки общественного устройства и все зло на земле он рассматривал как результат невежества, духовной нищеты, незрелости мысли, давления над сознанием вредных предрассудков и, наконец, нравственной слабости. «...Истинное и подлинное благополучие, — писал он, — рождается и происходит из просвещения ума и добродетели»²⁵.

Все мысли и чувства сербского просветителя были направлены на то, чтобы его народ поднялся из вековой отсталости и, усвоив достижения мирового культурного развития, полностью развязал скованные средневековыми представлениями свои духовные силы и встал вровень с цивилизованными народами мира. «Славная славяносербская нация в Сербии, Боснии, Далмации с Герцеговиной, — обращался он в «Баснях» к своим соплеменникам, — когда ты ум наукой просветишь и соединишь с просвещенной добродетелью, избранное нации над тобой не будет на земле!»²⁶.

Безгранично веря в силу и важность просвещения для искоренения общественных пороков, Обрадович разработал конкретную просветительскую программу для сербов. Он поставил вопрос о подъеме культурного и умственного уровня самых широких слоев сербского народа как в социальном, так и национальном аспектах.

Главное условие просвещения и духовного прогресса сербов Обрадович видел в замене церковнославянского языка, господствовавшего тогда в сербской литературе, народным. «Пока какой-либо народ не имеет книг на своем материнском языке, — заявлял сербский просветитель, — он вынужден пребывать в темноте ума и варварстве и все к худшему преуспевать»²⁷. Обрадович был первым сербом, который не только теоретически обосновал необходимость и важность введения в литературу народного языка, но, главное, сам стал писать книги на сербском языке и издавать их гражданским шрифтом. Тем самым было положено практическое начало литературно-языковому перевороту у сербов, который был продиктован национальной консолидацией народа. Важным рычагом подъема духовной культуры народа Обрадович считал также развитие школьного дела, повышение образовательного уровня и нравственности духовенства, улучшение условий жизни учителей²⁸.

Ту силу, которая была бы способна преобразовать общество на началах разума, законности, справедливости и гуманности и

²⁴ Там же, стр. 239.

²⁵ Там же, стр. 170.

²⁶ Там же, стр. 198.

²⁷ Там же, стр. 93.

²⁸ Там же, стр. 103—104, 241, 242.

привести народ к благоденствию и процветанию, Обрадович, как и большинство представителей немецкого и французского Просвещения, видел в просвещенном абсолютизме. «Если когда-либо человеческий род, — писал он в «Баснях», — придет к своему благополучию, он должен будет прийти благодаря правлению и под руководством ученых и добродетельных государей, а не иначе»²⁹. Во взглядах на просвещенную монархию, способную якобы избавить человечество от «тирании, глупости и варварства»³⁰, проявилась историческая ограниченность политической идеологии сербского просветителя.

Помимо «просвещенного» государя, пекущегося о духовном, нравственном и материальном подъеме своих подданных, ставящего в центре своей деятельности интересы народа и общее благосостояние, общество, в представлении Обрадовича, нуждалось еще в твердых порядках, основанных на законах. «Нужен просвещенный государь и сильные законы», — утверждал он³¹.

Так через просвещение, благодаря деятельности образованного монарха и с помощью твердых законов сербский народ, согласно Обрадовичу, вместе с другими народами должен был достигнуть совершенства, благополучия, счастья и национальной славы. Утопическая по своему существу, вредная верой в «прогрессивные способности» прогнившей монархии, эта концепция вместе с тем, не говоря уже об отрицании деспотического турецкого режима, была проникнута ощущением несовершенства и неоправданности существующих порядков в самой Австрийской империи, расплывчатым, неоформившимся еще стремлением к переменам, к лучшей и новой жизни.

Однако плачевные для Сербии результаты Свиштовского мира 1791 г., вернувшего Сербию под власть турецкого султана, трудная судьба сербских беженцев в империи, реакция, захлестнувшая Габсбургское государство с началом Французской революции, не могли не отразиться на умонастроении такого мыслителя, как Обрадович, и не породить в нем политических разочарований.

Первое сербское восстание, открывшее новые перспективы в решении национального вопроса, подтолкнуло Обрадовича к пересмотру сложившихся ранее представлений о путях освобождения сербов от турецкого ига, их национальном будущем и роли Австрии в этом деле. Решительно встав на сторону повстанцев, он в 1804 г. напечатал в Венеции «Песню на инсurreкцию сербов». Она предварялась словами: «Сербии и ее храбрым витязям и чадам и их богопомогаемому воеводе господину Георгию Петрови-

²⁹ «Дела...», стр. 255.

³⁰ Там же, стр. 44.

³¹ Там же, стр. 168.

чу посвящается». Песня начиналась решительным призывом:

Встань, Сербия! Встань, царица!
И дай твоим чадам увидеть твое лицо!

С особой силой звучал в песне рефрен:

Встань, Сербия!
С давних пор ты спишь,
Во мраке лежишь,
Теперь пробудись
И сербов возбуди!

Автор мечтал о царственном возвышении Сербии, как это было много веков назад.

Встань, Сербия! Милая наша мать!
И стань опять тем, чем ты раньше была!

В песне упоминались Босния, Герцеговина и Черногория, которые смотрели на Сербию и желали ей успеха³².

Эта героическая песня была написана как боевой клич, в ней звучала истинно революционная энергия. Обрадович связал дело освобождения сербов от турецкого господства с действиями самих народных масс. По мысли Обрадовича, центром возрожденного государства сербов должна была стать повстанческая Сербия.

Переезд Обрадовича в 1807 г. в восставшую Сербию завершил его идейное развитие от умеренного представителя Просвещения до сторонника и деятеля буржуазной национальной революции. Он прочно и навсегда освободился от иллюзий, связанных с прогрессивной миссией на Балканах Австрийской империи. Австрийский консул в Бухаресте доносил министру Стадиону: «Ненависть, которую он (Обрадович.— И. Л.) питает в отношении Австрии, безгранична, он старается насадить эту ненависть не только во всех сербских старейшинах, но, как директор школ, и в их детях, и во всем народе»³³.

Однако Обрадович понимал трудность и тяжесть борьбы за свободу. Крайняя потребность в союзнике, тактические маневры Австрии, преследующие цель привлечь Сербию под свой протекторат, осторожность до определенного времени в позиции России, вызванная крайней сложностью ее международного положения в преддверии наступления Наполеона,— все это вызывало колебания и вносило двойственность во внешнеполитическую линию повстанцев. В такой обстановке Обрадович выступал убежденным сторонником России³⁴.

³² Там же, стр. 364.

³³ Цит. по кн.: *Скерлић. Живот Доситеја Обрадовића. «Деда...», стр. XVII.*

³⁴ *М. Костић. Доситеј Обрадовић у историској перспективи XVIII и XIX века. Београд, 1952, стр. 105, 106, 108.*

Досифей Обрадович явился первым глашатаем национально-освободительных идей в сербском обществе. В условиях феодализма, мракобесия и национального бесправия великий сербский просветитель отстаивал право и справедливость, провозглашал свободу, равенство и гуманность, верил в будущее своего народа.

ПЛАНЫ ОСНОВАНИЯ СЛАВЯНО-СЕРБСКОГО ГОСУДАРСТВА С ПОМОЩЬЮ РОССИИ В НАЧАЛЕ XIX в.

И. С. Достян

В первые годы XIX в., когда в югославянских землях, входивших в состав Турции, шла подготовка к вооруженной борьбе, а затем в феврале 1804 г. началось восстание, в Воеводине наблюдалась активная деятельность духовной и светской интеллигенции, направленная на оказание помощи освободительному движению сербов.

Сремски Карловцы, Нови Сад и другие города Воеводины являлись средоточием образованных и политически мыслящих сербов, участников движения Просвещения и национального возрождения, которые обсуждали в своей среде перспективы развития национально-освободительного движения югославянских народов и их политического будущего. При этом если ранее большая часть воеводинских деятелей были сторонниками объединения всех сербских земель в составе монархии Габсбургов, то теперь популярность приобретала идея об основании на Балканах самостоятельного сербского государства.

Активизация русской политики в районе Средиземноморья в конце XVIII — начале XIX в., создание Республики Семи соединенных островов, воспоминания о недавних русско-турецких войнах и планах царизма о разрушении Османской империи — все это рождало надежды, что Россия будет содействовать и образованию самостоятельного Сербского государства. Это являлось одной из причин роста числа сторонников прорусской ориентации в югославянском освободительном движении.

После начала Первого сербского восстания установление тесных политических контактов руководителей повстанцев с Россией стало насущной необходимостью. Активное участие в осуществлении этой задачи принимали общественные деятели из Воеводины, в особенности карловацкий митрополит Стефан Стратимирович и бачкский епископ Йован Йованович, которые находились в непо-

средственных контактах с предводителями повстанцев¹. С. Стратимирович пытался направлять внешнеполитическую деятельность неопытных вождей восстания, в частности, поддерживал их попытки добиться от Порты при посредничестве царского правительства предоставления Сербии прав внутренней автономии по сбразцу Ионической республики и Дунайских княжеств. Такого рода просьба была сформулирована уже в письме предводителей сербов к русскому посланнику в Константинополе А. Я. Итальянскому в мае 1804 г., а затем более определенно и конкретно — в прошении сербских депутатов в Петербурге в ноябре того же года.

В представлении Стратимировича и близкого к нему круга воеводинских деятелей основание автономной Сербии, находящейся под верховной властью Турции и под русским покровительством, явилось бы важным достижением, так как могло стать первым шагом к созданию обширного государства, объединяющего все населенные сербами земли, находящиеся в составе как Турции, так и Австрии. О существовании подобных планов свидетельствует политический трактат карловацкого митрополита, который летом 1804 г. был тайно переправлен в российское министерство иностранных дел.

Содержание записки Стратимировича о создании славяно-сербского государства не раз излагалось в литературе². Нам хотелось бы только подчеркнуть, что политический проект, которым Стратимирович рассчитывал заинтересовать правительство Александра I, исходил из распространенных в начале XIX в. представлений о близком падении Османской империи и разделе ее владений между великими державами, из предположения, что «греческий проект» Екатерины II остается программой политики в Восточном вопросе ее внука. Поэтому Стратимирович и старался противопоставить идее создания Восточной, или Греческой империи на обломках государства Османов план воссоздания обширной Сербской державы, которая восполнила бы «равновесие сил» в Европе, стала бы для России наиболее удобным соседом и ее верным союзником. Идеологическим обоснованием такого рода до-

¹ См. об этом: *Д. Руварац*. Митрополит Стефан Стратимировић и Јован Јовановић Бачки владика — први весници српске слободе. «Архив за историју српске православне карловачке митрополије», г. IV, св. 1. Ср. Карловици, 1914, стр. 90—91; *М. Вукићевић*. Карађорђе, кн. II. Београд, 1912, стр. 199—220; *К. Милутиновић*. Из историје Новог Сада у доба Кочине Крајине и Првог српског устанка. «Зборник Матице српске». Серија друштвених наука. кн. 7. Нови Сад, 1954, стр. 67—77; *Н. Радојчић*. Досијеј Обрадовић и Први српски устанак. «Прослава стопетдесетгодишнице Првог српског устанка у Српској Академије наука». Београд, 1954, стр. 15—26.

² Сам этот документ был опубликован О. Бодянским («Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете»). М., 1868, кн. I, стр. 141—156), а позднее С. Дмитриевичем (*С. Дмитриевичев*. Стефана Стратимировића митрополита карловацког План за ослобођење српског народа. Београд, 1926).

водов служила племенная и религиозная общность сербов и русских. Сам же план Стратимировича являлся по существу попыткой увязать решение сербского вопроса с удовлетворением экспансионистских претензий русского самодержавия на Балканах и Ближнем Востоке.

Кроме записки С. Стратимировича, имеется еще один документ, свидетельствующий о стремлении сербских общественных деятелей заручиться помощью царского правительства в деле освобождения сербских земель от чужеземной власти и создания славяно-сербского государства. Это — прошение, адресованное Александру I в октябре 1804 г. бачкским епископом Йованом Йовановичем, полный текст которого до сих пор не опубликован³. Анализ этого документа, сохранившегося в Архиве внешней политики России, а также писем Й. Йовановича некоторым русским государственным и церковным деятелям и других материалов позволяет, однако, установить, что инициатором обращения к царскому правительству с такого рода предложением и его действительным автором является не бачкский епископ, а Софроний Югович-Маркович.

Это был серб родом, по-видимому, из Воеводины, выдававший себя за потомка князей Юговичей, имя которых вошло в народный эпос. Он был человеком достаточно образованным, много путешествовал, а в 80—90-х годах XVIII в. находился в России и 12 лет прослужил в русской армии, участвуя в войнах с Турцией и Швецией. Установив какие-то отношения с князем Г. А. Потемкиным, Югович в 1785 г. участвовал в интриге против митрополита Петра Петровича Негоша, приведшей к высылке последнего из России. В 1788 г., после начала русско-турецкой войны, он пытался выступить в роли военного предводителя и правителя Черногории, но не имел в этом успеха. Получив отставку в чине капитана и пенсию, Югович в 1800 г. отправился в турецкие владения, побывал на Балканах и в Африке, совершил паломничество в Иерусалим, а в 1802—1803 гг. жил в Австрии. Затем он снова отправился в Россию, чтобы добиваться награды за свою службу и устроить на обучение юного племянника⁴.

Находясь в австрийских владениях, Югович завязал отношения со Стратимировичем и другими представителями сербского

³ Содержание прошения Йовановича было известно по докладу о нем А. Чарторьского Александру I 10(22) января 1805 г. (см.: «Дипломатические отношения России с Францией в эпоху Наполеона I», т. III. «Сборник вмп. Русского исторического общества», т. 82. СПб., 1892, стр. 1—2).

⁴ Биографические сведения о С. Юговиче-Марковиче см.: *М. Драговић. Русија и Црна Гора од 1780 до 1790 г.* «Гласник Српског ученог друштва», кн. 72. Београд, 1891, стр. 218, 228, 244—256, 292—297; *S. Gavrilović. Plan Sofronija Jugovića o srpsko-ruskoj saradnji.* «Годишњак филозофског факултета у Новом Саду», кн. IX, 1966, стр. 87—88; два письма С. Юговича А. Чарторьскому [б./д.] — Архив внешней политики России (далее — АВПР), ф. Главный архив, 1—8, 1804 г., д. 2, п. 4, лл. 20—23.

духовенства и интеллигенции Воеводины, обсуждал, вероятно, с ними перспективы возрождения самостоятельного Сербского государства и излагал свои планы в этом отношении. Перед отъездом в Петербург он получил напутствие Стратимировича и архимандрита Гедеона Петровича стараться не только о себе, «но и обо всей сербской нации»⁵.

Это и дало основание Юговичу через некоторое время обратиться с письмом к карловацкому митрополиту и запросить у него полномочий действовать при петербургском дворе от имени восставших сербов и «всей сербской нации». При этом Югович излагал свой план создания на Балканах нового Сербского государства в границах не менее обширных, чем царство Стефана Душана. Эта держава должна была возникнуть в результате восстания сербов, болгар, молдаван и валахов, которым Россия оказала бы помощь оружием и вступила бы, ради поддержки их интересов, в войну с Турцией. Чтобы побудить к этому царское правительство, по мнению Юговича, было одно средство: «Чтоб сербская нация, подобно Грузии, отдалася единокупно сему сильному Российскому царству под покровительство, защиту и подданство» и призвала на царствование брата Александра I — Константина Павловича. Югович составил и проект обращения к царю, который должны были бы подписать «12 персон из начальников» и Карагеоргий. Сам он собирался предводительствовать военными частями, составленными из сербов, живших в России и пожелавших принять участие в войне с Турцией и освобождении своей родины⁶.

Содержание письма Юговича к Стратимировичу свидетельствует, что в 1804 г. он оставался тем же самонадеянным и легковесным политическим авантюристом, каким проявил себя в 80-х годах XVIII в. Эти качества Юговича, несерьезность его замыслов, вероятно, разглядел и карловацкий митрополит. К тому же в Россию осенью 1804 г. уже отправились представители восставших сербов, которые были уполномочены изложить их просьбы царскому правительству. Поэтому ни Стратимирович, ни руководители белградских повстанцев не доверили Юговичу представлять интересы «сербской нации» при петербургском дворе. Зато полномочия такого рода он получил от бачкского епископа Йована Йовановича.

Йован Йованович был горячим сербским патриотом и в 1804 г. не без личного риска оказывал помощь вооруженной борьбе сербов. Человек не столь образованный и политически опытный, как Стратимирович, он решил содействовать осуществлению плана Юговича и выполнил все его указания, данные в письме к

⁵ Письмо С. Юговича С. Стратимировичу из Петербурга (1804 г.). *S. Gavrilović. Указ. соч., стр. 89.*

⁶ Там же, стр. 89—91.

Стратимировичу⁷. Епископ послал прошение Александру I, а также письма к митрополиту Петербургскому и Новгородскому, Амвросию, министру внутренних дел графу В. П. Кочубею и министру юстиции князю П. И. Лопухину, к которым были приложены копии обращения Йовановича к императору⁸.

«Челобитная» Йовановича не повторяет текстуально проект прошения, изложенный в письме Юговича к Стратимировичу, но вполне соответствует ему по содержанию. Епископ обращался к царю от имени сербов, а также болгар и валахов, но в основном его письмо посвящено задаче освобождения от чужеземного ига сербского народа. Он просил Александра I принять сербов в «вечное подданство и покровительство». «Нация сербская возлюбила геройство любезного брата Вашего Императорского Величества великого князя Константина Павловича,— писал Йованович,— подносит ему царский лавровый венец и корону сильного царя Стефана сербского Неманича Душана, его престол и его царство и скипетр. Но, чтоб сербы навсегда были одно тело с Россиею, так как одной веры и языка, и город, и резиденция царя Стефана Неманича Призрен и Скопле (и чтоб именовался и на грамотах подписывался Царь Сербский Константин Неманя)». Епископ ходатайствовал перед царем об избавлении сербов «по плану легчайшему помянутого нашего князя Юговича», препоручал последнего императору как «сербской нации попечителя и посланного депутата». «Дабы он мог сербскую нацию привести под премногомилостивое Вашего Императорского Величества покровительство, его престол, скипетр и царство, подобно Грузии»⁹,— писал Йованович.

В тесной связи с обращением Й. Йовановича к царю и русским государственным деятелям находилась прокламация, которую бачский епископ составил в феврале 1805 г. и начал распространять среди турецких подданных. Она была адресована духовенству, а также «сердарам, оберкнезам и кнезам, старейшинам обществ и всем членам общин, находящихся в турецком подданстве в Боснии, Сербии, Болгарии, Валахии, Молдавии и в остальных вилайетах, подчиняющихся Турции». В этой прокламации Йованович сообщал, что послал «челобитную» царю и призвал проявлять стойкость до прибытия русской помощи. Эта помощь даст возможность победить турок и завоевать свободу. В результате будет образовано сильное и обширное царство, простирающееся от Черного до Адриатического моря. Все, кто участвовал

⁷ Можно предположить, что Й. Йованович узнал от Стратимировича о содержании письма Юговича или получил от последнего письмо аналогичного содержания.

⁸ Письма Й. Йовановича от 14 (26) октября из Нового Сада. АВПР, ф. Главный архив, 1—8, 1804 г., д. 2, п. 4, лл. 6—19.

⁹ Там же, лл. 6—7. Здесь, как и в дальнейшем, мы вносим изменения в орфографию и пунктуацию документов в соответствии с нормами современного русского языка.

в борьбе, получают «от царя Константина Неманича» чины, привилегии и земельные владения. Описав заслуги и подвиги средневековых сербских правителей и героев, Йованович рисовал идиллическую картину основания в ближайшем будущем экономического процветающего и просвещенного балканского государства, в котором, как можно понять, политическая гегемония предназначалась сербам¹⁰.

Не исключена возможность, что Югович имел причастность к составлению этой прокламации. Во всяком случае, ее содержание раскрывает и дополняет те политические замыслы, которые были изложены в письме Юговича к Стратимировичу и обращении Йовановича к Александру I. В утопической картине процветающего и мощного государства «Константина Неманича», во всем проекте Юговича—Йовановича можно обнаружить и отголоски планов известного сербского деятеля XVII в. Георгия Бранковича, и влияние идей просвещенного абсолютизма, распространившихся среди воеводинской интеллигенции в XVIII в., и сильное воздействие сербских исторических традиций и исторической литературы, в частности произведений Йована Раичича. Политическим взглядам С. Юговича и Й. Йовановича свойственна наивная, но достаточно ясно выраженная сербская великодержавность. В этом отношении карловацкий митрополит был гораздо более сдержанным. Он выступал по существу с идеей основания Сербского государства в национальных границах, исходя при этом из своих представлений о православии и «славено-сербском» языке как главных признаках, определяющих национальную принадлежность сербов.

Если Йованович и Югович рассчитывали на всеобщее восстание балканских народов против Турции, то Стратимирович отвергал революционные методы борьбы и надеялся, что сербский вопрос будет решен путем соглашения великих держав, прежде всего России и Австрии. Вместе с тем само существование идеи о создании славяно-сербского государства под управлением династии Романовых и под верховной властью России было совершенно аналогичным и у Йовановича, и у Стратимировича¹¹.

Таким образом, ряд данных свидетельствует, что вскоре после начала Первого сербского восстания высший клир Карловацкой митрополии и близкие к нему круги интеллигенции имели достаточно оформившуюся политическую программу, осуществить

¹⁰ Письмо Й. Йовановича от 24 февраля 1805 г.— *Д. Руварац*. Указ. соч., стр. 92—95. Интересно отметить, что копия этого документа была прислана в Российское министерство иностранных дел из Черногории русским представителем С. А. Санковским (см.: АВПР, ф. Главный архив, 1—8, 1804 г., д. 2, п. 4, лл. 26—33).

¹¹ Нам представляется неосновательным резко противопоставлять политические взгляды Йовановича и Стратимировича, как это делает югославский историк К. Милутинович (*K. Milutinović. Prvi ideolozi federalističke misli kod Južnih Slovena.*— «Rad JAZU», knj. 330, 1962, str. 89—90).

которую они рассчитывали с помощью России. Эта программа сводилась к основанию на Балканах при помощи и под верховной властью России обширного государства, прототипом которого являлась сербская средневековая держава. Это новое Сербское государство должно было оставаться феодальным и по своей социальной основе, ключевые позиции в нем были уготованы феодальным слоям сербской национальности.

Характерно, что идея основания на Балканах славяно-сербского государства, находящегося под верховной властью или под покровительством России, являлась как бы антиподом политических замыслов, которые начали выдвигать еще в XVIII в. некоторые греческие деятели из числа фанариотов и близких к ним торгово-ростовщических кругов. В то же время планы возрождения с помощью царизма Византийской или Греческой империи и проекты основания славяно-сербского царства имели в какой-то мере сходную социальную направленность и исходили из средневековых исторических традиций как идеологического обоснования такого рода перспективы.

Решение балканской проблемы путем основания обширного славяно-сербского государства обеспечило бы сербам важные политические преимущества по сравнению с другими балканскими народами и как бы противостояло эллинизаторским и великодержавным попыткам со стороны греческих деятелей из числа высшего православного клира и торгово-ростовщического слоя, их расчетам занять ключевые позиции в будущем государстве, которое могло возникнуть на обломках Османской империи. Антигреческие тенденции ярко проявились в записке Стратимировича. Характерно также, что в проекте Юговича—Йовановича, в прокламации последнего предавалось забвению само существование греков как порабощенного Турцией народа, ведшего активную борьбу за национальное освобождение. Все это отражало наличие среди народов, населявших Балканский полуостров, межнациональных противоречий, осложнявших, как известно, осуществление задачи совместной борьбы против иноземного ига.

Международная обстановка в Европе, политика России и Австрии в Восточном вопросе в первые годы XIX в. резко отличались от ситуации, существовавшей в этом отношении до Великой Французской революции, когда правительство Екатерины II пыталось договориться с Габсбургами о разделе Османской империи¹².

¹² Необходимо учитывать, что «греческий проект», получивший широкую огласку и успешно используемый европейской публицистикой для антирусской пропаганды, хотя и отражал экспансионистские тенденции политики царизма в Восточном вопросе, не являлся конкретным планом немедленного сокрушения Турции и раздела ее владений в 80-е годы XVIII в. Он очень быстро угас после изменения породившей его международной обстановки (см. об этом: А. Ф. Миллер. Мустафа паша Байрактар. М., 1947, стр. 66—67; О. П. Маркова. О происхождении так называемого греческого проекта. «История СССР», 1958, № 4, стр. 52—78; А. М. Станиславская. Рус-

Правительство Александра I поддерживало добрососедские отношения с Турцией и ревниво оберегало целостность и неприкосновенность владений султана от предполагаемых агрессивных посягательств со стороны наполеоновской Франции. Учитывая все эти обстоятельства, сербские деятели исходили, однако, из предположения, что Россия рано или поздно вернется к курсу сильной экспансионистской политики в отношении своего южного соседа. Они надеялись, что молодой русский император будет проводить политику, благоприятную интересам югославянских народов, и спешили заявить петербургскому двору о своих нуждах, о расчетах на помощь России в деле освобождения этих народов от чужеземной власти.

Югославский историк С. Гаврилович выдвигает утверждение, что идея создания «русско-славянского царства» на развалинах турецкого государства служила интересам как сербской церковной иерархии в Австрии, так и правящих кругов России¹³. Это последнее заключение упрощает, по нашему мнению, действительное положение вещей.

Планы создания славяно-сербского государства встречали поддержку со стороны некоторых представителей дворянских кругов России, что отражало прежде всего их сочувствие к освободительной борьбе сербского народа¹⁴. Но такого рода проекты не соответствовали задачам политики петербургского двора в отношении Турции и ее подданных-христиан в первом пятилетии XIX в. В это время царизм, поддерживая дружеские отношения с Портой, пытался осуществить дипломатическим путем ряд мероприятий, которые улучшили бы положение балканских народов и тем самым укрепили бы внутреннее положение Османской империи. Правительство Александра I добивалось создания в европейских владениях Турции полусамостоятельных политических единиц, находящихся под совместным протекторатом России и Турции. В 1804 г. делались даже попытки начать переговоры об этом с английским правительством, окончившиеся, однако, безрезультатно¹⁵. Но петербургский двор не помышлял в это время о создании на Балканах ни греческого, ни сербского государств, независимых от Порты, и особенно старался не вызывать каких-либо подозрений Габсбургов относительно целей своей политики

ско-английские отношения и проблемы Средиземноморья. М., 1962, стр. 51—55).

¹³ S. Gavrilovic. Указ. соч., стр. 92.

¹⁴ См. об этом подробнее: И. С. Достян. Из истории русско-сербских связей в начале XIX в. «Советское славяноведение», 1970, № 5, стр. 10—23.

¹⁵ А. А. Чарторьский — С. Р. Воронцову 18(30) августа 1804 г. «Внешняя политика России XIX и начала XX в.», т. II, М., 1961, стр. 119—123; дополнительные замечания к секретной инструкции Н. Н. Новосильцева 11(23) сентября 1804 г. Там же, стр. 152; А. М. Станиславская. Указ. соч., стр. 330, 360—362.

в Юго-Восточной Европе и связей со славянскими подданными Австрии.

Именно поэтому предложения о создании с помощью России славяно-сербского царства, рассмотренные нами выше, не могли встретить какой-либо поддержки в русских правительственных сферах. Из двух писем Юговича к Чарторыскому, написанных, по-видимому, в конце 1804 г., можно узнать, что он обращался ко всем лицам, к которым писал Йованович, пытался даже сблизиться с великим князем Константином и обратить на себя внимание царя¹⁶. Но вся эта деятельность Юговича, как и его старания получить награду за службу и денежную помощь, не имела каких-либо результатов. Этому, возможно, содействовало и то обстоятельство, что личность Юговича не вызвала доверия русских государственных деятелей.

Зато само прошение Йовановича к царю было расценено как представляющее определенную политическую важность. О нем Чарторыский представил доклад, в котором указывалось на очевидную ненужность принимать решение по существу просьбы сербского епископа, но отмечалась желательность проявить к нему «какой-либо знак особой милости», так как это способствовало бы сохранению влияния России среди славянских народов. Учтывая же, что Йованович был австрийским подданным, Чарторыский предлагал ограничиться письмом к нему от имени митрополита Амвросия, «составленным из генеральных выражений», и в уважение к его рекомендации Юговича определить на обучение племянника последнего¹⁷.

Правительство Александра I не выразило своего отношения к записке С. Стратимировича о создании славяно-сербского государства. Прямой ответ на нее мог к тому же скомпрометировать главу сербской православной церкви в Австрии. Однако тактика переговоров с Портой о предоставлении сербам прав внутренней автономии по образцу Ионической республики или Дунайских княжеств, сформулированная в записке карловацкого митро-

¹⁶ Югович писал Чарторыскому, что был «для поклонения» у Константина Павловича, и на вопрос одного из придворных, имеет ли он нужду в великом князе, отвечал: «Нужда моя самая та есть, которая им известна от народа сербского и епископа сербского Йована бачкого. Я не могу ныне его высочество теперь ни в чем трудить, первой раз бывший и добре не познакомившийся и не побеседовавший пространнее...». По просьбе Юговича ему было дано разрешение присутствовать на разводе войск, где он будто бы обратил на себя внимание царя, ответившего на поклоны Юговича и спросившего через генерала, кто он, откуда приехал и в чем имеет нужду. Основываясь на всем этом, Югович просил наградить его орденом и выдать денежную помощь. (С. Югович — А. А. Чарторыскому [б./д.]. АВПР, ф. Главный архив, 1—8, 1804 г., д. 2, п. 4, лл. 20—23). О дальнейшей судьбе Юговича мы не имеем сведений.

¹⁷ Доклад А. Чарторыского 10(22) января 1805 г. «Дипломатические отношения России с Францией...», т. 3, стр. 1—2; проект письма митрополита Амвросия. АВПР, ф. Главный архив, 1—8, 1804 г., д. 2, п. 4, л. 3.

полита, а позднее в прошении сербских депутатов царскому правительству от 3 (15) ноября 1804 г., была полностью поддержана петербургским двором. Об этом свидетельствует докладная записка А. Чарторыского Александру I, в которой намечались меры по оказанию помощи восставшим сербам. В ней, кроме оказания денежной помощи повстанцам, предусматривалось заключение соглашения с Портой о предоставлении сербам права иметь собственных «чиновачальников» и выводе из Сербии всех турецких «военнослужителей», но с обязательством уплачивать «положенную подать» и предоставлять турецкому правительству военные силы для защиты от внутренних и внешних врагов¹⁸.

Такой путь решения сербского вопроса царское правительство считало в это время наиболее приемлемым.

О ХАРАКТЕРЕ РАЗВИТИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ ПРОВИНЦИЙ ТУРЦИИ В ПЕРВЫХ ТРЕХ ЧЕТВЕРТЯХ XIX в.

К. Л. Струкова

Турецкое завоевание значительно задержало поступательное историческое развитие балканских народов, особенно тех, которые оказались в центре европейских владений Османской империи. Длительная консервация феодальных отношений способствовала отсталости социально-экономической и общественно-политической жизни поработенных народов, сохранению заметного партикуляризма отдельных областей. Становление капиталистических отношений, начавшееся в Европейской Турции с конца XVIII в., происходило медленно и неравномерно не только в силу отсутствия условий для беспрепятственного формирования основ нового буржуазного общества, но и благодаря географическим и демографическим особенностям, специфике положения отдельных областей в рамках турецкого государства.

Центральные районы Европейской Турции — Мизия, Фракия и Македония, несмотря на общие процессы в социальной жизни, языке, быте, культуре, сохранили известную особенность и в XIX в.

В силу стойкости историко-географических названий указанных территорий вполне естественным было широкое распростра-

¹⁸ Докладная записка А. Чарторыского Александру I, ноябрь 1804 г. «Внешняя политика России...», т. II, стр. 203—204.

нение, особенно на Балканах, таких терминов, как «фракийцы», «македонцы» и производных от них, имевших в тот период преимущественно чисто областническое значение. Значительно более редким было обозначение «мизийцы», почти полностью вытесненное этнонимом «болгары».

В период турецкого господства из всех трех названных исторических областей Македония оказалась в самом неблагоприятном положении. Она почти со всех сторон была блокирована турецкими владениями, что затрудняло прямое военное и общественно-политическое воздействие из стран Западной и Восточной Европы, создавая особо благоприятные условия для упрочения турецкой феодально-бюрократической власти. Так, после австро-турецкой войны 1688—1689 гг. в Македонию ни разу не проникли иностранные войска, в то время как Мизия и Румелия, начиная с конца XVIII в., неоднократно становилась театром военных действий в период русско-турецких войн. Соприкосновение с русскими войсками усиливало национально-освободительное движение в названных землях, распатывало там основы турецкого господства. В Македонии, недоступной для этих влияний, происходило обратное — росла власть турецких феодалов, производ местной администрации, не прекращались проявления необузданного мусульманского фанатизма¹.

Почти полная бесконтрольность, которой пользовалась мусульманская верхушка в Македонии, помогла македонским феодалам захватить в свои руки большое количество различных земель и создать на них частновладельческие хозяйства — чифлики, что привело к значительному обезземеливанию крестьянства. Крестьянин-чифлигар, обрабатывающий на кабальных условиях землю чифлик-сайбия, стал определяющей фигурой в македонской деревне после аграрной реформы, проведенной в Европейской Турции в 30—40-е годы XIX в. Большой удельный вес чифликчительства явился одной из основных причин значительной стойкости в македонской деревне феодальных отношений и связанных с ними средневековых институтов, замедленности социального расщепления и развития общественного сознания.

Отсталость деревни отрицательно сказывалась на уровне городской экономики, задерживая прогрессивное развитие первоначальных форм капиталистического производства в течение почти всего XIX в. Это замедляло развитие местной буржуазии, особенно болгарской, встречавшей на своем пути сильного конкурента в лице греко-валахско-еврейского капитала, чьи позиции в промышленности и торговле македонских земель были более прочными, чем в расположенных к востоку от них болгарских районах.

¹ Х. Христова. Аграрните отношения в Македония през XIX в и началото на XX в. София, 1964, стр. 82.

Вследствие такой слабости социально-экономической базы формирование основ нового буржуазного общества, а отсюда и его идеологии отставало.

Светская культура (при посредстве греческих и других ионациональных источников) была достоянием только узкого круга состоятельной торгово-ремесленной верхушки, связанной с балканским и европейским рынками. В целом же в первой половине XIX в. общественная мысль не вышла еще за рамки религиозно-нравственных идеалов средневековья. Килийные школы, книги Йоакима Крчовского и Кирилла Пейчиновича, их просветительская деятельность, работа типографии Феодосия Синаитского в Салониках, печатавшей религиозно-назидательную литературу, не могут быть отнесены к компонентам новой светской культуры, ибо их проповедь не выходила за рамки прежних идеалов «жития праведного»². В значительной мере это объяснялось тем, что Македония была отделена от славянских центров культуры, что способствовало глубокому греческому проникновению, а также не испытала существенного воздействия европейской общественной мысли, в то время как в Мизию и Румелию последние проникала опосредствованным путем через соседей на северо-западе³. Поэтому патриотический призыв Паисия Хилендарского, обращенный к населению Мизии, Фракии и Македонии, сравнительно быстро нашедший горячий отклик в Болгарии и Румелии, в первой половине XIX в. не всколыхнул Македонии. Об этом говорят следующие обстоятельства. Переписка книги Паисия «История славяноболгарская», начавшаяся вскоре после ее создания и не прекращавшаяся до середины XIX в., производилась в основном в Дунайской и Забалканской Болгарии. Из 25 известных в начале XX в. рукописных копий труда Паисия или отрывков из него только одна редакция, да и то спорная, относится к Македонии⁴. Из 75 изданий, статей и заметок, касавшихся «Истории славяноболгарской», вышедших в свет с 1844 по 1913 г., македонских авторов очень мало (не более трех-четырех) и все они конца XIX — начала XX в.⁵ О том, что труды Паисия и ближайших его последователей не оказали в данный период большого влияния на Македонию, говорят и свидетельства болгарской прессы 60-х годов XIX в. В частности, газета П. Р. Славейкова,

² А. М. Селищев. Полог и его болгарское население. Исторические, этнографические и диалектологические очерки Северо-Западной Македонии. София, 1929, стр. 134.

³ Там же.

⁴ «История славяноболгарская. Собрана и нареждана Паисием перомонахом в лето 1762». Стъмки за печат по първообраза Йор. Иванов. София, 1914, стр. IX. Рукописные копии в Болгарии были сделаны в Котеле, Самокове, Риле, Жеравне, Елене, Русе (дважды), Габрово, Чирпане, Дрянове (дважды), Старой Загоре (дважды), Тырново (четыре раза) и т. д. (см. там же).

⁵ Там же.

оценивая заслуги Д. Миладинова, указывала, что в пробуждении интереса к родному языку он сыграл для Македонии ту же роль, которую ранее («най-напред») сыграли для Болгарии и Фракии «тезоименитые отцы Рилы и Халендара», а с ними и Христати Павлович⁶.

В первой половине XIX в. общественные и культурные движения, происходившие в Болгарии и Румелии, отзывались в Македонии глухим эхом.

Первые образцы новой светской литературы, буквари, учебники и т. п., вышли из-под пера уроженцев Мизии и Фракии⁷. Как писал несколько позднее П. Зографский, развитие болгарской литературы «началось сверху вниз» («се почна остора на долу») ⁸.

То же наблюдалось и в отношении языка. Начавшаяся в 30—40-е годы полемика о болгарском литературном языке в существе своем первоначально сводилась к борьбе двух мнений: что должно лечь в основу новоболгарского языка — церковнославянский или живые народные говоры⁹. В этой борьбе с самого начала преимущество было на стороне защитников народного языка. При этом уже начиная со знаменитого «Рыбного букваря» Петра Берона, вышедшего в 1824 г., было заложено направление в сторону северо-восточных говоров¹⁰. Эта тенденция еще более определенно обозначилась к концу 50-х годов¹¹. Этот филологический спор в первой половине XIX в. не затронул Македонии. Первые просветители Македонии И. Крчовский и К. Пейчинович стояли вне названной полемики¹². Они не выдвигали общеобязательности языка своих произведений даже для «Дольней Мизии», т. е. Македонии. Они только старались, каждый по-своему, подойти к простому народу, поучать его на «препростейшем, не книжном языке»¹³.

В развитии школьного дела приоритет тоже принадлежал Мизии и Фракии. В Болгарии было создано В. Априловым Габровское училище, ставшее пропагандистом национального просве-

⁶ «Македония», 1869, 11.X, стр. 1. Статья «Народните учители».

⁷ Л. Димитров. Обществена и книжевна дейност на Хаджи Партения Зографски. «Известия на семинар по славянска филология при университета в София за 1904 и 1905 г.». София, 1905, стр. 379.

⁸ П. Зографски. Мисли за болгарскиот язык. «Български книжици». Цариград, 1858, ч. I.

⁹ «История на българската литература», т. 2. София, 1966, стр. 113.

¹⁰ Цв. Тодоров. Произход и развитие на българския книжовен език и въпросът за книжовен език. «Годишник на Софийския ун-т. Историко-филологический факултет», т. 43, София, 1947.

¹¹ М. Арнаудов. Братя Миладинови. Живот и дейност (1810, 1830—1862). София, 1943.

¹² А. М. Селищев. Указ. соч., стр. 167.

¹³ Там же. Письменный язык того времени — церковнославянский язык русской редакции — был непонятен простому народу. И. Крчовский и К. Пейчинович пытались приблизить письменный язык к живой народной речи, включая в него местные говоры (в основном кратовский и тетовский).

щения. О разрыве между Македонией и двумя другими областями и в этом отношении наглядно свидетельствует хотя бы такой факт: к 1845 г., т. е. через 10 лет после открытия Габровского училища, светских школ, идущих на смену килийным училищам, в Мизии и Фракии имелось около 50, а в Македонии их было всего 4¹⁴.

Церковная борьба тоже отставала. Прозвучавшее в начале 30-х годов XIX в. в Скопле, вслед за Вратцой и Самоковым, требование замены греческих епископов местными уроженцами¹⁵, долго оставалось изолированным. Только с конца 50-х годов XIX в. в движение пришли отдельные общины¹⁶, а в 60-е годы церковная борьба на территории Македонии приняла более широкий характер.

В Мизии и Фракии церковная борьба увенчалась серьезными успехами еще к кануну Крымской войны. От первых чисто локальных конфликтов с греческим клиром во Вратце в начале 20-х и в Самокове в начале 30-х годов XIX в. борьба против греческого духовенства со второй половины 30-х годов перешла в широкое политическое движение. С начала 40-х годов и до Крымской войны движение охватило всю указанную территорию. В результате развернувшейся борьбы многие греческие епископы, скомпрометировавшие себя различными злоупотреблениями, были низложены. Если они не всегда еще заменялись болгарами, то во всяком случае новые греческие владыки умеряли своих поборы. Греческий же язык был повсюду устранен из церковных служб¹⁷.

Подъем культурно-просветительной и церковной борьбы начался в Македонии лишь в 50-е и особенно в 60—70-е годы XIX в. В силу вышеотмеченных обстоятельств он происходил под кураторством общественно-политических деятелей Болгарии и Фракии, в первую очередь лидеров болгарской колонии в Константинополе, проявивших максимум внимания к судьбе «забытых юго-западных болгар». Одной из основных задач созданного в 1866 г. в Константинополе общества «Читалиште» было: «организовать культурные и пропагандистские силы в Македонии»¹⁸. Теми же мотивами руководствовался и П. Р. Славейков, приступивший в том же году к изданию газеты «Македония». Он

¹⁴ С. С. Бобчев. Българска периодическа печат. «Юбилеен сборник по случай петдесет годишпаната на българската журналистика». София, 1894, стр. 7.

¹⁵ М. Арnaudов. Поети и герои на българското Възраждане. София, 1965, стр. 25; В. Кънчев. Град Скопие. «Периодическо списание», кн. 55—56. Средец, 1898, стр. 111.

¹⁶ В своей книге «Народне песме македонских бугара» (Белград, 1860) Ст. Веркович писал, что в Македонии едва сейчас пробудилось в отдельных общинах народное сознание.

¹⁷ Д. Косев. Новая история Болгарии. М., 1952, стр. 158—169.

¹⁸ Н. Начов. Цариград като културен център на българите. СНУК, кн. XIX. София, 1925, стр. 53—54; В. Стойков. Из живота на цариградското читалище. «Българска сборка», кн. 10. София, 1915, стр. 562.

стремился разбудить сознание «забытых болгар, глубоко уснувших в лоне греческой патриархии», вдохнуть в них идею, что они «часть болгарского народа, одного с ним происхождения и языка, находящиеся в одних и тех же условиях, имеющие ту же незавидную участь»¹⁹. М. Арнаудов в одной из последних своих работ тоже пишет, что задачи, которые преследовал Славейков, носили преимущественно политический характер, определялись необходимостью особого внимания болгарских деятелей к «юго-западной области, запоздавшей в своем присоединении к национальному движению»²⁰.

Выступая под общими лозунгами, за общие политические задачи и цели болгарского национального Возрождения, представители немногочисленной македонской интеллигенции стремились добиться учета местных особенностей при решении некоторых узловых вопросов национально-культурного движения. В частности, включившись с конца 50-х годов XIX в. в полемику о языке, они призывали сделать главной основой общего болгарского литературного языка юго-западные македонские говоры²¹. В Македонии хотели одного — чтобы общий литературный язык отразил наиболее характерные черты македонского диалектного комплекса, без чего он не был понятен на берегах Вардара так же, как на берегах Марицы. А пока шли дебаты, уроженцы Македонии до середины 70-х годов, а особенно в 50—60-е годы, на родине и за ее пределами пользовались местными говорами и различными вариантами двух главных диалектов — восточноболгарского и македонского. Чистый восточноболгарский диалект не был в ходу. Этот факт подтверждается самыми разнообразными источниками. Например, известный болгарский историк Ив. Снегаров, сам уроженец Охрида, заметив, что несколько корреспондентов из Салоник в газете «Турция» от 1864 г. были напечатаны на восточноболгарском диалекте, подчеркивал: «Следует думать, что корреспондент был из Восточной Болгарии или редакция газеты поправила его язык»²².

В процессе усилившейся национальной консолидации отдельные представители местной интеллигенции и буржуазии в Вардарской и Эгейской Македонии выступили противниками унификации, сторонниками сохранения македонской автономности. Была даже высказана мысль об отличиях между славянским населением Македонии и двух других областей — Мизии и Фракии²³.

¹⁹ *И. П. Славейков*. Библиотека на П. Р. Славейков. «Български преглед», 1896, № 5. «Забытая страна» — так даже в 1869 г. была названа одна из газетных статей, посвященная положению в Македонии («Македония», 1869, 3.Х).

²⁰ *М. Арнаудов*. Поети и герои на българското Възраждане, стр. 284.

²¹ *П. Зографски*. Мисли за българският език.

²² *И. Снегаров*. Солун в българската духовна култура. София, 1937, При-турки, VI, стр. 228, прим. 3.

²³ См. «Право», 1870, 30.XI; «Македония», 1871, 18.I; *С. Сълганджиев*. Лични дела и спомени. Пловдив, 1906, стр. 34—35.

Так культурно-просветительное движение в Македонии в рассматриваемый период обнаружило не только центростремительные, но и центростремительные силы.

Замедленное формирование буржуазного базиса задерживало преодоление тенденций местничества, проистекавших из известных областнических отличий в экономическом, культурном и языково-диалектном отношении.

МАТИЦА СЛОВЕНСКАЯ И РУССКИЕ СЛАВЯНОФИЛЫ

И. В. Чуркина

Словенское национальное движение до 1848 г. носило просветительский характер. Главной заслугой его в это время было создание словенского литературного языка, принятие единого для всех словенцев алфавита. На этой базе уже могла свободно формироваться словенская национальная литература, словенская национальная культура.

Для дальнейшего развития словенской культуры и пропаганды ее среди широких народных масс необходимо было создание специального словенского издательства, которое бы заботилось о широком издании словенских дешевых популярных и серьезных научных книг и о распространении их среди простого народа и словенской интеллигенции. Это издательство должно было иметь свои средства, объединить вокруг себя лучшие научные и литературные силы словенцев. Необходимость этого ясно сознавали словенские национальные деятели уже в 40-е годы XIX в. Об этом, в частности, писал в январе 1845 г. видный словенский просветитель и иллир Матия Маяр своему другу и единомышленнику Станку Вразу: «У словенцев много говорят о необходимости издания полезных книг для народа»¹.

Приблизительно в это же время словенский национальный деятель консервативного направления будущий епископ А. Сломшек сделал первый шаг к созданию такого общества. С 1829 г. Сломшек был спиритуалом в целовецкой духовной семинарии. И с этого же времени он вел в ней безвозмездно преподавание словенского языка для желающих семинаристов. За это начальство семинарии в 1834 г. просило губернатора выразить ему благодарность. Покровительствовал деятельности Сломшека и лаван-

¹ Письмо Маяра Вразу 27.I 1845 г. Trezor. Nacionalna i sveučilišna biblioteka. Zagreb.

тийский епископ. При содействии лавантийской консистории в Целовце уже в 1835 г. стали издавать словенские книги религиозного содержания для молодежи². Однако такого спорадического издания книг было уже явно недостаточно. В 1845 г. Сломшек сделал попытку добиться у властей разрешения на создание издательского общества для словенцев. Он считал, что это общество должно печатать и распространять среди народа словенские книги и брошюры религиозно-поучительного и практически-хозяйственного содержания.

Такую точку зрения на задачи словенского издательства разделяли далеко не все национальные деятели. Майр, например, узнав о том, что создание общества не было разрешено Сломшеку, замечал по этому поводу в письме к Вразу: «Если все хорошенько взвесить, то не такой уж это ущерб, что нам его не разрешили. Общество имело целью издавать только молитвенные книжки... Для этого нам не нужно никакого общества. С одними молитвенными книжками нельзя создать литературу»³.

Хотя в 1845 г. попытка Сломшека создать словенское издательство не удалась, он не оставил этой мысли. В 1852 г. по воле и совету Сломшека, как прямо отмечает Ф. Левец в написанной им биографии Андрея Эйншпиллера⁴, видные словенские национальные деятели в Каринтии: А. Эйншпиллер, А. Янежич, М. Майр и другие учредили первое словенское издательское общество «Друштво св. Могора». Учрежденное по замыслу Сломшека, оно преследовало цели, которые ставил перед ним он: издавать и распространять среди народа дешевые словенские книги религиозного и практически-хозяйственного содержания. На определенном этапе развития словенской национальной культуры это общество сыграло большую положительную роль, сделав словенскую книгу доступной для народа, расширяя в народе знание словенского литературного языка, побуждая его к изучению родной литературы. Но «Друштво св. Могора» имело и свои отрицательные стороны: оно распространяло в народе религиозные взгляды, отсталую консервативную идеологию, которую исповедовали консервативные словенские национальные деятели из духовенства, в частности А. Эйншпиллер, стоявшие во главе общества. Для прогрессивного, отвечающего требованиям буржуазного развития Словении крыла словенского национального движения такое издательское общество было явно недостаточным. Оно не могло способствовать развитию словенской художественной и научной литературы.

² I. Grafenauer. *Stolica za slovenski jezik na ljubljanskem liceju in Slomšekovi tečajji v celovskem semenišču*. «Zgodovinski časopis», LXII—XIII, 1958—1959, str. 279—282.

³ Письмо Майра Вразу 14.X.1845. *Trezor*...

⁴ F. Levec. *Eseji, študije in potopisi*. Ljubljana, 1965, str. 180.

Это стало очевидным уже в конце 50-х — начале 60-х годов XIX в. У многих словенских национальных деятелей как из светской, так и из духовной интеллигенции появилась мысль о создании нового словенского издательского общества типа Матиц, созданных уже у многих других славянских народов⁵. Непосредственным толчком к созданию Матицы словенской послужило путешествие известного русского славянофила Ивана Сергеевича Аксакова в конце мая — июне 1860 г. по словенским землям.

Аксаков посетил Марибор, Целовец, Любляну. В Мариборе он встретился со словенскими национальными деятелями Штирии Б. Раичем, Д. Трстеньяком, О. Цафом (хотя и являвшимися лицами духовного звания, но придерживавшимися либеральных взглядов); в Целовце — с Эйншпиллером и Янежичем; в Любляне — с Блейвейсом. Аксаков ознакомился с деятельностью «Друштва св. Могора», которое в то время насчитывало 1100 членов. По поводу него Аксаков заметил в своем дневнике: «Оно издает книги духовные и нравоучительные для народа и для детей — все, проникнутое католическим духом. Это полезно в том отношении, что есть, что читать народу по-словенски». Вместе с тем Аксаков считал, что «высшая деятельность, ученая, словенцев не имеет ни органа, ни центра, ни средств. — Так ни Терстияник, ни Цаф не могут издать своих сочинений»⁶. Единственный выход из этого положения Аксаков видел в создании Матицы словенской. Об этом он и говорил со словенскими национальными деятелями. В дневнике Аксаков так описывает их реакцию на его предложение: «Я говорил им (т. е. Трстеньяку и Цафу. — И. Ч.) в Марбурге (Мариборе. — И. Ч.) об устройстве словенской Матицы, наподобие чешской. Они все обрадовались этой мысли... Тогда и театр устроился бы словенский. «Поговорите об этом в Клагенфурте (Целовец. — И. Ч.), в Лайбахе (Любляна. — И. Ч.), с Блейвейсом», — сказал мне Терстияник. — Раич хотел написать статью. У них нет средств. Я обещал, не ругаясь за успех, что буду собирать средства в Москве, и обещал прислать книг. Нет возможности снабжать нам книгами каждого в отдельности. Другое дело, если у них будет центральная библиотека. Но в Эйншпиллере я нашел сильного противника мысли о Матице. Он чувствует, что высшее словенское развитие ускользает из рук духовенства. Не нужно нам Матицы, довольно дружба; сюда должны стекаться все капиталы и усилия. — Но ведь изданиями подобного рода вы не подвигаете высшую умственную деятельность. Народ-

⁵ До Матицы словенской было основано уже 8 славянских Матиц: Матица сербская 1826 (Будим), Матица чешская — 1828 (Прага), Матица сербо-лужицкая — 1847 (Будышин), Матица галицкая — 1849 (Львов), Матица моравская — 1849 (Брно), Матица иллирская — 1851 (Загреб), Матица далматинская — 1862 (Задар), Матица словацкая — 1863 (Быстрица). См.: А. С. Будилович. Славянские матицы и ученые дружества. ЖМНП, ч. СХLI, стр. 460—461.

⁶ «Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Приложение: Дневник И. С. Аксакова», т. III. М., 1892, стр. 116.

ность сохраняется высшим сознанием самой сущности народа. Важное не внешнее народности, но самое содержание этого слова. Но Эйншпиллер католик и враг этой мысли. Для него в католицизме все. «Пусть присоединяются к хорватской Матице,— сказал он,— мы сами по себе слишком слабы, у нас не из кого и составить Матицы». «Отчего же не присоединяются?» — спросил я. «Хорваты не хотят». Этого он не объяснил мне ясно, почему не хотят. Я думаю, тут причина та, что словене не хотят жертвовать своею народностью, своим языком, хорватскому... Блейвейс вполне за самостоятельное развитие словенства и не хочет слияния с хорватами. Он рад был бы Матице... Время удобное. Но едва ли дело состоится. Епископы и старые все почти словенцы этого не захотят»⁷.

Таким образом Аксаков дал в своем дневнике любопытную расстановку сил среди словенских национальных деятелей по вопросу о создании Матицы словенской: воодушевление штирийских национальных деятелей; положительное, но отчасти и неуверенное отношение к этому Блейвейса и резкая оппозиция каринтийцев. Позднее словенский национальный деятель из Штирии, подписавшийся инициалами В. Р. (по всей вероятности — *Vožidar Raič* — Божидар Раич), сообщал в небольшой заметке в газете «Словенец», издаваемой Эйншпиллером, что, путешествуя по Словении в 1860 г., Аксаков много агитировал за создание Матицы и обещал ей присылать все книги, которые выходят в Москве. Автор выражал уверенность в том, что Аксаков выполнит свое обещание⁸.

В свете записей Аксакова не кажется странным, что инициаторами создания словенской Матицы выступили штирийские национальные деятели. Учредительный комитет Матицы был основан в Мариборе и состоял из видных штирийских словенцев: Янко Сернеца, проф. Шумана, Майцигера и инженера Гоголушека. Они создали правила Матицы, на вербовали для нее в Мариборе 40 членов и все это (правила, списки членов, деньги) послали Блейвейсу вместе с письмом, в котором утверждали, что центром Матицы словенской должна стать именно Любляна⁹.

Против инициативы штирийцев выступила газета А. Эйншпиллера «*Slovenski prijatelj*». 15 июля 1863 г. там была помещена статья, предлагавшая словенцам не создавать Матицу словенскую в Любляне, но соединить свои силы с Матицей иллирийской, чтобы цвела Матица югославянская. «Поддерживайте общество св. Могора всеми силами, деньгами и пером», — призывал автор статьи¹⁰. Однако на сторону штирийцев решительно

⁷ «Иван Сергеевич Аксаков в его письмах...», т. III, стр. 116—117.

⁸ «Slovenec», 1865, N 3, str. 10.

⁹ *J. Sernec. Spomini. Ljubljana, 1927, str. 9.*

¹⁰ *A. Slodnjak. Opombe. F. Levstik. Zbrano delo, zv. 8. Ljubljana, 1959, str. 377.*

встали словенские национальные деятели Любляны, прежде всего редактор газеты «Narcej» Фран Левстик, вокруг которого объединялись наиболее радикальные национальные деятели. Он напечатал в «Напрее» статью, посвященную Матице, в которой заявлял: «Кто сколько-нибудь знает, как приходится сейчас нашей литературе, должен понимать, что «Матица» была бы для нас не только полезна, но что она нам так необходима, что истинные патриоты уже долгое время вздыхают по ней»¹¹. Матица, по его мнению, имела бы целью не только распространение просвещения, но и защиту национальности «непробиваемым щитом основательных знаний и благодетельного процесса»¹².

Итак, вопрос о Матице был поставлен именно либеральными деятелями, но просьбу к властям написали представители умеренных — Янез Блейвейс и Ловро Томан. 4 февраля 1864 г. власти разрешили создание Матицы и утвердили ее правила. Матица возникла как просветительская организация, объединявшая умеренных и либеральных национальных деятелей; ее первым председателем был умеренный консерватор Л. Томан, а секретарем — либерал Фран Левстик. Но в 1865 г. Левстик был изгнан из Матицы, и руководство ею перешло к консерваторам, господствовавшим в ней до 1882 г. Хотя Матица не сразу стала такой, какой ее желал видеть Левстик и его друзья, создание ее было большим шагом вперед в деле развития словенской национальной культуры и укрепления ее связей с другими славянскими народами. В частности, Матица завязала сношения со многими славянскими культурными организациями, и одними из первых в контакт с ней вступили русские общества. 30 ноября 1865 г. Л. Томан и секретарь Матицы А. Лесар выразили свою благодарность за дар Петербургской Академии наук (по всей видимости, книги)¹³.

Посредником в пересылке книг от русских обществ Матице и обратно стал священник русской посольской церкви в Вене Михаил Федорович Раевский. Сохранилось 15 писем Матицы (подписаны Л. Томаном, Э. Костой, А. Лесаром) к Раевскому за 1865—1873 гг. Так, 4 июля 1866 г. Матица обращалась с просьбой распределить посланные ему 3 экз. «Истории словенского народа»: один — Академии наук, другой — Антропологическому обществу, третий — оставить себе, а также сообщить этим обществам, что комитет Матицы на заседании решил «вступить в действительную связь литературной взаимности с ними и посылать им все книги, которые Матица словенская издает».

Русские общества помогали Матице словенской не только книгами. Славянский благотворительный комитет в Петербурге всту-

¹¹ Там же, стр. 130.

¹² Там же, стр. 134.

¹³ ОПИ ГИМ, ф. 347, щ. 634.

пил в число ее членов-установителей, сделав взнос в 100 гульденов (письмо VIII от 22 июля 1871 г.).

Деятельность М. Ф. Раевского как посредника в сношениях между Матицей словенской и научными и общественными учреждениями и организациями России была высоко оценена комитетом Матицы. 18 ноября 1866 г. за подписью Л. Томана, председателя Матицы, и А. Лесара, ее секретаря, было послано письмо Раевскому, в котором говорилось: «С радостью Вам сообщаем, что комитет словенской Матицы на своем 5 заседании от 15 ноября сего года, согласно § 16 правил Матицы, по предложению, представленному председателем др. Ловро Томаном, согласно избрал Вас первым почетным членом Матицы словенской в Любляне.

Основанием, которым он подкрепил это предложение, были Ваше великодушие, которое уже подарило библиотеке нашего счастливого общества множество книг, и Ваше благое... старание, благодаря которому Вы благосклонно достали этой библиотеке столько превосходнейших и очень дорогих книг, что она теперь насчитывает больше русских, чем всех других славянских книг.

Пусть это избрание будет Вам некоторым доказательством того, как высоко чтим и признаем мы Ваши бесценные заслуги перед нашим благим, но до сих пор еще бедным обществом»¹⁴.

Однако, согласно поправке, внесенной властями в правила Матицы, Матица не могла избрать в почетные члены граждан других государств без подтверждения этого провинциальным правительством Крайны¹⁵. Поэтому 18 ноября комитет Матицы обратился к провинциальному правительству Крайны с просьбой утвердить избрание Раевского ее почетным членом. Мотивировка этого избрания была следующей: «Причиной этого были великодушие Раевского, благодаря которому он даровал Матице книги, и усердие, с которым он склонил русские литературные общества [подарить] ей много драгоценных русских и других славянских книг»¹⁶. Правительство подтвердило избрание Раевского, и таким образом он стал первым почетным членом Матицы словенской и единственным ее почетным членом с иностранным подданством вплоть до конца XIX в.

Раевский с благодарностью отозвался на решение Матицы словенской. «Все, что я сделал для Матицы словенской,— писал он 29 ноября 1866 г. комитету Матицы,— я сделал как всякий другой славянин должен был сделать... И что могу и впредь сделать для своих словенских братьев, сделаю с радостью, только прикажите»¹⁷.

¹⁴ ОПИ ГИМ, ф. 437, III 634.

¹⁵ *F. Bernik. Sto let kulturnega poslanstva. «Slovenska Matica». Ljubljana, 1964, str. 13.*

¹⁶ *Archiv Matice Slovenske, 1866, št. 193.*

¹⁷ Там же, св. 202.

Позднее, уже после смерти Раевского, секретарь Матицы словенской Евген Лах в речи по случаю 20-летнего юбилея ее существования с теплом вспомнил и М. Ф. Раевского. «Почтенному установителю, епископу Раевскому,— подчеркнул он,— который подарил Матице более 200 очень поучительных и драгоценных книг императорской академии в С.-Петербурге, была послана уместная благодарность, и общество его именовало по этому случаю... с разрешения правительства своим почетным членом»¹⁸.

Избрание М. Ф. Раевского первым почетным членом Матицы словенской не стало известным широкой общественности в России. Так, видный русский славист А. С. Будилович в 1869 г. упрекал Матицу словенскую именно за то, что среди ее почетных членов не было ни одного славянского деятеля, помимо граждан Австрии¹⁹. Даже в некрологе «Краткий очерк службы и заслуг протоиерея М. Ф. Раевского», написанном по официальным сведениям, это не упоминается, хотя все его награды и звания перечислены с величайшей тщательностью²⁰.

Благодаря Раевскому Матица поддерживала связь с русскими обществами. Так, в 1873 г. она вела книгообмен с 32 научными обществами, в том числе 29 славянскими (6 чешскими, 4 хорватскими, 2 сербскими, 2 западноукраинскими, 1 словацким, 1 болгарским, 1 словенским и 12 русскими), причем из России Матица получила в этом году 40 экз. книг, а от всех прочих обществ — 60 экз.²¹ До 1885 г., по сведениям Лаха, Матица вела книгообмен с 13 русскими научными учреждениями: с 1866 г. — с Антропологическим обществом (Москва) и Академией наук (Петербург), с 1869 г. — с Обществом издания народных памятников (Вильно), Румянцевским музеем (Москва), библиотекой Славянского комитета (Москва) и Русским географическим обществом (Петербург), с 1872 г. — с Варшавским университетом, Московским университетом. Обществом любителей истории и древностей российских, Одесским университетом, Филологическим обществом (Воронеж) и Археологическим обществом (Москва), с 1882 г. — с Киевским университетом²². К концу XIX в. число русских обществ и научных учреждений резко упало: в 1899 г. среди 43 обществ, с которыми Матица вела книгообмен, было только 6 русских²³.

Со своей стороны, когда в Москве готовилась Этнографическая выставка, на которой должны были быть представлены национальные костюмы всех славянских народов, Раевский, занимавшийся сбором их у зарубежных славян, по поводу словен-

¹⁸ *E. Lah. Matica Slovenska, «Letopis Matice Slovenske», 1885., str. 408.*

¹⁹ *А. С. Будилович. Указ. соч., стр. 466.*

²⁰ *См.: «Русь», 1884, № 11, стр. 23—27.*

²¹ *«Letopis Matice Slovenske», 1872—1873, str. 67—69, 112—113.*

²² *E. Lah. Указ. соч., стр. 407.*

²³ *«Letopis Matice Slovenske», 1899, str. 72—73.*

ской национальной одежды обратился сразу же к Матице словенской. Уже 11 мая 1866 г. он писал профессору Московского университета Н. А. Попову, отвечавшему за славянский отдел на Этнографической выставке, что связался по этому вопросу с Матицей словенской, Томаном и Блейвейсом²⁴. Спустя три недели Раевский снова замечает, что его эмиссар — редактор «Славшес блаттес» Абель Лукшич, поехавший по делам выставки в Пешт, Нови Сад, Вуковар, Загреб, Люблян, в Любляне «и письменно, и лично все передал Томану»²⁵. 13/25 октября Раевский сообщил Попову о посылке словенцами на выставку двух национальных костюмов²⁶. За этот дар Томан, Блейвейс, Коста, Матица словенская (?!) были приглашены на Этнографическую выставку в Москве в качестве гостей²⁷.

Благодаря стараниям русских славянофилов библиотека Матицы словенской была хорошо укомплектована русской литературой. Это оказало, на наш взгляд, известное влияние на издание Матицей переводов русских классиков. Исследователь переводческой деятельности Матицы Божидар Борко отмечает, что в 60—90-е годы XIX в. среди всех переводов, опубликованных в изданиях Матицы («Народный календарь», «Летопись Матицы словенской»), произведения немецких и русских писателей решительно преобладали. Из русских классиков, кроме Пушкина и Лермонтова, особенным вниманием пользовались Н. В. Гоголь и И. С. Тургенев²⁸. Предположение Борко, что большое количество переводов русских классиков возможно объяснить тем, что на немецкий язык было переведено много русских книг²⁹, кажется нам несостоятельным. Желание Матицы ознакомить словенского читателя с русской литературой было продуманной политикой. В этом отношении представляет интерес работа Ф. М. О. «Словенская литература», изданная Матицей в 1870 г. В ней говорилось, что, чтобы развивать в народе национальное славянское чувство, нужно переводить прежде всего произведения славянских писателей, а не западноевропейских, ибо последние вносят в словенский народ чуждый ему дух³⁰. Такая «романтическая всеславянская ориентация» была характерна для Матицы тех лет³¹. Она и определила ее интерес к изданию переводов произведений русских писателей. Базой для этого стали те многочисленные русские книги, которые были присланы Матице через Раевского.

²⁴ ГПБЛ, Рукописный отдел, ф. 239, к. 17, ед. 11, л. 3.

²⁵ Там же, л. 5.

²⁶ Там же, л. 9.

²⁷ Там же, ед. 13. Никто из них не поехал на Московскую этнографическую выставку, опасаясь репрессий со стороны австрийских властей.

²⁸ B. Borko. Prevodna književnost. «Slovenska Matica». Ljubljana, 1964, str. 63—65.

²⁹ Там же, стр. 68.

³⁰ F. Koblar. Slovstvena zgodovina. «Slovenska Matica», str. 77—78.

³¹ Там же, стр. 74.

Таким образом, как в деле создания Матицы словенской, так в первые годы ее существования в комплектовании ее библиотеки известную роль сыграли русские славянофилы, в частности И. С. Аксаков и М. Ф. Раевский, что с благодарностью признавали словенские национальные деятели. Связи между русскими славянофилами и Матицей словенской развивались плодотворно, способствуя ознакомлению словенского общества с русской культурой, а русского — со словенской.

ИЗ ИСТОРИИ РАННЕГО ПРОНИКНОВЕНИЯ США НА БАЛКАНЫ

А. С. Бейлис

Вопрос о подрывной деятельности американских миссионеров в Болгарии в 50—70-х годах XIX в. еще недостаточно изучен¹. Между тем его исследование представляет исключительный интерес, поскольку одной из главных форм идеологической агрессии США всегда было миссионерство. Миссионеры шли в авангарде идеологически-политического проникновения США на Балканы. «Распространением христианства» они прикрывали разведывательную или шпионскую деятельность: ведь народы Балканского полуострова в своем большинстве были христианами и, следовательно, совсем не нуждались в обращении их в «лоно Христова». Поэтому миссионерам приходилось утверждать, будто они распространяют идею «чистой формы христианства»².

Защите этой «миссии» посвящена достаточно большая литература по истории Балканских государств, появившаяся в США сразу же после первой мировой войны, когда американский империализм уже открыто провозгласил свои претензии на мировое господство. Но для этого было необходимо прикрасить и за-

¹ В последние годы в Болгарии опубликованы работы, в которых затрагиваются лишь отдельные стороны рассматриваемого вопроса. См.: *Д. Шишманов*. Американски империализъм зъл враг на българския народ. София, 1952; *он же*. Документи от 1878 г. за противобългарската и шпионска дейност на американските миссионери в България. «Работническо дело», 28.I 1953; *М. Стоянов*. Начало на протестантската пропаганда в България. «Известия на Ин-та за българска история», т. 14—15. София, 1964; *Й. Николов*. В. Чолаков и протестантската пропаганда през Възраждането. «Исторически преглед», 1969, № 4. См. брошюру советского историка Н. Халфина «Начало американской экспансии». М., 1958.

² См.: ЦГИА, ф. 797, оп. 27, д. 426, ч. IV, л. 195. Донесение консула в Тырново поверенному в делах в Константинополе от 26.III 1863 г.

маскировать истинный характер взаимоотношений США с балканскими народами, прикрывая захватнические устремления американских империалистов.

Буржуазные историки американско-болгарских отношений, главным образом из числа миссионеров, стремились доказать, что США абсолютно бескорыстно помогали болгарскому народу добиться независимость, в то время когда Россия стремилась лишь навязать ему свое господство. Так, В. Монро утверждает, что «Соединенные Штаты сыграли выдающуюся роль в развитии государственности» Болгарии³. А. Г. Уошберн, бывший директором американского колледжа в Константинополе, настаивает, что лишь благодаря усилиям американских миссионеров Болгария была спасена от варварского управления турок⁴.

Отсюда следовало требование, чтобы Болгария в полной мере отблагодарила американских благодетелей. Так, Э. Хаскель писал, что «Болгария призвана распространять американское влияние среди балканских народов»⁵. Английский журналист, связанный с американскими миссионерами в Константинополе, Э. Пирс утверждал, что «Америка смотрела на Болгарию как на значительную часть своего создания»⁶, а директор американской гимназии в г. Самокове Р. Маркхам заявлял, что «история Болгарии — это повторение американской истории»⁷. Т. Рузвельт говорил, что американцы сыграли «особую роль в создании болгарской нации»⁸. Этот проводник и идеолог американского экспансионизма во время первой балканской войны в большой статье об «истории Балкан» призывал миссионеров США особо внимательно присмотреться к Болгарии.

В хор американских фальсификаторов включились также некоторые буржуазные болгарские историки. Так, Д. Мишев писал, что американские миссионеры своей деятельностью, «влиянием и авторитетом подготовили болгарскую освободительную войну 1877 г.»⁹ и что национальное возрождение Болгарии произошло «благодаря влиянию американских факторов на Балканах»¹⁰; за свою независимость болгарский народ должен быть благодарным «Америке не меньше, чем России»¹¹.

³ *S. W. Monroe. Bulgaria and her People. Boston, 1914.* Такую же идею проводят и другие авторы: *W. Sloane. The Balkans. New York, 1914; L. Sears. A History of American Foreign Relations. New York, 1938* и др.

⁴ См.: *G. B. Washburn. Fifty Years in Constantinople. Boston, 1913,* p. 108.

⁵ «The Missionary Review of the World». New York, 1919.

⁶ Цит. по кн.: *C. Stephanove. The Bulgarians and Anglo-Saxondom. Berne, 1919,* p. 117.

⁷ Там же.

⁸ «The Outlook», November, 23, 1912.

⁹ *D. Misheff. America and Bulgaria and their Moral Bonds. Berne, 1918,* p. 9.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, стр. 12—13.

С апологией роли США в истории Болгарии выступил К. Стефанов. «Ни в какой другой стране,— писал он,— Америка не имела более сильного и полезного влияния, чем в Болгарии... Ни в какой другой стране мира американские идеи и принципы не были усвоены и поддержаны с большим воодушевлением, чем в Болгарии»¹².

Все это было рассчитано на обман народных масс.

* * *

Уже с самого начала XIX в. молодая американская буржуазия проявила значительную заинтересованность в развитии торговли с Османской империей. Однако США вырабатывали еще очень мало промышленных товаров, чтобы удовлетворить запросы турецких рынков. Кроме того, огромная потребность в деньгах, которую постоянно испытывала американская буржуазия, заставляла ее искать такие пути в торговле, при которых она могла получать деньги без вложения своих капиталов. Для своего обогащения американцы избрали отвратительнейший способ — торговлю опиумом, который они вывозили из Турции в Китай.

В первой половине XIX в. в экономическом и военном отношении слабым еще США необходима была какая-то особая форма для развертывания агрессии, где США чувствовали бы себя более уверенно, чем великие европейские державы. Такой формой стало миссионерство. Его первоочередными объектами явились Китай и Турция, где развернули свою деятельность «Американская просветительная миссия», «Американское баптистское миссионерское общество» и др. Первый миссионерский пункт в Азиатской Турции США создали еще в 1812 г. Центром миссионерской деятельности американских пропагандистов на Востоке становится созданное в 1801 г. в Бостоне «Американское бюро поселенцев в заграничные миссии»¹³, которое позднее получило поддержку госдепартамента и влиятельных кругов буржуазии.

Создав в Малой Азии широкую сеть миссионерских пунктов, американцы уже в 30-х годах XIX в. обращают свои взоры на Болгарию, направив туда своих первых разведчиков¹⁴. К началу 40-х годов относятся первые попытки американских миссионеров создать в Болгарии свои миссии и общины. Но встретившись с недовольством царской России, имевшей в это время решающее влияние в Константинополе, США вынуждены были отложить свои намерения¹⁵. Все же они отобрали и отправили в США 36 болгарских юношей, которые после получения богословского образования должны были возвратиться в Болгарию как миссио-

¹² С. *Stephanove*. Указ. соч., стр. 267.

¹³ См.: А. М. *Колобякин*. Деятельность протестантских миссий в северо-восточной части Азиатской Турции. Тифлис, 1888, стр. 3.

¹⁴ С. *Stephanove*. Указ. соч., стр. 269.

¹⁵ См.: ЦГИА, ф. 797, оп. 87, д. 33, лл. 1—8, 15—19.

неры¹⁶. Стремление американских миссионеров проникнуть в Болгарию нашло поддержку английского правительства, которое надеялось при их помощи сохранить в Турции свои привилегии и нанести удар по русскому влиянию на Балканах, не поступившись ничем в пользу США. Такая политика не осталась незамеченной в России. Русский вице-консул в Варне с тревогой сообщал в Петербург о том, что Англия «вместе с рельсами Кюстендильской железной дороги вводит темными путями в Болгарию американских методистов»¹⁷.

В 1846 г. совместными усилиями Англии и США права протестантов Османской империи были признаны султанским правительством¹⁸. Британский буржуа, писал Ф. Энгельс, «не довольствуясь собственным религиозным аппаратом [...] обратился к «брату Джонатану», величайшему предпринимателю по части религиозных спекуляций [...]»¹⁹. Если, с другой стороны, Соединенные Штаты унаследовали от Англии целый ворох идеологических пережитков — религию, сектанство, суеверие, спиритизм и т. п.²⁰, то весь этот арсенал они использовали в своей миссионерской деятельности.

Протестантизм, который, по словам К. Маркса, представляет собой чрезвычайно уточненную форму религиозного закабаления, был особенно пригоден для идеологических диверсий. «Он, — писал К. Маркс, — эмансипировал плоть от оков, наложив оковы на сердце человека»²¹. В другом месте К. Маркс подчеркивал, что «религия приобретает у них полемическую, проникнутую политической тенденциозностью ядовитость, и становится, более или менее сознательно, покровом святости для весьма мирских, но вместе с тем и весьма фантастических вождедений»²².

Широкому проникновению США в Турцию и на Балканы способствовала Крымская война. Именно с этого времени, как отмечает К. Стефанов, было положено начало балканскому отделению американских миссий²³.

Первым прибыл в Болгарию в 1856 г. американский миссионер А. Лонг. Вслед за ним пришли наиболее способные американские проповедники и разведчики: Г. Мерриам, Дж. Ф. Кларк, Дж. Берд, Дж. Хаус и др. Протестантские миссии были созданы в Софии, Пловдиве, Варне, Ловече, Самокове, Старой Загоре.

¹⁶ «История на България», т. I. София, 1954, стр. 381.

¹⁷ ЦГИА, ф. 832, оп. I, д. 121, л. 41. Записка А. Рачинского по церковному вопросу от сентября 1861 г.

¹⁸ Н. И. Петров. Исторический очерк греко-болгарской распри. «Начало греко-болгарской распри и возрождение болгарской народности». Киев, 1886, стр. 205—206.

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 22, стр. 314.

²⁰ Там же, т. 36, стр. 451, 490.

²¹ Там же, т. 1, стр. 422—423.

²² Там же, стр. 52.

²³ С. Стефанов. Указ. соч., стр. 271.

Крымская война привела к ослаблению позиций царской России в Турции и к соответствующему усилению Англии. Но главное, после войны в Болгарии с новой силой развернулось движение за независимость болгарской церкви. Это и было использовано американскими миссионерами. Первые американские миссии были созданы как раз в тех местах, где борьба против греческого духовенства приняла особенно острый характер.

Американские миссионеры, как заметил один болгарский автор, стремились ловить рыбку в мутной воде²⁴. Гнев и возмущение вызвала деятельность миссионеров и у выдающегося болгарского революционера Г. Раковского. «Теперь,— писал он весной 1856 г.,— по Болгарии бродят разные миссионеры, чтобы обратить простой народ в свою веру, особенно паписты и евангелисты»²⁵. Раковский сожалеет по поводу того, что Россия не пытается «спасти своих единоверных братьев... от хищников»²⁶. Раковский не мог знать, что деятельность западной агентуры, и в частности американских миссионеров, вызвала тревогу не только в Синоде, но и в российском министерстве иностранных дел. «Российский синод,— писал Стефанов,— так же как и российское правительство, смотрели на это (на деятельность американских миссий.—А. Б.) как на усиление английского влияния на Востоке и потому относились к ним как к вражеской агентуре»²⁷. Впрочем, и в правительственных кругах Австрии хорошо знали, что А. Лонг был платным агентом-наблюдателем английского правительства в Болгарии²⁸. Как предупреждал Раковский, западные державы стремились подорвать влияние России на Востоке и для этого «уничтожить религиозную связь, которая так сильно связывала православных христиан с Россией»²⁹.

Действительно, американцы явно занимались не столько религиозной пропагандой, сколько политической агитацией. А. Лонг развернул активную деятельность в городах Тырнове, Систове, Шумле и др. Собрав в Систове группу болгар, он убеждал их «посмотреть на дело своей отчизны с политической стороны», т. е. прежде всего не ожидать помощи от России³⁰.

Деятельность американских миссионеров натолкнулась на сопротивление народных масс. Н. Геров в одном из своих донесений

²⁴ См.: П. Мусевич. Домогванията на протестанските миссионери. София, 1883, стр. 7.

²⁵ Архив на Г. С. Раковски, т. I. Писма и ръкописи на Раковски. София, 1952, стр. 155.

²⁶ Там же.

²⁷ С. *Stephanove*. Указ. соч., стр. 270.

²⁸ См.: Н. Станев. Борба на българите за духовна свобода. София, 1920, стр. 135.

²⁹ Архив на Г. С. Раковски, т. I, стр. 251, 381.

³⁰ ЦГИА, ф. 832, оп. 1, д. 78, л. 29. Донесение управляющего консульством в Тырнове поверенному в делах при Османской Порте от 26.III 1863.

писал, что «на протестантских миссионеров сначала смотрели как на заразу, чуждались их до того, что не хотели принимать их в городах и закидывали их комнаты грязью»³¹.

Нелегко было американцам побороть сопротивление болгар. Однако настойчивость, огромные средства, которые расходовали на пропаганду, и постоянная поддержка английских и американских дипломатов в Константинополе дали свои результаты. Но и позднее возникали инциденты, вызванные наглым поведением американских миссионеров. В 1873 г. Н. Геров докладывает из Пловдива русскому послу в Турции, что жители с. Марицы Чирпанского округа Филиппольского санджака жаловались на притеснения и обиды со стороны протестантов, поддерживаемых английским и американским консульствами³². Выведенные из терпения, крестьяне уничтожили их помещения. Местные власти немедленно арестовали 20 человек³³.

В 60-х годах XIX в., когда, по определению Горчакова, церковный вопрос «дошел до крайних своих пределов»³⁴, политическая деятельность американских миссионеров приобрела угрожающие размеры. Русские дипломаты бьют в набат. В 60-х годах синоду была представлена записка с обзором церковных дел на православном Востоке, которая после ее изучения была отправлена с замечаниями обер-прокурора синода Д. А. Толстого митрополиту Филарету. Автор записки Жемчужников приходит к выводу, что католическая и протестантская пропаганда угрожают интересам России³⁵.

Достойна также внимания записка советника посольства в Константинополе И. Новикова, в которой подведены итоги состояния церковного вопроса в Болгарии за десять лет (1857—1867). Новиков утверждал, что западная пропаганда в Болгарии принимает опасные размеры, так как она «еще более направлена против политического влияния России в этой стране, чем на интересы чисто религиозные»³⁶. По его мнению, западные державы имеют перед Россией то преимущество, что «под их покровом, но без гласного их участия» миссионеры активно ведут политическую работу³⁷.

³¹ Там же, ф. 797, оп. 27, д. 426, ч. IV, л. 137. Записка вице-консула Герова в Филипполе о действиях западных пропаганд в Болгарии и об успехах их.

³² «Документи на българската история», т. II (архив на Найден Геров). 1871—1876 гг. София, 1932, стр. 76.

³³ Там же, стр. 77.

³⁴ ЦГИА, ф. 832, оп. 1, д. 120, л. 36. Письмо А. Горчакова митрополиту Филарету от 25.I 1861 г.

³⁵ Там же, д. 102, л. 11. На полях записки имеется высокомерно-пребрежительное примечание Толстого: «Успехи западных пропаганд на Востоке вообще очень преувеличены. Но... нет причин отчаиваться в возможности устоять против их напора».

³⁶ Там же, д. 109, л. 6. И. Новиков — Ковалевскому от 23.XII 1867 г.

³⁷ Там же, д. 110, л. 147.

Российские дипломатические представители на Востоке растерялись перед натиском энергичных и ничем не брезгующих американских агентов. Да и как было не растеряться русскому консулу в Варне Рачинскому, когда в разгар церковной борьбы из Тырнова был изгнан митрополит Григорий, а ведение церковных дел перешло к общине старшин, во главе которой оказался... тот же Лонг³⁸, имевший своих агентов в каждом селе «до Балканской Болгарии»³⁹. Подобные сообщения поступали в МИД почти со всех городов Болгарии. И хотя иногда посланник в Константинополе Лобанов направлял успокоительные письма, заверяя, будто ничто не может угрожать православной церкви в Болгарии⁴⁰, Азиатский департамент был настолько обеспокоен деятельностью миссионеров, что направил всем консулам на Востоке указание: «следить с неусыпным вниманием за действиями иноверных пропаганд и всеми силами стараться о поддержании в славянах чувств вековой преданности их к православной церкви»⁴¹.

В своей подрывной деятельности американские миссионеры использовали также созданные ими в разных местностях Болгарии школы. И хотя их апологет Стефанов прославляет эту «просветительскую» деятельность миссионеров⁴², близко знакомый с ней Н. Геров писал: «Создание училищ — самое верное средство для достижения их (американцев.— А. Б.) целей»⁴³. Геров предупреждал, что в этих школах американцы воспитывают своих верных последователей и пропагандистов⁴⁴. Впрочем, подтверждает это и американский историк В. Монро: «Почти все священники и проповедники, связанные с протестантской миссионерской работой в Болгарии..., — писал он, — получили свою тренировку в этих школах. Значительная часть бывших учащихся заняла видное положение в общественной жизни Болгарии»⁴⁵.

Расширение деятельности американских миссионеров все больше тревожило и самих болгар. Так, один из корреспондентов Н. Палаузова сообщал из Константинополя: «...Протестанты положили на нас свои руки; со временем же породится то зло, что протестанты раздробят наших соотечественников»⁴⁶.

³⁸ Там же, д. 121, л. 43.

³⁹ Там же, л. 44.

⁴⁰ Там же, ф. 797, оп. 27, д. 414, л. 32. Письмо Лобанова Ковалевскому от 3.V 1860 г. На письме имеется чрезвычайно «глубокая» резолюция Александра II: «Слава богу!».

⁴¹ Там же, ф. 832, оп. 1, д. 119, л. 266. Циркулярное предписание азиатского департамента консулам на Востоке. Январь 1861 г.

⁴² *C. Stephanove*. Указ. соч., стр. 297.

⁴³ ЦГИА, ф. 832, оп. 1, д. 78, л. 32. Донесение вице-консула в Филипполе от 26.III 1863 г.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ *W. Monroe*. Указ. соч., стр. 339.

⁴⁶ ЦГИА, ф. 832, оп. 1, д. 120, л. 79. Выписка из письма болгарина Х. Арнаудова Н. Палаузову от 7.II 1861 г.

Со второй половины 60-х годов усиливается экономическое и политическое проникновение США на Балканы. Чтобы обеспечить его, а также противодействовать русскому влиянию среди южных славян, США в 1866 г. обмениваются с Турцией дипломатическими представителями в ранге посланников. Президент США Джонсон в одном из своих посланий конгрессу в 1866 г. выразил твердую решимость «заступить» за христиан на Востоке⁴⁷. Однако это «заступничество» преследовало лишь одну цель: нанести удар по русскому влиянию.

В таких условиях деятельность миссионеров приобретала еще большее значение. Американский историк Л. Сирс признавал, что с «христианскими миссиями были связаны важнейшие интересы Америки в Османской империи»⁴⁸. Важными средствами американской пропаганды среди болгар стали ежемесячный журнал и еженедельная газета под одноименным названием «Зорница», издававшиеся миссионерами в Константинополе⁴⁹, и американский Роберт-колледж.

Основателем и первым редактором газеты «Зорница» был все тот же А. Лонг. Турецкое правительство сначала с недоверием отнеслось к газете. После выхода пяти номеров она была закрыта. Стефанов приводит интересный разговор, состоявшийся между секретарем американского посольства в Константинополе Брауном и великим визирем Али-пашой по поводу газеты. Последний заявил, что газета была закрыта «потому, что она является политическим органом». И сам Стефанов вынужден признать, что миссионеры, издавая свою газету, «никогда не сохранили ее подлинно религиозный характер»⁵⁰. После вмешательства американского посланника издание газеты было возобновлено. Турецкое правительство убедилось в том, что вся деятельность американских миссионеров направлена против влияния России.

Вместе с газетой в Болгарию завозилось большое количество американской литературы, имевшей религиозную окраску, но призванной, прежде всего, убедить болгар в превосходстве США. «Задача американских миссионеров,— признает Стефанов,— не была сужена до того, чтобы проповедовать лишь евангелие»⁵¹. Особенно ясно это сказалось при создании в Константинополе американского Роберт-колледжа. Такие попытки делались еще в 1859 г., но лишь в 1863 г., после того как султанское правительство удостоверилось в «лояльности» американских миссионеров, Роберт-колледж начал свою работу. На него возлагалась под-

⁴⁷ «Голос», 1866, № 381.

⁴⁸ L. Sears. A History of American Foreign Relations, p. 390.

⁴⁹ См.: С. Стефанов. Указ. соч., стр. 302—307; Н. Начев. Ново българската книга и печатно дело у нас от 1806 до 1877 год. «Сб. на Българската Академия на науките» (далее — БАН), кн. XV. София, 1921, стр. 75.

⁵⁰ С. Стефанов. Указ. соч., стр. 304.

⁵¹ Там же.

готовка будущей американской агентуры в Болгарии для борьбы с русским влиянием. Уолборн подтверждает, что колледж «был важным фактором в Болгарии против интриг России»⁵². Американцы надеялись, что после освобождения Болгарии воспитанники Роберт-колледжа добьются постов государственных руководителей и тем самым обеспечат преимущественное влияние США в этой стране. «На протяжении многих лет колледж обеспечивал молодую нацию лучшими ее людьми и заслужил репутацию «детской» болгарских государственных деятелей»⁵³.

Миссионеры и преподаватели американских школ открыто выступали против болгарского национал-революционного движения, его деятелей и участников. На ежегодных выпускных вечерах, на которых обязательно присутствовали американские дипломаты, ученики выступали с речами, враждебными революционной борьбе народа⁵⁴. Бывший воспитанник Роберт-колледжа М. Маджаров вспоминал, что там насаждался дух преданности правительству Турции и преследовалась патриотическая молодежь. Болгарский революционер Г. Бенковский также считал, что американские наставники преследовали только свои корыстные интересы⁵⁵. С осуждением и гневом говорил о миссионерских школах и Х. Ботев⁵⁶. По словам Стефанова, Роберт-колледж и другие американские школы «сильно облегчили распространение англосаксонских идей среди болгар»⁵⁷.

Американские миссионеры активизировали свои действия после Апрельского восстания 1876 г. и русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Американская комиссия по расследованию турецких зверств в Болгарии старалась завоевать доверие болгар, «прикинувшись их друзьями»⁵⁸. В годы войны миссионеры поставили на службу экспансионизма Англии свой опыт и возможности пропагандистов и разведчиков. Так, в записке начальника Ямбольского округа Зубковского отмечалось: «Методисты находились в постоянных сношениях с английским посольством, доставляя ему во время последней кампании (1877—1878 гг.) самые разнообразные необходимые сведения»⁵⁹, которые английские дипломаты передавали тут же турецкому командованию. После воссоздания Болгарского государства эта подрывная деятельность миссионеров расширилась при поддержке реакционных кругов Болгарии.

⁵² G. Washburn. Указ. соч.

⁵³ С. Stephanov. Указ. соч.

⁵⁴ См.: Н. Начев. Цариград като културен център на българите до 1877. «Сб. на БАН», кн. XIX, 1925, стр. 156.

⁵⁵ «Спомени на М. И. Маджаров около епохата 1854—1878». София, 1942, стр. 152.

⁵⁶ См.: Христо Ботев. Публицистика. М., 1952, стр. 68.

⁵⁷ С. Stephanov. Указ. соч., стр. 322.

⁵⁸ «Спомени на М. И. Маджаров...», стр. 161.

⁵⁹ Д. Шишманов. Документи от 1878 г....

РЕАКЦИЯ РУССКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ НА ЧЕРНОГОРСКО-ТУРЕЦКУЮ ВОЙНУ 1862 г.

Н. И. Хирова

В начале 1861 г. Южную Герцеговину охватило антитурецкое национально-освободительное движение. Поддержка, оказанная повстанцам Черногорией, вызвала войну с Турцией. Турецкой армии благодаря численному превосходству удалось оккупировать часть территории Черногории, несмотря на упорное сопротивление и героизм черногорцев.

В России борьба мужественного черногорского народа всегда встречала отклик, и интерес русской общественности к Черногории особенно возрос в связи с черногорско-турецкой войной 1862 г. В газете под редакцией председателя Московского славянского комитета И. С. Аксакова «День» уделялось значительное место событиям в Черногории, но в июне 1862 г. издание «Дня» было запрещено. В это время наиболее полную информацию о борьбе черногорцев против Турции стала давать петербургская газета «Современное слово», выходившая с середины 1862 г. В политических обозрениях «Современного слова» выражалось горячее сочувствие национально-освободительному движению, и, по мере нарастания антитурецкого движения на Балканах, газета стала уделять больше внимания Восточному вопросу и борьбе славянских народов против Турции.

«Современное слово», оценивая ход черногорско-турецкой войны, охарактеризовало ее как оборонительную со стороны Черногории¹. Редакция газеты выступила инициатором кампании по сбору денежных пожертвований в России в пользу черногорцев. В обращении, опубликованном в газете 15 августа 1862 г., говорилось о тяжелом положении черногорского народа, о том, что все мужское население, включая даже пятнадцатилетних юношей, поднялось на защиту своего отечества, так что дома поэтому оставались одни старики, женщины и дети; что поля остались необработанными, прежний посев уничтожен нашествием турок и в будущем населению угрожает голод. «Неужели мы, которые столько твердим о нашем сочувствии к славянам, которые признаем справедливость их дела, останемся сложа руки и не пожертвуем для помощи их хоть малой лепты!»² — говорилось в заключение этого обращения. И позднее газета, сообщая о переговорах между Черногорией и Турцией о заключении мира,

¹ «Современное слово», 10.VIII 1862.

² Там же, 15.VIII 1862.

указывала, что черногорцам потребуется много времени, чтобы оправиться от бедствий войны, и напоминала о необходимости продолжать сбор пожертвований: «Помощь наша спасет от нищеты и голода многих из доблестных наших одноплеменников, поддерживав их в самое трудное время». Призывая не оставлять в беде черногорцев — «эту передовую стражу народного дела на Востоке»³, «Современное слово» обратилось с призывом ко всем редакциям русских изданий начать агитацию по сбору средств в пользу Черногории, высказывая надежду, что вся русская пресса проявит единодушное сочувствие, несмотря на разделяющее ее различие принципов.

Почин «Современного слова» был принят читателями с горячим сочувствием. Петербургская интеллигенция организовала литературно-музыкальный вечер, сбор с которого пошел в пользу черногорцев. В устройстве вечера принимали участие видные ученые и литераторы (Костомаров, Сухомлинов и др.)⁴. На призыв «Современного слова» откликнулась правительственная пресса, которая во имя популярности царизма среди славян поспешила участвовать в этом мероприятии. Небольшое объявление о сборе пожертвований поместил сначала орган МИД «Журналь де С.-Петербург», затем его объявление перепечатали «С.-Петербургские ведомости», дополнив его опровержением ложного сообщения иностранной прессы о расправе черногорцев с турецкими пленными⁵.

Вслед за Петербургом в кампанию по сбору денежных средств в пользу Черногории включилась Москва. Обращение о начале подписки опубликовали «Московские ведомости» и «Русский вестник».

Редакция «Московских ведомостей» заявила о своей готовности принять участие в сборе пожертвований и выразила надежду, что ее читатели из всех областей России отзовутся на это приглашение⁶. Редактор «Русских ведомостей» М. Н. Катков поместил обращение в приложении журнала «Современная летопись». В обращении указывалось на бедственное положение Черногории и необходимость денежной помощи со стороны России. Обращение заканчивалось словами: «Действительно, повторим сказанное петербургскою газетою: вдвойне стыдно было бы нам, русским, оставаться равнодушным к бедствиям Черной Горы»⁷.

Сразу же после возобновления издания «Дня», 1 сентября 1862 г., его редакция обратилась к читателям с призывом о

³ Там же, 18.VIII 1862.

⁴ Там же, 19.VIII 1862.

⁵ «С.-Петербургские ведомости», 22.VIII 1862.

⁶ «Московские ведомости», 24.VIII 1862.

⁷ «Русский вестник», «Современная летопись», август 1862 г.

помощи черногорцам. В призыве говорилось, что черногорцы одни приняли на себя всю тяжесть убийственной кровопролитной войны с громадными оттоманскими полчищами и без всякой помощи совершают истинно изумительные подвиги мужества и терпения. «Если Россия по разным без всякого сомнения уважительным причинам не может помочь православным славянам непосредственным участием в борьбе, то пошлем им денежное пособие, в котором они так нуждаются»⁸.

Одновременно с газетой «День» открыла подписку по сбору пожертвований в пользу черногорского народа петербургская газета «Русский мир». В газете был помещен исторический очерк о Черногории. В обращении указывалось на необходимость оказания помощи черногорцам, так как они вели неравную борьбу с сильным врагом, который руководствовался одной целью — жаждой завоевания и тирании; черногорцы всегда жертвовали своей кровью, когда Россия воевала с Турцией, поэтому они имеют право на сочувствие и помощь русского общества⁹.

Вслед за вышеуказанными газетами обращение о пожертвованиях в фонд черногорского народа опубликовали и другие периодические издания России. Автор статьи, помещенной в украинском либерально-буржуазном журнале «Основа», издававшемся в Петербурге, писал, что призыв «Современного слова» с неподдельным сочувствием встречен на севере России, и выражал надежду, что его примеру последуют южные районы¹⁰. 11 сентября 1862 г. открыла подписку в пользу черногорцев газета «Одесский вестник». Редакция газеты выразила сочувствие бедственному положению угнетавшихся Турцией славянских народов и отметила роль Черногории в борьбе против турецких поработителей. По ее утверждению, Черногория была центром народно-освободительного движения на Балканах, «сердцем» славян, подпавших под владычество турок. На долю черногорцев пал тяжелый жребий: они переносили всевозможные лишения и в борьбе с Турцией жертвовали своим храбрым, но малочисленным населением, поэтому приобрели право на сочувствие всех свободных славян¹¹.

В Черногории известие об объявлении в России подписки в ее пользу было встречено с большим удовлетворением. Это подтверждается, в частности, письмом из Цетинья, опубликованным в «Современном слове». В конце письма была подпись: сражающийся в рядах черногорцев славянин. Анонимный автор сооб-

⁸ «День», 1.IX 1862.

⁹ «Русский мир», 1.IX 1862.

¹⁰ «Мысли южноруса. VI. Напоминание о подвижниках-черногорцах». «Основа», 1862, № 7, стр. 23.

¹¹ «Одесский вестник», 11.IX 1862.

шал, что в Черногории с полной уверенностью ожидали, что в русских газетах в скором времени появится сообщение об открытии подписки в пользу черногорцев, что русское общество, независимо от политических и религиозных убеждений его граждан, не сможет остаться равнодушным к грустным и неутешительным известиям, поступавшим из Черногории. В письме имелось любопытное замечание, написанное автором, вероятно, после прочтения в «Современном слове» критических замечаний по адресу славянофилов. Как бы предугадав, что критика вызовет возражение со стороны последних, он выразил надежду, что русские выступят в поддержку Черногории независимо от того, к какому бы разряду «филов» и «манов» они ни принадлежали¹².

Во время проведения кампании по сбору денежных пожертвований в пользу Черногории между «Современным словом» и «Днем» возникла острая полемика. Поводом для нее послужили черногорские события. В ходе этой полемики был затронут важный вопрос: какую помощь русское общество должно оказывать славянским народам, в частности Черногории.

Со времени установления в начале XVIII в. политических связей между Россией и Черногорией царское правительство стало оказывать ей помощь. «Современное слово» сочло, что русское общество оказывало недостаточную помощь Черногории. В связи с этим «Современное слово» подвергло критике славянофилов, поскольку, по ее утверждению, они пользовались монополией на помощь славянам. Редакция газеты охарактеризовала их деятельность в пользу славян как «демонстрацию на словах», так как они занимались только благотворительностью и то преимущественно на церковные нужды. Газета спрашивала: это ли было нужно целому народу, терпящему разорение за любовь к свободе отечества. Одновременно с критикой славянофилов «Современное слово» выступило с предложением об оказании славянам более значительной денежной поддержки¹³.

За славянофилов заступился редактор «Русского вестника» Катков, который в это время сменил свои прежние политические взгляды. В конце 50-х годов XIX в. «Русский вестник» являлся наиболее значительным либерально-западническим журналом. Однако после аграрной реформы 1861 г. началась эволюция журнала вправо, превратившая его в крайне реакционное издание¹⁴. В начале 60-х годов значительное влияние на Каткова стали оказывать славянофилы, поэтому он активно откликнулся на критику «Дня» со стороны «Современного слова».

¹² «Современное слово», 28.VIII 1862.

¹³ Там же, 15.VIII 1862.

¹⁴ «История русской журналистики XVIII—XIX вв.». М., 1966, стр. 335—336.

В своем призыве к подписке Катков охарактеризовал критические замечания по адресу приостановленного цензурой «Дня» как «неуместные и ничем не оправданные выпады». Чтобы опровергнуть обвинения против славянофилов в одном словесном сочувствии славянам, Катков привел в качестве примера деятельность Московского славянского комитета и в свою очередь указал «Современному слову» на чрезмерное самовосхваление¹⁵.

Редакция «Современного слова» ответила Каткову, что она полемизирует не с «Днем», а со славянофилами, которые могут опубликовать ответ в любом печатном органе¹⁶. Свое критическое выступление против славянофилов редакция мотивировала тем, что ей надоело слушать упреки в равнодушии к славянам, в то время как она сочувствует делу, а не «бесплодной сентиментальности». По мнению «Современного слова», деятельность Московского славянского комитета была незначительной и о ней можно было ничего не знать, так как комитет не сумел даже организовать денежной помощи Черногории¹⁷. Далее редакция заявляла, что в отличие от славянофилов, ограничивавших помощь религиозной пропагандой и поддержкой православия, редакция газеты выступала за оказание помощи черногорскому народу в его борьбе за независимость. «Другое дело,— отвечала она славянофилам,— если бедному черногорцу, защищающему свою свободу, вы дадите что-нибудь, это пособие будет реально. Он голоден, вы дадите ему кусок хлеба в то время, когда он не имеет ни времени, ни возможности заработать его; ваше приношение в таком случае, как бы мало оно ни было, имеет реальную цель; оно означает ваше усилие поддержать славянский народ во время борьбы. Но жертвовать колокола — это деятельность совсем иного рода»¹⁸.

Славянофилы болезненно реагировали на обвинения со стороны «Современного слова» в бездеятельности. Особенно задел их упрек в том, что они прозевали с открытием подписки. В ответ на это Аксаков стал утверждать, что подписка была объявлена в «Современном слове» только затем, чтобы нанести «смертельный удар» славянофилам. В качестве опровержения обвинения в бездеятельности Аксаков привел данные о помощи, оказанной Московским славянским комитетом в развитии просвещения в славянских странах и обучении славянской молодежи в различных русских учебных заведениях¹⁹.

Редакция «Современного слова» ответила Аксакову статьей «Возрождение «Дня», где был подведен итог дискуссии со славянофилами. В начале статьи была выражена надежда, что у га-

¹⁵ «Современная летопись», август 1862 г.

¹⁶ «Современное слово», 1.IX 1862.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, 19.IX 1862.

¹⁹ «День», 1.IX 1862.

зеты «День», так же как и у «Современного слова», одна цель — солидарность со славянскими народами. Редакция указывала: мы столько же, а может быть, и более, чем славянофилы, желаем решения славянского вопроса²⁰. Однако при этом редакция «Современного слова» заявляла, что, призывая русское общество к укреплению связей со славянами, она одновременно с этим, не изменяя своим политическим убеждениям, будет разоблачать панславистские увлечения в русском обществе. «...Всем западным славянам мы сочувствуем, по мере неудовлетворительности их положения. Мы признаем расовую связь нашу с ними, солидарность нашу с их стремлениями. Но, с одной стороны, мы не отвергаем и еще более обширной, общей солидарности как наших, так и их стремлений со стремлениями всего образованного мира; с другой стороны, мы положительно не признаем ни пользы, ни возможности осуществления панславизма, т. е. поглощения всех славян в одном общем политическом целом»²¹.

Далее «Современное слово» определяло сущность разногласий со славянофилами. «Разница только в том, что мы стараемся идти к цели по широкому пути, проложенному общеевропейским прогрессом, а редакция «Дня» — по узкой проселочной дороге исключительности, дороге заглохшей вековыми традициями московитянской инерции»²². «Современное слово» сочувствует всем славянам в их борьбе за прогресс, национальную независимость и свободу, в то время как славянофилы ограничивали свои симпатии только теми славянскими народами, которые были наиболее удалены от европейского прогресса и вместе с тем принадлежали к православному вероисповеданию. Для иллюстрации этого положения «Современное слово» приводило лозунги, с которыми обратились к читателям обе газеты при объявлении подписки. «Современное слово» призывало русское общество оказать помощь черногорскому народу, терпящему разорение «за любовь к свободе отечества». Газета «День» в своем объявлении напоминала, что черногорцы «подняли знамя борьбы за православную церковь и за избавление от магометанского ига»²³.

По поводу полемики «Современного слова» с газетой «День» журнал «Время» опубликовал статью «Славянофилы, черногорцы и западники, самая последняя перепалка». Статья была помещена без подписи, поэтому трудно установить ее автора. Анонимный автор говорил о журнале, опубликовавшем его статью, как о родственном ему по убеждению органе («нашем журнале»). Журнал «Время» издавался в Петербурге братьями Достоевскими и по своему направлению близко примыкал к славянофилам. Однако автор указанной статьи заявил о своем несогласии как со

²⁰ «Современное слово», 15.VIII 1862.

²¹ Там же, 14.IX 1862.

²² Там же.

²³ Там же.

славянофильским «Днем», так и с «Современным словом», которое он назвал органом «чистейшего западничества». Возникшая между ними полемика после объявления подписки в пользу черногорцев была охарактеризована в статье как «теоретизм» и «умственная чехарда»²⁴.

Анонимный автор также выступил в поддержку оказания денежной помощи Черногории. Он писал, что в Черногории все пожжено и разорено, поэтому черногорцам надо помочь. «Делом нельзя, так хоть деньгами; иногда деньги почти то же, что дело. А так как денег у нас никогда ни на что не соберешь, то, разумеется, пришлось помогать хоть крохами. Ну вот в этом-то честь и слава тем, которые первые открыли подписку, не испугавшись этих крох и не погнушавшись крохами. Крохи все-таки лучше, чем ничего»²⁵. Далее автор осуждает полемику, возникшую между «Современным словом» и «Днем». «И вышло наконец то, что оба противника сошлись по чувству на одном и том же хорошем деле и, сойдясь, оба тотчас же рассердились друг на друга за это же хорошее дело, чуть не застыдили даже его»²⁶. По мнению анонимного автора, весь спор славянофилов с западниками по поводу того, почему русское общество оказывает помощь черногорцам, совершенно бесплоден²⁷.

Какую же позицию, по мнению анонимного автора, должно занять русское общество в отношении к славянскому национально-освободительному движению? Крайне интересен вывод автора о том, что в славянских государствах возникают национальные силы, которым предстоит решить вопрос о национальном освобождении. Что же касается задач русского общества, то оно должно оказать посильную поддержку черногорцам в их борьбе за независимость, а не растрчивать силы в беспредметной полемике западничества со славянофилами. «Мы верим, что эти две наивнейшие и невиннейшие теперь в мире теории умрут, наконец, сами собой, как две дряхлые ворчливые бабушки ввиду молодого племени, ввиду свежей, национальной силы, которой они до сих пор не верят и с которой до сих пор обходятся как с несовершеннолетней малюткой. Нет, не этих теорий мы боимся теперь, в настоящем случае, а пример худой нам был неприятен. Случилось дело, ну хотя бы эта подписка (маленькое, большое ли дело — все равно), — и тотчас в разлад, тотчас надо тянуть в разные стороны общество, тотчас теории там, где бы надо еще крепче соединиться...»²⁸.

Полемика и все материалы, опубликованные в русской периодической печати в связи с нападением Турции на Черно-

²⁴ «Время», сентябрь 1862 г., стр. 132—136.

²⁵ Там же, стр. 132.

²⁶ Там же, стр. 134.

²⁷ Там же, стр. 136.

²⁸ Там же.

горию в 1862 г., способствовали пробуждению внимания русского общества к героической борьбе черногорского народа. Самая большая сумма денежных пожертвований поступила в адрес газеты «Современное слово» — около 4 тыс. руб.²⁹ Редакция славянофильского «Дня» собрала почти в два раза меньше — 2683 руб.³⁰ Всего до конца октября 1862 г. Черногория получила из России денежную помощь в размере 20 164 гульденов³¹.

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ И НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЕ БОЛГАРСКОГО НАРОДА В 60-е ГОДЫ XIX в.*

Е. М. Шагозина

Период, к которому относятся донесения русского консула в Тырнове В. Ф. Кожевникова, характеризуется важными социально-экономическими переменами в Европейской Турции. Это было время проведения реформ, провозглашенных правительством под давлением западных держав и воздействием России. Согласно хатт-и-хумаюну, проводились реформы в области поземельных отношений (1858 г. — закон о земле), вводилась новая налоговая система (реформа Митхад-паши)¹. Это было время дальнейшей дифференциации болгарского общества и обострения классовой борьбы, борьбы за национальное освобождение, подготовки и проведения восстания Г. С. Раковским.

Время, когда русский царизм, потерпевший поражение в Крымской войне, вынужден был пересматривать свою политику на Балканах, строить ее на новых началах, исходя из существенно изменившихся для него международных отношений. Для русской политики этого периода характерно «усиление интереса к национально-освободительной борьбе на Балканском полуострове и готовность оказывать ей содействие... Русская дипломатия, увеличивая консульскую сеть, стала уделять большое внимание общественным каналам для усиления русского влияния»². Осо-

²⁹ «Современное слово», 4.XII 1862.

³⁰ «День», 1.IX; 29.XII 1862.

³¹ *Б. Павићевич*. Црна Гора крајем 1862 године. «Историски часопис», кн. IX—X. Београд, 1960, стр. 399.

* По материалам русского консульства в Тырнове в 1862—1865 гг.

¹ «История Болгарии», т. I. М., 1954, стр. 221.

² *С. А. Никитин*. Очерки по истории южных славян и русско-балкан-

бый интерес для России представлял Тырновский округ, который являлся, с одной стороны, крупным центром деятельности революционных групп, связанных с Г. С. Раковским, и районом активной церковной борьбы, униатского движения — с другой стороны.

Обстоятельное изучение обстановки в Болгарии³ позволило русскому правительству остановить свой выбор на Тырнове. 24 октября 1861 г. Н. П. Игнатъев, директор Азиатского департамента министерства иностранных дел, писал русскому послу в Константинополе А. Б. Лобанову-Ростовскому: «Имея в виду нынешнее значение во всей Болгарии общины города Тырнова в вопросах, касающихся болгарской народности, а равно присутствия протестантских миссионеров, избравших эту местность центром для распространения своего учения между единоверцами нашими»⁴, МИД рекомендовало учредить русское консульство в Тырнове.

Последующая переписка русского посла с МИД раскрывает попытку турецкого правительства, понимавшего значение бывшей болгарской столицы для распространения русского влияния, воспрепятствовать открытию русского консульства. Почти год добивалась Россия султанского фирмана, и только 26 июня 1862 г. он был получен Лобановым-Ростовским⁵. Несмотря на фирман, сопротивление продолжали оказывать теперь уже местные власти. В. Кожевников прибыл в Тырново 25 августа 1862 г., а 9 сентября он сообщал: «Хасан-Таксим паша делает значительные затруднения для чтения в присутствии меджлиса фирмана и берата, равно как освящения и поднятия флага»⁶.

Действовало неофициальное распоряжение губернатора, запрещающее населению выражать сочувствие русскому консулу; распространялся слух о том, что приехал не консул, а коммерческий агент на время. Переодетые в болгарское платье турки собирали сведения о том, с кем и о чем говорил В. Кожевников, попутно убеждая болгар, что он не утвержден еще центральной властью консулом. Таксим паша не раз пытался в меджлисе поставить вопрос о том, «необходимо ли для жителей города присутствие русского консула»⁷.

Совершенно справедливо оценивая мотивы противодействия местных турецких властей, консул писал А. Б. Лобанову-Ростовскому: «Они боятся распространения русского влияния в стра-

ских связей в 50—70-е годы XIX в. М., 1970, стр. 58. «Документы за българската история. Архив на Найден Геров. 1857—1876». Т. I. София, 1931, стр. 133, 185.

³ «Документы за българската история», стр. 265.

⁴ Архив внешней политики России (далее — АВПР), ф. Главный архив, IV — 2, 1861 г., д. 16, л. 4.

⁵ Там же, ф. Посольство в Константинополе, 1861 г., д. 16, л. 16.

⁶ Там же, 1862 г., д. 2549, л. 1; ф. Главный архив, IV — 2, 1862—1865 гг., д. 8, л. 5.

⁷ Там же, ф. Главный архив, IV — 2, 1862—1865 гг., д. 8, лл. 21—22.

не... главное их пугает то, что за всеми их действиями будет безбоязненно следить глаз официального иноземца, обнаруживая совершающиеся злоупотребления»⁸.

Настойчивость и упорство русской дипломатии сломали сопротивление и местных турецких властей. Константинопольские власти вынуждены были убрать тырновского каймакама Хасан-Таким пашу, скомпрометировавшего себя откровенными выступлениями против русского консула, и назначить нового. Русский флаг над консульством в Тырнове взвился 21 октября 1862 г. «Долгое ожидание поднятия русского флага, разрыв сношений с пашою, самые обстоятельства, послужившие поводом к разрыву и которые, разумеется, не могли остаться тайной для народа, внезапная смена Хасан-Такима... — все это послужило как нельзя лучше в пользу нашего влияния»⁹, — писал В. Кожевников в донесении от 23 октября 1862 г. Несмотря на явно враждебное отношение местных турецких властей к открытию русского консульства в Тырнове и попытки их тайными угрозами удержать болгар на расстоянии от русского консула, «в день поднятия флага... сошлись и съехались поселяне не только из соседних деревень, но даже из отдаленных селений, лежащих на полудневном расстоянии от города»¹⁰, с удовлетворением сообщал Кожевников послу в Константинополь.

Русский консул обосновался в Тырнове как раз в то время, когда турецкие власти только что справились с восстанием болгар в районе Габрово — Тырново. Кожевников застал еще политического комиссара Сабри-Эфенди, который вел следствие по делу восстания¹¹. Такое исключительное событие не могло не привлечь внимание консула. Интерес к нему был продиктован прежде всего задачами, которые ставило русское правительство перед своими дипломатами на Балканах в этот период: «следить за политическим направлением умов» и «способствовать возрождению народов», правда, ориентируясь на мирные средства¹².

Одно из первых своих донесений (от 28 ноября 1862 г.) тырновский консул посвящает изложению плана и хода восстания в Тырновском округе. Упоминания о заговоре в Тырнове, появлении дружины в Габрове и их попытке «своим примером ободрить народ к общему восстанию»¹³ имеются в более ранних донесениях (март, июнь 1862 г.) Н. Герова, русского консула в Филиппополе. Однако это только упоминания. Донесение В. Кожевникова ценно новым дополнительным материалом для изуче-

⁸ Там же, л. 22.

⁹ Там же, ф. Посольство в Константинополе, 1862 г., д. 2549, лл. 32 и об.

¹⁰ Там же, ф. Главный архив, IV — 2, 1862—1865 гг., д. 8, л. 30.

¹¹ Там же, ф. Посольство в Константинополе, 1863 г., д. 2550, лл. 1—2.

¹² Там же, 1862 г., д. 2549, лл. 76—77; ф. Главный архив, IV — 2, 1859—1871 гг., д. 10, лл. 3—6.

¹³ «Документи за българската история», стр. 279—280, 285.

ния революционной национально-освободительной борьбы болгарского народа.

Подготовка и организация вооруженного восстания связаны прежде всего с именем болгарского революционера Г. С. Раковского. «План возмущения, — писал в донесении консул — ... составлен был Раковским и его сообщниками, приехавшими сюда из Валахии»¹⁴. Этот план широко известен и в советской, и в болгарской литературе¹⁵. Организация в Белграде из болгарских патриотов-добровольцев отряда в 1000—1200 человек, расчет на войну между Сербией и Турцией, с началом которой предполагалось перейти с отрядом в Болгарию и поднять народ на восстание, помощь со стороны сербского правительства. Такова схема плана, которая пересказывается и В. Кожевниковым. Однако в исторической литературе имеются лишь отрывочные сведения о плане выступления повстанцев в самой Болгарии. Донесение В. Кожевникова содержит значительный материал о нем. Отметив, что организаторы восстания, или, как называет их автор донесения, «заговорщики», не случайно избрали «местом своих первоначальных действий» Габрово, он указывает на два обстоятельства, определившие этот выбор: во-первых, отсутствие турок в Габрове и надежда в связи с этим на «содействие богатых соотечественников»; во-вторых, близость Балкан, в которых можно укрыться в случае неуспеха¹⁶. Далее консул сообщает план предполагавшихся действий «заговорщиков». В Габрове заговорщики предполагали составить несколько отрядов из людей, наиболее способных владеть оружием, и одну часть этих отрядов двинуть к южной границе Сербии, а другую — направить к Тырнову. Рассчитывая на помощь тырновских болгар, инсургенты намеревались зажечь мусульманские кварталы города и, выгнав турок, завладеть всей местностью до Систова, т. е. до Дуная. Цель этого предполагаемого движения состояла в том, чтобы обезопасить южную и восточную границы княжества на случай вторжения в него турецких войск, соединиться с болгарскими выходцами, находившимися в Сербии... и распространить восстание далее, сделав его всеобщим»¹⁷.

В донесении имеются сведения и о конкретных действиях повстанцев, которые описаны в литературе¹⁸. В качестве руководящих деятелей восстания 1862 г. в Болгарии наиболее известны

¹⁴ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1862 г., д. 2549, л. 47.

¹⁵ С. И. Сидельников. Болгарский революционер Георгий Раковский. Харків, 1959, стр. 95—96; «Архив на Г. С. Раковски»; т. I. София, 1952, стр. 377—379; М. Арнаудов, Г. С. Раковски. Живот — произведения — идеи. София, 1922, стр. 69—70.

¹⁶ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1862 г., д. 2549, л. 47 и об.

¹⁷ Там же, л. 48 и об.

¹⁸ В. Х. Стоянов-Берон. Археологически и исторически изследования. Тырново, 1886, стр. 235—236.

в литературе имена Хаджи Ставри из Сливена, Хаджи Николова из Тырнова, Ивана Грудова из Габрова. П. Кисимова¹⁹. В. Кожевников в своем донесении указывает на И. Панова как на главное ответственное лицо в подготовке и проведении восстания внутри Болгарии. Ему было поручено осуществление плана восстания, выработанного Г. Раковским. По-видимому, Раковский учитывал военный опыт, приобретенный И. Пановым на службе в русской армии²⁰. «На Панова, — пишет консул, — возложена была обязанность привести оный (план. — *Е. Ш.*) в исполнение»²¹. Иван Панов (Карапанчев) получал письменные наставления от Г. Раковского через секретаря русского консульства в Белграде болгарина Х. Даскалова. Переписка эта, попавшая в руки турецких властей, и послужила причиной ареста И. Панова в июне 1862 г.²²

Интерес представляет и личность Х. Даскалова. Из литературы известно, что он — уроженец Тырнова, был связан с Раковским с 1853 г. по изданию памятников болгарской истории. По окончании Московского университета в январе 1861 г. был назначен секретарем русского консульства в Белграде²³.

Об участии Х. Даскалова в подготовке восстания в Болгарии в литературе сведений нет. Оно явилось полной неожиданностью и для МИД России. Как выясняется из переписки Азиатского департамента с послом в Константинополе, Х. Даскалов был временно прикомандирован к В. Кожевникову в качестве секретаря русского консульства в Тырнове как человек, «могущий быть полезным» по знанию «местных обычаев и отношений тырновских болгар к греческому духовенству»²⁴. Он прибыл в Тырново раньше русского консула, с тем чтобы снять и подготовить помещение для консульства²⁵.

К этому времени министерству иностранных дел Турции становится известным из перехваченной переписки И. Панова с Х. Даскаловым об участии последнего в подготовке восстания в Болгарии. «Турецкий министр иностранных дел, — пишет А. Б. Лоба-

¹⁹ Там же, стр. 233—234; *И. Георгиев*. Два съседни манастири. «Периодическо списание на българското книжовно дружество в София». Год. XIX. София, 1907, стр. 301—305; *П. Кисимов*. Исторически работи. Моите спомени, ч. IV. София, 1901, стр. 3—4.

²⁰ По весьма ограниченным данным, опубликованным А. Улуяном, известно, что И. Панов выехал из России в конце декабря 1861 г., оставив службу в русской армии, что он принимал участие в совещании «молодых болгар-патриотов» в Бухаресте, на котором обсуждался вопрос о подготовке восстания в Болгарии весной 1862 г. См.: *А. Улуян*. Из истории национально-освободительного движения в Болгарии 60—70-х годов XIX в. (по донесениям русских дипломатов). «Известия на Института за история», т. 20. София, 1968, стр. 257.

²¹ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1862 г., д. 2549, л. 47.

²² Там же, л. 70 и об.

²³ «Архив на Г. С. Раковски», т. II, София, 1957, стр. 387—390.

²⁴ АВПР, ф. Главный архив, IV — 2, 1861 г., д. 16, л. 25.

²⁵ Там же, ф. Посольство в Константинополе, 1862 г., д. 2549, лл. 1—2.

нов-Ростовский Н. П. Игнатьеву 11 сентября 1862 г.,— просил меня самым убедительным образом... об удалении из Тырнова г. Даскалова. Состоя в близких отношениях с издателем журнала «Дунайский лебедь» Раковским и неосторожно высказывая свое сочувствие к его крайним мнениям, Даскалов... передавал письменные наставления г. Панову (Карапанчеву), недавно схваченному турецкими властями»²⁶.

Новый материал о подготовке Тырновского восстания содержится в донесении консула послу от 10 января 1863 г. В нем сообщается о попытке болгарской революционно настроенной эмиграции в 1860 г. открыть в Тырнове больницу «на средства состоятельных болгар этого города», сделав ее тайным прикрытием для болгарских патриотов, которые должны были распространять в народе идеи «об освобождении посредством восстания». «Больница должна была, независимо от существенной своей пользы,— писал В. Кожевников,— служить не только предлогом к сближению с тырновскими гражданами, но еще и средством обмена сношений по общему делу. Известное число членов больницы должно было быть посвящено во все тайны предприятия и общими усилиями стараться направлять умы к одной цели... (к восстанию.— *Е. Ш.*)»²⁷. Одним из двух агентов, присланных для организации задуманного дела, был доктор В. Берон. Не исключена возможность, что информация о больнице получена от него²⁸, так как он находился в Тырнове и в период пребывания там русского консула. Попытка открыть больницу с указанными целями потерпела неудачу из-за отказа тырновских «состоятельных болгар» дать средства на ее организацию. Они не верили в успех восстания и не желали его; свои дальнейшие планы эта социальная группа болгарского общества строила, рассчитывая не на борьбу с турецкими властями, а на постепенное мирное проникновение в турецкий государственный аппарат и использование его для своих целей. Представители этих кругов говорили русскому консулу: «Нам не нужно ссориться с правительством: оно рано или поздно попадет к нам в руки... Чем быть полунезависимым княжеством, в постоянной борьбе с верховной властью, искать защиты и покровительства у европейских держав... не лучше ли поладить с Портою, завладев главными источниками власти — церковью, капиталами и влиянием в турецких канцеляриях на административный ход дел... Мусульманская же власть доживать век свой рядом с нами и, слабая в своем влиянии на подвластные ей народы, постепенно уступать место возникающему новому порядку вещей»²⁹.

²⁶ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1862 г., д. 2549, лл. 22—23.

²⁷ Там же, 1863 г., д. 2550, лл. 3—5.

²⁸ Сам В. Берон в своих воспоминаниях не говорит об этих планах (см.: В. Х. Стоянов-Берон. Указ. соч.).

²⁹ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1863 г., д. 2550, л. 6.

Восстание вызвало серьезную тревогу не только у турецкого правительства, по поручению которого специальный политический комиссар в течение четырех месяцев вел следствие в Тырнове и других местах округа³⁰. Немалое беспокойство восстание причинило и Англии. В. Кожевников сообщал в августе 1862 г. о появлении в Тырнове официального английского агента г. Риквица, встречавшегося с тырновским каймакамом и политическим комиссаром, и совершенно справедливо усматривал в этом проявление опасений лондонского кабинета как бы «восстание, распространившись, не приняло угрожающего для Турции характера»³¹.

Выясняя причины освободительного движения в Болгарии, Кожевников неизбежно должен был описать социально-экономическое положение болгарского народа и социальную структуру болгарского общества. Консула интересовали два вопроса: во-первых, из чего складывался экономический гнет турецкого государства над местным населением, во-вторых, какую экономическую и политическую роль в турецкой государственной системе играли болгарские чорбаджи. В той или иной степени В. Кожевников касается этих вопросов во многих своих донесениях³², но наибольший интерес для освещения сущности турецкого феодального гнета имеет, на наш взгляд, специальное его донесение конца 1864 г., представленное в русское посольство в Константинополе и в Азиатский департамент в Петербург³³.

Особое внимание В. Кожевников обращает на систему государственных налогов. Для описания ее использованы официальные данные турецкой местной администрации, сведения, полученные от болгар, и личные впечатления от поездок по стране. Осенью 1864 г. консул побывал в Трявненском округе, население которого почти исключительно составляли болгары. «Проверяя личные свои впечатления, — писал В. Кожевников, — с рассказами лиц, хорошо знакомых с предметом, и не придавая, разумеется, особенного значения голословным обвинениям, я старался собирать сведения, основанные на достоверных доказательствах»³⁴.

В исторической литературе известны обзоры турецкой колониальной политики 60-х годов в Болгарии Н. Герова, русского консула в Филипполе, но они содержат разрозненные сведения о налогах и способах их сбора³⁵. Позже, в 70-х годах, эта политика была представлена в развернутом виде Мошниним³⁶.

³⁰ Там же, 1862 г., д. 2549, л. 51.

³¹ Там же, 1863 г., д. 2550, л. 2.

³² Там же, ф. Главный архив, IV — 2, д. 8, лл. 22—23; ф. Посольство в Константинополе, 1864 г., д. 2551, лл. 62—64 и об.; 102 и об.— 103 и др.

³³ Там же, ф. Посольство в Константинополе, 1864 г., д. 2551, лл. 107—116.

³⁴ Там же, л. 107.

³⁵ «Документи за българската история», стр. 193, 199—200, 261, 291, 305.

³⁶ «Материалы для изучения Болгарии», вып. III. Букарешт, 1877, стр. 42—47.

Описание общей для Болгарии системы налогов 60-х годов, данное В. Кожевниковым в указанном донесении, представляет большой интерес, поскольку является одним из первых кратких, но цельных систематических представлений о финансово-экономической политике турецкого государства. По-видимому, это обстоятельство и послужило причиной того, что его обзор был реферирован в Азиатском департаменте и рассылался государственным деятелям России.

В обзоре В. Кожевникова отмечается централизация налогов, способ исчисления и размер которых определялись самим турецким правительством. Он отмечает, что «администрация исключительно заботится о безостановочном сборе податей и предупреждении восстаний»³⁷. Выколачивание налогов и подавление освободительного движения были, таким образом, главными функциями турецкого государственного аппарата.

Наиболее важными налогами, составляющими часть доходов государства, пишет консул, являются: верги, бедель, десятина. Интересны данные о величине собранных основных налогов за 1864 г., приведенные им по Трявненскому округу (г. Трявна и пять небольших сел). По отчетам окружной администрации, в казну поступило 458 804 пиастра, из них: верги — 129 919, беделя — 101 885, десятины от всех видов продуктов земледелия — 227 000 пиастров³⁸. Как видно из приведенных цифр, половину всех основных налогов по округу составлял в 1864 г. традиционный для турецкого феодального государства налог «десятина». И это при условии, когда в общую сумму налогов по округу вошли налоги, собранные в г. Трявна, где десятина с продуктов сельского хозяйства составляла по сравнению с другими налогами меньшую долю.

Ценность представляют и сведения, имеющиеся в донесении о специальных налогах на городское население, которые взимались с ремесленников «за право заниматься ремеслами» (эснаф-тескере) и с торговцев за право иметь лавку. Кроме централизованных налогов, торговцы вносили еще в городскую кассу 15% от той суммы, за которую они снимали лавку³⁹.

Приведенные материалы свидетельствуют о том, что налоговая система Турции глубоко затрагивала экономические интересы торговой буржуазии и ремесленников.

Помимо постоянных налогов, христианское население округа облагалось всевозможными временными поборами. Так, в течение последних трех лет в Трявненском округе было собрано 129 000 пиастров на постройку 129 домов для переселенцев — татар из Крыма и черкесов с Кавказа. Для пропитания этих же переселенцев в 1862—1863 гг. с болгарских крестьян взимались осо-

³⁷ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1864 г., д. 2551, л. 108.

³⁸ Там же, л. 109.

³⁹ Там же.

бые натуральные поставки продуктами, а в 1864 г. каждый крестьянин засеивал на своей земле по 1 дюлему проса и кукурузы для них.

Несмотря на официальную отмену ангарий — бесплатных работ, в 1864 г. крестьяне доставляли своим транспортом продукты для гарнизона крепости Шумла ⁴⁰.

Главное содержание донесения составляют сведения и впечатления о положении болгарского крестьянства, полученные Кожевниковым во время поездки по округу. Консул приводит слова самих крестьян, высказанные в жалобах турецкому правительству. Отдавая весь свой труд, все свое скудное достояние на поддержание турецкого владычества, они «получали взамен только право жить и... топтать землю его величества султана» ⁴¹. Консул показал процесс увеличения налогового бремени турецкими чиновниками и болгарскими чорбаджиями. «Вышеприведенные мною цифры налогов, — пишет он, — показываемые обыкновенно в отчетах местных властей, составляют, разумеется, только законный сбор, поступающий в государственную казну; все же остальное, незаконно взимаемое с народа, делится между всеми официальными участниками грабежа. Сумма этих произвольных сборов, по разрядам некоторых податей, равняется сумме, определенной правительством» ⁴².

Материал донесения дает объективное представление об общности экономических и политических интересов господствовавшего класса турецких феодалов и болгарских чорбаджиев. Как показывает В. Кожевников, произвольное увеличение налогов происходит чаще всего при сборе различного вида десятин. В качестве примера он приводит произвол при расчете десятины с овец: «...с поселян берут, — пишет он, — например, десяток с 40 или 50 овец в то время, когда у него налицо всего 20 штук. Зависит это от личного произвола сборщика, заптия или чорбаджия. При этом часто считают овцу не в 25 [иастров], как это определено в здешнем крае, а в 30 и даже 40, что увеличивает значительным образом цифру десятинного налога» ⁴³. В данном случае десятинная увеличивалась приблизительно в 2,5—3 раза. «Так поступают и с остальными видами десятинных сборов», — замечает он дальше. Опираясь на чорбаджиев, управитель Трявненского окружия собирал очень часто «вдвойне один и тот же налог» ⁴⁴.

Особенно тяжело на крестьянине отражалась система откупа налогов. Откупщики, как правило, собирали верги и бедель во время посевов и уборки хлебов. «Делается это, разумеется, с той целью, чтобы заставить поселянина врасплох и вынудить от-

⁴⁰ Там же, л. 110.

⁴¹ Там же, лл. 110—111.

⁴² Там же.

⁴³ Там же, лл. 111—112.

⁴⁴ Там же, л. 114.

дать последнее. Бывают нередко случаи, что христиане не в состоянии уплатить разом всей подати, тогда продают у него за бесценок имущество или, отрывая от работы, сажают в тюрьму, а это последнее обстоятельство поневоле заставляет прибегать его к займу и платить иногда вдвое против того, что у него требовал первоначально сборщик, лишь бы избавиться от заточения и не потерять время посевов»⁴⁵.

С своей стороны турецкие чиновники покровительствовали чорбаджиям, которые также при сборе налогов делали поборы в свою пользу. «Я убедился,— пишет В. Кожевников,— что если народ страдает при сборе податей от произвола господствующей расы, то в этом деле столько же виновато местное управление, сколько и христианские чорбаджии»⁴⁶.

В донесении содержатся интересные сведения о ростовщической деятельности чорбаджиев. В результате непосильного бремени налогов крестьяне нередко попадали в кабалу к чорбаджиям, которые, по наблюдению Кожевникова, были в большинстве «торговцы и вместе с тем ростовщики». Для уплаты налогов они сужали крестьян деньгами под высокие проценты. Опираясь на местную турецкую власть, болгарские чорбаджии беспощадно грабили свой народ. «Если поселянин, что и случается нередко, не в состоянии уплатить в срок своему заимодавцу деньги,— отмечает в донесении консул,— то последний при содействии местной власти забирает у него хлеб, дворовую скотину и т. п., продавая все по низкой цене, приводит в окончательное разорение своего единоверца»⁴⁷.

Сравнивая характер злоупотреблений, чинимых над болгарским народом турками и чорбаджиями, консул определяет последних как более безнравственных угнетателей. «Там сознание власти, право меча, наконец, внушений веры; здесь — жажда корысти, личный интерес и больше ничего!»⁴⁸, — пишет он.

Для социально-экономической характеристики болгарского чорбаджийства большой интерес представляет жалоба крестьян Бебровской общины, поданная русскому консулу в Тырнове. В жалобе рассказывается о притеснениях и злоупотреблениях чорбаджия, члена меджлиса Хаджи Станю, и, хотя речь идет о конкретной личности, жалоба хорошо раскрывает социально-экономическую сущность всего болгарского чорбаджийства как прослойки болгарского общества. Она показывает источники формирования капитала чорбаджия — открытый грабеж при полной поддержке местных турецких властей: «В 1844 г. в селении Дайковцы,— писали крестьяне,— он разорил семейство Брайны Николова, при-

⁴⁵ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1864 г., д. 2551, л. 114.

⁴⁶ Там же, л. 107.

⁴⁷ Там же, л. 114.

⁴⁸ Там же, л. 113.

своим без всякого права дом их... В 1844 г. он присвоил себе силою дом Иордана Авраамова и часть денег его»⁴⁹. Присвоение имущества за неплату долга: «В 1862 г. Хаджи Станю,— жаловались крестьяне,— присвоил себе дом священника за то, что он не мог уплатить ему долга в 10 лир, тогда как дом стоит 7000 пиастров»⁵⁰.

Жалоба дает конкретный материал о прямом присвоении чорбаджием общинных денег: «...присвоил, поделившись со своими покровителями,— писали крестьяне,— 72 000 пиастров»⁵¹. Наконец, опираясь на свое общественное положение и турецкую полицию, он заставлял крестьян бесплатно на себя работать. «Хаджи Станю,— жаловались крестьяне,— держит в своем доме заповив и с их помощью принуждает бедных давать ему по одной овце и работать на него, орать, копать, сеять бесплатно».

Приведенная жалоба убедительно показывает применение чорбаджием феодальных методов эксплуатации крестьян — внеэкономического принуждения с использованием аппарата турецкого государства.

Чрезвычайно интересно сообщение консула о дальнейшей судьбе денежных богатств чорбаджиев и купеческого капитала, накопленных внутри страны. «Значительная часть... капиталов увозится за границу, ибо всякий спешит нажить состояние и выселиться в Валахию или Австрию. На моих глазах, в течение каких-нибудь двух с половиною лет, много богатых граждан выехали из Тырнова. Одни переехали в Константинополь, другие — в Валахию, третьи, наконец,— в Австрию»⁵².

Таким образом, в сферу производства внутри Болгарии денежные капиталы поступали ограниченно. Еще раз подтверждается известное положение, высказанное Ф. Энгельсом, что турецкое господство было несовместимо с капиталистическим обществом, отсутствовало первое основное условие буржуазной предпринимательской деятельности — безопасность личности купца и его собственности⁵³.

В силу сложных задач, стоявших в тот период перед русскими дипломатами в Болгарии, В. Ф. Кожевников общался с представителями разных классов и прослоек: от протурецки настроенной части болгарского общества, чорбаджиев, до доведенных до отчаяния турецким гнетом крестьян и кончая представителями революционно настроенной болгарской буржуазии. Таким образом, широкое использование информации, поступавшей от представителей всех слоев болгарского общества, личные наблюдения, по-

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же, л. 115.

⁵³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 22, стр. 33.

лученные из поездок по стране, позволяют, на наш взгляд, считать донесения русского консула в Тырнове достоверным и ценным источником для изучения социально-экономического положения болгарского народа и национально-освободительной борьбы в Болгарии в 60-е годы XIX в.

АГРАРНАЯ РЕФОРМА 1866 г. И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Н. М. Дружинин

Отмена крепостного права, которое тяготело в России над помещичьими и удельными крестьянами, повлекла за собой нивелировку основных разрядов деревенского населения. Капиталистическое развитие постепенно подрывало отжившие феодально-сословные перегородки. В условиях революционной ситуации правительство опасалось, что различие прав и обязанностей крестьян может вызвать волнения со стороны более обделенных слоев деревни. Кроме того, государственная власть, которая взяла в свои руки управление бывшими крепостными, была заинтересована в унификации и удешевлении всей системы сельской администрации. Главному комитету об устройстве сельского состояния было поручено подготовить мероприятия, приближающие удельных и государственных крестьян к Положениям 19 февраля 1861 г. Вопрос об удельных крестьянах был разрешен быстрее и легче: законом 1863 г. они были переведены на обязательный выкуп и объявлены собственниками своих наделов. Гораздо труднее и медленнее разрешался вопрос о судьбе государственных крестьян, юридически составлявших сословие «свободных сельских обывателей». 5 марта 1861 г., в момент обнародования Манифеста и Положений 19 февраля, Александр II подписал указ о «применении главных начал Положений 19 февраля» ко всем крестьянам, водворенным на казенных землях. Для того чтобы предупредить недовольство государственной деревни, указом предписывалось упразднить ненавистную крестьянам общественную запашку и прекратить взимание оброка с крестьян, живущих на собственных или наемных землях¹.

Ранее, чем появился на свет этот указ, министр государственных имуществ М. Н. Муравьев начал систематическое упразднение феодально-попечительной системы П. Д. Киселева; программе «благоустройства казенных селений» он противопоставил програм-

¹ «Полное собрание законов Российской империи». Собрание второе, т. XXXVI, отд. I, № 36713 (далее — II ПСЗ).

му повышения казенного дохода — начал переоценку земель с точки зрения их доходности, увеличил оброчную подать, произвел отрезки крестьянских земель в западных губерниях, желающим крестьянам предложил выкупить их земельные повинности.

Вопрос о землевладении государственных крестьян осложнялся не только брожением государственной деревни, но также усиливающимся финансовым расстройством и земельными притязаниями со стороны помещиков, «обиженных» отменой крепостного права. После окончания Крымской войны правительство было не в силах выйти из состояния ежегодных дефицитов; чтобы сводить доходы и расходы, приходилось прибегать к внешним и внутренним займам, выпускать громадное количество процентных бумаг и бумажных денег, которые наводняли денежный рынок и неуклонно падали в своем курсе.

С другой стороны, в период подготовки реформы 1861 г. в среде землевладельцев был выдвинут вопрос о политической и хозяйственной компенсации за потерянные права. В 1859—1860 гг., когда наметилась ставка правительства на выкупную операцию, возродились старые дворянские предложения приступить к распродаже государственных имуществ. На страницах периодической печати загорелась полемика за и против такого мероприятия. Либерально-помещичий журнал «Русский вестник», издававшийся М. Н. Катковым, поместил статьи известного экономиста В. П. Безобразова и казанского профессора Ю. Микшевича, доказывавших необходимость перейти от малодоходного казенного хозяйства к частновладельческому, принятому в Западной Европе. Такая мера, утверждали оба автора, даст возможность финансировать предполагаемые реформы и оказать «вспоможение» дворянству, несущему потери при отмене крепостного права. Статьи получили энергичную поддержку в некоторых центральных и местных органах. В противоположность высказанным мнениям появились вполне обоснованные статьи противников продажи государственных имуществ. В демократическом журнале «Отечественные записки» и в газете «Русский мир» были помещены возражения В. Фукса и И. Шилля, которые оспаривали цифровые выкладки Микшевича и ратовали за сохранение казенной земельной собственности, которая в новых условиях станет источником крупных государственных доходов. Оба автора указывали при этом на важность сохранить земельный резервный фонд, который поможет экономическому укреплению самостоятельного крестьянского хозяйства. С той же более широкой точки зрения подходил к вопросу Н. Зобов в «Газете лесоводства и охоты», он указывал на возможность улучшения казенного лесного хозяйства и необходимость учитывать более широкие интересы населения, прежде всего крестьян и городской бедноты ².

² «Русский вестник», 1859, т. XXIII, сентябрь, стр. 5—51; Ю. Микшевич. Продажа государственных имуществ как одно из средств для удовле-

Одновременно с этой широко развернувшейся полемикой правительству начали подавать проекты буржуазные дельцы, которые предлагали начать распродажу лесов при помощи акционерных компаний, обеспечив участникам гарантированный доход за счет государственной казны. Давление со стороны дворянства не миновало и правительственных органов: в 1859 г. финансовый комитет, учитывая трудности при составлении бюджета, предложил возобновить продажу казенных земель. При обсуждении вопроса в Совете министров М. Н. Муравьев решительно возражал против этой меры, тем не менее было постановлено принять внесенное предложение, но проводить его в жизнь постепенно и осмотрительно, продавая с торгов преимущественно малоодоходные и недоимочные оброчные статьи, находившиеся в долгосрочной аренде у частных владельцев. Сверх того из политических соображений было продано 142 тыс. дес. «благонадежным» помещикам и чиновникам западных губерний. В результате этих мероприятий государство потеряло более 500 тыс. дес. Параллельно в 1857—1865 гг. продолжались пожалования казенных земель в награду служилому дворянству, которые превысили 870 тыс. дес.³

Вопрос о судьбах государственных земель непосредственно затрагивал интересы крестьянского населения и вызывал разногласия в рядах правительства. Правящие круги понимали необходимость сохранения государственных имуществ и с хозяйственной, и с политической точки зрения. Составителям Положений 1861 г. было ясно, что после отмены крепостного права, по мере развития товарно-денежных отношений, вырастет поземельная рента и станет возможным повышение арендных цен и поземельного налога; вот почему в Положениях была специально оговорена возможность переобработки крестьянских повинностей через 20 лет после утверждения законов 1861 г. Самодержавие, подорванное неудачным исходом Крымской войны и переживавшее острые финансовые затруднения, стремилось укрепить свою материальную базу перед лицом демократического подъема и дворянской оппозиции. Правительственные верхи не могли не реагировать и на усиливающееся брожение государственной деревни. Даже такие консервативные сановники, как князь П. П. Гагарин, считали необхо-

ния современным финансовым потребностям России. Казань, 1860 (ср.: «Русский вестник», август 1859 г.); «Юридический журнал», 1860, кн. 2, отд. VIII, стр. 51—62; «Одесский вестник», 1859, № 122; «Земледельческая газета», 1860, № 29, стр. 461—463; «Архангельские губернские ведомости», 1861, № 1, ч. неофициальная; «Отечественные записки», 1860, № 7, «Русская литература», стр. 1—24; «Русский мир», 1861, № 68, 70, 72; «Газета лесоводства и охоты», 1859, № 40, 44. В полемике принял участие Н. Шелгунов, примкнувший к сторонникам отчуждения казенных лесов, исходя из мотивов улучшения лесного хозяйства («Газета лесоводства и охоты», 1859, № 37, 39, 47).

³ «Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности министерства государственных имуществ. 1837—1887 гг.». Ч. III. Государственные имуществ. СПб., 1888, стр. 61—66.

димым держаться осторожной политики. И в Главном комитете и в Государственном совете вспыхнули споры о самой природе крестьянского права на земельные наделы: бывший государственный секретарь Н. И. Бахтин и министр двора В. Ф. Адлерберг, ссылаясь на действующие законы, утверждали, что обществам государственных крестьян принадлежит не только право пользования, но и право собственности на земельные наделы. Против такой «социалистической» точки зрения, продиктованной боязнью крестьянского движения, резко возражали всеильные П. А. Вадуев и М. Н. Муравьев⁴.

Итогом разгоревшихся споров была компромиссная позиция, занятая правительством при разработке аграрной реформы 24 ноября 1866 г., которая нормировала экономическое положение государственных крестьян в 36 губерниях Европейской России. С одной стороны, закон 1866 г. признавал государственных крестьян земельными собственниками существующих наделов и предоставлял им право отчуждать эту землю в посторонние руки; за крестьянами признавалось право сохранить за собою всю землю, которой они пользовались. Но в то же время закон обязывал крестьян по-прежнему вносить государству оброчную подать; в случае продажи земли полученная сумма должна была поступать в казну; полное право собственности на землю могло приобретаться крестьянами только при условии выкупа оброчной подати путем ее капитализации. Кроме того, вводилось ограничение права пользования: на каждую ревизскую душу должно было поступить не более 8 дес. в малоземельных и 15 дес. в многоземельных губерниях, а после окончательного определения надела и оброчной подати, закрепленного «владенною записью», крестьяне теряли право на какие бы то ни было прирезки. Таким образом, несмотря на провозглашение крестьян земельными собственниками, они оставались в прежнем феодально зависимом положении: собственником земли являлась казна, а крестьяне пользовались наделом за старый феодальный оброк, названный теперь оброчною податью.

Действие закона 1866 г. не распространялось на крестьян Сибири, Кавказа, Бессарабии, Правобережной Украины, Белоруссии, Литвы и Прибалтики. Сибирские и кавказские крестьяне исключались потому, что они находились вне ведомства министерства государственных имуществ, остальные — потому, что они имели хозяйственные и политические особенности, требовавшие других законоположений. Закон охватывал своим действием основные русские районы — Центральный промышленный, Центральный черноземный, Северо-Западный, Северный, Поволжье, Приуралье, Южную и Левобережную Украину. Важным условием поземель-

⁴ О спорах, вызванных подготовкой закона 24 ноября 1866 г., см.: П. А. Зайончковский. Подготовка и принятие закона 24 ноября 1866 г. о государственных крестьянах. «История СССР», 1958, № 4.

ного устройства этих районов было предписание закона: ранее, чем выдавать на руки крестьянам «владенные записи» на существующие наделы, учесть хозяйственную съемку земель, отграничить в натуре крестьянские угодья от казенных, произвести оценку наделов по их доходности и установить размеры оброчной подати. Для 14 губерний первой очереди, где земли были обмежеваны, назначался двухлетний срок для составления и выдачи владенных записей. Для 13 губерний второй очереди, где съемка еще не была закончена, давалось частью четыре года, частью — шесть лет. Межевым и оценочным действиям в северных и приуральских губерниях третьей очереди, где съемка никогда не производилась, давался шестилетний срок. Наконец, никакого срока не устанавливалось для Полтавской и Черниговской губерний, так как там проходила предварительная процедура генерального межевания⁵.

Дополнением к закону 24 ноября 1866 г. была инструкция, утвержденная 31 марта 1867 г. Она определяла содержание и порядок составления и утверждения владенных записей в губерниях первой очереди. Эти земельные документы, аналогичные уставным грамотам помещичьих имений, должны были регистрировать в каждом селении число ревизских душ, формы землевладения (общинное или подворное), количество и границы удобной и неудобной земли, размеры оброчной подати, количество отведенного леса и особые доходные статьи. В основу владенных записей была положена переоценка крестьянских угодий, произведенная в министерстве М. Н. Муравьева. Вдумываясь в содержание закона 1866 г. и дополняющей его инструкции, мы убеждаемся, насколько важными были предварительные действия сформированных межевых отрядов: им предоставлялись широкие полномочия, которые заранее предполагали возможность произвольных толкований и ошибочных выводов. Чтобы предупредить крестьянские волнения и отказы от принятия владенных записей, инструкция обязывала предварительно предъявить проекты владенных записей сельскому сходу и обеспечить за крестьянами право обжалования утвержденных записей в точно установленные сроки⁶. Для губерний второй очереди была издана инструкция 27 июня 1868 г., с некоторыми дополнениями развивавшая основные положения инструкции 1867 г.⁷

Процедура хозяйственной съемки и оценки крестьянских наделов встретила многочисленные затруднения. В распоряжении правительства не было нужного количества подготовленных землемеров, которые могли бы справиться с работой в указанные сроки. Многие крестьянские земли были расположены чересполосно с другими владениями — помещичьими, удельными и казенными,

⁵ II ПСЗ, т. XLI, отд. II, № 43888.

⁶ Там же, т. XLII, отд. I, № 44418.

⁷ Там же, т. XLIII, отд. I, № 46044.

другие находились в общем пользовании нескольких селений. Многие земельные участки оказались спорными, о них велись тяжбы, еще не разрешенные судебными органами. Особенно сложными были межевые действия в Приуралье, где башкирские земли сдавались в аренду или продавались владельцами припущенникам-переселенцам. В ходе работы возникало немало вопросов, не предусмотренных изданными инструкциями. Бывали случаи, когда межевые действия признавались завершенными, но затем открывались ранее неизвестные селения, которые требовали нового измерения и оценки. Даже в тех 27 губерниях, где производилась предварительная хозяйственная съемка, приходилось исправлять допущенные ошибки. Предъявленные крестьянам владенные записи вызвали множество возражений на сельских сходах, приводили к повторным проверкам и исправлениям. В некоторых селениях крестьяне, страдая от малоземелья, требовали прирезок или переселения в многоземельные районы. В ряде губерний — Курской, Харьковской, Черниговской, Пермской, Вятской — выступления бывших государственных крестьян принимали формы активного протеста: крестьяне сопротивлялись межеванию земли, отказывались принимать владенные записи, силою отстаивали отрезаемые у них угодья. Особенно острый характер приобрели массовые волнения в 1873 г. в Чигиринском и Черкасском уездах Киевской губернии и в 1875 г. в Валуйском уезде Воронежской губернии. Многие протесты были подавлены только военной силой⁸.

Особенно затяжными оказались действия межевых отрядов в северных губерниях и на Левобережной Украине: и те и другие не были закончены вплоть до выкупной операции 1886 г. Поэтому об экономических результатах аграрной реформы 1866 г. можно судить преимущественно на основании межевых и оценочных работ в 27 основных губерниях. Тем не менее отчеты министерства государственных имуществ и итоги первой всероссийской земельной переписи 1877—1878 гг. дают возможность поставить и разрешить вопрос, насколько в отношении государственных крестьян был соблюден провозглашенный принцип сохранения существующего надела? Действительно ли за крестьянскими обществами были закреплены их прежние угодья или в процессе проведения реформы, так же как в помещичьих и удельных имениях, у крестьян были проведены массовые земельные отрезки? До сих пор в литературе не ставилось этого вопроса: писавшие о ре-

⁸ ЦГИА, ф. 1181, оп. т. XV, 1867 г., д. 76; 1877 г., д. 161, лл. 3—27; «Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности...», ч. II, отд. II, стр. 184—212; «Крестьянское движение в России в 1861—1869 гг.». Сборник документов. М., 1964, стр. 512—514; «Крестьянское движение в России в 1870—1880 гг.». Сборник документов. М., 1968, стр. 72—73; 114—117; 122—163, 186—201, 314—329 (ср. Хронику в указанных томах «Крестьянского движения»).

Таблица 1

Надежные землевладельцы бывших государственных крестьян в губерниях первой и второй очереди выдачи владенных записей

Район и губерния	1888 г. *				По владенным записям **				Изменения во владенных записях		
	ревиз. душ	десятины удобной земли с лесами	на ревиз. душу десятины	на ревиз. душу десятины	ревиз. душ	десятины удобной земли с лесами	на ревиз. душу десятины	на ревиз. душу десятины	десятины удобной земли с лесами	на ревиз. душу десятины	десятины удобной земли с лесами
I. Центр-промышленный											
1. Московская	167 244	788 868	4,71	4,71	152 620	547 039	3,58	3,58	-241 829	-1,13	-1,13
2. Калужская	93 653	431 847	4,61	4,61	89 306	432 545	4,84	4,84	+ 698	+0,23	+0,23
3. Рязанская	216 963	809 751	3,73	3,73	202 338	771 610	3,81	3,81	- 38 141	+0,08	+0,08
4. Ярославская	118 661	519 991	4,38	4,38	103 210	385 478,3	3,73	3,73	-134 512,7	-0,65	-0,65
5. Владимирская	140 166	823 052	5,87	5,87	136 959	721 674,4	5,26	5,26	-101 377,6	-0,61	-0,61
6. Костромская	87 153	647 071	7,42	7,42	86 913	562 619,2	6,47	6,47	- 84 451,8	-0,95	-0,95
7. Смоленская	93 384	433 083	4,63	4,63	99 652	593 699,7	5,95	5,95	+160 616,7	+1,32	+1,32
8. Тверская	216 855	1 078 805	4,97	4,97	216 170	1 012 212,8	4,68	4,68	- 66 592,2	-0,29	-0,29
II. Центр-черноземный											
9. Воронежская	602 402	2 781 059	4,61	4,61	526 093	3 104 059,3	5,90	5,90	+323 000,3	+1,29	+1,29
10. Орловская	225 322	1 010 228	4,48	4,48	218 599	907 520,2	4,15	4,15	-102 707,8	-0,33	-0,33
11. Пензенская	237 243	1 107 753	4,66	4,66	229 105	1 016 333,1	4,43	4,43	- 91 419,9	-0,23	-0,23
12. Тамбовская	386 357	2 044 777	5,29	5,29	429 173	2 120 996,9	4,94	4,94	+ 76 219,9	-0,35	-0,35
13. Тульская	87 908	355 299	4,04	4,04	88 533	377 027,7	4,25	4,25	+ 21 728,7	+0,21	+0,21
14. Курская	432 498	1 728 881	3,99	3,99	406 156	1 812 084,3	4,46	4,46	+ 83 203,3	+0,47	+0,47

III. Сев.-западный										
15. Петербургская	36 952	305 043	8,25	31 238	251 293	8,04	— 53 750	—0,21		
16. Новгородская	108 383	1 072 154	9,89	165 212	1 189 971,5	7,20	+117 817,5	—2,69		
17. Псковская	114 162	661 286	5,88	114 661	602 145,2	5,25	— 59 140,8	—0,63		
IV. Полоцкье										
18. Самарская	351 206	4 190 648	11,93	374 856	3 927 172,7	10,47	—263 475,3	—1,46		
19. Саратовская	265 461	1 026 994	3,86	264 791	1 478 863,1	5,53	+451 869,1	+1,72		
20. Симбирская	—	—	—	38 478	153 768,8	3,99	+153 768,8	—		
21. Астраханская	87 448	1 167 640	13,35	90 100	1 459 887,5	16,20	+292 247,5	+2,85		
22. Нижегородская	136 143	787 141	5,78	127 959	686 627,3	5,36	—100 513,7	—0,42		
23. Казанская	541 710	3 266 814	6,03	542 981	2 727 443	5,02	—539 371	—1,01		
V. Украина										
24. Екатеринославская	215 225	1 690 325	7,85	252 890	1 732 833	6,85	+ 42 508	—1,00		
25. Таврическая	231 938	1 776 964	7,66	132 507	1 283 048,8	9,63	—493 915,2	+2,02		
26. Херсонская	48 890	429 092	8,77	197 483	1 332 255,9	6,74	+903 163,9	—2,03		
27. Харьковская	338 814	1 499 211	4,42	420 914	2 121 912,4	5,08	+ 622 701,4	+0,66		

* «Статистический обзор государственных имуществ за 1888 г.», стр. 676—686.

** ЦГИА. Ф. 1181, оп. т. XV, 1877 г., л. 161 (стр. «Отчет о работах по помещельному устройству государственных крестьян за 1875 г.»; стр. 34—35); «Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности...», ч. II, отд. II, прил. 6.

форме 1866 г. констатировали, что государственные крестьяне имели более значительные пореформенные наделы, чем удельные и помещичьи, но значит ли это, что реформа 1866 г. была действительно выгодна крестьянам?

Для разрешения поставленного вопроса мы имеем три основных источника. При характеристике крестьянского землевладения, предшествовавшего закону 1866 г., можно воспользоваться статистическим обзором государственных имуществ за 1858 г.⁹: здесь мы находим очень детально обработанные погубернские данные о населении, земельных имуществе, количестве скота, местных отхожих промыслах, платежах, недоимках и пр. В пределах каждой губернии цифровые сведения даются по округам и уездам, с разделением земель на удобные и неудобные, леса, мирские оброчные земли, и т. д. Правда, здесь не указаны средние размеры душевых наделов (усадебь, пашни, сенокоса, выгона, леса, причитающихся в среднем на ревизскую душу), но их легко вычислить, разделив сумму коренных и лесных угодий на количество ревизских душ каждой административной единицы. Если мы сопоставим этот источник с опубликованными отчетами П. Д. Киселева за последние годы его управления, то должны отдать предпочтение статистической сводке 1858 г.: здесь дается более точное указание удобных и лесных угодий и нет тех случайных ошибок, которые встречались в отчетах 1855—1856 гг. Кроме того, очень важно, что обзор 1858 г. является последним цифровым материалом, учитывавшим итоги десятой ревизии и изменения в землевладении крестьян, произведенные при М. Н. Муравьеве. Для характеристики итогов реализации закона 1866 г. мы имеем официальную сводку, опубликованную в 1888 г. в «Историческом обозрении пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ»¹⁰. Здесь даны сведения по 27 губерниям первой и второй очереди, о размерах наделной земли и коренных душевых наделов. Если мы суммируем эти данные с размерами отведенных лесных участков (они имеются в фонде Главного комитета об устройстве сельского состояния и в Приложении к печатному «Отчету о работе по поземельному благоустройству за 1875 г.»), то получим сравнимые данные для сопоставления двух моментов — кануна реформы и ее завершения по 27 губерниям¹¹. Таким образом, мы получим возможность установить изменения в землевладении государственных крестьян, произведенные аграрной реформой 1866 г. (см. табл. 1).

⁹ «Статистический обзор государственных имуществ за 1858 г.», СПб., 1861.

¹⁰ «Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности...», ч. II, отд. II, прилож. 6, стр. XI.

¹¹ ЦГИА, ф. 1881, оп. т. XV, 1877 г., д. 161, лл. 32—35 (ср.: «Отчет о работе по поземельному устройству государственных крестьян за 1875 г.», СПб., 1876, стр. 34—35).

Внимательно всматриваясь в сопоставляемые данные и учитывая все изменения, мы убеждаемся, что в 14 губерниях из 27 надельное землевладение государственных крестьян уменьшилось на 2 371 198 дес., а в 13 губерниях увеличилось на 3 249 543,1 дес.; таким образом, в конечном итоге произошло расширение земельной площади на 878 345,1 дес. Уменьшение наделов выступает особенно ярко в Центральном промышленном районе с его развитыми местными промыслами и массовым отходом на заработки. Это наблюдение совпадает с выводами составителей земских переписей Центрального промышленного района: именно здесь в переходный период 60—70-х годов относительно быстро росла крупная фабричная промышленность и развивались местные промыслы за счет сельского хозяйства, которое во многих местах переживало упадок. Обратное явление — увеличение надельной земельной площади — мы наблюдаем в Центральном черноземном районе, где в условиях плодородной черноземной почвы и более теплого климата земледелие получило могущественный толчок благодаря проведению железных дорог. Аналогичные процессы мы видим на Южной Украине, в колонизирующихся плодородных губерниях, которые начинали обгонять Центральный черноземный район по сбыту сельскохозяйственных продуктов. Относительное равновесие мы находим в трех губерниях Северо-Западного края с его неплодородной почвой и развитыми товарными отношениями, а также в шести губерниях Среднего и Нижнего Поволжья, где быстро развивалось товарное земледелие на плодородном черноземе, вблизи крупнейшей водной магистрали. Необходимо отметить, что увеличению земельной площади Среднего Поволжья способствовало частичное возвращение из удельного ведомства бывших государственных крестьян с их наделами, кроме того, надо помнить, что в Самарском Заволжье сохранялась в это время переложная система земледелия, требовавшая резервного земельного фонда, а в Астраханской губернии пролегали безводные степи, где господствовало кочевое скотоводство на обширных малозаселенных пастбищах.

Несколько иное впечатление создается у нас, когда от подсчета общих земельных площадей мы переходим к вычислению средних душевых наделов. Оказывается, что, несмотря на перевес увеличения земель, в 16 губерниях из 26 средний надел крестьян сократился, а в 10 губерниях несколько увеличился (Симбирская губерния отсутствует в обзоре 1858 г., и по ней сопоставление невозможно). Чем же объясняется такой парадоксальный вывод? Сравнивая цифры населения и земельной площади, мы приходим к следующим выводам: сокращение душевых наделов чаще всего объясняется приливом на отведенную землю новых земледельцев; так было в колонизирующихся губерниях Южной Украины — Екатеринославской и Херсонской, так было, по-видимому, в Тамбовской губернии, где частично оседали переселенцы, направлявшиеся из неплодородных районов в сибирские губернии.

Более значительное приращение душевого надела было там, где сокращалось количество домохозяев: именно этим следует объяснить значительный прирост душевого надела в Таврической губернии, откуда по окончании Крымской войны эмигрировали многие татары и откочевали в Бессарабию ногайцы. В некоторых случаях сказывалась сознательная политика министерства, допускавшая прирезки в перенаселенных губерниях (например, в Смоленской и Курской) и в районах со скудной солончаковой почвой (Астраханская губерния). В общем, таблица дает более сложную и пеструю картину, чем сведения о бывших помещичьих и даже удельных крестьянах. Заинтересованная казна должна была осторожнее регулировать надельное землевладение своих крестьян, тем более что в ее распоряжении еще оставались обширные земельные фонды.

Переходя к губерниям третьей и четвертой очереди, мы можем воспользоваться, наряду с обзором 1858 г., итогами первой всеобщей переписи поземельной собственности 1877—1878 гг.: к этому моменту по северным, приуральским и левобережным украинским губерниям были частично завершены топографическая съемка и оценка земель, а по некоторым уездам составлены и предъявлены крестьянам проекты владенных записей. «Статистика поземельной собственности и населенных мест» 1877—1878 гг. заключала в себе наряду с другими сведениями данные о надельном землевладении бывших государственных крестьян с указанием удобной и купчей земли. Таким образом, мы получаем возможность сопоставить цифры 1858 г. с данными того года, когда было завершено поземельное устройство 27 губерний первой и второй очереди (см. табл. 2)¹².

Применяя тот же метод, какой мы использовали в первой таблице, мы приходим к следующим выводам. Общие размеры погубернских надельных площадей уменьшились в пяти губерниях на 3 271 585 дес. и увеличились в четырех губерниях на 2 041 788 дес. В данном случае перевес был на стороне сокращения, а не расширения главного средства производства крестьянской массы. Уменьшение надельной площади коснулось преимущественно лесных губерний, а значительное увеличение произошло на Левобережье — в Черниговской и Полтавской губерниях. Средние душевые наделы особенно сократились в Олонецкой губернии под непосредственным давлением министра государственных имуществ П. А. Валуева¹³. В Черниговской и Полтавской губерниях, где с давних пор существовало подворное землепользование и сильно раздро-

¹² Нужно учесть, что в 1865 г. из состава прежней Оренбургской губернии выделилась новая Уфимская, а в Архангельской губернии поземельное устройство было отложено на неопределенный срок в связи с затруднениями, вызванными господством подсечного хозяйства.

¹³ ЦГИА, ф. 1181, оп. т. XV, 1874 г., д. 3, лл. 2—17, 21—29.

Таблица 2

Надельное землевладение бывш. государственных крестьян в губерниях третьей и четвертой очереди проведения
вакона 1866 г.

Район и губерния	По данным 1868 г.*				По данным переписи 1877—1878 гг.**				Изменения за 1868—1878 г.	
	ревиз. душ	десятин удобной зем- ли и лесов	на ревиз. душ десятин	ревиз. душ	десятин удобной зем- ли и лесов	на ревиз. душ десятин	десятин удобной зем- ли и лесов	на ревиз. душ десятин	десятин удобной зем- ли и лесов	на ревиз. душ десятин
I. Приуралье										
1. Уфимская	} 215 053	2 525 923	11,74	413 330	1 000 031	8,82	} + 146 706	+0,61		
2. Оренбургская		4 222 535	8,99	124 464	1 672 598	13,43		-2,37		
3. Пермская		6 012 943	7,47	535 173	3 545 126	6,62		-0,57		
4. Вятская				838 604	5 792 258	6,90				
II. Север										
1. Вологодская	241 643	3 716 698	11,60	260 914	2 337 409	8,95	-1 379 289	-2,65		
2. Олонская	82 738	1 530 372	18,49	442 348	546 333	4,86	- 984 039	-13,57		
3. Архангельская	83 744	171 726	2,05	79 418	161 563	2,03	- 10 163	-0,02		
III. Левобережная Ук- раина										
1. Черниговская	320 381	318 108	0,99	316 227	1 135 958	3,59	+ 817 850	+2,60		
2. Полтавская	462 690	338 434	0,73	466 326	1 415 666	3,03	+1 077 232	+2,30		

* «Статистический обзор государственных имуществ за 1868 г.», СПб., 1861, стр. 676—686.

** «Статистика помещичьей собственности и населенных мест Европейской России», вып. VI, СПб., 1884, I, стр. 8, 48, 87, 114; II, стр. 9, 47; вып. III, СПб., 1884, стр. 41, 78; вып. VII, СПб., 1885, стр. 149.

бились семейные участки, министерство должно было пойти на большие прирезки — почти до 2 млн. дес.

Оценивая аграрную реформу 1866 г., нельзя ограничиться средними цифрами на ревизскую душу. После того как правительство навсегда закрепило определенную площадь за каждым сельским обществом и отменило право государственных крестьян требовать прирезки «на прибылые души», положение вещей резко изменилось. Население бывшей государственной деревни непрерывно возрастало, и количество наличных душ стало более отличаться от номинальных цифр десятой ревизии. В соответствии с ростом народонаселения сокращался реальный земельный надел, приходившийся на каждую наличную душу, а следовательно, и на каждую крестьянскую семью. В качестве примера можно привести данные по Курскому уезду: в 1881—1882 гг. на ревизскую душу здесь приходилось у бывших государственных крестьян-общинников 3,7 дес., а на наличную душу — 2,9 дес.; у бывших государственных крестьян на четвертном праве уменьшение надела было еще больше — на 1 дес.¹⁴ Это сокращение реально-го земельного надела во всех губерниях без исключения констатировала и поземельная перепись 1877—1878 гг. С другой стороны, мы не можем оперировать одними средними величинами. Неравномерность обеспечения землей разных селений и членов одного и того же сельского общества существовала с давнего времени; чем сильнее сказывалось классовое расслоение деревни, тем острее ощущалось различие между малонадельными и многонадельными семьями. Количество десятин на каждый отдельный двор колебалось от 1 десятины и менее до 15 десятин и выше. Градация существующих земельных норм по материалам поземельной переписи 1877—1878 гг. наблюдалась во всех губерниях без исключения. В качестве примера крайней неравномерности в степени обеспечения землей можно привести данные той же переписи по четырем типичным губерниям разных сельскохозяйственных районов — Центрального промышленного, Центрального земледельческого, Заволжского и Южноукраинского (см. табл. 3).

Сопоставляя количество дворов по единообразно установленным разрядам, мы улавливаем только одно различие между основными рубриками: в перенаселенных малоземельных губерниях, особенно в Курской, неравномерность земельного обеспечения обнаруживается отчетливее и резче; в губерниях многоземельных, переживающих процесс колонизации, в соответствии с более высоким средним наделом малоземельных дворов меньше. Однако это различие не меняет основной тенденции, которая проявляется в надельном землевладении Европейской России: везде и всюду мы встречаем более обеспеченные и менее обеспеченные категории мелких производителей, т. е. значительная часть бывших го-

¹⁴ «Сборник статистических сведений по Курской губернии. Отдел хозяйственной статистики, вып. I. Курский уезд». М., 1883, отд. 1, стр. 28.

Таблица 3

Распределение наделной земли бывших государственных крестьян по размерам надела*

Надел на ревиз. душу	Москов- ская губ.	Курская губ.	Самарская губ.	Херсон- ская губ.
	число дворов	число дворов	число дворов	число дворов
1 десятина и менее	93	479	—	—
Более 1 дес. до 1,5 дес. вкл.	1597	1624	267	—
Более 1,5 до 2 » »	2193	1850	9	51
» 2 до 2,5 » »	3633	7689	25	—
» 2,5 до 3 » »	8412	15275	263	19
» 3 до 3,5 » »	8459	17048	13	477
» 3,5 до 4 » »	10509	20653	120	277
» 4 до 4,5 » »	9593	23339	346	764
» 4,5 до 5 » »	7072	18725	1161	2774
» 5 до 6 » »	7013	29484	5140	36846
» 6 до 7 » »	2319	10336	9900	15252
» 7 до 8 » »	267	3252	19338	14693
» 8 до 9 » »	112	900	26381	10231
» 9 до 10 » »	61	183	21075	8977
» 10 до 15 » »	162	417	44351	2926
Свыше 15 дес.	4	167	17950	1281
Всего	61 532	151 421	146 339	94 568

* «Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России», вып. II. СПб., 1881, стр. 33; вып. I, СПб., 1880, стр. 234; вып. IV. СПб., 1884, стр. 154; вып. VIII. СПб., 1885, стр. 92.

сударственных крестьян располагала меньшей земельной площадью, чем показывали средние душевые наделы официальных отчетов.

Сравнивая таблицы 1 и 3, мы видим, что там, где было закончено поземельное устройство бывших государственных крестьян, средний душевой надел почти нигде не достигал максимальной нормы, установленной законом 1866 г. Подавляющая масса государственных крестьян не получила даже той минимальной нормы в 5 дес. на душу, которая была установлена в последние годы управления П. Д. Киселева. Только в немногих губерниях, в виде редкого исключения, была установлена максимальная норма: так было в неплодородной Петербургской губернии, где в силу ее административного положения вблизи столицы министерство старалось дать показательный пример «благоустройства» казенных имений; так было в неплодородной Астраханской губернии с ее кочевыми пастбищами и слабым земледелием.

Одновременно с отграничением наделов были произведены повышенные оценки земли по плану, намеченному еще в управлении М. Н. Муравьева. Ссылаясь на постепенное вздорожание земли и не считаясь с реальными доходами крестьян, оценочные комиссии сильно подняли оброчную подать с каждой отведенной десятины. Если в 1858 г. средняя цифра оброка вместе с подушной податью составляла 3,03 руб., то в результате переоценки в 27 губерниях каждый плательщик должен был вносить за средний коренной надел 4 р. 27 к.¹⁵ одного оброка. Надо вспомнить, что и подушная подать, в связи с непрерывными дефицитами, несколько раз повышалась. Кроме того, крестьяне должны были платить налог за отведенный лесной надел, земские и мирские сборы, страховые платежи и разные взыскания.

Результатом двух одновременных процессов — сокращения надела и усиления повинностей — было несоответствие между основными средствами производства и взимаемыми платежами, т. е. то же самое явление, которое стало основным хозяйственным недугом в бывших помещичьих и удельных селениях. Нивелировка феодальных сословий пошла не по линии подъема крестьянской платежеспособности, а по линии ее прогрессирующего понижения. В условиях переходного периода, когда торгово-ростовщический капитал все больше вторгался в патриархальную деревню и крестьянин испытывал постоянную нужду в деньгах, бывшие государственные крестьяне все больше приближались к положению своих более обделенных собратьев. Так же как их соседи, бывшие помещичьи и удельные крестьяне, они стремились всеми возможными средствами расширить свою земельную площадь — или недостающую пашню, или сенокосы и выгоны, которые занимали непропорционально малое место в деревенских угодьях, или лесные участки, которых не хватало для строительства и топлива. В зависимости от условий того или иного района крестьяне действовали разными путями: на севере расчищали лес и использовали неудобную землю, на юге, особенно на юго-востоке, поднимали нетронутую целину, арендовали казенные, а иногда частновладельческие земли, которые лежали тут же огромными невозделанными пространствами; наконец, если удавалось накопить средства, покупали землю целыми общинами или в частную собственность. Конечно, последний способ был доступен главным образом зажиточной прослойке деревни, которая выигрывала от общего крестьянского оскудения и извлекала большие суммы от кабальной аренды. На основании статистики поземельной

¹⁵ Средняя цифра оброка вместе с подушной податью вычислена путем деления годового оклада на количество ревизских душ («Статистический сбор государственных имуществ за 1858 г.», стр. 678 и 702). Платеж за средний коренной надел получен путем умножения средней оброчной подати (75 к. за десятину) на среднее число десятин коренного надела (5,7 десят.) («Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности...», ч. II, отд. II, прилож. 6).

собственности 1877—1878 гг. в губерниях, где действовал закон 1866 г., числилось 2 306 162 дес. купчей земли, в том числе 2 064 187 дес., принадлежавших частным собственникам, и только 241 975 дес., приобретенных сельскими общинами¹⁶. Если мы выделим количество частных землевладельцев из числа бывших государственных крестьян, то убедимся, что оно составляло небольшую величину: Новгородская губерния, самая богатая в этом отношении (здесь в частной собственности бывших государственных крестьян находилось 221 262 дес.), имела 6281 собственника из числа 70 860 домохозяев¹⁷. Такая ничтожная величина не могла изменить общего состояния бывшей государственной деревни.

Крестьянская масса, страдающая от недостатка земли и от высоких повинностей, должна была искать подспорья в местных и отхожих промыслах, уходить в города, на соседние сельские фабрики. Хозяйственное состояние бывшей государственной деревни красноречиво иллюстрирует неуклонный рост крестьянской недоимочности. Хотя годовой оклад оброчной и лесной подати был почти неизменным, колеблясь от 35,8 млн. руб. до 37,3 млн. руб., недоимка за 1868—1882 гг. неуклонно возрастала: если в 1868 г. она составляла 15% к окладу, то в 1873 г. поднялась до 28,2%, в 1878 г. — до 31,6%, а в 1882 рекордном году составляла уже более половины оклада (51,5%); при этом надо учесть, что за указанное 15-летие с крестьян было сложено 6620 тыс. руб. В 1883 г. правительству пришлось прибегнуть к более крутой мере — сложить с крестьян 8,6 млн. руб. безнадежных сборов¹⁸.

Таким образом, несмотря на некоторые преимущества аграрной реформы 1866 г. сравнительно с Положениями 1861 и 1863 гг. о помещичьих и удельных крестьянах, государственные крестьяне шли по той же дороге, какая была проложена законами об отмене крепостного права. Неумолимый ход хозяйственного развития и экономическая политика дворянского государства все больше сливали бывших государственных крестьян с бывшими частновладельческими не только административно — в единое неравноправное податное сословие, но и социально — в общую массу обделенных и беднеющих мелких производителей.

¹⁶ «Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России», вып. I—VIII. Приводимые цифры получены в результате суммирования соответствующих данных, помещенных в рубриках: 1) «Число общин, прикупивших землю. Количество прикупленной земли» и 2) «Земли в частной собственности. Число владельцев. Количество земли».

¹⁷ «Статистика поземельной собственности...», вып. VII, стр. 20, 36.

¹⁸ «Отчет государственного контроля по исполнению государственной росписи за сметный период 1868 г.». СПб.; 1869, см. в разделе I «Отчет по государственным доходам», сведения по министерству финансов и министерству государственных имуществ; То же за 1873; 1878, 1882, 1883 гг. СПб., 1874—1884; «Приложения к Отчету государственного контроля по исполнению государственной росписи за сметный период 1868 г.». СПб., 1869; «Ведомость о недоимках и долгах». То же за 1873; 1878, 1882, 1883 гг. СПб., 1874—1884.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ВОЛНЕНИЯ СРЕДИ БОЛГАР, ОБУЧАВШИХСЯ В НИКОЛАЕВСКОМ ПАНСИОНЕ

(60—70-е годы XIX в.)

К. А. Поглубко

При определении болгарской молодежи в учебные заведения России правительственные и славянофильские круги занимал вопрос о месте ее сосредоточения¹. Среди прочих соображений имелось в виду не допустить пребывания болгар в городах, известных студенческими волнениями и революционными настроениями среди интеллигенции.

Так, министерство иностранных дел не находило возможным избрать местом учебы болгар Киев и Одессу. «...На опыте известно, — считали в министерстве, — что пребывание в Киеве имеет на многих славян довольно вредное влияние вследствие преобладания там западно-польского элемента; Одесса представляет также весьма много неудобства по причине постоянного наплыва в этот город как славянских пришельцев весьма сомнительного образа мыслей, так и всякого рода людей разных наций, имеющих лишь самое вредное влияние на учащуюся молодежь». Было принято решение, что «полезнее всего помещать славян в гимназию в Николаеве», где Одесско-болгарское настоятельство «может иметь за ними наблюдение и содействовать к утверждению молодых людей в прилежании и доброй нравственности»². Подобного мнения придерживались и славянофильские круги³.

9 июня 1862 г. Александр II утвердил указ об образовании при гимназии в Николаеве славянского пансиона⁴. Было выделено 35 стипендий, и начиная с 1863 г. сюда стали направлять на учебу славян. В 1865 г. в пансионе уже содержалось 14 болгар⁵.

¹ С. А. Никитин. Славянские комитеты в России. М., 1960, стр. 97—100.

² ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 147, д. 311, л. 75.

³ Н. Попов. Славянский пансион в Николаеве. «Московские университетские известия», 1870, № 9, стр. 425—426, 437.

⁴ И. Ковалев, Г. Наспер, А. Павлюков. О помощи России южным и западным славянам в получении образования. «Славянский архив». М., 1961, стр. 204.

⁵ П. Оджакоев. Южнославянский пансион на г-на Т. Н. Минкова в России — гр. Николаев. «Материалы из историята на учебното дело в България», св. 2. София, 1905, стр. 45—46. Пансион в Николаеве, просуществовав до 1892 г., сыграл в целом положительную роль в деле образования выходцев из южных славян, в первую очередь болгар, преобладавших среди пансионеров. Десятки болгарских воспитанников, продолжив затем учение в университетах и институтах, стали квалифицированными специалистами, в которых столь нуждалось возрождавшееся молодое болгарское государство (см.: «Работническо дело», 23.V 1970).

С сентября 1863 г. на должность «надзирателя» над воспитанниками пансиона был назначен Тодор Минков. Этот болгарин участвовал в Крымской войне волонтером; во время польского восстания он добровольно направился в Варшаву, чтобы быть в рядах русских войск. В 1868 г. в одном из жандармских донесений отмечалось, что Минков «высказывает себя славянином, совершенно преданным интересам нашего правительства»⁶.

В письме к графу Н. П. Игнатьеву Минков так писал о своем понимании цели России в деле воспитания славян: «Я придерживаюсь того мнения, что одно лишь научное образование славян составляет для России дело второстепенной важности; напротив того, попечение о правильном образовании их образа мыслей и их убеждений есть предмет, могущий принести желаемую пользу в вознаграждении стольких ее жертвований»⁷. Свою задачу Минков усматривал в недопущении «развращения польщиной и малоруссизмом» молодых болгар⁸, т. е. ограждение их от влияния польского и украинского освободительных движений.

О том, что деятельность Т. Минкова соответствовала целям царского правительства, видно из письма к нему П. Стремоухова 10 сентября 1864 г., где говорилось, что «Азиатский департамент с удовольствием усмотрел, что Вы прекрасно понимаете значение Вашего места»⁹.

Минков прилагал все силы, чтобы справиться с возложенной на него задачей. Главная обязанность его, а также воспитателей пансиона — согласно инструкции — состояла «в обращении особого внимания на религиозное направление воспитанников и в противодействии распространению между ними вредных начал». Требовалось «строго следить за тем, чтобы воспитанники не читали и не имели у себя книг и сочинений, способных развратить юношество». Воспитателям вменялось в обязанность наблюдение «не только за поведением, но и за связями и знакомством воспитанников»¹⁰.

Меры, предпринимаемые как правительственными чиновниками, так и Т. Минковым для ограждения болгарских юношей от российского революционного движения, не приносили желаемых результатов. Воспитанники пансиона проникались духом «непкорства», противились строгому режиму, отказывались ходить в

⁶ ЦГАОР СССР, ф. 1750, оп. 1, д. 42, лл. 1—2 и об.; ф. 109, 1 экзп., 1866 г., д. 7, ч. 53, л. 27; *П. Абрашев*. Южно-славянскит пансион в Николаев (Материали за историята на пансиона и биографията на неговия директор). «Сборник за народни умотворения, наука и книжнина», кн. XXV. София, 1909, стр. 4—5.

⁷ *П. Абрашев*. Указ. соч., стр. 15—16.

⁸ *П. Оджак*. Указ. соч., стр. 45.

⁹ *П. А. Абрашев*. Указ. соч. стр. 6.

¹⁰ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 79, д. 1068, лл. 161 и об.— 162.

церковь¹¹. Отчислением Белова, Асенова с последующим выдворением их из пределов России при помощи полиции, лишением Богорова, Бурукова и других учащихся казенных стипендий¹² не удавалось остановить брожения среди пансионеров.

О настроениях болгарских учащихся в эти годы имеются интересные сведения в воспоминаниях их соотечественника П. В. Оджакова, учителя болгарского языка в пансионе. По своим убеждениям он близко стоял к Минкову, поэтому российское революционное движение, влияние, которое оно оказывало на болгар, не вызывали у него одобрения. Это, несомненно, следует учитывать, используя содержащиеся в его мемуарах сведения.

Оджаков констатировал, что с отменой крепостного права «свободные веяния» стали проникать в учебные заведения. Там они овладевали учениками, студентами, учителями и профессорами. Свободу стали требовать «в литературе, учебных заведениях». Молодежь, охваченная «свободомыслием», проводила время в «критике и политике», в чтении «революционных романов и стихотворений». Стали происходить «бунты в учебных заведениях». Появились «зародыши анархизма, нигилизма и безнравственного социализма». Подобные настроения проникали и в среду учеников-болгар, которые, по словам учителя, «пропадали с русскими». На пансионеров имели влияние также поляки¹³.

Воспитанники добивались позволения жить на частных квартирах. Они, как следует из письма в газету «Народность», заявляли Минкову, что для их развития полезнее находиться среди более образованных русских семейств, «чем закрыться в пансионе и ограничиться лишь школьным образованием». Болгары не желают, говорилось в письме, «возвращаться в отечество такими же, какими они пришли»¹⁴. Болгарские учащиеся, жившие в Одессе, открыто выражали свою солидарность с воспитанниками пансиона, заявляя, что «теперь прогресс, и ученики должны быть свободными». Летом 1868 г. в Николаев приехали два болгарина из Одессы и своими рассказами, по словам Оджакова, так «подействовали на пансионеров, что те взбунтовались». Прибывшие сообщали, что они живут в Одессе свободно, без «надзора... никогда не ходят в церковь»¹⁵. Известно со слов Минкова, что «за исправным посещением воспитанниками пансиона церкви и отправлением ими религиозных треб» был установлен «постоянный и бдительный надзор»¹⁶. Поэт-революционер Христо Ботев

¹¹ «Независимость», 9.II 1874; Д. Ганчев. Спомени (1864—18887). София, 1939, стр. 16, 20; «Воспитание болгар и южно-славянский пансион Ф. Н. Минкова в Николаеве». СПб., 1880, стр. 41.

¹² АВПР, ф. Посольство в Константинополе (Измаил), 1870 г., д. 1878, лл. 2 и об.; ГАОО, ф. 42, оп. 35, д. 80, л. 188; П. Оджаков. Указ. соч., стр. 51.

¹³ П. Оджаков. Указ. соч., стр. 49.

¹⁴ Народна библиотека. «Кирил и Методий». Български исторически архив, ф. 154, д. 8, лл. 3 и об.

¹⁵ П. Оджаков. Указ. соч., стр. 54.

¹⁶ ГАОО, ф. 5, оп. 4, д. 192, л. 8 и об.

в одной из своих статей отмечал, что «Минков имеет обычай воспитывать воспитанников постом и молитвой»¹⁷.

Весной 1871 г. «взбунтовавшиеся» пансионеры, по словам каравеловской газеты, едва не обратились с жалобой на порядки в пансионе к губернатору и попечителю учебного округа¹⁸. В конце 70-х годов Стамболов, Велчев и Николаев были отчислены «из пансиона за то, что не пожелали подчиниться пансионным правилам». В донесении одесского полицмейстера они характеризуются как лица «весьма неблагонадежные, поведения неодобрительного» и «вредные обществу». Все они были высланы в Болгарию «с воспрещением въезда в пределы России»¹⁹. Исключили также «за дурное поведение», как сообщал Минков И. С. Аксакову, болгарина Хаканова²⁰.

Болгарские воспитанники поддерживали общение с местными учащимися, через них они знакомились с прогрессивной русской литературой, произведениями революционеров-демократов²¹. Идеи, которыми жила русская молодежь, захватывали и болгар. К сожалению, круг лиц в Николаеве, с которыми общались пансионеры, трудно установить. Известно, что некоторые из болгар были знакомы с учившимся в гимназии в середине 60-х годов З. Ралли²². Последний выделялся среди гимназистов начитанностью, знакомством с произведениями социалистов-утопистов, активно участвовал в ученических сходках и имел столкновения с руководством гимназии²³. По воспоминаниям И. Грекова, со многими семьями в Николаеве был знаком его соотечественник Вавов²⁴. Имел контакты с революционной молодежью города и П. Енчев²⁵. В пансионе совместно с болгарами проживали и несколько русских учеников²⁶.

О том, каким влияниям были подвержены воспитанники пансиона Минкова, можно видеть на примере болгарина Атанаса Узунова, который в середине 60-х годов приехал в Николаев учиться. Возвратившись в 1871 г. на родину, Узунов выглядел — по рассказам современников — типичным русским студентом-

¹⁷ «Независимость», 9.VI 1873.

¹⁸ Там же, 9.II 1874.

¹⁹ ГАОО, ф. 2, оп. 2, д. 1705, лл. 3 и об., 7 и об.

²⁰ ГБЛ, Рукописный отдел, ф. 14, д. 216, л. 12 об.

²¹ Сочинения русских классиков, прогрессивные русские журналы они могли читать и в библиотеке гимназии, которую, как свидетельствовал Минков, им разрешалось посещать (ГАОО, ф. 5, оп. 1, д. 192, л. 9).

²² В. Христу. Замфир Арбуре за българските революционери. София, 1947.

²³ ЦГАОР СССР, ф. 7026, оп. 1, д. 1, лл. 22—23; д. 4, лл. 14—17; *Замфир Арбуре*. Опере алесе. Кишинэу, 1957, паж. 9, 3, 7.

²⁴ Централен Държавен исторически архив на Народна Република България (ЦДИА НРБ), ф. 250, оп. 1, д. 26, лл. 25 и об.

²⁵ Институт за история на БАН, Секция «Възраждане», архивна сбирка, № 131/1949.

²⁶ «Независимость», 19.II 1874; П. Абрашев. Указ. соч., стр. 43—44.

нигилистом: длинные волосы, длинное пальто. Живя в пансионе, Узунов читал, сообщает С. Заимов, сочинения русских критиков — Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева, писателей Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, А. В. Кольцова, И. С. Тургенева, Т. Г. Шевченко, произведения В. Гюго, Д. Байрона, И. Гете. Узунов штудировал книги по философии, по истории Великой Французской революции. Определенное влияние на него оказали сочинения социалиста-утописта Сен-Симона. Но решающее значение в формировании его мировоззрения имели статьи Д. Писарева. Русский критик и Л. Каравелов, по мнению Заимова, «толкнули Узунова в вихрь народной революции». Биографы Узунова отмечают, что он на ученической скамье в России стал революционером. Арестованный в Болгарии и посаженный в тюрьму, молодой революционер мужественно вел себя. Находясь в заключении, Узунов наряду с болгарскими пел песни на стихи Кольцова, Лермонтова, Шевченко, а также казачьих, народные украинские песни²⁷. Выучил он их, конечно, в среде прогрессивной молодежи Николаева, на сходках и вечеринках, которые в те годы часто устраивались.

Для нас представляет интерес рассказ П. Енчева о его пребывании в Николаевском пансионе в конце 60-х — начале 70-х годов. Здесь он тесно подружился с П. Воловым, готовясь вместе с ним к борьбе за свободу своего народа от турецкого ига²⁸.

По словам Енчева, его и Волова в Николаеве захватили идеи, пропагандировавшиеся в те годы русской литературой и публицистикой. Молодые болгары читали сочинения Н. Г. Чернышевского, Д. И. Писарева, В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, Н. А. Некрасова, И. С. Тургенева, а также Д. Милля, А. Смита, Д. Рикардо. «Особенно сильное впечатление, — рассказывал Енчев, — на нас произвели романы «Что делать?» и «Накануне». Пансионеры познакомились также с «Капиталом» К. Маркса в русском переводе. Однако, признавал П. Енчев, вся эта литература привлекала их не столько «своими социалистическими тенденциями, сколько тем, что побуждала к борьбе за политическую свободу для болгарского народа». Положение родины, становшей под чужеземным игом, обязывало ее сынов заниматься «обсуждением практических вопросов болгарской революции»²⁹.

Таким образом, знакомство болгар с народническими, социалистическими идеями часто приводило их в лагерь борцов не за социальное, а лишь за национальное освобождение народа.

²⁷ *И. Орманджиев*. Атанас Узунов заместник на Левски. София, 1937, стр. 13, 16, 68—68, 130; *С. Каракозгов*. Дяръбекирски заточници. София, 1946, стр. 117; *Ст. Заимов*. Атанас Узунов и тракийското съзаклятие. София, 1968, стр. 23—28, 107—111.

²⁸ Институт за история на БАН, арх. сб., № 131/1949; *Д. Минев*. Петър Енчев — секретарят на последния революционен комитет преди Освобождението «Исторически преглед», 1947, № 2, стр. 241.

²⁹ Институт за история на БАН, арх. сб., № 131/1949.

Объяснение этому следует искать главным образом в тех конкретных задачах, которые стояли перед назревавшей тогда в Болгарии революцией.

Многие болгарские воспитанники уже в стенах пансиона готовили себя к борьбе против османских поработителей. Они проявляли глубокий интерес к жизни эмиграции в Сербии и Румынии, к усиливавшемуся антитурецкому движению на Балканах. При пансионе имелась библиотека, где можно было найти не только книги на родном языке, но и выходившие в те годы болгарские журналы и газеты ³⁰.

Информированные о революционных замыслах эмигрантов, некоторые воспитанники стремились принять личное участие в их осуществлении. Так, М. Греков, когда стало известно о формировании в Белграде болгарского легиона («второго»), направился туда. В то время в столице Сербии находилось много болгарской молодежи, в том числе В. Левский. После роспуска легиона Греков возвратился в пансион. Его рассказы, проникнутые идеями и духом легиона, произвели большое впечатление на многих учеников пансиона, в том числе на П. Волова, А. Узунова ³¹. Находясь в 1867 г. некоторое время на территории Румынии, Греков вместе со своим соучеником по пансиону Д. Асеновым, а также русским эмигрантом Н. Далматовым участвовали в организации четы во главе с Н. Войводовым и Ц. Павловичем ³². В 1868 г. пансионер Г. Белов, лишенный в свое время Минковым стипендии за неподчинение порядкам, бежал на Дунай, где шли приготовления четы Х. Димитра к переходу в Болгарию. Не принятый в чету по малолетству, он вынужден был вернуться в Николаев ³³. В освобожденной Болгарии Белов был известен своими крайне республиканскими взглядами. В 1886 г. он вместе с Д. Благоевым занимался пропагандой социалистических идей ³⁴.

Среди николаевских пансионеров встречаем как активных деятелей национально-освободительного движения (П. Волов, А. Узун, М. Греков и др.), так и самоотверженных борцов против социальной несправедливости, зачинателей социалистического движения в Болгарии. Некоторые из болгар были известны своими связями с народниками. Так, П. Енчев в 1876 г. общался в

³⁰ ГАОО, ф. 15, оп. 1, д. 192; *П. Абрашев*. Указ. соч., стр. 10. Библиотека пансиона в 1863—1869 гг. получила следующие болгарские газеты: «Гайда», «Време», «Дунавска зора», «Народност», «Македония», и др. (АВПР, ф. Славянский стол, д. 11089, лл. 49, 54, 57, 58, 61). В 1875 г. в Николаев Т. Минкову направлялась революционная газета «Знаме», издававшаяся Х. Ботевым (см.: *И. Стойчев*. За архива и ръкописите на Хр. Ботев. «Известия на институт Христо Ботев», кн. 1. София, 1954, стр. 56).

³¹ *С. Каракостов*. Васил Левски в спомените на съвременниците си. София, 1943, стр. 40, 303—304.

³² ЦДИА НРБ, ф. 250, оп. 1, д. 25, лл. 10, 12 и об.; д. 268, лл. 1 и об.

³³ *С. Табаков*. История на град Сливен, т. II. София, 1924, стр. 358.

³⁴ *И. Клинчаров*. Дядо Благоев. София, 1920, стр. 91.

Николаеве с членами «нигилистического кружка», убеждая их отправиться с ним на Балканы для участия в восстании против турок. По словам Енчева, кое-кто из народников соглашался ехать за Дунай³⁵. Молодой болгарин был знаком с известными народниками В. Дебагорием-Мокриевичем, Г. Баламезом³⁶, которые входили в южный кружок «бунтарей», готовивший в то время вооруженное выступление крестьян против властей³⁷. Находясь в Бухаресте, П. Енчев был связан с эмигрантами из России Н. Судзиловским, К. Кацом, читал издания русской эмиграции³⁸. Однако он оставался сторонником одного лишь национального освобождения Болгарии³⁹.

О другом болгарине — П. Г. Карловском, учившемся в пансионе, известно, что осенью 1878 г. он был арестован в Петербурге за свои связи и сотрудничество с руководителями народнической организации «Земля и воля»⁴⁰.

Такие выпускники пансиона, как Н. Габровский, Г. Кирков, Д. Бакырджиев, явились пионерами социалистического движения в Болгарии. Первый из них поддерживал тесные контакты с деятелями русской революционной эмиграции, в том числе с П. Лавровым. В 90-х годах Габровский вместе с Д. Благоевым выступили инициаторами создания Болгарской социал-демократической партии⁴¹. Г. Кирков в будущем становится крупным деятелем рабочего движения в Болгарии, одним из основателей Болгарской коммунистической партии⁴².

Примечательна судьба болгарина С. Ванкова, окончившего в 1876 г. Николаевское реальное училище, а затем получившего военное образование в России. Он занимал ряд ответственных постов в болгарской и русской армии, где дослужился до звания генерал-майора. После победы Великой Октябрьской социалистической революции Ванков поступил в Красную Армию и с окончанием гражданской войны до 1937 г. занимался научно-преподавательской деятельностью, был на руководящих должностях в центральных органах Советской власти, встречался с В. И. Лениным⁴³.

³⁵ Институт за история на БАН, арх. сб., № 131/1949.

³⁶ Там же, № 160/1949.

³⁷ В. Дебагорий-Мокриевич. Воспоминания. СПб., 1907, стр. 202—260.

³⁸ Институт за история на БАН, арх. сб., № 131/1949.

³⁹ Научен архив на БАН, ф. 22, д. 20. Письмо П. Енчева к Т. Пейову от 7.I 1876 г.; Д. Минев. Указ. соч., стр. 245.

⁴⁰ П. Ткаченко. Революционна народническа организация «Земля и воля». М., 1961, стр. 245.

⁴¹ Г. Бакалов. Никола Габровски. «Наковалня», 26.VII 1928.

⁴² А. Веков. Българо-руски революционни връзки. 1885—1917. София, 1965, стр. 141—143.

⁴³ П. Панайотов. Нови данни и уточнявания за участието на българин в борбата за съветска власт. «Исторически преглед», 1967, № 4—5, стр. 105—106.

Таковы факты о влиянии российского революционного движения на болгарских воспитанников в Николаеве.

Правительственным и славянофильским кругам, избравшим захолустный город местом образования молодых болгар, не удалось, что в свое время отмечал еще молдавский народник З. Ралли⁴⁴, полностью оградить их от возбуждавших русское общество идей и стремлений. Как было показано, болгары в Николаеве знакомились с передовой русской и зарубежной литературой, в том числе с революционно-демократической. Они общались с революционно настроенной молодежью, народниками юга России. Из среды пансионеров вышли не только участники национально-освободительной борьбы, но и ряд деятелей зарождавшегося социалистического движения Болгарии.

**СОТРУДНИЧЕСТВО ХОРВАТСКОГО ПУБЛИЦИСТА
ИМБРО ТКАЛАЦА
В «С.-ПЕТЕРБУРГСКИХ ВЕДОМОСТЯХ»
(1863—1865 гг.)**

В. Г. Карсеев, В. И. Фрейдзон

В «Санкт-Петербургских ведомостях» от 25. II 1866 г. редакция газеты упомянула фамилию Имбро Ткалаца — «нашего бывшего аграмского корреспондента», «хорвата родом, даровитого публициста», назвав его одним из «лучших людей Кroatии»¹. Тем самым известная либеральная газета В. Ф. Корша предоставила будущему историку аутентичное свидетельство об авторстве ряда корреспонденций, рисовавших политическую ситуацию в южнославянских землях Австрийской империи, в особенности в Хорватии, и опубликованных с декабря 1863 г. по ноябрь 1865 г.

В. Ф. Корш в письме к историку В. И. Ламанскому (12. V 1862 г.), рассказав о том, что с января 1863 г. он берется за редактирование «СПб. ведомостей», и пригласив Ламанского сотрудничать в газете, отметил, что «новая редакция намерена... обратить особое внимание на славянские земли, подвластные Австрии». Не без связи с этим, как он выразился, «общепользным делом», будущий редактор сообщил: «Вскоре я отправляюсь также за границу с целью завести там постоянные

⁴⁴ В. Христу. Указ. соч., стр. 25—26.

¹ «СПб. ведомости», 25. II 1866.

сношения и надеюсь вскоре быть в Праге и Вене, где намерен познакомиться с редакцией журнала «Ост унд Вест»².

Издателем и редактором венского «Ост унд Вест» (с марта 1861 г. — ежедневной газеты, а в 1862 г. — еженедельника) до 25-го номера за 1862 г.³ являлся Имбро (Эмерик) Ткалац (1824—1912 гг.) — не только «даровитый публицист», но один из образованнейших хорватов, человек, говоривший на всех европейских языках (и по-латыни), экономист и философ, журналист и писатель, оставивший интересное литературное наследие.

Ткалац вырос в богатой купеческой семье и получил гуманитарное образование в Австрии, Германии, Франции и Италии. Уже в молодости он проникся идеями гражданской свободы, уважения к человеческому достоинству, отвращением ко всякому насилию над народами, к государственному порядку в Австрийской империи. Его позицию в 1848 г. характеризует, во-первых, критика ведущих дворянских сил венгерской национальной революции за умеренность их либерализма и отказ от уважения национальных прав других народов; во-вторых, глубокое сочувствие буржуазно-демократическим кругам Германии. Обращаясь к известному левому гегельянцу Арнольду Руге, Ткалац писал в одной из своих брошюр: «Вы, немецкие демократы, примите выражение нашей глубокой любви и внимания! У нас с вами общая цель...»⁴ Тираж этого сочинения был уничтожен по приказу Виндишгреца.

Ткалац, как и многие либеральные и демократические славянские деятели Австрии, полагал тогда, что достижение национальной свободы возможно на пути демократизации австрийского государства и в борьбе с тенденциями, раскалывающими государство. Вскоре его постигло тяжкое разочарование.

В годы абсолютизма (1851—1859) Ткалац был секретарем Загребской торгово-промышленной палаты. В задачу этих учреждений входило изучение экономических ресурсов и интересов соответствующей области и представление своих соображений имперским властям. Доклады Ткалаца министерству — своеобразные политико-экономические трактаты, автор которых отстаивал всестороннее развитие хозяйства Хорватии как основу подъема благосостояния народа⁵. И вновь его ждало разочарование, так как в период подъема капитализма в центральных районах государства пореформенная экономика Хорватии оказалась в состоянии длительного кризиса. В этих условиях фискальная политика ре-

² Архив АН СССР (Ленинград), ф. 35, оп. 4, ед. хр. 714.

³ S. Dvoržak. Imbro Ignjatijević Tkalac. «Starine», knj. 52. Zagreb, 1962., str. 362. Ткалац остался издателем, передав редактирование А. Сандичу.

⁴ «Croaten, Serben und Magyaren, ihre Verhältnisse zu einander und zu Deutschland». Wien, 1848. Современное издание: «Grada za povijest: književnosti hrvatske», knj. 16. Zagreb, 1948.

⁵ D. Sabolović. Imbro Ignjatijević Tkalac. Njegovi ekonomsko-politički pogledi i rad 1848—1861 godine. Zagreb, 1957.

жима (невиданный ранее рост налогов) вызывала всеобщее возмущение.

Поэтому сознанием Ткалаца все более овладевает мысль о несовместимости австрийского господства с коренными интересами его народа. Но Ткалац видел, что в империи пока что нет сил, способных произвести коренное изменение обстановки. В 1866 г. он признался, что ранее полагал, будто «всякая новая революция в ближайшие 20—30 лет невозможна»; «мне даже против воли надо было примириться с мыслью, что поскольку мы не в состоянии разрушить Австрию, то должны в ней, какова она есть, создавать себе условия национальной и политической жизни, чтобы хотя бы не погибнуть и быть в состоянии подготовиться к лучшему будущему, если оно улыбнется нам через одно или два поколения»⁶.

Подобно А. И. Герцену пережив трагедию 1848 г. и разочаровавшись в надеждах на поступательное развитие западноевропейской демократии, хорватский публицист не избежал особого рода «славизма». Так, сборнику своих статей (1850) он предпослал стихотворение славянофила А. С. Хомякова, где «просыпающийся Восток» был противопоставлен Западу, «задернутому мертвенным покровом». В этом сборнике Ткалац, в частности, указал на особые возможности, которыми располагает для своего развития Россия, сравнив ее в этом отношении с Соединенными Штатами.

Но в этом сборнике привлекает внимание не столько противопоставление славян «западной культуре» (временное поветрие для Ткалаца), сколько выступление автора против экспансионистских намерений Австрии на Балканах и Нижнем Дунае (здесь же говорится о стремлении «подчинить честных варваров» с помощью «мелкой промышленности и торгашества» — это упоминание экономического аспекта австрийской экспансии характерно для Ткалаца).

Ткалац, никогда не бывший славянофилом⁷, завязал связи с некоторыми русскими славянофилами, основательно ознакомился с русской литературой⁸. «Семейной хроникой» он был столь очарован, что проникся мыслью создать аналогичное произведение. Осуществил это он в 1894 г., когда вышли его «Воспоминания»,

⁶ См.: *S. Dvoržak*. Указ. соч., стр. 377—379.

⁷ Возможно, что Ткалац имел в виду славянофилов, возражая против «панславизма однопартийности», который «не берет на себя труд разобрать и определить, как следует, основные черты славянского характера» («СПб. ведомости», 19.XII 1863).

⁸ В письме к И. С. Аксакову (Загреб, 8.II 1861 г.), с которым Ткалац уже был знаком,— это видно из текста письма,— он просил известить его, не появился ли в России новый роман, «который можно было бы сравнить с «Семейной хроникой» (С. Т. Аксакова, 1856 г.) и «Записками охотника». Институт русской литературы (ИРЛИ), Рукописный отдел, ф. 3, оп. 4, № 602. И. С. Аксаков посетил Загреб летом 1860 г. См.: «И. С. Аксаков в его письмах», т. III. М., 1892.

рисующие хорватскую жизнь с конца XVIII в. (по семейным преданиям) до 1844 г.⁹

Результаты событий 1848 г. имели и другие последствия для идейного созревания Ткалаца. Он обратился к судьбам Сербии, молодого, постепенно укреплявшегося сербского национального государства, и не только подчеркнул историческую роль сербского народа в восточном вопросе, но значение Сербии как «южно-славянского Пьемонта»¹⁰. Ткалац исходил из представления о южно-славянском народе, состоящем из родственных «племен».

После краха бахова абсолютизма (1859 г.) Ткалац решил посвятить себя журналистике. В марте 1861 г. он в Вене приступил к изданию «Ост унд Вест», где пропагандировал австро-федералистские взгляды. Но федерализм Ткалаца включал непримиримую оппозиционность реакционным устоям существовавшего режима и планам австрийской экспансии на Балканах. Он был рассчитан на то, чтобы «продержать одно-два поколения» до свержения национального гнета. «Ост унд Вест» был задуман как общеславянская газета и обличительный орган, направленный против злоупотреблений режима¹¹. Особое внимание Ткалац уделял южным славянам. Он просил своих добровольных корреспондентов сообщать «о всяком событии, важном для нашей национальной жизни и нашей будущности»¹².

В упомянутом письме к И. С. Аксакову Ткалац сообщал о предстоящем 4/16. III 1861 г. выходе «Ост унд Вест». «Так как Вы уже уделили столько внимания этому моему предприятию в нашем устном разговоре, надеюсь, что и теперь Вы не откажете мне в участии и совете», — писал Ткалац и просил передать приложенную к письму программу нового издания редакциям русских газет. «Второе, что мне необходимо, — надежные корреспонденты в С-П[етер]бурге и Москве, и опять-таки прошу Вас содействовать в этом... Как я Вам сказал устно, я хочу эту свою газету превратить в будущем в центральный орган всевозможных интересов всего славянства. Более всего мне поэтому необходимо быть хорошо осведомленным о том, что происходит в России, и знать о всех сторонах духовной и политической

⁹ I. Tkalac. Jugenderinnerungen aus Kroatien. Leipzig, 1894. См.: И. И. Ткалац. Успомене из младости у Хрватској, III. Београд, 1925, 1926 (послесловие: J. Марасовић).

¹⁰ «Das serbische Volk in seiner Bedeutung für die orientalische Frage und für die europäische Civilization, eine Denkschrift». Leipzig, 1853; S. Dvoržak. Указ. соч., стр. 380—382.

¹¹ Только (при всех различиях!) в этом смысле мы осмеливаемся сравнить его идею с идеей «Колокола». Пока неизвестны факты о связях Ткалаца с Герценом до 1866 г., но напомним, что свое наиболее примечательное (после «Воспоминаний») сочинение «Австрийский вопрос» (Париж, 1866) хорватский публицист преподнес в дар основателю Вольной русской типографии в Лондоне, взгляды которого на национальную проблему в Габсбургской монархии были близки тогдашним взглядам Ткалаца.

¹² S. Dvoržak. Указ. соч., стр. 361.

жизни «русского мира». Я не могу этого достичь иначе, как путем хороших корреспонденций и передовых статей (лидерс)* тамошних лучших людей. Прошу Вас поэтому о помощи со стороны Вас и Ваших друзей... В фельетоне хочу помещать переводы славянских романов и новелл». В связи с этим Ткалац и обратился с приведенной выше просьбой прислать новые литературные произведения (чтобы «можно было б доказать миру, на какой ступени развития находится русская литература»). Ткалац заверял, что со своей стороны он будет «рад возможности сделать что-либо для Вас... обращайтесь прямо ко мне»¹³.

Австрийские власти вскоре начали преследовать «Ост унд Вест». Ткалац и один из его сотрудников были отданы под суд. В мае 1862 г. Ткалац был приговорен к шести месяцам заключения в каторжной тюрьме и штрафу. Однако выход газеты продолжался, хотя ее, ввиду отчаянного финансового положения, пришлось превратить в еженедельный журнал. Александр Сандич, ставший его редактором, в будущем — преподаватель гимназии в Нови Саде, проявил себя как один из крупных деятелей сербского национального движения в Воеводине. В редакции сотрудничал и М. Полит-Десанчич, позднее один из наиболее известных сербских лидеров в Австро-Венгрии.

По целой серии новых обвинений 1. III 1863 г. Ткалац вновь был осужден, на этот раз — на восемь месяцев каторги. Кроме того, он потерял дворянское звание и должен был уплатить штраф. В тюрьме он заболел туберкулезом, едва не ослеп и поэтому досрочно и условно был выпущен на свободу.

Ввиду того, что Ткалацу угрожал арест, он эмигрировал сначала в Берлин, затем (в октябре 1863 г.) в Петербург.

Газета Ткалаца встретила симпатию в русских дипломатических кругах в Вене и Петербурге. Политическая направленность «Ост унд Вест», благоприятная Сербии, соответствовала позиции русского министерства иностранных дел. Примерно в октябре 1861 г. Ткалац в письме к В. П. Балабину, русскому посланнику в Вене, упоминал о «расположении», которым тот «всегда удостаивал» издателя «Ост унд Вест»¹⁴.

Когда осенью 1861 г. газета оказалась под угрозой финансового краха, Ткалац попросил Балабина о поддержке. Он писал, что («как уже сообщал раньше») «крупная международная газета» была им основана ввиду необходимости представлять интересы славянских народов Австрии, и напоминал, что идея этой газеты была им изложена еще в 1859 г. в записке Балабину. Издатель «Ост унд Вест» указывал, что число подписчиков со-

* В тексте английское слово русскими буквами: «лидерс».

¹³ ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, № 602. Книжки Ткалац просил послать в Вену на адрес Раевского, священника русской посольской церкви в Вене, известного славянофила. Вопрос, кто посылал в «Ост унд Вест» корреспонденции из России, выходит за рамки статьи.

¹⁴ АВПР, ф. Славянский стол, 1861 г. (Вена), д. 5075, л. 10.

ставило лишь 1600 и подписка покрывает лишь одну треть издержек, обычно превышающих 5 тыс. флор. в месяц, поэтому его скромные ресурсы истощились. Ткалац просил ходатайствовать перед А. М. Горчаковым о предоставлении газете 5—6 тыс. руб., что обеспечило бы ее издание в 1862 г.¹⁵ Из всего этого видно, что издание газеты было задумано сразу после краха абсолютизма Баха (идея ее, вероятно, вынашивалась раньше) и контакты Ткалаца с Балабиным имели довольно длинную историю.

Балабин со своей стороны охарактеризовал своему начальству газету Ткалаца как «монархическую и консервативную», сообщил, что «Ост унд Вест» «в весьма короткое время приобрел значение и ненависть журнальных представителей немецкой либеральной партии», и особо отметил, что газета не только представляет интересы австрийских славян («австрийские славяне примыкают на севере к полякам, а на юге — к нашим восточным единоверцам», не преминул напомнить Балабин), но в сфере ее интересов входят проблемы польская и югославянская — балканская. Вскоре перед Александром II уже лежала записка министерства иностранных дел, где отмечалось, что «Ост унд Вест» — «единственная между немецкими газетами Австрии (т. е. выходящими на немецком языке. — Авт.) высказывает постоянное участие к России и имеет благотворное действие на австрийских славян, направляя их симпатии в смысле, нам благоприятном... Славянское направление газеты... и ее сочувствие к России навлекли на нее преследование остальной венской журналистики и немецкой публики... Балабин представляет, что прекращение газеты... было бы весьма неблагоприятно как вообще для славянского дела, так особенно в настоящее время для интересов России. Мы потеряли бы в Австрии единственный орган, который относится к России с сочувствием и беспристрастием и изображает ее действительность в подлинном свете...». Царь согласился с предложением министерства даровать газете пособие в 4 тыс. руб. (Балабин в соответствии с запиской Ткалаца просил 5—6 тыс.).¹⁶

Так что к моменту приезда в Петербург Ткалац был здесь «персона грата». Горчаков принял участие в его судьбе, и вскоре хорватский эмигрант, плохо переносивший севернорусский климат, отправился в Италию, имея в кармане рекомендацию к русскому посланнику. С 1863 г. до глубокой старости он находился на итальянской правительственной службе. «Ост унд Вест» выходил до 1865 г.

¹⁵ АВПР, ф. Славянский стол, 1861 г. (Вена), д. 5075, л. 10 (записка Ткалаца на фр. яз. на бланке «Ост унд Вест»).

¹⁶ Там же, лл. 1—6. На «Ост унд Вест» решила подписаться сама царица (!). Там же, л. 7. В черновике записки министерства указывалось, что Балабин неоднократно обращал внимание на значение «Ост унд Вест».

Вот с этим-то человеком намеревался познакомиться В. Ф. Корш летом 1862 г. Вероятно, знакомство его с Ткалацем состоялось (еще до заключения хорватского публициста в тюрьму), а позднее продолжалось во время пребывания Ткалаца в России осенью 1863 г.

Впервые в «СПб. ведомостях» о Ткалаце было упомянуто в передовице от 27. II (11. III) 1863 г. Там говорилось о начавшемся в Вене процессе по делу «Ост унд Вест», редактор которого Эмерих Ткалац содержится в тюрьме по прежнему судебному приговору... Исход этого процесса тем более интересен для «СПб. ведомостей», что Ткалац обещал быть их венским корреспондентом и только содержание под стражей мешает ему до сих пор исполнить это обещание. В случае нового обвинительного приговора освобождение его может быть отсрочено надолго. От решения суда будет зависеть также возобновление или невозобновление «Ост унд Вест», одного из лучших федералистических журналов Австрии»¹⁷.

В конце 1863 г., когда Ткалац начал посылать свои статьи-корреспонденции в Петербург, австрийские власти, потерпевшие неудачу в своем стремлении привлечь венгров и хорватов в общеимперский рейхсрат, развернули преследование хорватских оппозиционных группировок. В оппозиции режиму Шмерлинга находились Национально-либеральная партия (народняки), выражавшая интересы национальной буржуазии и сосредоточившая в своих рядах большинство патриотической интеллигенции, и Национально-конституционная партия (венгерофилы, унионисты) — группировка крупных помещиков и небольшой части буржуазии.

Правительство опиралось на умеренное австрославистское крыло хорватского общества, состоявшее, как отмечал Ткалац, прежде всего из чиновников и церковных верхов¹⁸ (Самостоятельная партия, самосталцы). В саборе 1861 г. будущие самосталцы, являвшиеся тогда оппортунистическим крылом народняцкого течения, как и все это течение (являвшееся наследником иллиризма 30—40-х годов), резко критиковали германизаторскую политику Баха в 50-е годы и пропагандировали австрославизм.

После сабора 1861 г. с целью ослабления оппозиции Хорватии были сделаны уступки, большей частью формального, чем реального характера: созданы хорвато-славонская придворная канцелярия и хорватский верховный суд. Этим подчеркивалось особое положение Хорватии в государстве, ее независимость от Венгрии. Повсюду — и в канцелярии, и в стране — чиновничий аппарат был заполнен местными уроженцами, однако канцеля-

¹⁷ «СПб. ведомости», 27. II 1863.

¹⁸ Там же, 10. III 1865. «Между членами духовенства... все православные и католические епископы, кроме дьяковского епископа Штросмайера, принадлежат к явным приверженцам министерства» (там же, 24. X 1865).

рия и ее начальник И. Мажуранич исполняли волю правительства. Последнее произвольно урезало местный бюджет, давало предписания якобы автономным школьным властям и т. п. Всеми экономическими вопросами ведала Вена.

Важнейший вопрос — воссоединение хорватских земель (прежде всего присоединение Далмации), как и жгучие экономические проблемы, имперские власти обещали разрешить лишь при условии посылки хорватским сабором депутатов в рейхсрат.

Разносторонняя и резкая критика самосталцев (автор называется их «иллирийской партией») — главное содержание корреспонденций Ткалаца. Некоторое исключение сделано им лишь для Мажуранича (отмечены его попытки как-то защищать интересы Хорватии перед Шмерлингом)¹⁹. «Ничего не вынесши из 30-летнего опыта (имеется в виду использование Габсбургами хорватско-венгерских противоречий, в особенности в 1848—1849 гг. — *Авт.*), они (сторонники правительства. — *Авт.*) продолжают играть роль орудий австрийской политики, стремящейся только к тому, чтобы противодействовать сближению между кроатами и венграми и создать в Кроации партию, которая, отказавшись от соединения с Венгрией, поневоле была бы вынуждена непосредственно соединиться с Австрией. В 1861 г. партия эта громко трубила о своей независимости и нерасположении к Австрии, но за отказ свой соединиться с Венгрией она попала в милость к австрийскому правительству, которое заместило все высшие и низшие должности, как административные, так и судебные, людьми этой партии... привязав этих людей к своим интересам, австрийское правительство выказывало большую снисходительность к патриотическим выходкам, заключающимся в громких фразах о независимости, самоуправлении или будущности Триединого королевства». Далее Ткалац писал, что субсидируемая правительством «Аграмер цейтунг», «газета неискusstная и доводящая свое усердие слишком далеко», своими утверждениями, что для Хорватии спасение заключается в немедленной посылке депутатов в рейхсрат, лишь «раздразнила хорватский патриотизм», т. е. добились результата, нежелательного для властей, но «патриоты-чиновники шепчут друг другу на ухо, что против силы вещей ничего сделать нельзя, что Австрия вознаградит кроатов за их покорность присоединением к Триединому королевству Далмации и Военной Границы и что во всяком случае выгоднее соединиться с Австрией, чем с Венгрией, которая не слишком дорожит ни Триединым королевством, ни югославянской политикой кроатов». Ткалац полагал, что при умелой тактике правительству удастся добиться от сабора, созыв которого ожидался в 1864 г., согласия «послать депутатов в сейм имперский

¹⁹ Например: Межуранич «лавирует между кроатским и австрийским направлением», но он «слишком честен и предан делу своей родины, чтобы оставить ее на произвол г. Шмерлинга» («СПб. ведомости», 9.V 1867 г.).

(рейхсрат.— Авт.) и похоронить последние остатки прежней конституции взамен на обещания, которые австрийское правительство расточает уже теперь с твердым намерением, конечно, никогда не осуществить их»²⁰.

В последующих статьях «аграмский корреспондент» продолжал развивать критику самосталцев. В начале 1864 г., чтобы лишить страну возможности протеста, писал он, была закрыта «единственная независимая газета в Кroatии» («Пбзор» — орган народняков.— Авт.), а «приверженцы бывшей иллирийской партии» или сторонники (звиду их ориентации на венские власти!) «устарелой партии» опубликовали брошюру со своей программой, содержание которой состояло в готовности признать февральский патент 1861 г., «несмотря на незаконный характер этого акта, противного не только венгерско-хорватской конституции, но и диплому 20 октября 1860 г.»²¹ За это самосталцы (по Ткалацу, с согласия правительства) требуют воссоединения хорватских земель, отделения автономного бюджета от имперского и предоставления сабору права утверждать его, создания общехорватской делегации в рейхсрате (из 24 человек), предоставления Хорватии в любом случае прав, равных Венгрии, и гарантии незыблемости ее автономии, наконец, передачи всех дел, касающихся Хорватии, за исключением общеимперских: иностранных, военных, финансов, внешней торговли — в ведение хорватской придворной канцелярии. «Взамен этих преобразований, — заключает Ткалац, — Кroatия готова отказаться от своей исторической конституции, признать законность начала октроирования и послать депутатов в имперский сейм. «Патриотическая» брошюра не входит в рассмотрение вопроса, какой необходимостью оправдывается такое национальное самоубийство: «патриоты» спешат пристать к видам Г. Шмерлинга и занять места свои в верхней и нижней палате Австрии»²².

В мае 1864 г. Ткалац уже отмечал, что проправительственная политика не дает результата и что поэтому правительственная печать («Аграмер цейтунг» и «Домобран» — «орган кroatской придворной канцелярии и великих жупанов») колеблется и не в состоянии «приискать какой-нибудь правильный выход из хаоса, в который мы повергнуты...»²³.

²⁰ «СПб. ведомости», 19.XII 1863.

²¹ Ткалац отстаивал свою позицию, за которую подвергся преследованиям во время руководства им «Ост унд Вест».

²² «СПб. ведомости», 31.I 1864. Речь идет, очевидно, о брошюре «Uvjetno ili bezuvjetno» (вышедшей в Загребе, по данным органа самосталцев газеты «Домобран», в ноябре 1863 г. См.: «Домобран», 4.VII 1864. Авторами ее были Н. Крестич и М. Прица (См.: В. Кристич. Хрватско-угарска нагодба 1868 године. Београд, 1969, стр. 194—195). В корреспонденции брошюра названа иначе.

²³ «СПб. ведомости», 9.V 1864.

Характеристику прорежимного течения и его изданий/Ткалац продолжил в июльской корреспонденции 1864 г.²⁴ «Народные новине» Л. Гая, издававшиеся на субсидии правительства, по Ткалацу, «продолжают сыпать напыщенными фразами, но они решились ждать всякого благополучия для Кroatии из Вены, из этого единственного источника блага не только для Австрии, но и для Германии и Италии. «Домобран»... — преимущественно «гросс-остеррейхш». Он смело объявляет, что посылка кроатских депутатов на великий имперский сейм есть не что иное, как «результат кроатской политики 1848 г. (совершенно справедливо, хотя кроатские «патриоты» не признают этого результата, вытекающего, вопреки им самим, из их политики)»²⁵. «Домобран», по Ткалацу, готов даже отступить от некоторых условий, сформулированных в известной брошюре, — «нельзя не подивиться скромности этого нового сорта кроатских патриотов и можно безобидно предсказать, что эта скромность дойдет даже до отречения от этих условий вообще, для полного согласия с Австрией». Ткалац подчеркнул, что «все знаменитости» прежней иллирийской партии («Мажуранич, Гай, Вукотинович, Жигрович, Кукулевич — все, кроме Боговича и Кушлана») перешли в этот лагерь, под знамя Шмерлинга. «Возникают еще жаркие споры о причинах сближения этой партии со Шмерлингом, как будто недостаточно самой природы «иллирийской» или «австрославянской» политики, чтобы ее приверженцы... переходили на сторону Шмерлинга... им не остается иного выбора, кроме отречения от дела или этого прямого выхода, хотя постоянно и отрицаемого ими».

В случае победы самосталцев на предстоявшем саборе, считал Ткалац, «политическая роль Кroatии [будет] кончена, по крайней мере на некоторое время», и местная проавстрийская группировка не будет более «иметь повода жаловаться на влияние Турина; *bête noire* * этих кроатов, Ткалац, не успел бы ничего сделать, даже если пришел бы в Кroatию с пьемонтской армией, как предвидит фантазия брошюриста»²⁶.

В феврале 1865 г. Ткалац констатировал «упадок той безрасудной партии, которая на сейме 1861 г. уронила Хорватию в глазах всей Европы...» (имеются в виду расчеты меньшинства сабора на сближение с властями и упрочение национальных позиций хорватов с их помощью). «Члены этой партии не отказались, правда, от своих мечтаний, но опыт последних трех лет научил их тому, что кроатский народ нисколько им не сочувствует и что

²⁴ «СПб. ведомости», 25.VII 1864.

²⁵ Ткалац имеет в виду австрославистскую ориентацию иллирийской партии в 1848 г., способствовавшую победе австрийского централизма и абсолютизма.

* Предмет ненависти, ненавидный человек (фр.).

²⁶ Ткалац имеет в виду выступление Ф. Жигровича, вице-канцлера придворной канцелярии. Ткалац в 1864 г. находился в Италии.

необходимо поэтому прилаживаться к здравому смыслу народа...»²⁷.

Летом и осенью 1865 г. в Вене произошли серьезные политические перемены. 20 сентября был отменен февральский патент 1861 г., что знаменовало неудачу прежнего режима. Новое правительство стремилось сохранить некоторые устои централизма, но пыталось найти путь к соглашению с Венгрией, сделав уступки дуализму. Одновременно оно раздавало неопределенные обещания в федералистском духе. Хорватов оно также стремилось противопоставить венграм, чтобы уступить последним как можно меньше²⁸.

В связи с этим Ткалац не без иронии отмечал²⁹: «Представители нашего официального мира — бан Шокчевич, великие жупаны и высшие сановники, которые так недавно были еще централистами и восхищались политической мудростью Шмерлинга, вдруг превратились в федералистов, выражающих непоколебимую преданность народному делу; если верить их словам, то все они были какими-то Макиавелями (sic!), служившими преждему министерству только для того, чтобы поощрять в Кرواتии оппозицию против централизации и германизации, а теперь они — поборники федерализма, автономии, муниципализма и национального развития, короче сказать, истинные друзья человечества вообще и кroatского народа в частности, готовые пролить, если нужно, драгоценную кровь свою ради блага отчизны... В словах «самостоятельность, независимость», ставших лозунгом бана Шокчевича, народ видит какие-то сверхъестественные разоблачения, совершенно напоминающие прекрасные дни, которые предшествовали 1848 г., когда один таинственно говорил другому: *Aula est pro nobis* *. Чтобы склонить в пользу этой политики Военную Границу, бан Шокчевич совершит туда поездку для укрепления тамошних надежд, разогнания туч, омрачающих... безоблачное политическое небо вследствие мнительности и неверия неисправимых бунтовщиков, которые не забыли еще суровых уроков 1850 и 1861 гг.»³⁰. Ткалац здесь обращает внимание читателей на политику части придворных кругов, искавших опоры в Хорватии и в Военной Границе против Венгрии. «Те же самые

²⁷ «СПб. ведомости», 5.II 1865.

²⁸ См., например: *E. Wertheimer. Graf Julius Andrassy. Sein Leben und seine Zeit, Bd. I. Stuttgart, 1910.*

²⁹ «СПб. ведомости», 24.X 1865. Это самая большая из восьми корреспонденций Ткалаца (до половины авт. листа).

* Двор на нашей стороне.

³⁰ Речь идет об австрийском основном законе для Военной Границы 1850 г., сохранившем и упрочившем здесь власть военщины и режим беспартийности, и о политике правительства в отношении границар в связи с хорватским сабором 1861 г. (их представители были удалены с сабора, а некоторые подвергнуты преследованию за то, что выразили резко оппозиционные военному режиму настроения и поддержали идею хорвато-венгерского союза).

лица были недовольны в правление Баха тем, что их устранили; в правление Шмерлинга они образовали правительственную партию, потому что их принимали на государственную службу, а в правление Белькреди они выражают сильнейшие патриотические чувства. В других странах таких людей наказывают общим презрением... но в Кroatии они продолжают играть двусмысленную роль»³¹.

Из приведенных отрывков ясно, что автор питал отвращение к «австрославянской» политике, ориентировавшейся на соглашение с господствующей реакцией и скользящей по пути оппортунизма. Вплоть до войны 1866 г., соглашаясь с идеей австрофедерализма, Ткалац резко отмежевывался от приспособленчества к политике властей.

В историографии неоднократно поднимался вопрос о смысле отказа Ткалаца от сотрудничества с иллирийским движением, несмотря на великие заслуги последнего в 40-е годы, о его отношении к югославизму в 60-е годы XIX в.³² В корреспонденциях Ткалаца рассматривается проблема, по нашему мнению, во многом объясняющая его позиции. Речь идет о хорватско-сербских отношениях.

Ткалац не отделял хорватские интересы от сербских. Характерно его выражение, «мы — хорваты и сербы»³³. В редакции «Ост унд Вест», как отмечалось, сотрудничали хорваты и сербы. Об отношении Ткалаца к Сербии уже говорилось. Его критика иллиризма и хорватского югославизма ни в коем случае не была направлена против национального возрождения своего народа, но лишь против южнославянской концентрации в рамках Австрийской империи. В 40-х и значительно меньше — в 60-х годах XIX в. часть национальных хорватских деятелей считала, что «миссия Австрии» на Балканах приведет к возрастанию роли хорватской нации среди других южных славян. Против этих идей и направлял свои стрелы хорватский публицист. «В Кroatии много говорят о так называемой югославянской политике. Но так как эта политика есть не что иное, как идея политического соединения южных славян — кроатов, сербов, словенцев и болгар — под гегемонией кроатов, то она не находит приверженцев между болгарами, словенцами и сербами и существует только в воображении

³¹ «СПб. ведомости», 24.X 1865. Все это очень близко к критике самосталцев народниками: «Огромное большинство [их] всегда присоединялось к господствующему направлению: до октября 1860 г. с незначительными исключениями они были или друзьями, или орудиями абсолютистской системы, после октября 1860 г., ввиду того что Вена подняла вопрос о воссоединении [Хорватии] с Венгрией, были стойкими адвокатами унии, а под Шмерлингом — точно такими же воодушевленными защитниками февральского патента» («Pozor», 18.XI 1865).

³² Например: J. Sidak. Hrvatsko pitanje u Habsburškoj monarhiji. «Historijski pregled», 1963, N 3.

³³ «СПб. ведомости», 25.VII 1864.

нескольких дюжин кроатов. Ничего не вынесши из 30-летнего опыта, они продолжают играть роль орудия австрийской политики...»³⁴ (ясно, что весь этот отрывок направлен против самосталцев, т. е. против югославистов, ориентировавшихся на австрийское правительство и в то время, когда писалась корреспонденция, совмещавших свой югославизм с оппортунистическим австрославизмом).

По мере углубления разногласий в югославистском лагере — выделения самосталцев в отдельную партию в 1863 г. и все большего выявления оппозиционных настроений среди народняков — Ткалац с симпатией начинает отзываться о югославистах-народняках. «Единственный человек, выказавший свой бескорыстный патриотизм и резкую независимость мнений, — епископ в Дьякове г. Штросмайер — внезапно был удален... — писал Ткалац в 1864 г. — Чтобы сохранить себя для своей родины, которая рано или поздно будет в нем нуждаться, он обязался не заниматься более политикой, и, по нашему мнению, он в настоящее время не мог сделать ничего лучшего. Но зато народная оппозиция лишилась теперь умнейшего и наиболее преданного своей отчизне поборника, и эта похвала с нашей стороны никому не может показаться подозрительной, потому что мы никогда не разделяли религиозных и других мнений знаменитого католического прелата»³⁵. Ткалац и здесь, конечно, заявил о своем несогласии с особым рода австро-югославистскими мечтами, от которых Штросмайер, за исключением отдельных лет, не отказывался и позднее. Вероятно, Ткалац не мог до конца уяснить себе цели Штросмайера в сфере религиозной (или, вернее, церковной) и подозревал, что за ними скрываются австрийские интересы.

Симпатии Ткалаца — на стороне народняков, в особенности их провенгерского крыла. Народняки хотели объединения Хорватии с Венгрией на основе равноправия (или широкой автономии) путем свободного соглашения сторон. Ткалац, знавший экономические проблемы Хорватии в условиях австрийского засилия, понятно, не мог сочувствовать программе самосталцев. Народняки же стремились как-то оградить интересы хорватской экономики³⁶.

³⁴ Там же, 19.XII 1863. В 1863 г. имела место хорвато-сербская полемика из-за «прав» на Боснию. В этой полемике народняцкий «Побор» занимал австрославистскую позицию, что также не могло встретить сочувствие со стороны Ткалаца. Критика югославизма имеется и в брошюре Ткалаца «Австрийский вопрос» (1866 г.), и здесь она безусловно направлялась только против указанной политической тенденции. Но что касается народняков, то для них главным все же было объединение южных славян, а не «гегемония кроатов» и не объединение в составе Австрии.

³⁵ «СПб. ведомости», 9.V 1864.

³⁶ Характерно одно из многих заявлений «Побора»: «Нет сомнения, во внутренней жизни народа надо удовлетворять... справедливые интересы, порождаемые важнейшими человеческими занятиями, как, например, земледелие и промышленность». Общественное мнение, продолжал автор

По распространенному в буржуазно-дворянских кругах Хорватии вплоть до 1867 г. мнению объединение с Венгрией привело бы к этой цели и гарантировало бы политическую свободу, автономию страны. Всей национально-освободительной концепции Ткалаца, направленной на ослабление Австрийской империи, более соответствовала ориентация на Пешт, чем на Вену. Потому-то Ткалац полагал, что фразы о «самостоятельности» Хорватии мешают достижению цели (помешали в 1861 г. хорватско-венгерскому соглашению), способствуют видам австрийских централистов³⁷.

Ткалац считал, что ради соглашения с Венгрией Хорватия должна пойти на серьезные уступки. Здесь он расходился с народниками, выражавшими национальные интересы средних слоев.

Хорватско-венгерские отношения и ситуация в 1864—1865 гг. отражены в нескольких корреспонденциях. В конце 1863 г. Ткалац писал, что самосталцы были бы правы, «если бы не существовала Венгрия и если бы Крoация не имела надежды найти в соединении с нею все те выгоды, каких она в противном случае никогда не приобретет»³⁸. В октябре 1865 г., после образования правительства Белькреди, Ткалац утверждал³⁹: «Если Крoация хочет сохранить свою конституцию и гарантии своей политической свободы и национальной самостоятельности, то единственное средство для достижения такой цели — союз с Венгрией. Только путем восстановления венгерской конституции Крoация может оградить себя против политических опытов, которые Австрия начнет производить, как скоро восстановление в Венгрии законной свободы покажется ей неудобным и будет стеснять ее внешнюю политику». Не оспаривая намерения Белькреди предоставить автономию землям, Ткалац считал, что «графу Белькреди едва ли удастся упрочить за этими областями влияние на внешнюю политику, представляющую наиболее опасный подводный камень для внутренней свободы империи. Только Венгрия... может устранить эти опасности... Отдельно от Венгрии Крoация никогда не успеет уничтожить на Военной Границе военную систему, позволяющую Австрии всегда иметь в распоряжении 150 тыс. человек... и обременять этот край страшной контрибуцией... Как бы ни была широка автономия немецко-славянских областей, Австрия никогда не предоставит им установленного венгерской конституцией права ре-

(И. Перковац), создается не под влиянием абстрактных теорий («Pozor», 14.XI 1865).

³⁷ Например: «К несчастью, и в 1848, и в 1861 г., как и теперь, лозунгом иллирийской партии были... слова: самостоятельность и независимость, а политическим результатом всего этого оказалось немецкое угнетение» («СПб. ведомости», 24.X 1865). Ткалац видел, что хорватско-венгерские противоречия выгодны правительству, но предлагавшийся им выход из этого драматического положения был лишь кажущимся.

³⁸ «СПб. ведомости», 19.XII 1863.

³⁹ Там же, 24.X 1865.

шать, сколько ставить для империи рекрут и сколько платить ей налогов... Прямой союз Кroatии с немецко-славянскими областями не прекратил бы всех опасностей... Венгрия, восстановленная в своих правах над Кroatией и Трансильванией,— такова сила, которой Австрия не будет противодействовать...»

Ткалац считал, что венгерские законы 1848 г. выгодны Хорватии, если в них будет учтено «законное положение Кroatии в отношении к Венгрии, а также славян и румынов в отношении к мадьярам». Обещание венгерской стороны признать автономию Хорватии в области суда и администрации удовлетворяло Ткалаца. «Вообще... либералы и радикалы Венгрии расположены загладить ошибки 1848 г. и проникнуты желанием примириться с Кroatией на основании безусловного равенства прав обеих земель». Это было явным преувеличением. Ткалац считал, что хорвато-венгерский территориальный спор (из-за Приморья, Меджумурья), безусловно, окончится поражением Хорватии, если она не присоединится к Венгрии (право Хорватии на Приморье «бесспорно», но «интерес Венгрии иметь место сбыта на Адриатическом море сильнее!»).

Ткалац признавал, что во взглядах на структуру государства между Хорватией и Венгрией имеется большое различие. Венгрия «не имеет причины противиться немецкой централизации западной половины империи», а «Кroatия должна принять за исходную точку федерацию... которая, укрепив славянский элемент в остальной части империи, может придать ему силу противодействовать видам немецкой и мадьярской гегемонии. В этом отношении кроатский сейм имеет громадное значение для всей империи; так как он призван проложить путь новой и прочной организации Австрии, то на нем лежит огромная ответственность».

Итак, федерализацию обеих частей империи Ткалац считал необходимой, хотя и видел, что австро-немецкая и венгерская стороны в ней не заинтересованы.

Ткалац с сочувствием откликнулся на образование в Хорватии коалиции, стремившейся к соглашению с Венгрией. Он отмечался при этом от «мадьяронов во что бы то ни стало», заявил, что не является «поклонником притязаний наших магнатов», но поддержал группировку, «имеющую национальный характер» и выступающую «в пользу действительного соединения с Венгрией» при признании последней «начала народности и исключительного положения Кroatии и Славонии»⁴⁰. «Все мои надежды,— прямо указывал Ткалац,— основываются на горсти независимых патриотов, которые не служили павшему министерству

⁴⁰ Там же, 5.II 1865; 24.X 1865. Помещичий «чрезмерный мадьяризм, заходящий дальше видов самих мадьяров и открыто оскорбляющий самые священные чувства кроатской нации», был неприемлем для Ткалаца; партию крайних унионистов он ставил на один уровень со самосталцами («одна другой стоит»).

(т. е. Шмерлингу. — Авт.) и не льстили мадьярам... По моему мнению, исключительное положение Кرواتии требует решения, которое обеспечило бы за ней полную возможность пользоваться преимуществами соединения с Венгрией и предохранило бы ее от злоупотребления властью со стороны Венгрии посредством участия в общем представительстве общих для всей монархии интересов. Это, конечно, сложно, как всякая система политического равновесия... Я уверен, что народ, если к нему обратятся прямо, выскажется в пользу Венгрии... Он знает, что венгерское законодательство 1848 г. восстановило политическую и общественную свободу, что до 1848 г. он платил только десятую долю нынешних налогов и повинностей... Но [народ] соблюдает обычное свое безмолвие и ждет, что будет»⁴¹.

Ткалац, как видно, признавал необходимость какого-то участия хорватов в решении общеимперских дел, приблизился к взглядам народняков, хотя больше, чем они, был склонен к уступкам в национальных требованиях.

Как мы отмечали, основой стремления хорватов к соглашению с Венгрией были интересы значительных слоев населения. Династия, правительство, военщина являлись тогда опорой реакционного режима. Против них и выступал Ткалац. Однако магнатско-банкирская верхушка в Венгрии вовсе не была той силой, которая могла обеспечить права народов этой части государства⁴².

Кроме анализа политических сил в Хорватии и Славонии, Ткалац давал короткую информацию о ходе политических событий здесь (например, в борьбе против рекрутского набора, о банской конференции и т. д.), а также в Далмации (о преследованиях национальных деятелей властями генерала Мамулы, об образовании либерального блока и др.) и Воеводине (о подготовке и начале заседаний сербского народно-церковного сабора; при этом роль православного митрополита Ткалац сравнивал с ролью загребского католического архиепископа: Маширевич «всячески старается вредить... своей нации и церкви», Хаулик — «явный противник нашей исторической конституции», «пламенный поборник» февральского патента, «достойный собрат архиепископа Маширевича») ⁴³.

⁴¹ «СПб. ведомости», 24.X 1865.

⁴² Взгляды Ткалаца подверглись критике со стороны сотрудника редакции «СПб. ведомости» сербского демократа Ж. Жуевича. Хотя Жуевич необоснованно полагал, что Ткалацем руководила личная неприязнь к «немцам», он замечательно подметил иллюзорность надежд на гарантию свобод в Венгрии: здесь, писал он, господствуют «магнаты и паны — люди сатрапских понятий», необходимо коренное изменение «внутреннего социального строя» и основание его «на совершенно противоположном теперешнему началу», чтобы восторжествовали «разумные, истинно цивилизованные» межнациональные отношения. «СПб. ведомости», 18.II 1866.

⁴³ Там же, 10.III 1865.

Корреспонденции Ткалаца прерываются в ноябре 1865 г.⁴⁴ В последней он обещал рассмотреть состав нового хорватского сабора и т. п. Причиной прекращения сотрудничества Ткалаца в газете могло быть как неблагоприятное развитие хорватско-венгерских отношений в 1866 г., опровергавшее надежды Ткалаца, так и события иного рода, в частности служебные обязанности хорватского эмигранта в итальянском министерстве иностранных дел накануне войны 1866 г.

Во время войны Италии и Пруссии против Австрии Ткалац опубликовал в Париже брошюру с призывом «к братьям хорватам и сербам» поднять восстание против австрийского господства⁴⁵. При всем значении мыслей, высказанных в брошюре, нельзя не учитывать, что ее автор в это время находился на итальянской службе.

Изучение вопроса о сотрудничестве хорватского публициста Имбро Игнатиевича Ткалаца в русской либеральной газете «С.-Петербургские ведомости» в первой половине 60-х годов XIX в. позволяет, на наш взгляд, сделать следующие выводы.

1. Распространенный до недавнего прошлого в историографии взгляд, что большинство южнославянских общественных деятелей и публицистов, сотрудничавших в русских периодических изданиях 60-х годов XIX в., оказывались в силу разных причин в славянофильском лагере, нуждается в коррективах. К известным уже науке фактам сотрудничества сербов Живоина Жуевича и Петра Карича в демократических журналах «Современник»⁴⁶ и «Русское слово»⁴⁷, а также Жуевича в либеральных газетах западнического направления — «Голос» и «СПб. Ведомости»⁴⁸, нужно добавить деятельность Ткалаца в «СПб. ведомостях» (1863—1865).

2. Несмотря на связи со славянофилами, о чем свидетельствует впервые цитированное нами письмо Ткалаца к И. С. Аксакову, Ткалац стал анонимным корреспондентом «СПб. ведомостей», поскольку его взгляды на судьбы славян были ближе западникам; кроме того, В. Ф. Корш разделял взгляды Ткалаца на ориента-

⁴⁴ «СПб. ведомости», 15.XI 1865.

⁴⁵ *I. I. Tkalac. Pitanje austrijsko: kome, kako i kada valja rešiti ga?* U Parizu, 1866.

⁴⁶ См.: *В. Г. Карасев. Сербский демократ Живоин Жуевич и «Современник» (1863—1865).* «Советское славяноведение», 1971, № 1.

⁴⁷ Автором статьи «Голос из Сербии» («Русское слово», 1864, № 5) был не М. Ракич, а П. Карич (1838—1871). См.: «Млада Србадија», 10.XI 1871, стр. 28 (Први управљач учитељске школе у Србији).

⁴⁸ См.: *В. Г. Карасев. О сарадњи српског демократа Живоина Жуовића у листу «Голос».* «Зборник за друштвене науке», св. 51, 1968, стр. 60—78; *он же. Сотрудничество сербского демократа Живоина Жуевича в газете «С.-Петербургские ведомости».* «Советское славяноведение», 1968, № 6, стр. 33—35; *он же. Анонимни чланци Живоина Жуовића у «Санктпетербургским ведомостима» за 1866 годину.* «Историјски записи», 1969, № 1, стр. 95—133 (в статье говорится также о полемике, которая развернулась на страницах «СПб. ведомостей» между Коршем и Жуевичем по вопросу о венгеро-славянских отношениях).

цию Хорватии в 60-х годах XIX в. на союз с венгерским движением.

3. Зарубежные славянские публицисты (от демократов до славянофилов и панславистов) своим участием в обсуждении славянского вопроса на страницах русской печати способствовали ознакомлению русской общественности с положением славян и внесли определенный вклад в теоретическую разработку его, оказав влияние на развитие славяноведческой науки в России.

ОБ АГРАРНОЙ ПРОГРАММЕ В. ЛЕВСКОГО

В. Д. Конобеев

Пользуясь словами В. И. Ленина, можно сказать, что Раковский «разбудил» революционера-демократа В. Левского, воспитанного на его революционных идеях, пропагандируемых на страницах периодической печати, в призывах, художественных произведениях¹. Как писал сам В. Левский, с лета 1861 г. он посвятил себя службе на благо отечества и делу народной воли². С 1862 г. он участвовал во всех революционных акциях Раковского, близко ознакомился с его военно-теоретическими взглядами. Левский пошел дальше своего учителя и в вопросах идеологии, и в политической программе, и в теории революции, и во взглядах на всенародное вооруженное восстание. Все эти проблемы можно считать решенными в современной марксистской историографии (достаточно указать на фундаментальное исследование проф. И. Унджиева и на труды С. Сидельникова и акад. Д. Косева, в которых подробно рассматривается революционная деятельность В. Левского³). Однако социально-экономические взгляды, и особенно аграрная программа В. Левского, остаются недостаточно выясненными.

Как известно, в марксистской литературе утвердился совершенно правильный взгляд, что В. Левский в своей революционной идеологии и политической программе отражал интересы и на-

¹ *С. И. Сидельников*. Начало революционной деятельности Василя Левского. «Труды историчного фак-ту Харькiвского ун-ту», т. 7, 1959, стр. 107—121; *И. Унджиев*. Г. С. Раковски и идейният път на В. Левски. В кн.: «Георги Стойков Раковски», т. I. София, 1963, стр. 59—66.

² *Д. Т. Страшимиров*. Васил Левски, т. I. Извори. София, 1929, стр. 161.

³ *И. Унджиев*. Васил Левски. Биография. София, 1967; *С. И. Сидельников*. Борьба течений в первом Болгарском революционном центральном комитете. Харьков, 1962; *Д. Косев*. Към историята на революционното движение в България през 1867—1871. София. 1958.

строения порабощенных крестьян⁴, что в своей революционной теории и деятельности Левский опирался на все крестьянство как класс⁵. Однако современная литература не отвечает на такие вопросы: как рассматривал В. Левский характер землевладения в Болгарии, как он представлял себе экономическую основу крестьянской борьбы, как эта основа отражалась идейно-политически в его программе, как он выражал крестьянские надежды и интересы.

Отсутствие исследований можно объяснить двумя причинами. Во-первых, сравнительно малое количество документов, выпущенных из-под пера В. Левского, не дает возможности всесторонне ответить на эти вопросы (вся или почти вся его переписка — письма, проекты, инструкции, распоряжения — вошла в сборник документов Д. Т. Страшимирова⁶). Во-вторых, в литературе еще не использовался метод сопоставления взглядов В. Левского на экономические основы борьбы крестьянства с его проектами программы, заявлениями, распоряжениями, в которых содержатся взгляды В. Левского по аграрному вопросу.

В связи с последним обстоятельством в некоторых работах содержатся противоречивые оценки социально-экономических взглядов Левского. С одной стороны, в общей форме совершенно справедливо говорится, что «революционно-демократическая программа Василия Левского отражала интересы крестьянства», с другой — утверждается, «что специально Левский не ставил здесь (в программе. — В. К.) задач социального преобразования общества»⁷.

Проф. И. Унджиев, характеризуя эпоху Левского, правильно отметил, что болгарские крестьяне, составлявшие большинство сельского населения, не были полными собственниками земли, что содержанием их борьбы была борьба за ликвидацию феодализма, за свободное владение землей⁸. К сожалению, автор, сделав правильный методологический вывод об аграрных отношениях в Болгарии, не показал взгляда Левского на характер землевладения в Болгарии.

Исходной экономической основой крестьянского движения Левский считал отсутствие полной собственности крестьянина на землю. Не в состоянии облечь это положение в научно-теоретическую форму, он выразил эту характерную черту аграрно-правовых отношений в простой, доступной формуле своего стратегического лозунга революции: «Чистая свобода болгарину и каждому свое»⁹.

⁴ Т. Живков. 80 години от обесването на великия български революционер-демократ Васил Левски. «Работническо дело», 20.II 1953.

⁵ Т. Павлов. За марксистеска история на България. София, 1954, стр. 87.

⁶ Д. Т. Страшимиров. Указ. соч.

⁷ Л. В. Воробьев. [Вступительная статья] В кн.: «Избранные произведения болгарских революционных демократов». М., 1969, стр. 38—39.

⁸ И. Унджиев. Васил Левски, стр. 12, 19.

⁹ Д. Т. Страшимиров. Указ. соч., стр. 52.

Провозглашение лозунга «Секиму своето» является прежде всего констатацией того факта, что земля, которой пользовались крестьяне, не являлась их собственностью (источники не дают возможности установить представления Левского о других категориях земли, кроме мирийской). Левский здесь по-народному, образно, просто и убедительно выразил объективную действительность, что крестьянин еще не может назвать землю «своей», собственной, своим личным достоянием¹⁰. Левский отчетливо представлял себе аграрно-правовые отношения крестьян внутри турецкого государства, регулируемые через систему «тапу», согласно которым верховным собственником земли являлось государство, а крестьянин — ее держателем. В своих показаниях на суде он говорил о крестьянах как о владельцах «тапий», что они закладывали «свои тапии»¹¹, а не землю, т. е. закладывали право на держание земли.

Непосредственно с системой «тапу» Левский связывал и происхождение налогов; он интуитивно понимал, что получение крестьянином «тапу» на землю влекло принятие им на себя обязательств уплачивать налоги государству, величина которых увеличивалась чорбаджиями («благодаря услугам сельских старост») и откупщиками. А «крестьяне, — говорил он, — в таком тяжком положении, что, когда им говорилось о каком бы то ни было состоянии, они, в надежде избавиться от своих бедствий, шли за нами»¹². Левский отмечал многообразие налогов («налогов много») ¹³.

Революционный и жизненный опыт позволил Левскому инстинктивно понять, что подлинным собственником земли является турецкое феодальное государство во главе с султаном и его правительством, которое, писал он, «варварски владеет не только нами, но и самими турками»¹⁴. В эту фразу Левский вкладывал глубокий не только политический и национальный, но прежде всего социально-экономический смысл. Первопричиной всякого гнета являлась «тирания, бесчеловечность и сама государственная система турецкого правительства на Балканском полуострове». Государственную турецкую систему он определял как «деспотически-тираническую систему»¹⁵.

Итак, Левский считал, что объективной экономической основой крестьянского движения в Болгарии является борьба за ликвидацию всяких феодальных пут в землевладении, борьба за унич-

¹⁰ «Свой» (рус.), «своето» (болг.), — притяжательное местоимение, означает принадлежность, собственный, составляющий что-нибудь личное достояние (см.: «Речник на современия български книжевен език», т. 3. София, 1959, стр. 171).

¹¹ «Васил Левски и неговите сподвижници пред турския съд. Документи из турските архиви». София, 1952, стр. 205.

¹² «Васил Левски и неговите сподвижници пред турския съд», стр. 205.

¹³ Там же, стр. 187.

¹⁴ Д. Т. Страшимиров. Указ. соч., стр. 33.

¹⁵ Там же, стр. 220—221 (курсив В. Левского).

тожение права верховной собственности султана на землю («мы не преследуем ни турецкий народ, ни веру его, а [гоним] султана и его законы, одним словом, турецкое правительство, которое варварски владеет не только нами, но и самими турками») ¹⁶, за ликвидацию налогового бремени, т. е. феодальной ренты. Левский отражал самые насущные интересы крестьянства. Н. Геров, консул России в Филиппополе, хорошо знавший обстановку в Болгарии, сообщал, что положение сельского населения самое несносное, «посему и сообщники Левского больше из поселян» ¹⁷. 27% членов революционных комитетов составляли крестьяне, из 147 известных революционных комитетов 100 находилось в селах Болгарии ¹⁸.

Правильно определив конечные объективные цели крестьянской борьбы, Левский наметил единственно верный путь их решения — путь народной, т. е. буржуазно-демократической революции, которая должна была решить задачу социального освобождения крестьянства. Как добиться поставленной цели? Левский лаконично отвечал на этот вопрос в проекте устава революционной организации Болгарии: «Путем всеобщей революции произвести коренное преобразование нынешней государственной *деспотически-тиранической* системы, заменив ее *демократической республикой* (народным управлением)» ¹⁹. В условиях турецкого феодализма, когда земельная собственность была сконцентрирована в руках феодального государства, была централизована феодальная рента, решение аграрного вопроса должно было идти по пути революционной ликвидации «государственной деспотически-тиранической системы», свержения «царя и его законов» ²⁰, изгнания «кесаджии и еничарите», т. е. разгрома турецкого аппарата принуждения, осуществлявшего на местах сбор ренты, внеэкономическое принуждение. Даже турецкие чиновники отмечали в обвинительном заключении по делу Левского, что он побуждал крестьян к восстанию «против османского государства», чтобы «добыть права» ²¹. В условиях турецкого феодализма это означало для крестьян «добыть право» прежде всего на землю, означало буржуазно-демократический переворот в землевладении, революционное уничтожение всех феодальных порядков. К сожалению, при анализе «Устава» проф. И. Унджиев ²² не обратил внимания на социально-экономическое содержание программных заявлений Левского. Автор такого фундаментального исследования не

¹⁶ Там же, стр. 33.

¹⁷ «Документи за българската история», т. II. София, 1932, стр. 71.

¹⁸ С. И. Сидельников. Борьба течений в первом Болгарском революционном центральном комитете, стр. 109.

¹⁹ Д. Т. Страшимиров. Указ. соч., стр. 221 (курсив В. Левского).

²⁰ Там же, стр. 33.

²¹ «Васил Левски и неговите сподвижници пред турския съд», стр. 255, 259.

²² И. Унджиев. Васил Левски, стр. 180—192.

провел до конца сопоставление экономической основы крестьянской борьбы того времени с идейно-политическим содержанием ее в программе Левского.

Тем более нет оснований утверждать, что «у него (Левского. — В. К.) национальный момент *скрывает в себе социальный*»²³. Как раз наоборот, приведенный материал свидетельствует, что в социальном освобождении Левский видел национальное освобождение. В чем видел Левский причину национального угнетения не только болгарского народа, но и народов других стран Балканского полуострова? Он отвечал: «*Причины. Тирания, бесчеловечность и сама государственная система турецкого правительства на Балканском полуострове*»²⁴. Через опыт революционной практики Левский приблизился к пониманию того, что национальное освобождение болгарского народа, подавляющее большинство которого составляли крестьяне, может произойти только в результате освобождения и болгарских, и турецких крестьян от системы турецкого феодализма и от абсолютизма путем *коренных* преобразований «нынешней государственной *деспотическитиранической системы*»²⁵. В этом программном положении выражена не только революционная идея ниспровержения политического господства турецких феодалов, но и идея коренных преобразований в базисе, разрушения феодальных экономических отношений.

Известно ленинское положение о том, что решение национального вопроса на Балканах зависело от полного освобождения от помещиков и от абсолютизма. «Наоборот,— писал В. И. Ленин,— если останется гнет помещиков и балканских монархий над народами, останется непременно в той или иной мере и национальное угнетение»²⁶.

Ставил ли Левский вопрос о ликвидации чифликчийского (помещичьего) землевладения? Мы не располагаем прямыми данными, но косвенные материалы свидетельствуют, что Левский стоял за безусловную ликвидацию помещичьего землевладения. Он ссылаясь на опыт революционной Франции, на революционную демократию России: «Настало время одним усилием завоевать то, что требовали и требуют братья французы, т. е. Молодая Франция, Молодая Россия и др.»²⁷. В исторической литературе не выяснен еще вопрос о том, что имел в виду Левский, говоря о «Молодой России». Возможно, что в ходе душевных бесед с Ботевым в Румынии на заброшенной мельнице он познакомился с идеями революционных демократов России, с революционно-

²³ Л. В. Воробьев. Указ. соч., стр. 39 (курсив автора).

²⁴ Д. Т. Страшимиров. Указ. соч., стр. 220—221.

²⁵ Там же, стр. 221.

²⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 187.

²⁷ «Избранные произведения болгарских революционных демократов». М., 1959, стр. 257.

демократической прокламацией П. Г. Заичневского «Молодая Россия». На страницах румынских газет тогда публиковались прокламации, которые распространяли русские революционеры в России, они проникали в среду деятелей болгарского освободительного движения и из Западной Европы ²⁸.

Идейным облачением крестьянской борьбы за землю Левский избрал лозунг «каждому свое» ²⁹. В нем кратко и доступно выражены интересы и надежды болгарских крестьян всех категорий.

В марксистской литературе на социально-экономическое содержание этого лозунга обратил внимание акад. Т. Павлов, который считает, что лозунг Левского выражал интересы всего крестьянства, в том числе и той части товаропроизводителей, которая уже втягивалась в товарно-капиталистические отношения ³⁰. Но согласиться с такой трактовкой лозунга «каждому свое» нельзя. В Болгарии 70-х годов XIX в., когда вырабатывалась программа Левского, крестьянство уже было достаточно дифференцировано и по размерам землевладения, и особенно по величине капитала, количеству скота и инвентаря. Лозунг «каждому свое» по своему объективному содержанию сводился к уничтожению феодальных и полуфеодальных форм землевладения, к образованию свободного крестьянства. Мелкого производителя в земледелии, товарного производства этот лозунг не затрагивал.

Выдвинутый в программе Левским тезис о «совершенном равенстве» граждан народного государства «в чем бы то ни было», о воздвижении храма «истинной и справедливой свободы» ³¹ и т. п. выражал передовой революционный мелкобуржуазный демократизм, для оценки которого мы можем опереться на ленинскую методологию ³². Идея Левского революционна и прогрессивна, поскольку она выражала борьбу крестьян с турецким феодализмом, но реальное содержание этой идеи объективно состояло в последовательном расчищении пути для развития капитализма. Всякая

²⁸ К. А. Поглубко. Очерки истории болгаро-русских революционных связей 60—70-х годов XIX в. Кишинев, 1970. Рукопись.

²⁹ Лозунг «каждому свое» появляется впервые в корреспонденции В. Левского в газете «Свобода» от 13.II 1871 г., когда Л. Каравелов, обобщая взгляды Левского на взаимоотношения народов Балканского полуострова, сделал вставку в статью «Свобода и каждому свое». Как правильно заметил проф. И. Унджиев, Каравелов в содержание этого лозунга вкладывал сущность национальных взаимоотношений в будущей балканской федерации, а Левский стремился отразить в нем сущность общественного строя (И. Унджиев. Васил Левски, стр. 135—136). Действительно, анализ всех документов Левского показывает, что лозунг «каждому свое» ставился им только в связи с пониманием будущего социально-экономического строя освобожденной Болгарии (см.: Д. Т. Страшимиров. Указ. соч., стр. 33, 36, 41, 52, 83).

³⁰ Т. Павлов. Указ. соч., стр. 89.

³¹ «Избранные произведения болгарских революционеров-демократов», стр. 256—257.

³² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 243—244.

трактовка лозунга «каждому свое» в том смысле, что якобы он отражал некий первый этап национально-освободительной борьбы, что «затем Левский предполагал возможность «второй», т. е. внутренней, народной революции против всякой эксплуатации»³³, есть не вполне правильное, по нашему мнению, представление о взглядах и сущности программных требований В. Левского.

В связи с этим закономерно поставить вопрос: на какие классы опирался Левский в проведении революции? Общеизвестным является вывод акад. Т. Павлова, что революционная стратегия Левского опиралась на народ, т. е. на все крестьянство как класс, на ремесленников и мелких торговцев, интеллигенцию, на беднейшее население города и деревни³⁴. Как и Раковский, болгарских чорбаджиев он считал врагами революции³⁵. Классовая ориентация Левского отражала классовый состав созданных им революционных комитетов. Формула «каждому свое» выражала прежде всего социально-экономические интересы крестьянства. В непосредственной связи с ликвидацией поземельной феодальной собственности Левский ставил вопрос об отмене налогового бремени, т. е. феодальной ренты, выражая этим одно из важнейших требований крестьянской массы. Борьба за отмену непосильных налогов была одной из центральных идей в революционной агитации Левского среди крестьян³⁶. Он распространял через местные революционные комитеты воззвание Центрального комитета от 23 июля 1871 г.³⁷, написанное Л. Каравеловым. Главным содержанием воззвания был призыв не платить налоги турецкому государству³⁸. И хотя Л. Каравелов не ставил ликвидацию налогов в связь с ликвидацией феодальной поземельной собственности турецкого государства, Левский в практике своей революционной деятельности использовал это воззвание. Итак, ликвидация феодальной поземельной собственности, утверждение крестьянской собственности на землю, ликвидация всех форм феодальной эксплуатации, свободное развитие крестьянского хозяйствования — такова аграрная программа Левского.

Отметим еще ее некоторые характерные черты.

Во-первых, она создавалась им на основе долгого изучения положения крестьян, представлялась им как выражение воли на-

³³ Л. В. Воробьев. Указ. соч., стр. 40.

³⁴ Т. Павлов. Указ. соч., стр. 86—88. Выводы Павлова соответствуют документам В. Левского (см.: Д. Т. Страшимиров. Указ. соч., стр. 34—35, 79—80).

³⁵ Подробнее см.: С. И. Сидельников. Взгляды Василя Левского на всенародное вооруженное восстание в Болгарии в 60-х — начале 70-х годов XIX в. «Исторические науки. Научные доклады высшей школы», 1960, вып. 1, стр. 119—121.

³⁶ «Васил Левски и неговите сподвижници пред турския съд», стр. 178, 186—187, 205.

³⁷ И. Унджиев. Васил Левски, стр. 147.

³⁸ Д. Т. Страшимиров. Указ. соч., стр. 498—500.

рода³⁹. Программа обсуждалась в частных революционных комитетах Болгарии и представлялась как коллективное мнение комитетов. Лозунг «Чистая свобода болгарину и каждому свое» также ставился всей внутренней революционной организацией⁴⁰.

Во-вторых, решение аграрной программы предоставлялось революционным комитетам. Требование Левского «каждому свое» должны были на местах осуществить по существу крестьянские комитеты. Это разжигало классовую борьбу в деревне, поднимало авторитет революционных комитетов, они становились действительными органами подготовки вооруженного восстания и зародышем власти на местах⁴¹. Традиции и дела комитетов пережили Левского. Как сообщал Н. Геров, в 1875 г. комитеты пользовались огромной поддержкой крестьян, и хотя Левский был казнен, «но распространенная им о комитетах молва осталась в народе»⁴². Сохранившиеся революционные комитеты стали организаторами Апрельского восстания на местах.

В-третьих, освобождение крестьян от турецкого феодального ига Левский, как это выяснено выше, связывал с идеей о республике. Развивая эту мысль в письме к Филиппу Тотю от 1 марта 1871 г., Левский писал, что вопрос о преобразованиях в Болгарии будет предоставлен «свободному народному решению»⁴³. Такая постановка вопроса способствовала утверждению республиканских традиций среди крестьян и интеллигенции, которые так проявились в период Апрельского восстания 1876 г.

Рассмотренные черты программы Левского подчеркивают ее революционно-демократический, вместе с тем реалистический характер, отсутствие утопизма; они свидетельствуют и о том, насколько вперед ушел Левский по сравнению со своим предшественником Раковским в разработке аграрной программы.

³⁹ Д. Т. Страшимиров. Указ. соч., стр. 58; И. Унджиев. Васил Левски, стр. 176; «Васил Левски и неговите сподвижници», стр. 257.

⁴⁰ Д. Т. Страшимиров. Указ. соч., стр. 52, 113.

⁴¹ Там же, стр. 188, 219—220; «Васил Левски и неговите сподвижници», стр. 157, 204, 256, 259.

⁴² «Документи за българската история», т. II.

⁴³ Д. Т. Страшимиров. Указ. соч., стр. 20.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ЖИЗНИ ХРИСТО БОТЕВА

И. Унджиев

Вопрос о дате рождения Ботева, несмотря на наличие значительной литературы, не мог долго найти окончательного решения, поскольку недостаток надежных и неоспоримых данных не давал возможности сделать категорические выводы. Поэтому усилия ученых были направлены на то, чтобы установить возможно более точную дату, исходя из наличных данных. В то время как относительно дня и месяца рождения Ботева нет разногласий и все исследователи единодушно принимают в качестве этой даты 25 декабря, то по поводу самого года его рождения имеются две точки зрения (1847—1848).

Первые и наиболее ранние указания о годе рождения Ботева дал отец его — Ботю Петков. «Сын мой родился в 1848 г.», — пишет он Н. Герову 8 апреля 1863 г. и сообщает, какие предметы Ботев изучал. В тот же день он пишет второе, более интимное письмо Герову, где говорит: «По Вашему желанию сообщая о сыне моем, что он учил и сколько ему лет. Это же я указал в моем письме, которое отправил Вам в прошлом году в Узунджово. Видно, это письмо Вы не получили или же, если получили, не смогли его послать куда нужно»¹. Оба эти письма, как и письмо 1862 г. (направленное в Узунджово), свидетельствуют о стремлениях Б. Петкова устроить своего сына в русскую гимназию. Сам отец не упоминает о дне и месяце рождения Ботева, а удовлетворяется лишь указанием года.

Однако Н. Геров в своем докладе, отправленном в связи с этим в азиатский департамент МИД 17 мая 1863 г., не принял сообщенный ему Б. Петковым год рождения Ботева. Из его доклада мы узнаем, что Ботев «на год старше для приема в русскую гимназию, но ввиду его познаний может поступить в следующий класс». А в характеристике Ботева, приложенной к докладу, он ясно указывает, что Ботев «имеет 16 лет от роду», т. е. родился в 1847 г.²

Первый биограф Ботева З. Стоянов, собиравший сведения «у родителей, братьев, супруги и родственников Ботева»³, принимает датой его рождения 25 декабря 1847 г. — «в начале почти более знаменитого новыми идеями и принципами свободы 1848-го г.»⁴. В числе письменных источников он использует и заметки К. Тулешкова, согласно которым Ботев родился в

¹ «Из архивата на Найден Геров», кн. I. София, 1911, стр. 32.

² «Документи за българска история», т. I. София, 1931, стр. 322.

³ З. Стоянов. Христо Ботйов. Русе, 1888, стр. 20.

⁴ Там же, стр. 25.

1848 г.⁵ Однако это не помешало ему принять указания матери Ботева и его близких и считать искомой датой 1847 г.

Эти две точки зрения, которые наиболее близки к первоисточникам, исчерпывают почти все, что мы знаем о годе рождения Ботева. Утверждения отдельных современников, основанные на общих впечатлениях и неуверенных догадках, не вносят ничего существенного в решение вопроса. Не вносит ничего нового и тезис, согласно которому самая вероятная дата рождения Ботева — 1846 год⁶, поскольку в данном случае не приводятся новые факты, а лишь соображения и догадки, которые нельзя признать убедительными.

Этот вопрос рассматривался и в связи со столетием со дня рождения великого поэта-революционера. Вначале М. Димитров высказывался за 1848 г.⁷, позднее же, считая «весьма вероятным, что отец поэта уменьшил возраст сына, боясь, что он не будет принят в учебное заведение», он принимает 1847 г.⁸ Но впоследствии М. Димитров изменил эту точку зрения, считая более вероятным 1848 г., так как «отец в 1863 г., только через 15 лет после рождения своего сына, знал лучше дату его рождения, нежели мать через 40 лет после этой даты». Вместе с этим соображением он мотивирует последнюю свою точку зрения и тем, что «расспросы у того или иного и устные показания, к которым прибег З. Стоянов, всегда менее надежны, чем письменный документ»⁹. А. Бурмов, для которого «вопрос о точной дате рождения Ботева все еще спорен», отклонил дату, принятую З. Стояновым, поскольку она «не опирается ни на какой документ, а [построена] только на сведениях, предоставленных Стоянову близкими Ботева». Их же устные указания, по его мнению, «могут быть приняты безоговорочно лишь в том, что относится к дню рождения Ботева, а не к году». Для Ботева «единственный документ, которым мы располагаем», — это письмо отца Ботева Н. Герову от 8 апреля 1863 г., и на основе его «мы можем принять только 1848 год в качестве года рождения Ботева. Все остальное, что было бы выдвинуто против этой даты, является лишь соображениями, каковы могут быть и правдивыми, и остроумными, но не имеют ни значения, ни силы документа». Н. Геров, по мнению Бурмова, «ошибся в своих вычислениях», сообщая в азиатский департамент, что в 1863 г. Ботеву было 16 лет. Эти же сведения Геров почерпнул из двух писем Б. Петкова (от 8 ап-

⁵ Там же, стр. 20.

⁶ И. К. Стойчев. Към уточняване на рождената дата на Христо Ботев. «Исторически преглед», 1954, № 1, стр. 95—103.

⁷ М. Димитров. Биография на Христо Ботев. София, 1924, стр. 7.

⁸ Х. Ботев. Пълно събрание на съчиненията. София, 1940, стр. 7 (1945, стр. 9).

⁹ М. Димитров. Кога е роден Христо Ботев. «Отечествен фронт», 14.XII 1947.

роля 1863 г.) и письма в Узунджово, когда Ботеву было 15 лет¹⁰. Но это утверждение Бурмова не обосновано.

Ст. Каракостов в двух статьях принял и обосновал дату, установленную З. Стояновым: «Поскольку мы принимаем месяц и дату З. Стоянова и поскольку только пять дней от 1847 г. до 1848 г. являются различием в сведениях, данных отцом Ботева, то мы должны принять то, что нам говорит З. Стоянов по указаниям матери Ботева, жены его, братьев и родственников — а именно, дату 25 декабря 1847 г.»¹¹.

В связи с этим и ввиду недостатка новых данных было принято в качестве даты рождения Ботева 25 декабря 1848 г., или ко н. ст.— 6 января 1849 г., и в этот день происходило празднование 100-летней годовщины Ботева.

Однако в конце 1969 г. открытие одного нового документа окончательно решило вопрос о годе рождения. Эта заслуга принадлежит румынскому ученому доктору Н. Чакиру. Просмотрев огромный архивный материал румынского министерства просвещения, д-р Чакир нашел интересный документ, факсимиле которого поместил в своей статье, опубликованной в газете «Отечествен фронт» от 14 января 1970 г. Циркуляром от 18 февраля 1870 г. министерство просвещения Румынии потребовало от всех школ представить сведения об учителях. В рапорте, который направил главный учитель Измаильской начальной школы № 1 (5 апреля 1870 г.) фигурирует и Ботев (под именем Христо Петров). В первой графе указаны годы рождения каждого учителя. Против имени Ботева написано: «22 года, родился 25. XII 1847 г.». Дата рождения Ботева подтверждена им самим (подписью Хр. Петров). Аутентичность этого документа не вызывает сомнений; составитель его мог взять необходимые сведения только у самого Ботева. По своему значению новонайденный документ имеет силу свидетельства о рождении, и поэтому с его обнаружением вопрос о дате рождения Ботева можно считать окончательно решенным. Великий поэт-революционер родился 25 декабря 1847 г.

Вопрос о стараниях Ботева продолжить свое образование выходит на первый план, после того как Ботев вторично покидает порабощенную родину и уезжает за границу. Это, как известно, случилось после памятного события 11 мая 1867 г., после его речи на празднике Кирилла и Мефодия, когда он навсегда покинул свою семью и свой город. Это, однако, не изменило отношений сына и отца. Ботю Петков достаточно сильно любил своего сына, чтобы понять и принять те его поступки, с которыми не был согласен. Вообще отец никогда не порывал отноше-

¹⁰ А. Бурмов. Рождената дата на Христо Ботев. «Работническо дело», 14.XII 1947.

¹¹ Ст. Каракостов. Кога е роден Христо Ботев и кога е стогодишнината от рождението му. «Отечествен фронт», 13.XII 1947; *он же*. Към дискусията за рождената дата на Христо Ботев. «Работническо дело», 21.XII 1947.

ний с сыном и никогда его не покидали отцовская любовь и волнения за него. Обеспокоенный тем, что его сын находится в Румынии (Б. Петков очень хорошо понимал, что привлекает сына в этой стране) и какие последствия это может иметь для него, он спешит написать Н. Герову: «Прошу Вас, г-н Найден, сделайте милость, напишите в Бухарест г-ну Христе [Георгиеву], чтоб он позвал моего сына и ему посоветовал и обнадежил его, что я ему окажу поддержку, и, если он нуждается, пусть ему даст немного денег (за арьшльк), а я от чистого сердца ему возьмущу»¹². За несколько дней до своей смерти Б. Петков просит Н. Герова переслать его письмо Хр. Ботеву, «насколько возможно скорее»¹³. Несмотря на наличие доброй воли с обеих сторон, отец и сын не могли избежать известных разногласий по той простой причине, что выросли в разные эпохи. Однако Б. Петков «не руководился лишь мыслью о личной карьере своего сына». Без сомнения, он хотел, чтобы его сын стал «общественным деятелем на ниве просвещения и литературы»¹⁴. И поэтому его горячим желанием было, чтобы Ботев продолжил свое обучение и получил возможно более глубокое образование.

Ботев также горел жаждой знаний, стремясь горячо и искренно к продолжению своего образования¹⁵. В письме к д-ру Г. Атанасовичу (от 21 ноября 1867 г.) он замечает, что, имея «перед глазами не только наше семейство, но и все наше несчастное отечество, с родительским благословением и с надеждой, что патриоты — сыны Болгарии помогут мне, решил я уехать, чтоб закончить начатое в университете». Эти строки раскрывают действительные намерения Ботева в то время. Серьезная озабоченность будущим волнует поэта и он хочет продолжить «начатое в университете»¹⁶. Последняя фраза этого письма теперь приобретает определенный и точный смысл, она подтверждает новые документы о биографии Ботева, обнаруженные лишь недавно в Румынии. Я имею в виду свидетельство под № 732 от 12. XII 1866 г., которым удостоверяется, что он учился один год на историко-филологическом факультете Одесского университета. Этот документ лишь упомянут в рапорте, направленном, как сказано выше, Йзмаильской школой в министерство просвещения в

¹² «Из архивата на Найден Геров», кн. I, стр. 36.

¹³ Там же, стр. 37 (письмо от 17.VII 1869 г.).

¹⁴ М. Димитров. Христо Ботев. София, 1948, стр. 37.

¹⁵ Все биографы Ботева — с некоторыми различиями в подробностях — утверждают, что он не имел желания продолжать свое образование и отправился за границу по настоянию отца, чтобы учиться и избежать опасного пребывания в Калофере. Ботев согласился в угоду отцу, а в душе строил иные планы. Необоснованно и заявление М. Димитрова: «Избрав путь через Румынию, он, видимо, хотел исполнить два своих желания: увидеть, каково состояние эмиграции, и, если последнее не предвещает скорых действий, удовлетворить желание своих родителей, отправившись учиться» (М. Димитров. Христо Ботев, стр. 39; см. также стр. 46—48).

¹⁶ Хр. Ботев. Събрани съчинения, т. I. София, 1958, стр. 473.

Бухарест. Сам оригинал или копия с него, однако, отсутствует (вероятно, потерян). Это, впрочем, не снижает значения указанного свидетельства, обнаружение которого (вместе с другими данными) является заслугой д-ра Чакира. Лишь университетское образование могло удовлетворить Ботева, зрелого умом, имевшего уже вполне оформившиеся настроения и идеи¹⁷. В этом смысле и отец, и сын, как видно из приведенных писем, возлагали свои надежды на «родолюбивых сынов Болгарии», которые были близки их семье и имели возможность помочь Ботеву в его желании учиться. Эти надежды, однако, не оправдались, и недостаток средств не позволил Ботеву осуществить свое горячее желание учиться.

Поскольку 21 ноября 1867 г. Ботев уже был в Бухаресте, он, вероятно, уехал в Валахию во второй половине октября и уже вскоре после приезда в Бухарест просил помощи у Добродетельной дружины (через д-ра Г. Атанасовича). Следовательно, покинув Калофер, примерно через месяц он оказался в столице Румынии (без средств «даже и на путевые расходы», как он говорит в названном уже письме¹⁸). Это заявление Ботева раскрывает не только его серьезное намерение продолжить путь в Россию, но и опровергает сообщения биографов и мемуаристов, будто при отъезде из Калофера отец дал ему крупную сумму (1000 грошей) и свои часы.

Вопреки своему большому желанию, Б. Петков не имел возможности оказать помощь своему сыну, как ему хотелось. Он лишь мог снабдить его средствами на дорогу и на житье в первые дни. И поэтому он дает сыну письмо, чтобы собрать причитавшиеся ему средства, оставшиеся, видимо, от перевода «Критических исследований по истории болгарской» Ю. И. Венелина. «Ботев, — как сообщает Д. Н. Паничков, тогда бывший типографом в Браиле, — имел письма от своего отца к неким лицам по счетам, как от даскала Цвятка-габровца и других, чтоб получить поддержку для путешествия в Одессу». С этой надеждой он поехал и в Браилу, но и здесь, как пишет Паничков, «ничто не помогло»¹⁹.

И эти воспоминания указывают на Одессу как на ближайшую цель путешествия Ботева в то время. Но одновременно они дают возможность выяснить и кое-что другое. Поскольку некоторые письма, которыми Б. Петков надеялся добыть средства для своего сына, были адресованы болгарам, жившим в Румынии, то очевидно, что еще в Калофере отец и сын договорились, что Ботев

¹⁷ З. Стоянов первый обратил внимание на желание Ботева учиться в каком-либо университете. В Калофере Б. Петковым и его сыном было принято «решение: поехать Ботеву в Москву с намерением поступить в тамошний университет» (З. Стоянов. Указ. соч., стр. 82). Далее З. Стоянов еще раз отмечает, что Ботев «отправился из Калофера в Москву» (стр. 84—85).

¹⁸ Хр. Ботев. Собрани съчинения, стр. 473.

¹⁹ Хр. Ботев. Неизвестни произведения. София, 1924, стр. 143.

поедет через Румынию, чтоб получить причитавшиеся там отцу деньги. Мы не знаем, в каких городах он побывал с этим, и поэтому трудно установить его путь, но, видимо, в Румынию он отправился из Русе в Гюргево, затем в Бухарест — центр болгарской эмиграции. Но старые обязательства оплачиваются с трудом, и Ботев, потеряв напрасно время, оказался в столице Румынии даже без средств «на путевые расходы».

Та помощь (два золотых), которую он получил от Добродетельной дружины, не оправдала его надежд, но все же позволила ему продолжить свой путь.

Ясная и определенная целенаправленность, с которой Ботев покидает Калофер и оказывается в Бухаресте, не подлежит сомнению. Целью его усилий в первое время была Одесса. Была ли она его главной целью, мы не знаем, но, вероятно, и там он ожидал помощи в получении стипендии, которая обеспечила бы ему возможность учиться в каком-либо русском университете. Горячее желание продолжить свое образование, как увидим, не покидает его еще долгое время, и он оставался верен ему, пока не исчерпал все возможности и не потерял всякую надежду на осуществление этих планов.

В Бухаресте, оставшись без средств, он обращается за помощью к Добродетельной дружине, чтоб продолжить свой путь. Здесь он задержался и только 23 декабря 1867 г., как сообщает Д. Паничков, прибыл в Браилу. Ботев едет вместе с д-ром Христо Чобановым, уроженцем Калофера, учившимся медицине в Бухаресте и посланным в это время на должность фельдшера в Измаил. Согласно Паничкову, Ботев прибыл в Браилу, чтоб получить себе помощь для путешествия в Одессу²⁰. Он пытался, имея на руках письма своего отца, собрать причитающиеся ему средства у «даскала Цвятка-габровца» и у каких-то других лиц, «но ничто не помогло, — сообщает Д. Паничков — [и] Ботев остался у меня в типографии»²¹. Безденежье и бедность не дают возможности Ботеву продолжить свой путь в Россию и принуждают остаться в Браиле. Эта суровая необходимость заставляет его отказаться в тот момент от своих намерений и поступить на работу в типографию Д. Паниčkова, где он овладел профессией наборщика и вел корректуру газеты «Дунавска зора», которая начала тогда выходить под редакцией Добри Войникова.

В сущности Ботев не имел выбора. Он должен был отступить перед неумолимой действительностью и смягчить горечь неудачи надеждой на удачу в близком будущем. Эта надежда не покидает его почти все время его пребывания в Браиле. Примерно через год в письме к Н. Герову (от 8 октября 1868 г.) он жалуется, что жители Браилы обманывали его «целый год», будто отправят

²⁰ Хр. Ботев. Неизвестни произведения, стр. 143.

²¹ Там же.

его в Прагу в университет, но это была только отговорка. В конце концов ему отказали под тем предлогом, что «завещание г. Петровича было фальшивым!!!»²².

В Брайле Ботев имел возможность встретиться и познакомиться с миром хайдутов и хышей (бродяг) и притом накануне подготовки самой большой болгарской четы. Он находил достаточно времени для умственной работы, для поэтического творчества, которое укрепляло его самочувствие в условиях «тяжелой чужбины».

В Брайле великий поэт и революционер пережил одно из самых крупных событий в жизни эмиграции и болгарского народа — 7 июля 1868 г. Дунай перешла чета Хаджи Димитра и Стефана Караджи, самая большая из всех прежних чет, вступивших в открытую борьбу за освобождение поращенной родины. Героический подвиг двух воевод, который был неповторимо воспет Ботевым, произвел глубокое впечатление не только в Болгарии, но и за границей.

Ботев пережил «революционный восторг» этого эпохального года не только как молчаливый созерцатель, но и как активный участник развернувшихся событий. Он стал писарем (секретарем) у воеводы Желю и готовился летом 1868 г. перейти в Болгарию с его четой. Но воевода, которого Ботев близко знал и очень ценил²³, не смог переправиться через Дунай, так как не нашел средств для вооружения своей четы.

Во время подготовки этой четы Ботев, как выражается З. Стоянов, «написал и свое завещание родителям», т. е. стихотворение «На прощанье в 1868 г.»²⁴ Киро Тулешков, бывший долгие годы «неразлучным другом Ботева и его соучастником во всех невзгодах», раскрывает те обстоятельства, при которых возникла эта героическая исповедь-завет: «Великий поэт голодал по несколько дней подряд, а ночью спал на скамейках кафе».

Одновременно К. Тулешков раскрывает и печальные условия жизни Ботева в то время: к общей бедности прибавляется и его болезнь. В своем письме к Н. Герову (от 21 сентября 1868 г.) Ботев сам подчеркивал мрачную безвыходность того положения, в которое он попал: «Я по причине своей болезни в Брайле впал в такую бедность, что, кроме того, что остался гол и бос, нуждаюсь даже и в хлебе насущном»²⁵. Он покидает Браилу и возвращается в столицу Румынии. Здесь, несмотря на свое тяжелое положение, он прилагает большие усилия для продолжения своего образования и записывается в Национальное медицинское училище. Сделав этот выбор без особого желания, он очень скоро убедился в том, что медицина никоим образом не

²² Хр. Ботев. Събрани съчинения, стр. 475.

²³ Хр. Ботев. Съчинения, т. I. София, 1948, стр. 319—320.

²⁴ З. Стоянов. Указ. соч., стр. 120—121.

²⁵ «Из архивата на Найден Геров», кн. I, стр. 41.

отвечает его интересам. Не получив никакой поддержки и испытывая беспокойство по поводу своего здоровья, Ботев примерно через месяц решает уйти из училища. 8 октября 1868 г. он пишет Н. Герову, что сообщил своим родителям о намерении вернуться, так как он уже потерял всякую надежду на продолжение образования. «Здоровье мое требует,— пишет он,— чтоб я покинул медицинское училище, которое избрал я поневоле»²⁶. Примерно в это время, но не позднее середины октября Ботев покинул медицинское училище. Так окончилась неудачей и эта последняя попытка великого поэта-революционера продолжить свое обучение. Его сокровенная надежда завершить образование в каком-либо университете, как он сам выразился, «разбилась как о подводный камень»²⁷.

**БОЛГАРСКАЯ И СОВЕТСКАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
О РУССКО-БОЛГАРСКИХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СВЯЗЯХ
И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРВОГО БРЦК
(1869—1873 гг.)**

С. И. Сидельников

Братская дружба и всестороннее сотрудничество народов Советского Союза и Болгарии уходят своими корнями в далекое прошлое, оказывая огромное положительное воздействие на их экономическое, политическое и культурное развитие. Поэтому эта проблема постоянно привлекает к себе пристальное внимание как советских, так и болгарских исследователей.

В настоящей статье мы сосредоточим свое внимание на исследовании только одной проблемы: как в советской и болгарской исторической литературе освещена история русско-болгарских революционных связей в период деятельности первого Болгарского революционного центрального комитета.

Всю обширную литературу вопроса можно разделить на пять групп: первая — биографические работы З. Стоянова, Ст. Заимова, Б. Петрова, И. Клинчарова, Е. З. Волкова, М. Арнаудова, М. Димитрова, И. Унджиева и других о Г. Раковском, В. Левском, Хр. Ботеве, Л. Каравелове и других выдающихся деятелях болгарского национально-освободительного движения 50—70-х годов XIX в.; вторая — монографические исследования по истории бол-

²⁶ Там же, стр. 42—43.

²⁷ Там же, стр. 41.

гарского национально-освободительного движения против турецкого господства в середине XIX в. (см. работы Д. Страшимирова, А. Бурмова, Н. С. Державина, Ж. Натана, Д. Косева, Н. Кондарева и др.); третья — обобщающие работы по истории Болгарии; четвертая — специальные и обобщающие работы по истории революционного движения в России второй половины XIX в.

В этой исторической литературе приводится значительный фактический материал о взаимосвязях русского и болгарского революционного движения рассматриваемого периода. Однако авторы этих работ не ставили перед собой задачу специального исследования русско-болгарских революционных связей и касались их постольку, поскольку это было необходимо для более полного рассказа о жизни и деятельности того или иного революционера или более глубокого исследования важнейших событий из истории революционного движения болгарского народа. При анализе степени изученности того или иного конкретного события мы будем рассматривать и эту литературу.

К пятой группе относится специальная литература, посвященная русско-болгарским экономическим, политическим и культурным связям вообще и русско-болгарским революционным взаимосвязям середины XIX в. в особенности. Вот эта литература и является предметом нашего исследования.

До Великой Октябрьской социалистической революции специальных исследований на эту тему не было. Можно отметить только небольшие научно-популярные работы либерального историка русского революционного движения В. Я. Богучарского¹ и болгарского буржуазного литературоведа И. Д. Шишманова².

В 20 — 30-е годы наибольший вклад в исследование этих проблем внес виднейший болгарский историк — марксист, литературовед и общественный деятель Георгий Бакалов. Ему принадлежат свыше десятка работ³, в которых на основе изучения материалов советских архивов, многочисленных воспоминаний народников и других источников впервые была дана сравнительно полная

¹ В. Я. Богучарский. Русское освободительное движение и борьба за освобождение Болгарии. «Современник», 1911, № 3; *он же*. Активное народничество 70-х годов. М., 1912 (раздел «Революционное движение балканских славян, русско-турецкая война и отношение к этим событиям русских социалистов», стр 262—294).

² И. Д. Шишманов. Русское прогрессивное общество и болгарская демократия. «Русские ведомости», 1912, № 284; 1913, № 4, 5, 11; *он же*. Тарас Шевченко, неговото творчество и неговото влияние върху българските писатели преди освобождението. «Славянска беседа», кн. XVI, София, 1912.

³ Г. Бакалов. Русские друзья Христо Ботева. «Летописи марксизма», 1927, кн. II; *он же*. Христо Ботев и Сергей Нечаев. Там же, 1929, кн. IX—X; *он же*. Русская революционная эмиграция среди болгар. «Каторга и ссылка», 1930, кн. 2 (63), 3 (64), 5 (66); *он же*. О связи Николая Константиновича Русселя-Судзиловского с болгарскими. Там же, 1930, кн. 10 (71); *он же*. Христо Ботев и о Христо Ботева по-русски. «Труды Ин-та славяноведения», т. I, 1932; *он же*. Чернышевский на Балканах, «Каторга и ссылка», 1933, кн. 4 (113) и др.

картина взаимосвязей русских и болгарских революционеров. Не все положения, выдвинутые им, в одинаковой степени убедительно обоснованы. Но его заслуга состоит в том, что он впервые ввел в научный оборот новые источники и, опираясь на них, показал несостоятельность множества версий, выдвинутых буржуазными историками, извращавшими истинный характер болгарского революционного движения, раскрыл огромное плодотворное воздействие великих революционных демократов России на формирование мировоззрения идеологов и участников революционного течения в болгарском национально-освободительном движении.

В эти же годы были опубликованы интересные статьи Б. П. Козьмина⁴ и Д. К. Димитрова⁵ о связях Л. Каравелова с революционным движением в России. В последующие десять лет были опубликованы две небольшие статьи М. Димитрова⁶ и С. Каракостова⁷ о влиянии русской революционной идеологии на Хр. Ботева.

В 50-х годах началось более интенсивное изучение истории русско-болгарских революционных связей конца 60-х — начала 70-х годов. В эти годы опубликованы работы С. А. Никитина⁸, Л. С. Ерихонова⁹, В. Г. Карасева¹⁰, В. Д. Конобеева¹¹, М. Гурбанова¹², А. Бачинского¹³, К. Шаровой¹⁴, К. А. Поглубко¹⁵ и др.

⁴ Б. Козьмин. Любен Каравелов и Светозар Маркович в их связях с русскими революционерами. «Каторга и ссылка», 1933, кн. 4—5.

⁵ Д. К. Димитров. К изучению Любена Каравелова. «Труды Ин-та славяноведения», 1934, т. I.

⁶ М. Димитров. Хр. Ботев и руското революционно-демократическо движение. «Съвременник», год I, 1945, кн. 12—13.

⁷ С. Каракостов. Хр. Ботев и руската революционна мисъл. «Българо-съветска дружба», 1945, кн. 6.

⁸ С. А. Никитин. Славянские комитеты в России в 1858—1876 гг. М., 1960; *он же*. Русская дипломатия и национальное движение южных славян в 50—70-е годы XIX в. «История, фольклор, искусство славянских народов». М., 1963.

⁹ Л. С. Ерихонов. Русские революционные демократы и общественная мысль южных славян в 60—70-х годах XIX в. М., 1960; *он же*. Хр. Ботев в руската критика. «Литературна мисъл», 1960, № 1; *он же*. Руското общество и българската литература. Очерци. София, 1967.

¹⁰ В. Г. Карасев. Статья Светозара Марковича «Русские революционеры и Нечаев». «Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии». М., 1957; В. Г. Карасев, В. Д. Конобеев. О связях русских, сербских и болгарских революционеров в 60—70-х годах XIX в. М., 1966.

¹¹ В. Д. Конобеев. О плане вооруженной борьбы Г. С. Раковского в Болгарии в период Крымской войны. «Уч. зап. Ин-та славяноведения», 1958, т. XVI.

¹² М. Гурбанов. Неугасимое пламя советско-болгарской дружбы. Кишинев, 1959.

¹³ А. Бачинский. Нови дани за пребыването на Любен Каравелов в Русия в 1869 г. «Исторически преглед», 1961, № 5.

¹⁴ К. Шарова. Към историята на връзките между руската революционна емиграция и южнославянските революционери през 70 години XIX века. «Известия на научни архив», 1967, т. 13.

¹⁵ К. А. Поглубко. Из истории русско-болгарских революционных связей конца 60-х годов XIX в. «Известия АН Молд.ССР», общ. науки, 1965, № 1;

Наибольший интерес для нас представляют статьи В. Г. Карасева, В. Д. Конобеева и К. А. Поглубко. Эти авторы на основе тщательного изучения многочисленных источников, значительная часть которых впервые введена в научный оборот, внесли ряд научно обоснованных исправлений и уточнений в оценку идейно-теоретического характера этих взаимосвязей.

По ряду проблем, связанных с историей русско-болгарских революционных связей, среди историков наблюдается полное единодушие. Все историки признают факт огромного влияния великих русских и украинских революционных демократов на формирование мировоззрения болгарских революционеров и первостепенного значения в распространении этого влияния обучения болгарской молодежи в учебных заведениях России, русской прогрессивной периодической печати, особенно эмигрантской, русской и украинской художественной, литературно-критической и философской литературы.

Одновременно с этим в исторической литературе по ряду вопросов продолжают споры. Прежде всего это касается вопроса о характере воздействия различных течений общественной мысли России на формирование мировоззрения крупнейшего руководителя первого БРЦК Любена Каравелова. Эти споры тесно связаны с той дискуссией, которая продолжается в науке по вопросу о характере его идеологии вообще.

Значительная часть болгарских и советских ученых доказывает, что Л. Каравелов без малейших колебаний занимал революционно-демократические позиции и что формирование его мировоззрения проходило только под влиянием великих русских революционных демократов. Наиболее последовательные сторонники этой точки зрения (Л. С. Ерихонов¹⁶, П. Зарев¹⁷, Н. Кондарев¹⁸, И. Конев¹⁹) отрицают какое бы то ни было воздействие на формирование его взглядов славянофильства и других течений общественно-политической мысли России.

он же. Некоторые новые материалы о связи русских революционеров с Хр. Ботевым в начале 70-х годов XIX в. Там же, 1966, вып. 2; *он же.* Страницы революционного сотрудничества. «Болгария страна родная». Статьи, письма, информации, очерки, стихи. Кишинев, 1967; *он же.* Связи болгарских и русских эмигрантов (1869). «Известия АН Молд. ССР», общ. науки, 1968, № 1.

¹⁶ Л. С. Ерихонов. Русские революционные демократы..., стр. 55—95; *он же.* Мировоззрение Любена Каравелова. «Уч. зап. Ин-та славяноведения», 1957, т. XV, стр. 147—211.

¹⁷ П. Зарев. Любен Каравелов. Мирогред и художественно творчество. «Септември», 1955, кн. 4, стр. 104—140.

¹⁸ Н. Кондарев. Идеологията на Любен Каравелов. София, 1957, стр. 23—253 (особенно стр. 250—253).

¹⁹ И. Конев. Към въпроса за влиянието на руската обществена мисъл от 60-те години на XIX в. върху Любен Каравелов. «Известия на Института за литература», 1958, кн. VI, стр. 187—245.

Противоположную точку зрения наиболее последовательно защищал академик Михаил Димитров²⁰. Не отрицая некоторого воздействия идеологии революционных демократов на Л. Каравелова, он доказывал, что решающее и определяющее идейное воздействие оказали на него славянофилы.

Подавляющее большинство специалистов по истории болгарского национально-освободительного движения не занимает столь категорических позиций. Одни больше внимания акцентируют на влиянии славянофилов и различных буржуазных течений, другие — на идейном воздействии революционных демократов²¹, однако все исследователи стремятся всесторонне показать сложность идейного воздействия различных течений общественной мысли России на формирование мировоззрения Л. Каравелова — крупнейшего идеолога и практического руководителя революционного течения болгарского национально-освободительного движения²².

Не менее горячие дискуссии шли в литературе по вопросу о степени влияния М. А. Бакунина, С. Г. Нечаева и других русских народников на идеологию и практическую деятельность болгарских революционеров, игравших решающую роль в создании и действиях первого БРЦК. Еще в 90-х годах прошлого века З. Стоянов в биографии Христо Ботева²³ уделил этому вопросу очень большое внимание. Однако, опираясь по преимуществу только на воспоминания участников освободительного движения и не располагая достоверными источниками, он запутал всю историю взаимосвязей Хр. Ботева с Нечаевым и другими русскими и украинскими революционными народниками.

Болгарский историк И. Клинчаров, опубликовавший в 1910 г. обширную биографию Хр. Ботева²⁴, более точно осветил некоторые события, но также допустил множество ошибок фактического характера и необычайно преувеличил степень воздейст-

²⁰ М. Димитров. Любен Каравелов. Биография. София, 1959, стр. 54—56, 61, 74—90, 115, 147, 148, 361, 362; он же. За идеологията на Любен Каравелов и неговото място в революционното движение. «Известия на Института за литература», 1956, кн. II, стр. 10—22, 32—33; он же. К вопросу об идеологии Любена Каравелова. «Уч. зап. Ин-та славяноведения», 1958, т. XVI, стр. 78—108.

²¹ К. А. Копержинский. Журнально-публицистическая деятельность Любена Каравелова в России. «Уч. зап. Ин-та славяноведения», 1956, т. XII, стр. 174—210; М. Арnaudов. Любен Каравелов. Живот, дела, епоха. 1834—1878. София, 1964, стр. 121—141, 157—211, 221—228; Д. Шелудко. Любен Каравелов, Васил Левски и началото на Българския революционен централен комитет. «Известия на Института Ботев», 1954, кн. I, стр. 109—113.

²² Ср. Е. П. Наумов. Любен Каравелов. «Кратк. сообщ. Ин-та славяноведения», 1961, № 32, стр. 130—133.

²³ «Христо Ботѣвъ (опит за биография)». От Захари Стоянов. Второ издание. Русе, 1891, стр. 61—65, 85—186.

²⁴ И. Клинчаров. Христо Ботѣвъ. Биография. София, 1910, стр. 173—200, 203—214, 245, 293—360; он же. Любен Каравелов. Биография. София, 1925, стр. 87—98.

вия Бакунина и Нечаева на всю теоретическую и практическую деятельность Хр. Ботева, Л. Каравелова и других виднейших деятелей БРЦК.

Эта линия И. Клинчарова на преувеличение роли Бакунина и Нечаева в истории русского и болгарского революционного движения наиболее последовательно проводилась советским историком Е. З. Волковым. Он полностью извратил взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса по вопросу оценки характера национально-освободительного движения славянских народов середины XIX в. и необычайно преувеличивал роль Бакунина как идеолога и организатора революционного движения славянских народов в этот период²⁵, в частности, влияние на все революционное движение болгарского народа. Волков представлял Хр. Ботева и Л. Каравелова лояльными и верными учениками Бакунина и Нечаева²⁶, приписывая последним решающую роль в выработке программы и устава первого БРЦК и в практической деятельности по его созданию²⁷.

Точка зрения И. Клинчарова и особенно Е. З. Волкова оказала значительное влияние и на ряд других историков болгарского революционного движения. Некоторые элементы преувеличения влияния Бакунина и Нечаева в русском и болгарском революционном движении наблюдались в первых биографических работах М. Димитрова о Хр. Ботева²⁸, в биографии Л. Каравелова, написанной Г. Константиновым²⁹, и даже в работах выдающегося болгарского историка-марксиста Г. Бакалова³⁰, написанных до 1933 г.

Одновременно с этим ряд советских и болгарских авторов уже в начале 30-х годов на основе изучения новых архивных и других материалов начали критически относиться к рассмотренной выше точке зрения. В статьях Д. Димитрова³¹, Б. Козьмина³², в биографических работах о Хр. Ботева и В. Левском Г. Бакалова³³, более поздних биографических работах о Хр. Бо-

²⁵ *Е. З. Волков*. Христо Ботев (на заре балканского революционного коммунизма). М.—Пг., 1923, стр. 3—4, 65—92, 135, 153.

²⁶ Там же, стр. 46, 58, 88—141, 152—159.

²⁷ Там же, стр. 88—91, 104—105, 130—136, 141.

²⁸ *М. Димитров*. Христо Ботев. Идеи — личности — творчество. София, 1919, стр. 195—198; *он же*. Биография на Хр. Ботев. София, 1924, стр. 38—84.

²⁹ *Г. Константинов*. Любен Каравелов. Живот — идеи — литературно наследство. София, 1946, стр. 81—83, 88—89.

³⁰ *Христо Ботев*. Избранные произведения. М., 1930, стр. 26—31; *Г. Бакалов*. Христо Ботев. Живот, идеи и съчинения. Москва — Харьков — Минск, стр. 48—58, 84—85, 99—101, 122—128, 135—136, 150—159; *он же*. Русская революционная эмиграция..., стр. 119—121, 127—130; *он же*. Избрани исторически произведения. София, 1960, стр. 204—257.

³¹ *Д. К. Димитров*. К изучению Любена Каравелова..., стр. 117—140.

³² *Б. Козьмин*. Л. Каравелов и Св. Маркович..., стр. 145—151.

³³ *Г. Бакалов*. Христо Ботев. София, 1934; *он же*. Васил Левски. София, 1934.

теве и Л. Каравелове М. Димитрова³⁴ и других исследователей³⁵ была постепенно пересмотрена эта точка зрения.

Авторы этих работ показали, что ни Бакунин, ни Нечаев не имели никакого отношения к созданию и деятельности первого БРЦК. Взаимосвязи же болгарских и русских революционеров заключались в том, что болгарские революционные эмигранты в Румынии помогали русским революционерам, включая и С. Г. Нечаева, переходить границу и перебрасывать революционную эмигрантскую литературу в Россию.

Последние годы наиболее плодотворно работает в этой области молодой советский историк К. А. Поглубко. В кандидатской диссертации³⁶ и опубликованных статьях, написанных на основе тщательного изучения обширного круга всевозможных источников, он внес полную ясность в вопрос о взаимоотношениях Бакунина и Нечаева с Хр. Ботевым и другими болгарскими эмигрантами в 1869—1872 гг.³⁷ Он сумел также впервые показать характер идейных и практических революционных связей Хр. Ботева с Н. Ф. Мелединым и другими русскими революционерами, которые не были последователями Бакунина и Нечаева³⁸.

Таковы важнейшие проблемы из истории русско-болгарских революционных связей в период деятельности первого БРЦК, которые наиболее полно освещены в исторической литературе.

³⁴ М. Димитров. Христо Ботев. София, 1946, стр. 48—90; 193—205; *он же*. Христо Ботев. Биография. София, 1948, стр. 59—71, 80—85, 121—122.

³⁵ Н. С. Державин. Христо Ботев. Поэт-революционер. М.—Л., стр. 31, 74; М. Арнаудов. Л. Каравелов..., стр. 317—327; Л. С. Ерихонов. Хр. Ботев в руската критика..., стр. 107.

³⁶ К. А. Поглубко. Болгаро-русские революционные связи в 60—70-х годах XIX в. Кишинев, 1969, 489 + XXXIX стр.

³⁷ К. А. Поглубко. Из истории русско-болгарских революционных связей, стр. 20—30; *он же*. О связи болгарских и русских эмигрантов..., стр. 3—19.

³⁸ К. А. Поглубко. Некоторые новые материалы..., стр. 36—51; *он же*. Страницы революционного содружества..., стр. 184—233.

О СТАНОВЛЕНИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ

В. ПЕЛАГИЧА

(Васо Пелагич в Цюрихе)

Д. Ф. Поплыко

В начале 70-х годов XIX в. в мировоззрении В. Пелагича совершался переход к революционному демократизму. Способствовали этому складывание революционной ситуации в Боснии и Герцеговине, общественно-политическая борьба в Сербии и влияние первых сербских социалистов во главе со Светозаром Марковичем, революционный демократизм которого оказался слитым с социализмом. Пелагич не был тогда социалистом, но начал проявлять все более возрастающий интерес к этому течению, приведший его в 1873 г. к поездке в Цюрих для основательного изучения теории социалистического движения¹.

Пелагич пробыл в Швейцарии шесть месяцев — вторую половину 1873 г. К сожалению, до сих пор никому из исследователей не удалось обнаружить, с кем он общался в Цюрихе и что читал. Имея в виду важность этого полугодия для дальнейшего идейного развития Пелагича, а также то, что оно до сих пор остается в науке белым пятном, представляется правомерным предпринять попытку восстановить опосредованным путем ту обстановку, в которой Пелагич прожил полгода, и проследить возможное влияние на него общественно-политической жизни Цюриха.

В начале 70-х годов XIX в. Цюрих стал крупным центром эмиграции, прежде всего русской эмиграции². Основную массу русского населения составляла молодежь, привлекаемая двумя высшими учебными заведениями города — университетом и политехникумом, которые имели европейскую известность и не ограничивали в приеме женщин. К маю 1873 г. в их стенах было 182 русских студента, в том числе 104 женщины. В университете к лету 1873 г. русские составляли почти 1/3 всего студенчества. Вся русская колония в 1873 г. насчитывала до 300 человек. На улицах постоянно была слышна русская речь. Все это давало основание начало 70-х годов считать периодом «рус-

¹ См.: *Д. Ф. Поплыко*. В. Пелагич на подступах к социализму (в печати).

² Данные о Цюрихе тех лет взяты из статей: *А. Я. Киперман*. Русская эмигрантская колония в Цюрихе и ее связи с Россией в начале 70-х годов XIX в. «Уч. зап. Шуйского пед. ин-та», 1963, т. 10, стр. 215—240; *И. С. Книжник-Ветров*. К вопросу о связях Русской секции в России. «История СССР», 1964, № 4, стр. 91—97; *К. Л. Селезнев*. I Интернационал и революционное движение в России в XIX в. Там же, стр. 3—28; *Г. С. Жуйков*. Новое о деятельности русской секции I Интернационала. Там же, стр. 84—87.

ского Цюриха», а русской молодежи видеть в нем «вторую Россию»³.

Приезжавшие учиться в большинстве своем находились на легальном положении, имели право вернуться на родину. Однако почти все они не были людьми от одной науки. В Цюрих ехала передовая молодежь, которая в России испытала влияние идей Н. Г. Чернышевского и Д. И. Писарева. Основная цель этой молодежи состояла в получении знаний не ради самих знаний, а в качестве подготовки для служения народу. В Цюрихе в то время учились и жили многие видные деятели революционной России: В. Фигнер, В. Дебогорий-Мокриевич, Л. Дейч, Л. Гольденберг, Н. Кулябко-Корецкий, Е. Субботина, С. Бардина и др.

Наличие большой массы молодежи привлекало в Цюрих политических эмигрантов, поскольку создавало им возможность вести агитацию за свои идеи и влиять на молодежь. В то время в Цюрихе жили такие крупные деятели русского революционного движения, как П. Л. Лавров, М. Сажин, В. Смирнов, З. Ралли и др. Цюрих считали своим долгом посетить не только приезжавшие за границу деятели народнических кружков из России (такие, как С. Ковалик, Г. Лопатин, П. Кропоткин), но и многие прогрессивные русские интеллигенты, либеральные литераторы, профессора и публицисты.

Русская эмиграция жила напряженной общественной жизнью. Она участвовала во всех политических событиях европейского масштаба и создала ряд своих организаций, которые активно функционировали.

В 1873 г. здесь продолжало ощущаться влияние Парижской Коммуны, так как в Цюрихе оказались ее участники — М. Сажин, П. Лавров, бежавшие французские коммунары. Созданная в 1869—1870 гг. в Женеве учениками Н. Г. Чернышевского и сторонниками учения К. Маркса Русская секция Интернационала (Н. И. Усов, А. Д. Трусов, Е. Л. Дмитриева, Е. Г. Бартенева, А. В. Корвин-Круковская) пытались завербовать сторонников в Цюрихе, но успеха не имела. Утина поддерживала одна П. Яковлева, и несколько русских студентов (Д. И. Рихтер, Н. В. Васильев, Г. Акимов) участвовали в борьбе марксистской секции Интернационала (из швейцарских рабочих в Цюрихе) против бакунистов.

Потерпев полное поражение в борьбе против Генерального совета Интернационала, руководимого К. Марксом, М. А. Бакунин именно Цюрих избрал местом для своей дальнейшей деятельности (жил в Локарно, но часто наезжал в Цюрих). Учитывая слабые позиции здесь первых русских последователей Маркса, с одной стороны, и наличие, помимо русских, большого числа политических эмигрантов других славянских народов (поляков, сербов, хорватов и частично болгар и чехов) — с другой, баку-

³ См.: А. Я. Киперман. Указ. соч., стр. 217—218.

нисты создавали одну за другой организации, противостоящие Русской секции. Летом 1872 г. из сербов и болгар была создана ими организация «Славянский завес», одним из учредителей и секретарем которой был З. Ралли. Организация оказалась нежизнеспособной. Однако Бакунин настойчиво требовал ее сохранения, сам написал для нее анархистскую программу. Об обстоятельствах ее создания он писал в Цюрих одному из своих учеников (17 декабря 1872 г.): «Нельзя не воспользоваться тем материалом, который собрался под рукой в Цюрихе, а потом, разве лучше было бы, если бы все эти сербы пошли за Светозаром Марковичем»⁴. Св. Маркович пользовался большим влиянием среди югославянской молодежи, он был известен Бакунину как опасный его противник⁵. М. Бакунин пользовался большим авторитетом среди части русской и славянской молодежи. В Цюрихе его сторонники не составляли большинства, но все-таки представляли собой очень активную группу во главе с М. Сажиным. Согласно новейшим данным, деятельность Славянской секции М. Бакунина, так же как и Русской секции, не окончилась в 1872 г., как считалось до сих пор, а продолжалась в 1873 г. и позднее.

Второй крупной политической фигурой, оказывавшей громадное влияние на цюрихскую молодежь, был П. Л. Лавров, особенно после того, как в ноябре 1872 г. он поселился в Цюрихе, стал издавать журнал «Вперед» и выступать с публичными лекциями. Среди его активных сторонников можно назвать С. Подолинского, В. Смирнова, Р. Идельсон, Л. Гольденберга, С. Чудновского. Под большим его влиянием оказалась группа русских студентов, известная под именем «фричей» (В. Фигнер, С. Бардина, В. Александрова, Д. Аптекман, Б. Каминская и др.). К 1873 г. лавристы установили связи с сербами (П. Тодоровичем, М. Андреевичем, М. Родовановичем, П. Велемировичем, А. Нинкович)⁶.

Между бакунистами и лавристами развернулась ожесточенная борьба. Незадолго до приезда Пелагича в результате известной «библиотечной истории» 2 февраля 1873 г. — высшей точки этой борьбы — произошел раскол. Бакунистов оказалось 19, лавристов — 96⁷. Таким образом, в то время, когда Пелагич находился в Цюрихе, наиболее сильным в среде эмигрантов было лавристское течение, на втором месте стояло бакунистское, совсем слабым было марксистское. Кроме этих основных партийных группировок, существовало еще несколько мелких кружков и групп и менее влиятельных направлений.

⁴ Цит. по: А. Я. Киперман. Указ. соч., стр. 221—222.

⁵ См.: В. Г. Карасев [Вводная статья]. В кн.: «Светозар Маркович». Избранные сочинения. М., 1956, стр. 19—20, 28—29, 31.

⁶ См.: Е. К. Жигунов. К истории русско-сербских революционных связей 70—80-х годов XIX в. «Советское славяноведение». Минск, 1969, стр. 332—333.

⁷ См.: А. Я. Киперман. Указ. соч., стр. 227—228.

Однако, несмотря на острую борьбу между сторонниками разных группировок, политическая обстановка в Цюрихе характеризовалась неоформленностью, аморфностью, отсутствием твердо очерченных рамок кружков и группировок. Это показательно для руководящих деятелей и в еще большей степени для студенческой массы, которая посещала все и всяческие собрания.

Таковы были те люди, среди которых жил Пелагич в Цюрихе и с которыми он мог общаться. Для определения возможного идейного влияния на него необходимо рассмотреть идейное содержание политической борьбы данного периода. В связи с темой статьи важно подчеркнуть, что все названные направления были социалистическими, но социализм каждое из них толковало по-своему, соответственно своей классовой сущности. Водораздел проходил между марксистской, пролетарской идеологией и идеологией непролетарской в различных ее видах. Марксистские идеи шли через основные документы Интернационала и труды К. Маркса, Ф. Энгельса и их соратников. Пропагандой марксизма и деятельностью Интернационала занимались Русская секция в Женеве и П. Л. Лавров.

Русская секция имела свою типографию, издания ее поступали и в Цюрих. В 1871 г. ею был издан «Учредительный манифест товарищества», в 1873 г.— «Гражданская война во Франции», один из важнейших документов Интернационала. Большую роль в пропаганде идей Интернационала сыграла издательская деятельность П. Лаврова. Приступая к изданию журнала «Вперед», Лавров писал о том, что принимает «цель Интернационала и его общественный идеал»⁸. На страницах «Вперед» был опубликован ряд документов Международного товарищества рабочих, в том числе часть доклада Генерального совета Гаагскому конгрессу и резолюции этого конгресса, велась «Летопись рабочего движения», была напечатана Эйзенахская программа германской партии. Многочисленные документы вошли в составленный Лавровым «Очерк развития Международной ассоциации рабочих», в котором он объявлял Интернационал «важнейшим фактом настоящего столетия»⁹.

Помимо пропаганды идей Интернационала, русские публицисты в своих изданиях пытались применить учение о социализме к российским условиям. Русская секция издавала «Народное дело» (1868—1870) и брошюры, составлявшие «Библиотеку Народного дела». Журнал ставил своей задачей пробудить народ от спячки, расчистить путь для народного самообразования, вести пропаганду среди рабочих, способствовать организации среди них кружков. Он выступил против основных идей бакунистов: спасительной миссии новой пугачевщины, против их идеализации рус-

⁸ Цит. по: К. Л. Селезнев. Указ. соч., стр. 13.

⁹ Там же, стр. 15—16.

ского народа, против их лозунга немедленной подготовки восстания.

Усиление анархистского направления в русском революционном движении привело к созданию в 1873 г. в Цюрихе бакунистской типографии. В ней были изданы (и широко распространены) книги М. Бакунина «Историческое развитие Интернационала» (рисовавшая путь Интернационала в совершенно искаженном виде) и «Государственность и анархия».

П. Лавров, начиная с «исторических писем», проповедовал идею долга перед народом, звал к движению «в народ». Его призывы к вооружению знаниями для будущего революционного служения народу более всего отвечали настроениям революционной молодежи. Отсюда и наибольшая популярность лавристов среди учащихся. Правда, к концу 1873 г. усилилось стремление молодежи к практическим делам, и она, несмотря на личные симпатии к Лаврову, уже не одобряла его призывов к тщательной научной подготовке революционеров и терпеливой мирной пропаганде. С появлением в декабре 1873 г. в Цюрихе П. Н. Ткачева начались расхождения в среде лавристов. Назревали разногласия и в среде бакунистов, вылившиеся к весне 1874 г. в раскол.

Идейные споры велись на лекциях, в кружках, при обсуждении рефератов. Темами споров были: оценка революций и крупных народных движений, особый интерес привлекали движения С. Разина и Е. Пугачева; судьбы цивилизации и культуры после социальной революции и др.

Таков был идейный багаж «русского Цюриха», овеянный в литературе, с которой мог познакомиться Пелагич, в спорах и лекциях, которые он мог слышать.

По классовой сущности идеология русской эмиграции была непролетарской. Господствующими являлись народнические взгляды. Даже членам Русской секции, ближе всех подошедшим к марксизму, по ряду вопросов высказывавшим материалистические положения (о решающей роли народных масс в истории, о великом значении классовой борьбы и социальной революции, о патриотизме и пролетарском интернационализме) не удалось постичь суть научного социализма. К. Маркс и руководители Интернационала критиковали группу Утина за роль, которую он отводил русской общине при переходе к социализму. Причина господства народнических взглядов в цюрихской эмиграции лежала в отсталости общественно-экономических отношений в России. Эмигранты выросли в русской среде, возвращались в мелкобуржуазной среде в эмиграции. Даже В. Г. Плеханов не мог еще отделить тогда солидарность рабочего сословия от солидарности интересов трудящихся мира вообще¹⁰. Такова была эпоха. Для России переход к пролетарскому социализму начался с 1881 г., для южных славян — еще позднее.

¹⁰ См.: К. Л. Селезнев. Указ. соч., стр. 19.

Современным югославским историком Р. Бесаровичем был совершенно верно поставлен вопрос о том, какую литературу Пелагич относил к социалистической. Рассмотрев общественно-политическую борьбу в Цюрихе в начале 70-х годов, можно ответить на этот вопрос. Вероятнее всего, это была русская народническая литература. Ближе всех Пелагичу были взгляды лавристовского направления.

Но неверно было бы заключить, что марксизм не оказал никакого влияния на революционно-демократическую славянскую эмиграцию. Знакомство с научными трудами К. Маркса и Ф. Энгельса, с их революционной деятельностью, личное общение с ними некоторых народников (П. Лаврова, В. Смирнова) произвели большое впечатление и на русских, и на югославянских деятелей. Цюрихская эмиграция воспринимала, хотя и по-своему, новые формы борьбы и передовые революционные теории. Часть революционеров вступила в ряды Интернационала (Бакунин, Сажин, Лавров, Кропоткин), хотя большинство русских эмигрантов примкнуло не к пролетарскому ядру, а к мелкобуржуазной фракции Интернационала. Но и те, которые остались вне его, не могли не пересматривать свои прежние позиции. Их взгляды становились синтезом вывезенных из России воззрений и новых европейских идей.

Имея несколько русских типографий и богатые библиотеки со специально подобранным книжным фондом, Цюрих сыграл большую роль в формировании революционного и социалистического мировоззрения эмигрантов. Одна «Русская библиотека» в ноябре 1872 г. имела 1382 названия, всего 2009 томов, располагала богатым газетным отделом из основных русских газет, немецких, французских, швейцарских рабочих изданий, в том числе из газет Парижской Коммуны¹¹. Об огромном воздействии Цюриха той поры свидетельствуют многие русские революционеры. Так, Кулябко-Корецкий писал, что в Цюрихе он «впервые познакомился с сочинениями социалистов-утопистов, Маркса, Энгельса, Лассаля и стал убежденным социалистом»¹². Многие даже ненадолго приезжавшие из России использовали пребывание в Цюрихе для пополнения своих теоретических знаний. А. С. Бутурлин писал, что в один из приездов «принялся за чтение Маркса, на этот раз в русском переводе». «Я читал целые дни и ночи напролет, — писал П. А. Кропоткин, — и вынесенное мною впечатление было так глубоко, что никогда ничем не изгладится»¹³. Можно себе представить, какое большое впечатление произвел Цюрих на Пелагича.

Пелагич приехал в Цюрих в период расцвета общественно-политической жизни его эмиграции. В этом смысле он находил-

¹¹ См.: А. Я. Киперман. Указ. соч., стр. 228.

¹² Там же, стр. 226—227.

¹³ Цит. по: А. Я. Киперман. Указ. соч., стр. 230.

ся в более выгодном положении, чем бывшие здесь до него сербские революционеры. Но, с другой стороны, он присутствовал при конце «русского Цюриха»: за июнь — сентябрь 1873 г. колония постепенно опустела, так как царское правительство издало распоряжение с требованием русским студентам вернуться на родину до 1 января 1874 г. На глазах Пелагича Цюрих пустел, хотя некоторое время еще сохранял значение центра русской эмиграции.

Последствия пребывания в Цюрихе не замедлили сказаться на развитии взглядов Пелагича. К сожалению, приходится оперировать крайне скудными сведениями. Уже письмо из Цюриха от 1 августа 1873 г. свидетельствует о том, что Пелагич был исполнен сил и желания действовать в новом для него направлении. «Энергии имею довольно,— писал он Угриничу,— как для умственного развития, так и для упорного труда в самом новом направлении»¹⁴. Сохранились два его письма к Угриничу из Земуна, характеризующих настроение и планы Пелагича по возвращении из Цюриха. В первом из них, от 6 октября 1874 г., он писал: «По дороге я получил достаточно данных, которые хочу использовать, насколько будет возможно, в теперешних сочинениях. Многие вещи нам будут хорошо служить против тех ворог, которые говорят, что у нас нет рабочего вопроса... В горных краях нужна газета наших принципов, и поистине нужна крайне. Здесь ужасный мрак во всех отношениях»¹⁵. Из письма видно, что Пелагич сумел ухватить суть социалистического учения нового времени — рабочий вопрос.

Второе письмо Пелагича Угриничу от 17 июля 1875 г. интересно как свидетельство его близости к социалистам. Он писал: «Мы хотим под гарантией большей свободы получить почву для лучшего и более успешного распространения наших принципов»¹⁶. Пелагич начал осознавать, что борьба за демократические права является не самоцелью, а лишь одной из предпосылок, создающей условия для социалистической пропаганды. Теперь его точка зрения совпала с позицией С. Марковича начала 70-х годов. Все приведенные письма показывают, как значительно изменились отношения Пелагича с сербскими социалистами: вместо существовавших ранее разногласий — полное единство взглядов.

Новый важный шаг в развитии мировоззрения Пелагича сказался на его работах. Первое большое произведение его после пребывания в Цюрихе названо «Путь к счастливой жизни, новая наука и новые люди, или Путешествие вдоль и поперек всей земли». «Новыми людьми» называли себя русские социалисты, под «новой наукой» они подразумевали переустройство общества на социалистических началах. Следовательно, вскоре по приезде из Цюриха, в 1874 г., Пелагич выпустил книгу, в которой впер-

¹⁴ «Васа Пелагић и Војводина». Нови-Сад, 1956, стр. 85.

¹⁵ Там же, стр. 89.

¹⁶ См.: там же, стр. 91.

вые публично объявил себя сторонником социализма. Вообще русские мотивы определенного характера с этого времени изобилуют в его работах. Он многократно упоминает о нигилистах — русских революционерах, о Пугачеве и Разине; у него появляются писаревская идея отрицания бесполезных наук, русские революционные стихи, написанные по-русски сербскими буквами, ссылки на политическую литературу в русском переводе; он цитирует книгу В. Флеровского «Азбука социальных наук», пишет о деспотизме царизма, русской каторге — Сибири, где томится и отсюда бегут за границу «лучшие граждане и гражданки императорско-деспотической России», говорит о русской общине, селе, слободе¹⁷. Все это свидетельствует о большом идейном воздействии на Пелагича русской революционной мысли.

В 1874 г. наблюдается изменение и в оценке Пелагича официальными должностными лицами. Из официальных донесений этого года явствует, что Пелагич пишет и печатает многочисленные брошюры «революционного и коммунистического содержания», призывает к революции, говорит о необходимости уничтожения монархии, в том числе в Сербии, выдвигает идеи о равной оплате труда министра и рабочего или ремесленника. Пештские газеты писали, что Пелагич «проповедует революцию и исповедует социализм и коммунизм»¹⁸. Новым в характеристике Пелагича со стороны властей является определение его как пропагандиста социалистического учения. Они и прежде называли Пелагича «социалистом», «революционером», но тогда это определение было фигуральным, оно означало «бунтарь против власти». Теперь оно получило соответствующее конкретное содержание. В работах Пелагича появилась одна из главных идей социалистов — идея равенства. Кроме того, до сих пор работы Пелагича не были запрещены цензурой, теперь же, с 1874 г., они запрещаются в Сербии наряду с книгами С. Марковича, за чтение их полагается тюрьма¹⁹.

Именно с этого времени, с 1874 г., можно считать Пелагича социалистом, поскольку именно тогда, а не ранее, он объявил себя сторонником социалистического учения и начал проповедь в своих работах такого строя, который считал социалистическим. Таким образом, пребывание в Цюрихе имело для Пелагича большое значение, составило этап в его биографии. Он не только значительно расширил свой кругозор, но и стал социалистом²⁰. С этого времени можно анализировать характер социалистических взглядов Пелагича.

¹⁷ См.: *В. Пелагич*. Путовање унакрст око цијеле земље. Биоград, 1874, стр. 129-157 (цит. по изд. 1880 г.).

¹⁸ См.: «Застава», 30.XII 1874 (11.I 1875), стр. 4; 5/17.II 1875, стр. 3.

¹⁹ См.: Там же, 5/17.II 1875, стр. 3.

²⁰ Некоторые югославские историки значительно преувеличивают уровень развития социалистических взглядов Пелагича этого времени. См.: *К. Милутиновић*. Васо Пелагич и Босанско-Херцеговачки уставак. Сарајево, 1953, стр. 30.

А. Н. ЦЕРЕТЕЛЕВ

(1848—1883 гг.)

И. В. Козьменко

Среди русских дипломатов, находившихся в Болгарии в период ее освобождения от турецкого господства, Алексей Николаевич Церетелев — личность весьма примечательная.

Юрист, филолог, писатель, дипломат, волонтер в период русско-турецкой войны, составитель первоначальных проектов государственного устройства Болгарии, он многое успел менее чем за десять лет своей дипломатической службы, вступив в нее 25 лет от роду.

Сведения о его жизни крайне скудны, и пока мы попытаемся дать краткий очерк его деятельности на основе сохранившихся документов.

Родился он в 1848 г. Первоначальное образование получил в Лозанне. В 1865 г. поступил на юридический факультет Московского университета. Еще студентом изучал славянские языки и по окончании университета (предположительно в 1870 г.) совершил первое путешествие по славянским странам. Видимо, в начале 70-х годов он поступает на службу в министерство иностранных дел, в азиатский департамент. Некоторое время он был секретарем русского генерального консульства в Белграде¹. Во время пребывания в Сербии изучал страну, ее быт, обычаи, фольклор. Отражением этого его увлечения стал колоритный очерк о праздновании сочельника и рождества в Сербии, хотя уже здесь сделана попытка некоторых социальных обобщений о судьбе сербского крестьянина, угнетаемого ростовщиками, а также сравнение обычаев Сербии с обычаями Боснии и Герцеговины. Статья Церетелева, затерявшаяся на страницах «Русского вестника», — интереснейший материал для современных этнографов².

В 1875 г. он стал вторым секретарем русского посольства в Константинополе. В мае 1876 г. он был направлен в Адрианополь в качестве управляющего консульством. Там его застали трагические события подавления Апрельского восстания болгарского народа. В конце мая — июне 1876 г. он объездил места восстания и наблюдал страшные картины резни, учиненной отрядами башибузуков, посланных на усмирение турецкими властями.

¹ См.: «Русский биографический словарь». Под ред. Голубовского. СПб., 1901, стр. 481; «Исторический вестник», 1883, октябрь (некролог).

² А. Н. Церетелев. Бадний день и Божич в Сербии. «Русский вестник», август 1875, стр. 770—801.

Горечью и состраданием к болгарам проникнуты донесения Церетелева Н. П. Игнатьеву. Он писал о том, что «положение христианского населения Болгарии невыносимо»³, сообщал об истреблении тысяч болгар всех возрастов и пола, о грабежах, пожарах, разоблачал стремление османского правительства замаскировать истинное положение вещей. Его доклады — не сухие донесения, а страшная картина, написанная талантливо и ярко. Он считал, что судьба болгар «заслуживает, кажется, внимания и интереса великих держав»⁴.

А. Н. Церетелев просил Московский славянский комитет «обратить внимание нашей общественности на болгар. Им некуда бежать... и дети и женщины, скитаясь по полям и загнанные в города, положительно мрут с голода. Сотни детей остались сиротами... Пока им надо дать хоть кусок хлеба»⁵.

Под давлением общественного мнения правительства Европы вынуждены были создать комиссию для рассмотрения зверств османских властей. В ее составе были второй секретарь английского посольства Уолтер Беринг, генеральный консул США в Константинополе Юджин Скайлер, прогрессивные журналисты Мак-Гахан из США и Карл Шнейдер из Германии. Но самое активное участие в этом расследовании принял А. Н. Церетелев. Учитывая, что в английской прессе распространялось много лживых сведений о событиях в Болгарии, об Апрельском восстании как деле рук «русских подстрекателей», Церетелеву очень важно было действовать в контакте с иностранными представителями. У него завязались тесные связи с Юджином Скайлером, Мак-Гаханом и Карлом Шнейдером. Они вместе объехали Болгарию, составили правдивые (в противоположность англичанам) отчеты о виденном. Мак-Гахан и К. Шнейдер собранные факты сообщали в свои газеты, а Церетелев и Скайлер составили полный доклад о совершенных турецкими карателями зверствах. Во время поездки они информировали свои правительства. Вот одна из телеграмм Церетелева в русское посольство в Константинополе: «Американцы [Скайлер и Мак-Гахан] и немецкий корреспондент [Шнейдер] в негодовании. Насчитали в Батаке свыше трех тысяч трупов, сотни детских голов. Триста девушек сожжено, больше похищено. Насилия продолжают и везде угрозы нового полного избиения»⁶. Он составил список городов и селений, полностью или частично сожженных карателями в Филиппопольском санджаке, Копривштице, Хасково и других местностях⁷.

³ «Априльско въстание 1876 г.», т. I. София, 1954, № 388, стр. 404—405.

⁴ «Освобождение Болгарии от турецкого ига», т. I. М., 1961, № 114, стр. 233.

⁵ Там же, № 116, стр. 236.

⁶ «Априльско въстание 1876 г.», № 150, стр. 527—528; см. также № 451.

⁷ Там же, № 454—456, стр. 532—538.

В августе 1876 г. в «Правительственном вестнике» были опубликованы данные, столь тщательно собранные А. Н. Церетелевым⁸.

Летом 1876 г. в Филиппополе по инициативе Церетелева возникло «Международное общество пособия болгарам» (Association Internationale de secours aux Bulgares). Председателем общества стал итальянский консул в Филиппополе Д'Истрия. Здесь снова сказались умение Церетелева объединять людей различных национальностей и мировоззрений и привлекать их к сотрудничеству с русскими. Воззвания общества были напечатаны в ряде русских газет. В письме в редакцию газеты «Новое время» Церетелев, говоря о деятельности этого общества, выступал против ультраславянофильской позиции председателя Московского славянского комитета И. С. Аксакова, который отказался от сотрудничества с представителями Западной Европы, мотивируя это тем, что западные державы не сочувствуют страданиям болгар и других славян. Церетелев был против такого сепаратизма. «Зачем, отделяя наши пожертвования, давать иностранцам предлог обвинять нас, что к благотворительности мы пришеиваем посторонние соображения: для успеха столь трудного дела необходимо, чтобы оно было просто *добрым* делом»¹⁰.

С лета 1876 г. Церетелев становится еще и управляющим русским консульством в Филиппополе.

В октябре 1876 г., накануне созыва Константинопольской конференции по Восточному вопросу по указанию Н. П. Игнатьева А. Н. Церетелев вместе с Юджином Скайлером набросал проект автономного управления Болгарии. При составлении этого проекта сказался опыт Церетелева как юриста, его знание местных условий и знакомство с проектами самих болгар. Церетелев и Скайлер предусматривали автономию для *всей* Болгарии. Во главе ее должен был стать генерал-губернатор из христиан, знающий болгарский язык. Приходилось в тех условиях делать уступку и оговаривать его назначение Портой, но совместно с державами-гарантами. Широкое самоуправление давалось кантонам (мудирлика́м). Получалась децентрализация, но при суверенитете султана это было выгоднее для болгар. Предусматривалось и избранное по кантонам общее Провинциальное собрание. Оно должно было заниматься выработкой внутренних постановлений и определять формы взимания налогов в пользу Порты. По проекту турецкие войска могли располагаться лишь в крепостях и некоторых городах, но не по всей Болгарии. Для поддержания порядка должна была быть создана национальная гвардия. Специальные разделы были посвящены организации правосудия, культам и образованию.

⁸ «Правительственный вестник», 1876, № 175, № 182.

⁹ Курсив автора.

¹⁰ «Новое время», 22.X 1876.

Конечно, это был схематичный проект, автономия была крайне ограничена, но в тех условиях, при враждебности Турции и Англии вообще какой-либо автономии Болгарии, это могло стать шагом вперед, тем более что проект предусматривал *единство* Болгарии. На Константинопольскую конференцию он был представлен как проект-максимум. Отвергнутый западными делегатами, он все же в какой-то мере предвосхищал главное — образование единого национального болгарского государства¹¹.

Когда началась русско-турецкая война, А. Н. Церетелев добровольно ушел в армию. Дипломат стал воином. Он служил сначала во 2-м драгунском полку Кубанского казачьего войска, был участником переправы русских через Дунай, взятия Зимницы, триумфального вступления русских в древнюю болгарскую столицу Тырново, когда, по его словам, «цветы летали градом над русскими воинами». В июле 1877 г., когда генерал Гурко решил штурмовать перевал Хаин-Боаз, необходимо было удостовериться в проходимости ущелья. «Мы не знали наверное, что оно не занято и проходимо для артиллерии». И Церетелев вызвался быть разведчиком. Переодевшись болгаринном, на жалкой клячонке он поехал в направлении турецкого фронта. С ним был только револьвер («живым бы меня не взяли») и бинокль. Он блестяще выполнил разведку, пройдя все три ущелья. Гурко при всех объявил ему за это благодарность, отметив, что именно Церетелеву «обязаны» этим путем.

В конце июля 1877 г. Церетелев переехал в штаб армии. Его недолгое пребывание в армии нашло отражение в его «Письмах о походе. Румыния — Тырново — Первый забалканский поход», опубликованных в 1878 г. в «Русском вестнике». Это яркое, восторженное, романтическое повествование.

В 1878 г. он уже снова на дипломатической работе. Он принимал участие в мирных переговорах Н. П. Игнатьева с турками в Сан-Стефано.

26 августа 1878 г. Церетелев был назначен генеральным консулом России в Филиппополе.

Инструкция МИД от 26 августа 1878 г. ставила перед Церетелевым очень сложные задачи: несмотря на то, что произведенное разделение в Берлине создало «ненормальное положение вещей», русский консул должен был «употреблять все старания» к поддержанию связей «между обеими половинами Болгарии и к противодействию всем влияниям, направленным к разъединению их». Англичане и турки стремились создать искусственное столкновение между болгарским и греческим населением и надеялись, что греки помогут в разделе Болгарии. Церетелеву предписывалось: «Противодействуя такому влиянию и не допуская порабощения болгарского элемента греческим, вы тем не менее

¹¹ «Освобождение Болгария от турецкого ига», т. I, № 344, стр. 487—491 и прим. на стр. 502.

будете стараться сближать обе враждующие христианские национальности», используя их обоюдное стремление «к окончательному уничтожению господства мусульман».

Церетелев должен был следить за всеми действиями турок на Балканах, а также поддерживать постоянную связь с русским дипломатическим агентом в Северной Болгарии А. П. Давыдовым ¹².

В конце августа 1878 г. Церетелев получил и второе, еще более ответственное назначение. Согласно статьям XVIII и XIX Берлинского трактата, была создана Европейская комиссия по организации Восточной Румелии, которой поручалось в трехмесячный срок разработать административное устройство Восточной Румелии и заведывание финансами области до окончательного ее устройства. Вначале русским представителем в комиссию был назначен генерал-майор А. А. Шепелев, участник войны, филиппопольский губернатор в период войны и до августа 1878 г., хорошо знавший обстановку в Южной Болгарии. МИД выдвинуло в комиссию А. Н. Церетелева, указывая на «его превосходное знание обстановки, в которой ему предстоит действовать» ¹³. Церетелеву, с одной стороны, нужно было внешне демонстрировать полное подчинение постановлениям Берлинского конгресса, поскольку русское правительство заявило, что оно намерено твердо их выполнять ¹⁴, а с другой стороны — следовать секретным инструкциям о том, чтобы сблизить государственные учреждения Северной и Южной Болгарии, добиться максимума автономии для последней, иметь в виду, что «конечной целью нашей (т. е. русского правительства) политики является объединение этой провинции с Българским княжеством» ¹⁵.

Протоколы комиссии свидетельствуют о том, что именно на Церетелева пала главная тяжесть борьбы против западных делегатов за права населения Южной Болгарии, а также борьба против попыток английского и австро-венгерского делегатов ¹⁶ опорочить русскую администрацию и поставить на ее место Европейскую комиссию.

Деятельность Церетелева в Европейской комиссии по выработке Органического устава для Восточной Румелии получила освещение в работах П. Матвеева, Н. Р. Овсяного ¹⁷, в трудах болгарских историков-марксистов Г. Тодорова, М. Стоянова, буржуазного историка М. Маджарова ¹⁸.

¹² «Освобождение Болгарии от турецкого ига», т. III. М., 1967, № 115, стр. 207—208 и прим. к нему.

¹³ Там же, № 124, стр. 214—216.

¹⁴ Там же, № 157, стр. 254; «Правительственный вестник», 27.VII 1878.

¹⁵ «Освобождение Болгарии», т. III, № 124, стр. 214 (курсив наш).

¹⁶ Вольфа и Б. Калдая.

¹⁷ П. Матвеев. Болгария после Берлинского конгресса. СПб., 1887; он же. Органический статут Восточной Румелии. М., 1884; Н. Р. Овсяный. Русское управление в Болгарии в 1877—78—79 гг., т. III. СПб., 1907.

¹⁸ Г. Тодоров. Временное русско управление в България през 1877—1879. София, 1958; М. Стоянов. Изработване на Органически устав на Из-

Поэтому в данном кратком очерке мы коснемся лишь тех сторон деятельности Церетелева как русского представителя комиссии и консула, которые не получили освещения в литературе.

А. Н. Церетелев считал, что русская делегация должна так истолковать нарочито неясные статьи XVIII и XIX Берлинского трактата о компетенции комиссии, чтобы они не затронули прав русской администрации. «Кажется, что роль критика и судьи будет в общем наиболее выгодна для нас при работах комиссии»¹⁹. Он полагал, что русской делегации не следует принимать участия в разработке Органического устава, а нужно ограничиться лишь оценкой проекта и его сближением с конституцией для Северного княжества²⁰. Далее он писал, что на Константинопольской конференции 1876 г. русская сторона шла на уступки ради мирного исхода восточного кризиса. «Сейчас роли переменялись. Мы не будем делать уступок»²¹. И Церетелев твердо проводил этот принцип тактической твердости. Это с особой силой проявилось тогда, когда он предупреждал западных делегатов, что русская сторона не допустит никакого компромисса по вопросу о замене русской администрации до истечения срока оккупации и готова даже «расколоть комиссию» по этому вопросу, т. е. выйти из ее состава. Это означало бы прекращение работ комиссии²². Не раз он сетовал на задержку с выработкой устава, указывая, что это происходит не только из-за того, что занимаются преимущественно финансовым вопросом, но и потому, что у делегатов нет специальных знаний о стране, любят поговорить «для протокола». Он считал, что лишь твердость русской делегации приведет к активизации работ комиссии²³.

Он радовался тому, что западные делегаты, прибыв в Филиппополь²⁴, на деле убедились, что реставрация турецких порядков невозможна и что необходимо согласовываться с пожеланиями болгар. «Все начинают понимать, что не «знаменитые русские интриги», а подлинный голос всего населения — причина оппозиции, встречаемой комиссией»²⁵.

Церетелеву удалось разбить единый антирусский фронт и постепенно привлечь на свою сторону французского делегата барона Ринга и итальянца Вернони. Ринг поддержал русских по вопросу о необходимости принятия петиции болгар, о болгарском языке как одном из трех официальных языков (наряду с турецким и греческим), о единогласном принятии решений, касающихся

точна Румелия. «Исторически преглед», 1955, № 2, стр. 58—87; М. Маджаров. Източна Румелия. София, 1925.

¹⁹ АВПР, ф. Главный архив, V-A₂, д. 992, л. 11.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же, л. 34.

²³ Там же, л. 131.

²⁴ Сначала Комиссия работала в Константинополе.

²⁵ АВПР, ф. Главный архив, V-A₂, д. 992, л. 92.

ся статута; наконец, он первым согласился с невозможностью ввода турецких гарнизонов в Южную Болгарию. Ринг не раз оказывал давление на английского делегата Д. Вольфа²⁶. Очень опасный оппонент — австро-венгерский делегат Б. Каллай — вынужден был заявить Церетелеву, что на него можно рассчитывать, если только никто не узнает, что он поддерживает русских²⁷.

Фанатически враждебный России английский делегат Д. Вольф под воздействием доводов Церетелева должен был признать, что размещение турецких гарнизонов в Южной Болгарии более невозможно, и обещал доложить об этом своему правительству²⁸.

Это было большой победой русского дипломата в сложной борьбе за отстаивание наиболее широкой автономии Южной Болгарии. 14/26 марта 1878 г. Церетелев сообщил в Константинополь: «Цель, которую я считал в начале работ наиболее важной, достигнута: установлена полная договоренность между делегатами великих держав о постановлениях статута. Шесть комиссаров приняли *все*²⁹ статьи...»; иностранные коллеги вынуждены были уступить русским по вопросу о назначаемых членах в Областное собрание, о национальности чиновников в соответствии с большинством населения и о неиспользовании болгарской милиции во время войны. Во всем этом немалую роль несомненно сыграл А. Н. Церетелев, реально учитывавший обстановку и понимавший интересы болгар³⁰.

Однако с выработкой устава и даже после его подписания членами комиссии 11 апреля и утверждения султаном 10 мая 1879 г. работа Европейской комиссии не прекратилась. Западные делегаты попытались было сыграть роль советников при назначенном Портой генерал-губернаторе Алеко Богориди, завязалась дискуссия о народной милиции. Но в конце августа 1879 г. уже фактически нечего было обсуждать, и комиссия временно прекратила свою деятельность.

Церетелеву пришлось приложить огромные усилия, чтобы местное население, деятели филиппопольского комитета «Единство» не оказывали сопротивления вступлению Богориди в должность и не устраивали демонстраций в связи с уходом русских войск в июле 1879 г.

Когда в мае 1879 г. Алеко Богориди прибыл в Филиппополь, то Церетелев постарался все сделать так, чтобы растерявшийся и напуганный движением сопротивления Богориди стал возможно более самостоятельным от Порты правителем и защитником интересов болгар. Богориди, незнакомый с обстановкой в Восточной Румелии, крайне нерешительный, нашел в Церетелеве так-

²⁶ АВПР, Главный архив, V-A₂, д. 992, л. 173.

²⁷ Там же, ф. Посольство в Константинополе, 1878 г., д. 3289.

²⁸ Там же, ф. Главный архив, V-A₂, д. 992, лл. 355—356.

²⁹ Курсив в тексте.

³⁰ «Освобождение Болгарии», т. III, № 320, стр. 505.

тичного, ценного советника. Под благотворным влиянием Церетелева Богориди сумел верно оценить обстановку и не стать турецким чиновником в Южной Болгарии. Болгарский язык стал официальным языком, было узаконено болгарское трехцветное знамя, исполнялся болгарский национальный гимн «Шуми, Марица». Церетелев сумел внушить Богориди, что не следует игнорировать чувства народа и движение сопротивления³¹.

В октябре 1879 г. были произведены выборы в Областное народное собрание.

Южная Болгария становилась все более независимой. Создавались предпосылки для ее слияния с Северной Болгарией. Немалая заслуга в этом принадлежала А. Н. Церетелеву, большую часть своей дипломатической деятельности посвятившему защите интересов болгарского народа и утверждению его независимости.

Историография социалистической Болгарии высоко оценила его деятельность в период расследования подавления Апрельского восстания и во время выработки Органического устава³².

В 1882 г. Церетелев подал в отставку по болезни и уехал в свое имение Липяги в Тамбовской губернии, где и умер 16 мая 1883 г.

ОБ АВТОРСТВЕ НЕКОТОРЫХ АНОНИМНЫХ МАТЕРИАЛОВ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПЕЧАТИ ПО СЛАВЯНСКОМУ ВОПРОСУ

(1875—1877 гг.)

В. М. Хевролина

Подъем национально-освободительной борьбы южных славян против многовекового турецкого ига во второй половине 70-х годов XIX в. вызвал пристальный интерес и сочувствие русской революционно-демократической общественности. Часть революционного народничества полагала, что движение славян будет способствовать усилению освободительной борьбы русского народа, и стремилась ближе познакомиться с характером событий, происходящих на Балканах, с положением славянского населения полуострова, деятельностью революционных организаций в Болгарии и Сербии.

³¹ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1878—1880 гг., д. 3303, л. 566.

³² *J. Mitev. L'attitude des représentants diplomatiques de la Russie et de certains autres pays occidentaux dans les Balkans envers les massacres en Bulgarie lors de la répression du soulèvement d'Avril en 1876. «Etudes historiques», t. II. Sofia, 1965, p. 225—238; М. Стоянов. Указ. соч., стр. 61, 87.*

Соответствующие материалы появились на страницах русских революционных газет и журналов, издававшихся за границей: «Вперед», «Набат», «Работник» и др. Статьи и сообщения, посвященные балканским событиям, отражали оценку их со стороны различных групп народников. Они принадлежали как членам редакций этих органов печати, так и их корреспондентам. Среди подобных материалов выделялись известные статьи редактора газеты «Вперед» П. Л. Лаврова «Исторический фатализм», «Русские перед южнославянским вопросом» и др. Однако было немало и анонимных статей, авторство которых не было установлено до сего времени. Между тем оно представляет большой интерес как с точки зрения изучения отношения различных групп революционеров к национально-освободительной борьбе южных славян, так и в плане исследования русско-славянских революционных связей.

В настоящем сообщении рассматриваются вопросы атрибуции некоторых материалов по славянскому вопросу, опубликованных за границей революционными народниками, а также связанными с ними сербскими социалистами, помещавшими свои корреспонденции в русских заграничных органах печати.

Исследователи, изучающие отношение русского революционного народничества к балканским событиям, в частности к Герцеговинскому восстанию, широко используют анонимную статью, опубликованную в газете «Работник», — «Бунт в славянских землях».

«Работник» — газета, издававшаяся в 1875—1876 гг. в Женеве группой последователей М. А. Бакунина (З. К. Ралли, А. Л. Эльсниц, В. А. Гольштейн, Н. И. Жуковский) при поддержке Всероссийской социально-революционной организации, которая переехала и распространяла тираж в России. «Работник» — одна из первых газет, рассчитанная на рабочих. Она была известна среди членов «Южно-русского рабочего союза».

В сентябрьском номере газеты за 1875 г. (№ 9) была опубликована статья «Бунт в славянских землях», которая представляла собой корреспонденцию из Валева от 14 августа 1875 г., подписанную инициалами Т. С. Здесь говорилось о начале восстания в Герцеговине и Боснии. В противоположность «Вперед», только что напечатавшему лавровскую передовую «Исторический фатализм», где отрицалась историческая прогрессивность национально-освободительного движения на Балканах и осуждалась его поддержка со стороны социалистов, автор корреспонденции «Работника» приветствовал восстание, причиной которого явилось, как он указывал, экономическое и политическое угнетение народа турецкими феодалами, выступал за широкое участие в нем социалистов, что, по его мнению, могло усилить социальную направленность движения.

Несмотря на то что автор обещал в следующих номерах газеты продолжить свой рассказ о восстании, в «Работнике» больше

не появилось никаких материалов на эту тему. В марте 1876 г. газета прекратила свое существование.

Обстоятельства появления корреспонденции интересовали исследователей. Так, издатель публикации газеты «Работник», осуществленной в 1923 г., комментируя корреспонденцию, предполагал, что она написана С. М. Кравчинским, который, как известно, принимал участие в Герцеговинском восстании и в это время был в Герцеговине¹. Итальянский исследователь русского народничества Ф. Вентури указывает на авторство З. К. Ралли, одного из редакторов «Работника»².

Однако только исследование архива З. К. Ралли позволило пролить свет на этот вопрос. Нами уже указывалось, что корреспонденция «Бунт в славянских землях» была связана с планом организации социального переворота в восставших областях Европейской Турции³. В августе 1875 г. член группы «Работника» В. А. Гольштейн выехал из Женевы в Сербию. Эта поездка была вызвана как стремлением упрочить свое материальное положение (Гольштейну через Н. Далматова было предложено в Валева место врача⁴), так и желанием ближе познакомиться с положением в Сербии, причинами и ходом восстания в Герцеговине и Боснии.

В Валева Гольштейн возобновил связи с сербским социалистом Тасой Стояновичем, бывшим ранее членом Славянской секции Бакунина (в секцию входили также и будущие издатели «Работника»). В письмах в редакцию Гольштейн подробно рассказывает о Стояновиче, называя его «вашим корреспондентом». Это обстоятельство, а также тот факт, что корреспонденция прислана из Валева и подписана инициалами Т. С., заставляют безусловно утверждать, что ее автором был Стоянович. Анализ содержания корреспонденции показывает, что она написана в духе идей сербских социалистов, разделяющих взгляд на восстание как на народную социальную борьбу, во время которой создаются условия для осуществления социалистического переворота⁵. Сравнение ее с письмами С. М. Кравчинского того же периода из Герцеговины свидетельствует, что последний придерживался совсем иных взглядов: восстание — чисто политическое, а не социальное движение, его методы исключают возможность участия в нем русских социалистов⁶.

¹ «Газета «Работник», 1875—1876 гг.». М.—Пг., 1923, стр. 141.

² *Fr. Venturi. Il populismo russo*, v. 2. Torino, 1952, p. 911.

³ В. М. Хевролина. Революционное народничество и национально-освободительное движение на Балканах в 1875—1876 гг. «Славянское возрождение». М., 1966, стр. 70—71.

⁴ ЦГАОР СССР, ф. 7026, д. 13, л. 12.

⁵ См. также корреспонденцию «Из Сербии» («Вперед», 3/15.XI 1875).

⁶ Письмо П. Л. Лаврову («Освобождение Болгарии от турецкого ига». Документы в трех томах, т. I. М., 1961, стр. 93—94).

Как известно из последующих писем В. А. Гольштейна, им совместно со Стояновичем был разработан план «революционной попытки», который строился на привлечении на Балканы большого количества революционеров, создании своего рода «революционного легиона». Возможно, что в ходе восстания легион должен был осуществить какие-либо социальные мероприятия в духе позднейшей попытки в Беневенто в 1877 г. и этим положить начало социалистическому движению. Однако осуществить данный план не удалось⁷.

Для характеристики отношения народнических кругов к событиям на Балканах летом и осенью 1876 г. (сербско-турецкая война) и связанному с ними общественному подъему в России представляет большой интерес анонимная брошюра «Славянский вопрос», написанная осенью 1876 г. и опубликованная в Лондоне в феврале 1877 г. редакцией «Вперед». Последнее обстоятельство способствовало предположению, что автором брошюры является П. Л. Лавров⁸, тем более что некоторые положения брошюры были сходны с высказываниями статьи Лаврова «Русские перед южнославянским вопросом», посвященной тем же сюжетам.

Однако анализ содержания брошюры показывает, что она не могла принадлежать лавристским кругам. Это подчеркнул и петербургский кружок лавристов, требуя печатать ее без обозна-

⁷ См. подробнее: В. М. Хевролина. Революционное народничество..., стр. 70—71.

⁸ Это предположение было высказано в предисловии к избранным сочинениям П. Л. Лаврова (П. Л. Лавров. Избранные сочинения на социально-политические темы в 8 томах, т. I. М., 1934, стр. 8), в библиографическом указателе «Русская подпольная и зарубежная печать» (сост. М. М. Клевенский, Е. Н. Кушева и О. П. Маркова. М., 1931, вып. 1, стр. 71), а затем утвердилось в исторической литературе. Новейшие исследования, основанные на архивных материалах, позволили опровергнуть авторство Лаврова (Е. К. Жигунов. К истории русско-сербских революционных связей 70—80-х годов XIX в. (П. Л. Лавров и сербские революционеры). «Советское славяноведение». Минск, 1969). Добавим к этому еще свидетельство Н. Г. Кулябко-Корецкого, одного из сотрудников редакции «Вперед», который в письме к В. Н. Смирнову, редактору 5-го тома «Вперед», от 3 января 1877 г. указывал, что рукопись брошюры «Славянский вопрос» была получена в Лондоне 2 января от петербургского кружка лавристов с требованием бросить всю работу и немедленно печатать брошюру без обозначения, что это — издание редакции (ЦГАОР СССР, ф. 1737, д. 45, л. 3). В редакции были убеждены, что петербургские лавристы не одобряют брошюру, но, учитывая ее актуальность ввиду ожидаемой войны с Турцией, считают необходимым печатать. П. Л. Лаврову брошюра не понравилась. Он нашел ее слишком слабой и «слишком широкой». Лавров прибавил, что если бы она не издавалась в типографии «Вперед», то он раскритиковал бы ее в печати. Автор брошюры не был известен лондонцам, на этот счет строились различные догадки и предположения. Версия об авторстве Лаврова появилась тогда же в лондонских эмигрантских кругах. «Видели вчера Врублевского, — пишет В. Н. Смирнов жене 10 апреля 1877 г. — Он очень доволен «Славянским вопросом». Говорит, наверное, писал Лавров или кто-нибудь из нас. Мы развясняли, что он ошибается» (ЦГАОР СССР, ф. 1737, ф. 98, л. 22). Таким образом, авторство Лаврова отвергается совершенно.

чения редакции. Тот факт, что «Славянский вопрос» не является редакционным изданием, всячески подчеркивали также члены редакции при рассылке брошюры деятелям революционной эмиграции — Г. А. Лопатину, М. П. Драгоманову и др.: «Издание не наше, хотя напечатано у нас»⁹. И даже впоследствии Н. Г. Кулябко-Корецкий, в своих воспоминаниях поместивший список всех изданий редакции «Вперед», не указал среди них брошюры¹⁰.

Брошюра носила программный характер. Она была обращена к русской революционной общественности, к революционным кругам. Ее задача — развить на почве славянского вопроса, т. е. событий политической жизни, политическую агитацию, направленную против внешней и внутренней политики царизма, обратить внимание революционеров на необходимость использовать факты правительственной политики для возбуждения общественного недовольства, подготовки революционного взрыва. В этом свете рассматривается внешняя политика России на Балканах, которая характеризуется как отрицательная во всех отношениях. Автор выражает даже надежду, что европейские державы и без участия России смогут наилучшим образом устроить судьбу славян¹¹. Взгляд на народное движение в России, вызванное подъемом славянской борьбы, очень пессимистичен. Автор расценивает это движение как искусственно вызванное правительством с целью отвлечь общество от наболевших вопросов внутренней жизни. Он стремится доказать, что надежды прогрессивных кругов общества на какие-либо изменения в России в смысле демократизации внутреннего строя невозможны. Энергию следует направить по другому пути — разъяснить русскому народу антинародную сущность внешней и внутренней политики царизма, чтобы народ мог дать отпор правительству и правящим классам в их стремлении удовлетворить свои интересы за его счет. Народ должен выступить против готовящейся войны; русские революционеры должны постоянно своей агитационной деятельностью повышать политическое самосознание народа, вызывать вспышки народного протеста. По сути дела, это было изложение землевольческой программы применительно к славянскому вопросу.

Как известно, революционная организация «Земля и воля», созданная осенью 1876 г., указывала в своей первой программе следующие главные задачи: 1) помочь революционным элементам в народе слиться с существующими уже организациями революционного характера; 2) ослабить, расшатать, дезорганизовать силу государства на почве заострения и «обобщения народных стремлений» путем политической агитации в народе¹². Славян-

⁹ ЦГАОР СССР, ф. 1737, д. 45, л. 63.

¹⁰ Н. Г. Кулябко-Корецкий. Из давних лет. Воспоминания лавриста. М., 1931, стр. 232—233.

¹¹ «Славянский вопрос». СПб., 1876 [Лондон, 1877], стр. 40.

¹² «Революционное народничество 70-х годов XIX в.», т. 2. М., 1965, стр. 29.

ский вопрос и народное движение в России представлялись удобным моментом для проведения антиправительственной агитации. Одним из первых выступлений, где был высказан протест против политики правительства на Балканах, явилась Казанская демонстрация, организованная при участии «Земли и воли». Именно к такого рода протестам и призывал автор «Славянского вопроса». Следовательно, он был близок к землевольческим кругам, а не к лавристским, которые именно в этот период отрицали тактику активной борьбы.

Представляет интерес постановка в брошюре вопроса о политической борьбе. Как известно, она отрицалась в это время землевольцами. Однако автор «Славянского вопроса» указывает на большое значение борьбы за политические реформы как средства политического воспитания масс¹³. Необычна постановка автором вопроса и об общинном землевладении. Он полагает, что непременным условием успеха общинного землевладения является воспитание крестьянина в социалистическом духе, так как, не сознавая важности общинной обработки земли и пользования продуктами труда, крестьяне могут в случае передачи им земли просто поделить ее на передельные участки и возродить «сущность современного распорядка»¹⁴.

Мы подробно остановились на отношении автора к политической реформе и общинному землевладению, так как это может дать нам ключ к выяснению его личности. Итак, автор брошюры — лицо, близкое к землевольческим кругам. Он находится в курсе славянских и международных проблем, знаком с деятельностью сербских социалистов, упоминает имя С. Марковича. Кроме того, он обладает незаурядными литературными способностями.

Упоминание о брошюре, посвященной славянскому вопросу, мы находим в письме известного революционера Д. А. Клеменца к Ралли. Вернувшись из Черногории, куда он ездил добровольцем, Клеменц поселился в швейцарском городе Шо де Фон, где занялся литературно-публицистической деятельностью. Он пишет в одном из писем к Ралли: «Штейнберг¹⁵ пишет, что Вам не нравится конец моей брошюры о славянском вопросе. А мне она и вся не нравится. Не будет ли она брошенной и бросовым делом? Не лучше ли нам это дело оставить?»¹⁶.

К этому же времени относится план поездки Клеменца и Ралли в Румынию для проведения пропаганды в русской армии. Вероятно, сомнения Клеменца в успехе брошюры и поездки были связаны с чрезвычайной популярностью войны в России, в осо-

¹³ «Славянский вопрос», стр. 44.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Псевдоним П. Б. Аксельрода.

¹⁶ ЦГАОР СССР, ф. 7026, д. 11, л. 14. Письмо не датировано, вероятно, написано летом 1877 г.

бенности в самом ее начале, и трудностью в этих условиях проводить сколько-нибудь серьезную антивоенную пропаганду. То обстоятельство, что Клеменц говорит не о статье, а конкретно о брошюре, наталкивает на мысль, что он имел в виду готовую печатную продукцию, а именно брошюру «Славянский вопрос». Другой революционной брошюры на эту тему в этот период не было. Брошюра «Славянский вопрос», изданная в конце февраля 1877 г. в Лондоне, весной была уже известна в Женеве. Ее конец, трактующий по-иному вопрос о политической борьбе и общине, не в духе анархистских представлений, естественно, не понравился Ралли, ярому последователю бакунинского анархизма. Недовольство брошюрой самого Клеменца могло проистекать от различных причин; вероятно, в силу этой неудовлетворенности Клеменц впоследствии не упоминает о ней в своих известных воспоминаниях¹⁷.

Хотя Клеменц в 1876 г. формально не вошел в состав «Земли и воли», идейно он примыкал к ней. Одним из первых русских революционеров он выступил несколько позже в пользу политических реформ. В фельетоне «Письмо чистосердечного россиянина», помещенном во втором номере «Земли и воли», Клеменц говорит, что первым шагом к политическому сознанию народа должны явиться политические реформы, которые «сейчас на руку социалистам»¹⁸. Клеменц был горячим сторонником активной политической агитации и разнообразных форм протеста, о чем свидетельствует написанное им в декабре 1877 г. объявление о выходе газеты «Община» и ее передовая в № 1. Здесь он указывает, что главная задача революционной партии — поднятие инициативы самого народа в деле борьбы за свои права, установление связи с протестующими элементами народа¹⁹. Здесь же, говоря об общине, Клеменц подчеркивает, что важнейшей задачей партии является борьба за развитие принципов коллективного владения орудиями труда, развитие духа солидарности среди крестьянства. Таким образом, эти идейные положения Клеменца совпадают с идеями концовки брошюры «Славянский вопрос», что еще больше подтверждает наше предположение об авторстве Клеменца.

Последняя работа, на авторстве которой нам хотелось бы остановиться, — это корреспонденция «Из Сербии», опубликованная в № 5 журнала «Вперед», изданном в Лондоне в декабре 1877 г. Как известно, редакция «Вперед» была связана с сербскими социалистами, которые помещали время от времени в течение 1875—1876 гг. корреспонденции из Сербии в газете. С началом серб-

¹⁷ Д. А. Клеменц. Из прошлого. Воспоминания. Л., 1925.

¹⁸ «Революционная журналистика 70-х годов». СПб., 1907, стр. 119—121.

¹⁹ Д. А. Клеменц. Объявление о выходе с 15 января 1877 г. социально-революционного журнала «Община». Женева, 1877, стр. 4.

ско-турецкой войны эти связи прекратились и возобновились по инициативе сербов весной 1877 г.²⁰ В это же время установился обмен изданиями между редакцией и сербскими революционными организациями. По просьбе редакции «Вперед» для пятого тома журнала была прислана корреспонденция «Из Сербии», опубликованная без подписи. В ней обосновывалось решение сербских социалистов принять участие в сербско-турецкой войне. Здесь подчеркивался тот факт, что война против турок не приняла народный характер, а велась «под знаменем религиозных и национальных фантазий»²¹. Обращалось внимание на усиление реакции после войны, гонений на сербских социалистов. Нет сомнений, что публикацией этой корреспонденции «впередовцы» стремились откликнуться на русско-турецкую войну и провести некоторые параллели. Не решившись поместить редакционную антивоенную статью, редакция таким образом в какой-то степени выражала свое отношение к событиям на Балканах. Корреспонденция анонимная, но косвенные данные указывают, что ее автором был сербский социалист П. Тодорович, ранее являвшийся также корреспондентом «Вперед». В тексте статьи говорится, что ее автор служил в штабе Черняева. Именно Тодорович во время войны был переводчиком в черняевском штабе²². Кроме того, его авторство подтверждается письмом В. Н. Смирнова к жене от 26 мая 1877 г., где Смирнов пишет, что в ответ на просьбу редакции прислать статью из Сербии получено обещание Тодоровича²³. Эти два свидетельства не оставляют сомнений в авторстве Тодоровича.

Атрибуция указанных материалов русской революционной печати по славянскому вопросу основана как на изучении содержания самих источников, так и на исследовании архивных документов из фондов лиц, которые входили в состав редакций соответствующих органов печати: В. Н. Смирнова, Н. Г. Кулябко-Корецкого, З. К. Ралли.

Особые условия деятельности редакций, необходимость конспирации, сохранения в тайне имен своих корреспондентов обусловили тот факт, что большинство материалов русской революционной прессы публиковалось анонимно. Установление их авторства имеет большое значение как для истории народнической прессы, так и для изучения международных связей народничества, в частности русско-славянских революционных связей, для выяснения позиций народников в славянском вопросе.

²⁰ См.: В. М. Хевролина. К истории русско-сербских революционных связей 70-х годов XIX в. «Славянское источниковедение». М., 1965, стр. 235—236.

²¹ «Вперед», т. 5. Лондон, 1877, стр. 122.

²² См.: П. Тодорович. Одломци из дневника једног добровољца. «Успомене из српско-турског рата, 1876». Београд, 1938.

²³ ЦГАОР СССР, ф. 1737, д. 98, л. 150.

К ВОПРОСУ О МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ В ПРОГРАММАХ БОЛГАРСКОЙ БУРЖУАЗИИ НАКАНУНЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Н. В. Зуева

Если в болгарской и советской литературе исследованы в известной степени программы болгарской буржуазии 60—70-х годов XIX в. о сущности и форме болгарского государства, то почти не изучены ее требования, касавшиеся устройства местного самоуправления. Вопросы общинного самоуправления в период османского владычества рассматриваются в ряде работ советских и болгарских ученых¹. Появившиеся в последнее время публикации документов, и в частности проекты программ государственного устройства Болгарии,² подготовленные накануне освобождения Болгарии от османского гнета, позволяют рассмотреть некоторые аспекты этой проблемы.

Как известно, турецкое правительство использовало общинное самоуправление в Болгарии для сбора налогов и выполнения других фискальных функций, поскольку представители местного населения, хорошо знакомые с условиями жизни данной общины, могли лучше и успешнее выполнять эти задачи, столь важные и необходимые для существования турецкого государства³. «Восточный деспотизм затрагивает муниципальное самоуправление только тогда,— писал К. Маркс,— когда оно сталкивается с его непосредственными интересами, но он весьма охотно допускает существование этих учреждений, пока они снимают с него обя-

¹ Л. В. Маркова. Сельская община у болгар в XIX в. «Славянский этнографический сборник. Труды Ин-та этнографии», т. LXII. М., 1960; В. Паскалева. За самоуправлението на българите през Възраждането. «Известия на Ин-та за история», т. 14—15, София, 1964; М. Г. Манолова. Правното положение на българската община през последните десетилетия на османското владичество. «Известия на Ин-та за правни науки», т. XXI. София, 1967; М. Андреев. Към въпроса за обичайното право в България през времето на турския феодализъм. «Годишник на Софийския ун-т. Юридически фак-т», т. 47, 1954; он же. Българското обичайно право и неговото развитие през последните десетилетия на турското иго. «Исторически преглед», 1956, № 5; Хр. Христова. Към въпроса за класите и класовите отношения в българското общество през Възраждането (произход, социална принадлежност и роля на чорбаджиите). «Известия на Ин-та за история», т. 21, 1970, и др.

² «Освобождение Болгарии от турецкого ига», т. I. М., 1961; С. А. Никитин. Неопубликованный проект государственного устройства Болгарии. «Славянский архив». М., 1959; Хр. Христова. Два проекта за държавно устройство на България от 1876 г. «Известия на Ин-та за история», т. 16—17, 1966.

³ М. Андреев. Българското обичайно право и неговото развитие през последните десетилетия на турското иго. «Исторически преглед», 1956, № 5, стр. 59.

занность что-либо делать самому и избавляют от хлопот, связанных с действительным управлением»⁴.

В результате социально-экономических изменений, происходивших в Турции в конце XVIII — первой половине XIX в., и освободительной борьбы покоренных народов Порты под давлением западных держав, стремившихся сохранить от распада Османскую империю, устранить влияние России на Балканах и оттеснить ее от участия в делах Востока, предприняла ряд реформ⁵, в которых пыталась использовать буржуазные формы управления в интересах господствующего феодального класса. В 1864 г. турецкое правительство начало проводить административные преобразования, и в порядке опыта был образован Дунайский вилайет. Преобразования продолжались и в дальнейшем. Согласно вилайетскому закону 1867 г., вводилось новое административно-территориальное устройство по образцу французской системы.

Турецкое феодальное государство, проводя реформы, преследовало наряду с экономическими и определенные политические цели. Во-первых, в связи с обострением положения на Балканском полуострове в 60-х годах XIX в. турецкое правительство пыталось отделить болгарский народ от освободительного движения других народов. Как отмечал русский консул в Русуке (центре Дунайского вилайета) В. Ф. Кожевников, вилайетская система должна была служить тому, «чтобы болгаре, возбужденные как-нибудь извне, не приняли участия в замыслах молдо-валахов и сербов»⁶. В условиях роста национально-освободительного движения на Балканском полуострове проводимые реформы должны были отвлечь внимание угнетенных народов от коренного вопроса — от требования образования самостоятельных национальных государств.

Во-вторых, турецкое правительство через вилайетскую реформу, с одной стороны, усиливало централизацию государственной власти, ограничивало власть местных правителей, с другой стороны — ограничивало самостоятельность болгарских общин системой вилайетского управления, ставило их действия под строгий контроль в конечном итоге центральной власти⁷. В. Кожевников отмечал, что с учреждением Дунайского вилайета произошло «чрезмерное развитие генерал-губернаторской власти, подчинившей неограни-

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 10, стр. 432—433.

⁵ С. А. Никитин. Русское гражданское управление в Болгарии (1877—1879 гг.). «Освобождение на България. 1878—1968». София, 1970, стр. 29; *он же*. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX в. М., 1970, стр. 149—151.

⁶ АВПР, ф. Главный архив, IV — 2, 1865—1871 гг., д. 11, ч. 1, л. 321.

⁷ М. Г. Маколова. Правното положение..., стр. 191; *она же*. Към въпроса за административните реформи в Турция от втората половина на XIX век. «Правна мисъл», кн. 3, 1967, стр. 38—41; Ф. Ш. Шабанов. Государственный строй и правовая система Турции в период танзимата. Баку, 1967, стр. 125—128.

ченному почти произволу одного лица край...», в то время как «права общин во многом стеснены и даже дела, относящиеся к управлению церковью и устройству народных училищ, подчинились бдительному надзору турецкого начальства»⁸.

В-третьих, с введением вилайетской системы Болгария была разделена между различными административными областями, что затрудняло национальную и политическую консолидацию болгарского народа.

Согласно новому административно-территориальному устройству, Оттоманская империя разделялась на вилайеты, санджаки, казы, нахии и общины. Каждый начальник нижестоящей административной единицы подчинялся непосредственно начальнику вышестоящей; они назначались центральным правительством и были подчинены генерал-губернатору вилайета. При начальнике каждой административной единицы создавались управительные (административные) советы как выборные органы, в которых допускалось участие немусульманского населения⁹. Процедура выборов в административные и судебные советы была очень сложной, и выборы полностью находились в руках турецкой власти. Списки кандидатов составлялись избирательным комитетом, куда входили преимущественно мусульманские чиновники, и утверждались также представителями центральной власти. К тому же, несмотря на то, что немусульманское население в Болгарии составляло большинство, число выборных членов из мусульман и немусульман было равным. В результате этого в административных и судебных советах христиане составляли меньшинство, а по существу представительство болгар в местных органах было формальным. В связи с тем, что выборы ограничивались разного рода цензами (налоговым, возрастным, образовательным), в советы попадали, как правило, представители зажиточных слоев болгарского общества, чорбаджи, сотрудничавшие с турецкими феодалами. Они обычно переизбирались на занимаемые должности в течение многих лет, в результате чего органы самоуправления оказывались в руках чорбаджиев, которые, несмотря на классовую борьбу вокруг местных органов, «длительно сохраняли свои позиции в турецком управлении. А так как председателем совета всегда был турецкий чиновник, то административные советы по существу своему являлись органами турецкого господства над болгарам»¹⁰. Немусульманские члены советов являлись «совер-

⁸ АВПР, ф. Главный архив, IV-2, 1865—1871 гг., д. 11, ч. 1, лл. 322 и об.

⁹ Здесь и далее см.: «Материалы для изучения Болгарии», ч. 1, вып. 1. Букарешт, 1877, стр. 1—68.

¹⁰ С. А. Никитин. Русское гражданское управление в Болгарии, стр. 29; Хр. Гандев. Руската помощ за изграждането на българската държава през 1877—1879 г. «Освобождението на България от турско иго». София, 1958, стр. 316—317.

шенно безгласными, подписывающими и утверждающими то, что им приказывают...Были примеры, что мусульманские власти отбирали у христианских членов печати и прикладывали их к незаконным и для христиан же вредным протоколам»¹¹.

Как и предшествующие законодательные акты, преобразования административного устройства были мало эффективны, а провозглашенные права немусульманского населения оставались на бумаге. По-прежнему в управлении господствовали произвол и злоупотребления. Русские консулы в Руссук, Видине и других местах отмечали, что учреждение вилайетов, в частности Дунайского вилайета, не принесло «никакой существенной пользы для христиан»¹². В середине 70-х годов русский консул в Руссук А. Н. Мошнин писал, что учреждением вилайетов, которое приветствовала Западная Европа как меру гарантии политических прав христиан, она была обманута, так как в действительности «самое избрание всяких кандидатов предоставлено вполне мусульманскому элементу»¹³. Таким образом, русские дипломатические представители понимали, что все подобные реформы турецкого правительства не в состоянии улучшить положение христианских народов империи, и трезво оценивали роль этих преобразований.

Сама новая администрация понимала неосуществимость реформы. По признанию видинского каймакама, составление новых законов встречало много затруднений у турецкого правительства. К тому же, у каймакама не было текста законов не только на болгарском языке, но даже на турецком¹⁴. В условиях господства феодальных общественно-экономических отношений всякие попытки верхушечных административных реформ оканчивались формальным актом.

Неудовлетворенная провозглашенными на бумаге, но не гарантированными ничем реформами, болгарская буржуазия в первую очередь требовала выполнения объявленных преобразований. Ставя вопрос о будущем государственном устройстве Болгарии, она выдвигала требования более широкой автономии органов местного самоуправления.

Не останавливаясь на решении вопроса о местном самоуправлении различными течениями национально-освободительного движения до Апрельского восстания, отметим, что болгарские революционеры в своих программах не разрабатывали специально этого вопроса. Но, выдвигая на первый план общеполитические задачи и считая конечной целью освобождение Болгарии от

¹¹ «Военно-статистический сборник на 1868 год», вып. II. СПб., 1868, стр. 248.

¹² АВПР, ф. Главный архив, IV-2, 1865—1871 гг., д. 41, ч. 1, л. 322.

¹³ А. Мошнин. При-Дунайская Болгария. «Славянский сборник», т. 2. СПб., 1877, стр. 392.

¹⁴ АВПР, ф. Главный архив, II-18, 1855—1867 гг., д. 1, лл. 225 об.—226.

турецкого феодального и национального гнета, установление демократической республики, народного управления, они, естественно, требовали коренных преобразований местного самоуправления на широкой демократической основе.

После поражения Апрельского восстания обострилась борьба между различными группировками в болгарском национально-освободительном движении за руководство движением. Борьба шла не только по тактическим вопросам, но и по общепрограммным — о сущности и формах будущего государственного устройства Болгарии¹⁵.

В это время оживилась деятельность болгарской либеральной буржуазии, особенно в связи с подготовкой Константинопольской конференции 1876 г. Различные группировки болгарской буржуазии свои требования выдвигали в политических программах, петициях, адресах, обращенных к великим державам. Как отмечает Хр. Христов, в национально-освободительном движении Болгарии тогда шла борьба между двумя направлениями: с одной стороны, революционно-радикальным, представители которого выдвигали требование образования самостоятельного болгарского государства, с другой — либерально-буржуазным, руководители которого требовали предоставить автономию Болгарии в рамках Турецкой империи¹⁶. Не рассматривая здесь вопрос о политическом статусе Болгарии в целом, мы коротко остановимся на требованиях, касающихся устройства органов болгарского самоуправления.

Вопрос о местном самоуправлении решался в зависимости от того, как решалась в программах общеполитическая задача: создание независимого болгарского государства или автономной провинции, зависимой от Порты. В первом случае главное внимание руководители движения обращали на организацию центральных органов власти, правительства и упрочение в них своего положения. Поэтому требования относительно устройства органов местного самоуправления в проектах радикального направления выражены в общей, схематичной форме или отсутствуют вообще. Так, в политической программе Болгарского центрального благотворительного общества, принятой Болгарским народным собранием в ноябре 1876 г. в Бухаресте, ставилась общая и основная цель — создание болгарского государства, управляемого «самостоятельно и независимо согласно конституции, выработанной законодательным органом, избранным народом»¹⁷. Хотя в ней и отсутствовали требования, непосредственно относившиеся к устройству органов местного самоуправления, но в общей форме в § 3

¹⁵ Г. Тодоров. Към въпроса за произхода и същността на политическите програми на партиите в Учредителното събрание. «Известия на Ин-та за българска история», кн. 7, 1957, стр. 72.

¹⁶ Хр. Христов. Освобождението на България и политиката на западните държави. 1876—1878. София, 1968, стр. 73—79.

¹⁷ «Освобождение Болгарии от турецкого ига», т. I, стр. 557.

(«Для всех отраслей управления будут составлены особые законы в духе устава и сообразно с нуждами народа») содержалось принципиальное, радикальное решение этого вопроса. Как видно из переписки БЦБО с местными отделениями, в частности с Руцукским комитетом, эти вопросы интересовали общество и учитывались при дальнейшей разработке программы. БЦБО просило Руцукский комитет о содействии «в выработке программы, которая должна была бы подробно определить замещение турецкой администрации болгарской в случае оккупации» (русской), и предлагало ответить на следующие вопросы: «1. Как должны в таком случае управляться болгарская городская и сельская община (коммуна). Кому должна быть поручена местная администрация и полиция. 2. Кто и каким способом будет управлять областью (вилайетом), санджаком, казой. Есть ли для этого способные лица»¹⁸. В свою программу, там, где речь шла о создании вассального княжества, Руцукский комитет, хотя и в схематичной форме, включил параграф, в котором лозунгом будущего болгарского самоуправления объявлялось: «Права одинаковые и обязанности одинаковые». «В болгарскую администрацию смогут поступать все местные и способные люди, без различия веры и национальности. Администрация будет иметь за основу «общинное устройство» и избираться народом, а утверждаться — правительством»¹⁹. Программы, требовавшие создания независимого болгарского государства, выражали настроения крестьянства, мелкой городской буржуазии.

Другие требования содержались в проектах, выражавших интересы крупной болгарской торговой буржуазии. Авторами их являлись представители болгарской константинопольской интеллигенции²⁰. В них речь шла о создании не самостоятельного государства, а лишь автономной провинции или самоуправляющейся области, зависимой от Порты. Проекты этой группы в области общеполитических задач носили реформистский, соглашательский характер²¹. Авторы проектов признают верховную власть султанской Порты, которая должна была назначать в согласии с гарантирующими державами главного управляющего областью. В этих проектах, естественно, вопросы местного самоуправления занимают значительное место и изложены подробно, так как болгарская буржуазия стремилась упрочить свое положение в органах самоуправления и обеспечить контроль над ними. В силу своей реформистской сущности либеральная буржуазия не выдвигала новых форм управления, а, используя старые формы, пыта-

¹⁸ Н. Чезларов. Документи по българското възраждане. «Сборник за народни умотворения, наука и книжнина», кн. XXII и XXIII. 1. Дел историко-филологичен и фолклорен. София, 1906—1907, стр. 36.

¹⁹ «Нова България», 17.XII 1876.

²⁰ Хр. Христов. Освобождението..., стр. 78—79; С. А. Никитин. Неопубликованный проект..., стр. 136—137.

²¹ Хр. Христов. Два проекта..., стр. 496.

лась вложить в них новое содержание, сделать органы местного самоуправления национальными, болгарскими, а в политическом отношении несколько ограничить надзор центральной турецкой власти.

К программам этой группы относятся проекты государственного устройства Болгарии, известные под названиями: «Желания та на българите ты»²², почти идентичный ему проект «Желанията на българите», а также «Желанията на българската нация»²³ и другие, которые по содержанию очень близки между собой, но в то же время имеют и ряд существенных отличий. Составители внесли значительные уточнения и дополнения в текст второго проекта²⁴. Так, в первом проекте допускалось, что главным управляющим областью мог быть если не болгарин, то иностранец; во втором эта оговорка отсутствует и выдвигается требование, чтобы им был только болгарин; в третьем — христиан-болгарин или иностранец, знавший болгарский язык. Право сношения с Портой имел в первом случае только главный управляющий при посредстве представителя, назначаемого им, а во втором — вместе с высочайшим административным советом.

Особенностью этих проектов является наличие в них схемы административного устройства автономной провинции²⁵, в основу которой положены турецкие законы, по форме близкие требованиям этой части болгарской буржуазии, но не применявшиеся на практике. Сформулированные в проектах требования хорошо показывают, что не устраивало болгарскую буржуазию в турецких законах и чего она добивалась. Поскольку в проектах ставился вопрос о создании автономной провинции, сохранявшейся в рамках Турецкой империи и зависимой от султана, авторы проектов, естественно, шли на компромисс с турецким правительством и в своих требованиях по административному устройству. В первых двух проектах сохранялось почти такое же деление, какое существовало в то время, и лишь употреблялась двойная терминология. Наряду с болгарскими названиями: управительства, округа, общины, в скобках указывались турецкие наименования: санджак, каза, махала и др. Терминология третьего проекта отличается от первых двух. Здесь употреблялись такие названия, как господарат, воеводство, старейшинство, кметство. Хр. Христов предполагает, что в составлении этого документа участвовали лица, хорошо знакомые с государственной жизнью балканских стран, в частности Румынии²⁶. Можно допустить, что они использовали указанную терминологию.

²² С. А. Никитин. Неопубликованный проект..., стр. 126—138.

²³ Хр. Христов. Указ. соч., стр. 479—497.

²⁴ Там же, стр. 480.

²⁵ С. А. Никитин. Неопубликованный проект..., стр. 135.

²⁶ Хр. Христов. Два проекта..., стр. 496. Третий проект существенно отличается от первых двух и требует самостоятельного исследования.

В проектах совершенно определенно выражено стремление болгарской буржуазии расширить внутреннюю автономию органов самоуправления и ограничить власть чиновников выборными административными советами. Здесь речь идет о выборности всех членов управительных (административных) советов, в то время как по действовавшим законам в состав административных советов входило лишь три-четыре члена по выбору из мусульман и немусульман. Авторы третьего проекта требовали, чтобы из состава административных советов были исключены члены, заседавшие в них по положению (с оговоркой для старейшинств). Вместо сложной системы выборов в проектах предусматривались выборы членов управительных советов большинством голосов: в совет старейшин они должны были избираться населением общины, в окружной совет — советами старейшин, в совет управления — окружными советами и т. д. Но и в этих требованиях проявилась половинчатость и ограниченность программы либеральной буржуазии: в них ничего не говорилось об изменениях в избирательной системе и процедуре выборов.

Стремление городской буржуазии расширить местную автономию и укрепить свое влияние в органах самоуправления выражено во втором проекте, где особо оговаривается создание отдельного административного совета в каждом квартале главного города, являвшегося местом пребывания управителя. Авторы третьего проекта включили требование, чтобы воеводство, где будет установлена резиденция господаря, имело бы своего специального воеводу; кметство, в котором будет местонахождение воеводы, — своего специального кмета и старейшинство, где будет пребывать кмет, — своего специального старейшину. То же самое правило должно было применяться и к административным советам.

Заслуживают внимания статьи, касавшиеся автономии общинного управления. В каждом городе должен был избираться общинный (муниципальный) совет, совершенно независимый от административной власти во всех делах, относившихся к общине. Во втором проекте имеется приписка, что совет должен действовать по закону, выработанному общим собранием депутатов провинции.

Хотя в проектах в основном сохранялись прежние принципы управления и назначения начальников нижестоящей административной единицы начальником вышестоящей (управитель правительства должен был назначаться главным управляющим области, а помощник управителя округа — управителем и утверждаться главным управляющим), новым и существенным в них было требование, чтобы они назначались в первом случае по соглашению с высочайшим административным советом, а во втором — по соглашению с административным советом округа; в обоих проектах предусматривалось назначение их из национальности, составлявшей большинство населения управления и округа.

Авторы третьего проекта шли дальше, требуя, чтобы воеводами и кметами были только болгары. Эти требования отвечали национальным интересам болгарской буржуазии.

В проектах содержались также предложения, касавшиеся выборов и функций общего собрания провинции, устройства судов, полиции и др. Все эти требования отражали экономические и политические интересы крупной болгарской буржуазии.

О ФОРМИРОВАНИИ БОЛГАРСКИХ ЧЕТ В ПЕРИОД РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877—1878 гг.

А. А. Улунян

При изучении участия болгарского народа в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. нам представляется важным вопрос, каковы были исторические объективные возможности использования болгарской помощи и как она была использована в связи с различными мнениями по этому вопросу в политических и военных кругах русского правительства и общества.

Болгарский народ, веками боровшийся с иноземным игом, имел исторически сложившуюся традицию и опыт четнической борьбы; русско-турецкая война придала народу уверенность в скором избавлении, и он старался оказать посильную помощь своим освободителям, стал организовывать партизанские четы.

Хотя русское командование относилось весьма настороженно к вольным четам, оно прекрасно понимало, какую пользу могли оказать болгарские четы в настоящей войне. Правительство и военное командование понимали, что при желании они могли бы поднять болгарское население на вооруженное выступление в тылу противника и тем самым улучшить военную и политическую обстановку на театре военных действий. Но страх, что вооруженное выступление может превратиться в классовую борьбу и принять нежелательный царизму национальный и социальный характер, сдерживал правительство.

Присутствие русских войск вдохновляло болгарский народ на борьбу с иноземными завоевателями, и царское правительство вынуждено было считаться с желанием народа участвовать в освобождении своей родины. Наряду с этим русское командование принимало меры для ограничения широкого участия народных масс в национально-освободительном движении.

Создавая Болгарское ополчение, правительство брало под свой контроль вооруженные части болгар.

О возможностях использования болгарских чет в военных действиях в штаб действующей армии поступило несколько записок¹. Однако еще до записок о формировании чет полковник П. Д. Паренсов в рапорте 4 июня на имя начальника штаба действующей армии А. А. Непокойчицкого отмечал необходимость вооружения болгарского населения освобождаемых областей и образования из жителей городской и сельской стражи, которая при помощи и руководстве русских инструкторов имела бы возможность защищать жителей от нападения башибузуков и охраняла бы запасы продовольствия и фуража для армии. Паренсов предлагал, чтобы русское командование снабдило передовые отряды воинских частей, продвигающихся в глубь страны, оружием для раздачи местному населению². Однако главное командование не приняло это предложение, хотя там и не ставился вопрос о формировании чет. Конкретно о четах речь пошла несколько позже.

Рапорт Н. Д. Артамонова А. А. Непокойчицкому о формировании чет датирован 11 августа 1877 г., но мы располагаем более ранней докладной запиской полковника Г. И. Бобрикова в штаб действующей армии от 15 июля 1877 г.³ В своей записке Бобриков обстоятельно анализировал прошедшие месяцы войны и приходил к выводу о необходимости «с точки зрения интересов армии формирование чет, другими словами развитие партизанской народной войны на всем пространстве Балканской горной зоны весьма полезно»⁴ (курсив наш.— А. У.). По его мнению, действия чет будут способствовать, «во-первых, более полным сведениям о состоянии, расположении и движении противника и, быть может, раскрыют перед нами его намерения, во-вторых, заставят его тщательнее оберегать свои сообщения, конвоировать каждый транспорт сильным прикрытием, словом — изводить свои войска на собственную охрану, наконец, ограничить район пользования местными средствами, принуждая в прикрытии для каждой фуражировки высылать значительные отряды»⁵.

Автор записки убежден, что болгарский народ активно включится в партизанскую войну, и предлагает организовать центры формирования народных чет, где бы находились склады с оружием и боеприпасами. Центрами формирования чет должны стать районы традиционного четнического движения. По его плану, главным центром могло быть Габрово, «отличающееся свободолюбием и

¹ «Освобождение Болгарии от турецкого ига», т. II, М., 1964. Здесь приводятся две записки: док. 190 — рапорт полковника Н. Д. Артамонова А. А. Непокойчицкому; док. 230 — письмо Д. К. Гирса И. С. Аксакову, по которому можно судить о содержании записки М. А. Хитрово в штаб действующей армии.

² «Освобождение Болгарии от турецкого ига», т. II, стр. 110—111.

³ Полный текст записки Г. И. Бобрикова опубликован нами. См.: «Военно-исторически сборник», 1969, № 5, стр. 98—100.

⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7465, ч. II, лл. 58—61.

⁵ Там же.

предприимчивостью своих жителей», а Елена и Хаинкиой — вспомогательными пунктами. «С точки зрения интересов зарождаемой самостоятельности Болгарии, — писал Бобриков, — гайдутские четы дадут исход тем народным силам, которые нуждаются только в начальном руководстве, будут способствовать возбуждению тех пространств, которые еще не вошли в распоряжение наших войск»⁶.

По замыслам Бобрикова, деятельностью чет должен заниматься офицер, являющийся главным руководителем партизанских отрядов; он должен иметь по одному заместителю, также из офицеров, в каждом центре, которым придавались бы по 5 казаков, а руководителю — 10 для связи со штабом и четами. Четам предлагалось выдавать денежное пособие: по 3 пиастра в день на четника и 5 пиастров — воеводе. Защищая свою точку зрения по вопросу создания чет, Бобриков писал: «...Много ли бы спаслось турок с Шипкинского перевала, теперь исчезнувших в горах, если бы четы уже существовали»⁷.

В своей записке Бобриков обращал внимание не только на ту пользу, которую могут принести отряды чет для успешного ведения военных действий. Он считал, что после освобождения Болгарии четники, получившие закалку в боях, будут прекрасными солдатами освобожденной Болгарии. Кроме того, Бобриков придавал существенное значение деятельности чет по сохранению материальных ценностей страны для послевоенной Болгарии, в борьбе с расхищением их неприятельской армией. Четы, писал Бобриков, «до известной степени сохраняют средства края и послужат лучшей боевой школой для воспитания защитников будущей независимой Болгарии»⁸.

Судя по рапорту Артамонова Непокойчицкому от 11 августа, записка Бобрикова не осталась без внимания, так как Артамонов наряду с обоснованием мотивов создания болгарских чет сообщает о согласии главнокомандующего разрешить П. Хитову формировать четы и что он уже успел организовать несколько чет⁹.

За несколько дней до рапорта Артамонова начальник Еленинского округа поручик К. А. Рудановский¹⁰ выделил 800 тро-

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ «Освобождение Болгарии от турецкого ига», т. II, стр. 232—233.

¹⁰ Константин Александрович Рудановский (1850—1914) оставил о себе добрую память в Болгарии, особенно среди жителей г. Елены и Константина. После освобождения Болгарии он в числе русских офицеров до 1885 г. занимался организацией Земского войска. Получив звание майора в 1878 г., Рудановский был назначен командиром 21-й Еленской дружины, а в 1881 г. являлся представителем княжеского комиссара в Софийской и Горно-Дунайской областях. В 1883 г. полковник Рудановский — комендант г. Тырнова, в 1884 г. — командир 6-го Тырновского полка.

В г. Елене и Константине он дарит участки земли для постройки казармы и училища, 6-му Тырновскому полку — 1 тыс. золотых левов для

фейных винтовок жителям близлежащих сел для защиты от черкесов и башибузуков¹¹.

В своем рапорте Артамонов выражал сожаление об отсутствии центра, который мог бы заняться вооружением и направлением деятельности чет.

Кроме записок полковников Бобрикова и Артамонова, в штаб армии приблизительно в это же время была представлена и третья записка, принадлежавшая М. А. Хитрово, с 1860 г. являвшегося дипломатическим представителем России в славянских областях Балканского полуострова. В период войны он занимал должность чиновника особых поручений при главнокомандующем, состоя в дипломатической канцелярии действующей армии.

К сожалению, записка Хитрово пока не обнаружена, однако о ее содержании можно судить по письму военного корреспондента газеты «Северный вестник» Д. К. Гирса И. С. Аксакову от 14 сентября 1877 г. В письме, в частности, говорилось, что Хитрово «организует в Балканах четы болгарских добровольцев, имеющих назначение защищать болгарское население от башибузуков, вести гверильяскую (партизанскую.— А. У.) войну против турок и доставить нашим войскам сведения о неприятеле (в чем русская армия особенно нуждается вследствие плохого устройства разведочной части). Побывав лично в Балканах и узнав тамошнее энергичное, горское население болгар, я, со своей стороны, не могу не считать такую мысль М. А. Хитрово очень счастливой. Сколько мне известно, мысль Хитрово одобрена и главнокомандующим. Всем таким добровольским четам численностью в 8—10 чел. будут выдаваться особые охранные листы, по которым они ставятся под защиту военных законов и обязуются содействовать в своих местах русским войскам доставкой сведений о неприятеле и ведением против последнего горной партизанской войны. Такие предприимчивые партии могут много натворить бед туркам, развив в Балканах народную войну»¹².

Сопоставляя записку Бобрикова и письмо Гирса Аксакову, в котором он излагает планы Хитрово, мы видим, что особое внимание они уделяли ведению «партизанской народной войны».

Как в записке Бобрикова, так и в письме Гирса имеется предложение о создании центра по формированию и снабжению чет. И даже более того, Гирс, обращаясь к председателю Московского славянского комитета с просьбой выслать несколько десятков,

награждения отличившихся солдат. В 1911 г. генерал Рудановский посылает 10 тыс. левов для постройки училища в Константинополе. В своем завещании он выделил 3 тыс. рублей 6-му Тырновскому полку и 1500 руб.— 18-му Этерскому (см.: Ст. Кръстев. Константин А. Рудановский. «Елена», специален брой, 27.X 1967).

¹¹ Марко Дичев. Градиво за история на гр. Елена. «Еленски сборник», кн. 1. София, 1931, стр. 178.

¹² «Освобождение Болгарии от турецкого ига», т. II, стр. 273.

а по возможности сотен револьверов для чет, писал, что оружие нужно направлять «прямо на имя М. А. Хитрово в Главную квартиру Дунайской армии»¹³.

Вопрос создания чет интересовал и лиц, не являвшихся непосредственными участниками военных действий.

В этом отношении заслуживает внимания письмо члена С.-Петербургского славянского комитета П. А. Голенищева-Кутузова председателю С.-Петербургского комитета А. И. Васильчикову. Являясь представителем комитета в Болгарии, П. А. Голенищев-Кутузов 29 сентября 1877 г. из Систова посылает письмо А. И. Васильчикову, в котором наряду с описанием деятельности комитета излагает свои соображения относительно организации болгарских чет. По его словам, им была написана статья относительно чет и переведена для опубликования в болгарской газете. К сожалению, о дальнейшей судьбе ее нам ничего не известно. Насколько серьезно было стремление Голенищева-Кутузова заняться вопросом организации чет и как энергично он взялся за это дело, свидетельствует его желание сделать предметом обсуждения в Московском и С.-Петербургском славянских комитетах вопроса о создании болгарских партизанских отрядов. Он надеялся при прибытии императорской ставки в Систово постараться «выяснить этот вопрос у военного министра или у Игнатьева...»; по мнению Голенищева-Кутузова, «от правительства было бы нужно прежде всего допущение *en principe* таких отрядов, затем обещание снабжать отряды оружием и снарядами. Все остальное могло бы быть принято на себя болгарскими и русскими комитетами»¹⁴. Далее он так же, как и полковник Г. И. Бобриков, рекомендует сделать центром снабжения и организации чет Габрово.

Таким образом, как мы видим, вопросами формирования чет занимались люди, считавшиеся с реальной действительностью и понимавшие необходимость воспользоваться помощью народа, желавшего оказать содействие русской армии в освобождении своей родины.

Учитывая прошлые ошибки и упущенные возможности русского командования, боявшегося организации чет из местного населения для ведения партизанской войны, Г. И. Бобриков, М. А. Хитрово, Н. Д. Артамонов и некоторые другие либерально настроенные представители их класса сумели преодолеть страх и стать в данном вопросе выше социальной среды во имя достижения столь долгожданной победы.

Несмотря на явную пользу, которую приносили болгарские четы, реакционные круги старались всеми возможными мерами тормозить дело формирования чет. У реакционных царских чи-

¹³ Там же, стр. 274.

¹⁴ А. А. Улунян. Участие болгарского народа в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. «Славянское возрождение». М., 1966, стр. 229.

новников вызывал беспокойство социальный состав чет и милиции, комплектовавшихся главным образом из неимущих слоев болгарского населения — крестьян и ремесленников. Известно письмо заведующего гражданскими делами при главнокомандующем В. А. Черкасского А. А. Непокойчицкому от 21 августа 1877 г., в котором он рекомендовал ни в коем случае не набирать четы «из болгарских проходимцев в Румынии»¹⁵, имея в виду эмигрировавших в Румынию представителей болгарского революционного национально-освободительного движения. Черкасский также сетовал на то, что четам разрешалось действовать впереди русских войск. Его интересовал вызывавший серьезные опасения вопрос о предводителях чет, их назначении и контроле за их действиями со стороны русских военных властей. Однако военные власти лучше понимали положение. В ответе на письмо Черкасского Непокойчицкий успокаивал его, говоря, что «вредная сторона деятельности чет уменьшается по возможности осмотрительностью в выборе начальников и другими соответственными мерами»¹⁶. Действия же чет впереди расположения русских войск Непокойчицкий признавал желательным и необходимым, так как это облегчало разведочную службу русских войск и затрудняло действия неприятельской разведки¹⁷.

Говоря об «осмотрительности в выборе начальников», Непокойчицкий имел в виду свидетельства на право организации чет, даваемые русским командованием болгарским воеводам. Текст свидетельства был написан Артамоновым, оно вручалось за подписью начальника штаба действующей армии.

В свидетельстве указывалось, на имя кого оно выдано и какие цели и задачи должна выполнять чета.

Так как в исторической литературе полный текст свидетельства почти не встречается, а оно представляет интерес для данной темы, мы приведем полностью форму свидетельства.

«С в и д е т е л ь с т в о

Для защиты оружием своей родины от зверских грабительских нападений черкесов и башибузуков и для собрания сведений о расположении, передвижении и числе турецких войск его императорским величеством главнокомандующим разрешено [такому-то] собрать чету болгарских юнаков [храбрых]. Чета, действуя самостоятельно, впереди и на флангах русских императорских войск, должна строго помнить цель, для которой она собрана, и ни в коем случае не обращать своего оружия против мирных жителей, обезоруженных мусульман и христиан. Действуя в связи с русскими императорскими войсками, чета обязана непрерывно доставлять им сведения о местах расположения, пере-

¹⁵ «Освобождение Болгарии от турецкого ига», т. II, стр. 244.

¹⁶ Там же, стр. 248.

¹⁷ Там же.

движении и численной силе турецких регулярных и иррегулярных войск.

Начальник штаба действующей армии... [подпись]»¹⁸.

Командование зорко следило, чтобы воеводы вновь формируемых чет имели на это санкцию начальника штаба действующей армии. Функции по наблюдению и оперативному руководству четами были разделены между полковником Н. Д. Артамоновым, являвшимся официально штаб-офицером над вожатыми и занимавшимся организацией разведки Дунайской армии, и М. А. Хитрово.

Руководством и наблюдением за болгарскими четами на левом фланге русской армии также занимался Н. Д. Артамонов, у которого помощником состоял П. Хитров. Последний осуществлял связь с четами и был главным их организатором.

С середины июля и в последующие месяцы под наблюдением Артамонова были созданы четы П. Хитрова, Ф. Тотю, дядо Желю¹⁹, Иордана Ненчова, братьев Койевых, Христо Николы Серандито и Христо Джулоя, действовавших в районе Елены.

На правом фланге, в районе Ловеча, успешно действовал Хитрово, под наблюдением которого были сформированы болгарские четы воевод Ильи Маркова, Цеко Петкова, Григория Огненова, Георгия Пулевского, Иванчо Роби, Димитрия Трифонова и Христо Иванова-Големият, участвовавшего во взятии Ловеча. Помощником у Хитрово в формировании чет был болгарский воевода Стоян Вязенков²⁰.

По замечанию Хитрово, не редки были случаи, когда местные жители присоединялись к четам, действовавшим в районах населенных пунктов, участвуя в одной или двух операциях. Основной состав чет, как отмечал Хитрово, составляли болгары из Македонии²¹.

Хорошо зная страну и ее народ, Хитрово поддерживал стремление болгар добиться освобождения от иноземного гнета и своей деятельностью способствовал организации народных сил для борьбы с неприятельской армией. Впоследствии, вспоминая свою деятельность в период войны, Хитрово писал, что она «была самого фантастического свойства. Я исполнял некоторые отдельные поручения, собирал болгарские четы...»²².

¹⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7459, лл. 318—319.

¹⁹ 16 августа дядо Желю получил от исполнявшего должность Тырновского губернатора ген.-майора М. А. Домонтовича пропускной билет для следования в с. Реховец и в другие села с целью набора четников. 20 августа за подписью А. А. Непокойчицкого ему было вручено свидетельство воеводы: (Български исторически архив при Народната библиотека «Кирил и Методий», 213, лл. 22—23).

²⁰ *Н. Овсяный*. Болгарское ополчение и Земское войско. СПб., 1904. стр. 59.

²¹ Там же.

²² Там же.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ БОЛГАРСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ СТАТИСТИКИ

А. Н. Куршевская

Являясь одним из важнейших источников при изучении экономической истории страны, болгарская буржуазная сельскохозяйственная статистика в то же время обладает рядом особенностей, без учета которых невозможно достигнуть сколько-нибудь достоверных результатов. В настоящей статье делается попытка рассмотреть некоторые из этих особенностей.

Молодое болгарское государство сравнительно рано приступило к организации своей статистической службы. Это было время, когда, как отмечал В. И. Ленин, социальная статистика вообще, экономическая статистика в частности, делала громадные успехи, так как экономическое развитие капиталистических государств требовало учета массовых данных на территории всей страны, собранных по определенной программе и сведенных вместе специалистами-статистиками¹. Уже в 1880 г. был принят закон о всеобщей переписи населения, которая и была проведена 1 января 1881 г. Следующая перепись была в 1885 г.², затем уже после воссоединения Болгарии — в 1888 г. и в последующем повторялась каждые 5—7 лет (в 1893, 1905, 1910, 1920, 1926 и 1934 гг.). Итоги обрабатывались обычно в течение длительного времени, но предварительные результаты публиковались уже на следующий год. С того же 1880/81 хозяйственного года берет свое начало и статистика внешней торговли, которая велась особенно тщательно и результаты которой публиковались ежегодно.

Несколькими годами позднее начала создаваться и сельскохозяйственная статистика. В 1888 г. была проведена перепись скота и перевозочных средств, в 1893 г. к объектам переписи добавилась домашняя птица, в 1900 и 1905 гг. учитывали также сельскохозяйственные орудия и машины. С 1897 г. проводился ежегодный учет посевов и урожаев. Результаты публиковались в специальных изданиях, а с 1910 г. — и в соответствующем разделе статистических ежегодников. Принятие в декабре 1897 г. Народным собранием закона о Дирекции статистики, дополненного и измененного затем в январе 1908 г., выход в свет начиная с 1910 г. «Статистических ежегодников» явились уже крупным шагом в организации статистики, отвечавшей нуждам и задачам развивающегося государства³. Однако на болгарской ста-

¹ См.: *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 323.

² Одновременно проходила перепись и в Восточной Румелии.

³ «Статистически годишник на българското царство». Година първа, 1909, София, 1910, 525 стр. До вступления Болгарии в первую мировую

тистике в целом, и на сельскохозяйственной в частности, лежала печать присущих буржуазной статистике серьезных недостатков.

Характеризуя буржуазную статистику, В. И. Ленин вскрыл ее полную методологическую несостоятельность. Одним из обычных приемов буржуазных статистиков и экономистов было распыление внимания на множество несущественных деталей, в которых тонула суть дела, сопоставление и сравнение изменений, касавшихся не главного, не основного процесса, и произвольные выводы из этих сравнений. Но даже тогда, когда буржуазная статистика собирала ценные первичные материалы, ненаучные методы дальнейшей их обработки, группировка не по важнейшим социально-экономическим признакам сводили на нет результаты исследования. «...За деревьями исчезает лес, за горами цифр исчезают экономические типы явлений», — писал В. И. Ленин ⁴.

В болгарских статистических ежегодниках мы видим обилие третье- и десятистепенной важности сведений и отсутствие некоторых основных и важнейших. Так, например, из года в год в ежегодниках публиковались столь «актуальные» данные, как сведения о живых и мертворожденных близнецах по их вероисповеданиям и в то же время не было данных ни об аренде земли, ни об использовании наемной рабочей силы, ни даже об общем количестве крестьянских хозяйств в стране.

В 1897 г. была проведена перепись землевладений, результаты которой были опубликованы в 1902 г. ⁵ В 1908 г. была проведена новая перепись ⁶. Но и после этих переписей и частичной публикации их результатов болгарские экономисты не располагали данными о количестве крестьянских хозяйств в стране.

Крупнейший специалист по болгарской статистике, в течение длительного времени занимавший пост директора статистики, К. Попов в своем фундаментальном и непревзойденном по богатству фактического материала труде по экономике Болгарии в 1911 г. начинает отдел «Земледелие» следующим признанием: «Данные о конкретном количестве сельских хозяйств в Болгарии отсутствуют. Доныне у нас не проведены специальные переписи этих хозяйств» ⁷.

В чем причина такого, казалось бы, странного положения? Для ответа на этот вопрос необходимо познакомиться с техникой переписи. В Болгарии, как и в некоторых западноевропей-

войну вышло в свет четыре ежегодника — за 1909, 1910, 1911 и 1912 гг. (годы издания — соответственно 1910, 1911, 1914 и 1915).

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 277.

⁵ «Земледельска статистика през 1897 г.». София, 1902.

⁶ Материалы ее обрабатывались медленно. Первый том сборника «Статистика на земеделската собственост през 1908 година» вышел в 1914 г., второй — в 1920 и третий — в 1921 г.

⁷ К. Попов. Стопанска България през 1911 год. Статистически изследвания. София, 1916, 483 + XX стр. 134 графич. приложения, стр. 133.

ских странах (Франции, Германии, Австрии и др.), перепись осуществлялась путем заполнения кметами личных карт собственников на основе кадастра или поземельных книг, служивших для целей налогового обложения. Единицей переписи являлось «владение», т. е. участок земли, расположенный на территории данного населенного пункта и принадлежавший одному собственнику. Подробно характеризуя угодья «владений» и учитывая количество парцелл, из которых угодье состояло, карта переписи вовсе не ставила вопрос о том, имеет ли данный собственник владения еще и в другом населенном пункте и каков фактический размер его собственности в целом. Сколько было владений, столько и карт учета. Одно и то же лицо выступало владельцем и дважды, а трижды, а иногда — и более раз — столько, сколько у него было владений в различных населенных пунктах. Дирекция статистики суммировала карты и производила все манипуляции с их данными, исходя из количества «владений», а не фактических лиц-собственников, число которых оставалось таким образом совершенно неизвестным, как и размер земельной собственности каждого из них⁸.

Данные группировались, публиковались, являлись предметом обсуждения, однако никакого реального содержания они не имели. В самом деле, какую реальность может характеризовать, например, объединение в одну группу владений размером менее 20 декар, если мы не знаем, являлись ли эти владения единственной собственностью своих хозяев или они были частью крупной земельной собственности, разбросанной по различным селам и околиям страны?

В 1897 г. было 363 646 таких владений из общего количества 799 588, т. е. 45,4%, в 1908 г. — 424 898 из общего количества 933 367, т. е. 45,5%. Лишь немногие буржуазные экономисты выражали недоверие этим статистическим данным. Так, немецкий экономист В. Бартенштайн прямо писал, что «этой статистикой преувеличивается число мелких владений и дается дилетантам искаженная картина»⁹. Но если некритическое использование заведомо несостоятельных данных осуществлялось буржуазными экономистами с целью доказать «жизнеспособность»

⁸ Необходимо отметить, что данная особенность статистики не является специфически болгарской. Как отмечал Ю. А. Янсон, в XIX в. она была характерна для большинства западноевропейских стран (Ю. А. Янсон. Сравнительная статистика России и западноевропейских государств, т. 2, отд. 1. СПб., 1880, стр. 3—5). В Англии и поныне «число хозяйств превышает число индивидуальных владельцев» («Статистика сельского хозяйства в капиталистических странах». Сб. статей, пер. с англ. М., 1960, стр. 163). Впрочем, в Англии сельскохозяйственная статистика не учитывает владения меньше 1 акра (т. е. 4 дек.) (там же).

⁹ W. Bartenstein. Bulgariens Volkswirtschaftliche Entwicklung. Berlin, 1913, S. 21. Жалобы на плохое состояние болгарской статистики встречаются также на страницах журнала Болгарского экономического общества. См.: СБИД, 1900, кн. 4, стр. 262; 1903, кн. 5, стр. 332; 1908, кн. 5-6, стр. 313.

и «устойчивость» мелкого крестьянского хозяйства и преимущества его перед крупным, то вызывает удивление тот факт, что в работах некоторых марксистских исследователей мы также встречаемся с пресловутой цифрой — 45,5%, теперь уже как доказательство пролетаризации болгарского крестьянства. Нельзя согласиться и с теми из исследователей, кто принимает данную цифру условно, как некоторое приближение. Условной и приближенной скорее является другая цифра, определяющая количество земельных собственников в стране; этой цифрой мы уже давно располагаем. В процессе дальнейшей обработки материалов сельскохозяйственной переписи 1908 г. болгарская статистика сделала шаг вперед. Первичные карты были систематизированы и установлено точное число лиц — земельных собственников — 703 593. Отметим, что это значительно меньше, чем количество владений в этом же году (933 367). В 1921 г. вышла третья книга материалов переписи, которая уже содержала группировку по размерам собственности¹⁰.

Но, прежде чем сопоставлять эти два вида группировки и пытаться найти количество крестьянских хозяйств, обратим внимание на еще одну особенность болгарской буржуазной сельскохозяйственной статистики, не имеющей в данном случае аналогии в зарубежной.

Ведя учет отдельных владений и оперируя данными о их величине и количестве, болгарская статистика в то же время четко дифференцирует две группы владений: а) расположенные в месте проживания владельцев и б) вне места их проживания. Первые она именуется «местными», вторые — «паракендными»¹¹. Последняя группа подразделяется на три подгруппы: а) расположенные в другом населенном пункте той же общины, б) в другой общине той же околии и в) в другой околии. Эти данные, содержащиеся в публикациях переписей 1897 и 1908 гг., открывают, на наш взгляд, некоторые возможности сопоставлений и сравнений.

Первый вопрос, возникающий у исследователя, естественно, заключается в том, что представляют собой паракендные владения в социально-экономическом смысле. К. Попов спешит ответить на этот вопрос, утверждая, что «большая часть паракендных владений — это земли, которые крестьяне данного села имеют в другом соседнем селе и которые они обрабатывают сами в общем хозяйстве со своими местными владениями...»¹². Ма-

¹⁰ «Статистика на земеделската собственост през 1908 година. Кн. 3. Собственици на земята». София, 1921 (задержка публикации произошла в связи с балканскими войнами и первой мировой войной).

¹¹ В целях точности учета в ходе переписей применялись два вида карт: белые — для учета местных владений и цветные — для учета паракендных. См.: «Статистика на земеделската собственост през 1908 година», кн. 1. София, 1914, стр. V.

¹² К. Попов. Указ. соч., стр. 133.

териалы переписи, однако, опровергают это утверждение. Из всей частнособственнической земли, находившейся в 1908 г. вне места проживания собственника (паракендной), площадь в 5 961 030, 5 дек. только 809 227,3 дек. (т. е. 13,6% паракендной земли, или 1,7% всей частнособственнической земли) находилось в других селах тех же общин; 3 812 069,0 дек. (т. е. 63,9% паракендной земли, или 8,3% всей частновладельческой земли) находилось в других общинах тех же околий: 1 339 734,2 дек. (т. е. 22,5% паракендной земли, или 2,9% всей частнособственнической) — в других околиях¹³. Если можно согласиться с К. Поповым в том, что земли, находившиеся в соседнем селе, собственник мог обрабатывать сам, то этого никак нельзя предположить в отношении земель, находившихся в других общинах и даже других околиях, а они составляли в сумме более $\frac{4}{5}$ (86,4%) паракендных земель, или 11,2% всех частновладельческих земель в стране.

Поскольку основной отраслью болгарского сельского хозяйства было растениеводство, а основным видом угодий — пашня (76,6% всех частновладельческих земель)¹⁴, рассмотрим паракендные владения пашни. Общая площадь находившихся в паракендном владении пахотных земель — 3 750 306,5 дек., что составляло 10,5% всей площади частновладельческих пахотных земель. Где же находились эти земли? Выясняется, что в другом населенном пункте той же общины было расположено только 613 006,9 дек., т. е. 16,3% паракендных пахотных земель (или 1,7% частновладельческих пахотных земель). Больше всего пашни находилось в другой общине той же околии — 2 400 959,7 дек., т. е. 64% паракендных (или 6,8% частновладельческих пахотных земель); в другой околии — 736 399,9 дек. — 19,6% паракендных, или 2,0% всех частновладельческих пахотных земель¹⁵.

Рассмотрим околии, в которых процент паракендных владений пашней был наиболее высоким. Это прежде всего шесть из семи околий Старозагорского округа (Борисоград, Казанлык, Ст. Загора, Хасково, Чирпан, Харманли), четыре из семи околий Пловдивского округа (Татар-Пазарджик, Станимак, Карлово и сельская околия Пловдива), две околии Тырновского округа — Тырново и Севлиево, затем Видинская околия и Никопольская. В этих 14 околиях паракендные владения составляли от $\frac{1}{3}$

¹³ «Статистика на земеделската собственост през 1908 година», кн. 3, стр. 9.

¹⁴ См.: «Статистика на земеделската собственост през 1908 година», кн. 3, стр. 2; «Статистически годишник на българското царство, 1913—1922». София, 1924, разд. II, стр. 4. Вывоз зерновых в 1908 г. дал 67,5% всей суммы вывоза. См.: «Статистически годишник на българското царство, 1909», стр. 239 и 241.

¹⁵ См.: «Статистика на земеделската собственост през 1908 година», кн. 3, стр. 2.

до половины всех владений пашней. В то же время (и это далеко не случайно) это были околии самого мелкого местного землевладения. Из общего количества местных владений пашни в каждой из этих околий процент мельчайших владений — до 20 дек. — составлял от 25 до 50% и более¹⁶.

Для дальнейшей характеристики паракендных земель привлечен материал распределения земель по видам угодий. Мы видим, что во владении лиц, проживавших в другой общине и даже в другой околии, находилось не только 8,8% всей частновладельческой пахотной земли, но и 10,5% площади частновладельческих виноградников, 9,5% — плодовых садов, 9,0% — огородов, 8,7% — тутовых плантаций¹⁷.

Так мы получаем хотя и косвенное, но достаточно убедительное доказательство далеко зашедшего процесса отделения земли от непосредственного производителя.

Как же обрабатывались эти земли? Создавались ли на них крупные хозяйства? Некоторый свет на эти вопросы могут пролить данные о размерах паракендных владений. Почти $\frac{4}{5}$ всего количества паракендных владений (231 481 из 292 856, т. е. 79,0%) составляли мелкие и мельчайшие, размером до 20 дек.¹⁸ Если принять количество владений (местных и паракендных вместе) в каждой группе владений за 100%, то выясняется следующее.

Паракендные владения абсолютно преобладали:

среди мельчайших — до 10 дек. (58,8%) и среди самых крупных — свыше 3000 дек. (56,9%).

Паракендные владения составляли:

от $\frac{1}{3}$ до $\frac{2}{5}$ в группах владений размером от 10 до 20 дек. (44,7%) и от 2000 до 3000 дек. (35,1%);

около $\frac{1}{5}$ — в группах владений размером от 20 до 40 дек. (23,6%) и от 500 до 2000 дек. (22,3%);

около $\frac{1}{10}$ — в группах владений размером от 40 до 50 дек. (12,1%) и от 400 до 500 дек. (10,6%).

Меньше всего паракендных было среди владений размером от 50 до 400 дек. — только 6,7%¹⁹.

Такая поляризация наводит на мысль, что мы имеем дело с двумя различными по своей социально-экономической сущности видами явлений: с одной стороны, ограмная масса мелких и мельчайших земельных участков эксплуатировалась проживавшими вдали от них собственниками путем сдачи в аренду нуждавшимся в земле крестьянам, быть может даже бывшим собственникам этих же участков. Это был тот вид аренды, которую В. И. Ленин характеризовал как «продовольственную аренду»

¹⁶ См.: там же, кн. 1, стр. 102—106.

¹⁷ См.: там же, кн. 3, стр. 2—9.

¹⁸ Там же, кн. 1, стр. 4.

¹⁹ Там же.

бедняков». С другой стороны, среди немногочисленных в Болгарии крупных имений значительный процент паракендных составляет думать о начинавшем складываться типе фермера-арендатора²⁰.

Используя материалы статистики о паракендных владениях, мы имеем возможность вернуться к вопросу о количестве крестьянских хозяйств. Дело в том, что опубликованные, наконец, в 1921 г. данные о числе собственников-землевладельцев (703 593) еще не давали ответа на вопрос о количестве крестьянских хозяйств, так как при полном отсутствии сословий в Болгарии крестьянское землевладение никак не выделялось²¹.

По этой же причине нельзя согласиться также с теми авторами, которые предлагают считать количество крестьянских хозяйств равным количеству местных владений (в 1908 г.— 640 511)²². Нам представляется более правильным привлечь материалы переписи населения, касающиеся видов занятий активного населения (хотя и не совпадающие несколько по времени). Проходившая в 1910 г. перепись населения показала, что в стране было 475 450 земельных собственников, которые сами обрабатывали свою землю²³. К сожалению, болгарская статистика не дает группировки по размерам собственности именно такого разряда собственников. Недостаточная достоверность группировки по размерам собственности в приведенных материалах статистики усматривается, на наш взгляд, при сопоставлении некоторых статистических данных.

В 1908 г. было 226 247 собственников, имевших до 20 дек. каждый. У них было 248 028 владений, тоже, разумеется, не превышавших этот размер²⁴. Из общего количества 424 898 владений размером до 20 дек. было 193 417 местных и 231 481 паракендных²⁵.

Сравнивая общее количество владений (424 898) с количеством владений, принадлежавших собственникам, имевшим до 20 дек. (248 028), устанавливаем, что 176 870 владений разме-

²⁰ Данные о числе крупных собственников и арендаторов, приведенные в книге К. Попова (указ. соч., стр. 149), по-видимому, не отражают действительного положения вещей, так как включают только владельцев латифундий и «чистых», т. е. не имевших собственности арендаторов; все же прочие отнесены в графу «земледельцы, сами обрабатывающие свои земли».

²¹ Кто только не зачислялся болгарской буржуазной статистикой в разряд «мелких земледельцев»! Ведь при подсчете *всех* частновладельческих земель (а не только посевов), вдобавок без выделения городского землевладения, в «мелкие земледельцы» попадали и владельцы промышленных предприятий, и городские домовладельцы.

²² «Статистика на земеделската собственост през 1908 година», кн. 1, стр. 4.

²³ «Общи резултати от преброяване на населението в България на 31 дек. 1920, кн. 4. Активно население». София, 1928, стр. 2—3.

²⁴ «Статистика на земеделската собственост през 1908 година», кн. 3, стр. 140—147.

²⁵ «Статистически годишник..., 1913—1922», стр. 4.

ром до 20 дек. (т. е. 41,6% всех владений этой группы) принадлежало более крупным собственникам.

Количество местных владений, принадлежавших собственникам этой группы, можно установить только приблизительно. Оно может быть больше 193 417 (т. е. общего количества местных владений этого размера) и меньше 16 547, т. е. разницы между количеством принадлежавших этим собственникам владений (248 028) и количеством паракендных владений (231 481).

Поскольку количество собственников этой группы (226 247) больше, чем количество местных владений этого размера (193 417), устанавливаем, что не менее чем 32 830 собственников этой группы имели *только* паракендные владения. (Впрочем, их могло быть и значительно больше, так как местные владения размером до 20 дек. могли принадлежать более крупным владельцам)²⁶.

Наконец, сравнивая количество владений, принадлежавших собственникам, имевшим до 20 дек. (248 028 владений), с количеством местных владений этого размера (193 417 владений), устанавливаем, что собственникам этой группы принадлежало не менее чем 54 611 паракендных владений²⁷.

Таким образом, становится ясным, что и данные о количестве собственников не отвечают на вопрос о количестве крестьянских хозяйств.

ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА БОЛГАРСКОГО БУРЖУАЗНОГО ГОСУДАРСТВА В 1900—1912 гг.

С. Ш. Гринберг

С начала XX в. развитие болгарской крупной капиталистической промышленности вступает в новую фазу. В это время завершается процесс первоначального накопления капитала и, следовательно, создается важнейшая предпосылка для успешного развития фабрично-заводской промышленности. Темпы роста крупной промышленности значительно ускоряются по сравнению с последними десятилетиями XIX в., начинается бурный промышленный подъем. Вместе с тем в этот период в результате концентрации производства и под влиянием иностранного моно-

²⁶ Но не более чем 209 700, так как из общего количества 226 247 владельцев этой группы надо вычесть 16 547 человек, которые, как мы установили, имели местные владения.

²⁷ Но не более чем 231 481, т. е. общего количества паракендных владений этого размера.

полистического капитала в болгарской промышленности возникают зародыши новых явлений, присущих империализму.

К началу рассматриваемого нами периода завершился переход от домонополистического капитализма к монополистической стадии капитализма; как указывал В. И. Ленин, «капитализм превратился в империализм»¹. Это оказало существенное влияние на экономику Болгарии, в частности на развитие ее промышленности. Усиливается проникновение иностранного капитала, при этом западноевропейские капиталисты направляют свои усилия на сохранение однобокого характера болгарской промышленности, на закрепление Болгарии в качестве своего аграрно-сырьевого придатка.

Указанные внутренние и внешние объективные факторы оказывали решающее влияние на болгарскую промышленность, они определяли темпы, направление, характер и особенности ее развития.

Существенное влияние на развитие промышленности оказывал и субъективный фактор — экономическая политика болгарского буржуазного государства. Влияние этого фактора становится значительным еще с середины 90-х годов, когда болгарское правительство по требованию промышленной буржуазии впервые приняло меры, направленные на защиту и поощрение крупной отечественной промышленности.

К началу XX в. действовали таможенный тариф 1896 г. и торговые договоры с европейскими государствами, заключенные в 1897 г. на его основе², а также закон о поощрении отечественной промышленности, принятый в 1894 г. и дополненный в 1897 г.³ Как таможенный тариф 1896 г., установивший более высокие, чем до этого, ввозные пошлины на промышленные товары, так и закон 1894—1897 гг., предоставлявший промышленникам ряд существенных льгот и привилегий, в известной мере стимулировали развитие болгарской крупной промышленности. Тем не менее экономическая политика правительства вызывала недовольство значительной части промышленной буржуазии, добивавшейся принятия более действенных мер для защиты и поощрения болгарской промышленности. Выразивший интересы этой буржуазии видный экономист Г. Данаилов в реферате, представленном им в 1900 г. Болгарскому экономическому обществу, требовал более решительных и эффективных мер по за-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 317.

² «Доклад до негово величество Фердинанд I от министерския съвет». София, 1912, стр. 188, 189; Н. Пуеров. Икономическа България в миналото и настоящето, т. I. Лейпциг, стр. 13, 14; Ch. Abadjieff. Die Handelspolitik Bulgariens. Leipzig, 1910, S. 33, 34, 36; Ch. Georgieff. Entwicklung der Ein- und Ausfuhr Bulgariens. Halle, 1908, S. 21, 22, 24, 27, 30.

³ «Дневници на VIII Обикновено народно събрание [ОНС], I редовна сесия, кн. I. София, 1895, стр. 634—649; кн. II, 1895, стр. 839—848; «Дневници на IX ОНС», I редовна сесия, кн. IV. София, 1897, стр. 556—557.

щите промышленности от иностранной конкуренции, прежде всего введения протекционистского таможенного тарифа⁴. В пользу строго протекционистской таможенной политики высказался также первый промышленно-ремесленный съезд в Софии, состоявшийся в июне 1901 г.⁵

Эти требования промышленной буржуазии были учтены правительством при подготовке новых торговых договоров. Созданная в 1902 г. министерством финансов при участии торгово-промышленных палат специальная комиссия провела обследование промышленности и, опираясь на его данные, выработала проект первого систематического автономного генерального тарифа, основанного на специфических пошлинах⁶.

Новый таможенный тариф, утвержденный княжеским указом от 30 декабря 1904 г.⁷, носил ярко выраженный протекционистский характер. В отличие от старого тарифа, основанного на смешанной системе пошлин (адвалерных и специфических, с преимуществом первых), тариф 1904 г. вводил почти исключительно специфические пошлины. Пошлины на готовые промышленные товары были резко увеличены по сравнению с предыдущим тарифом, сырье же и полуфабрикаты были обложены меньшими, чем ранее, пошлинами, а многие их виды, которые ввозились не в целях продажи и непосредственного потребления, а для фабричной переработки, могли доставляться беспошлинно.

Таможенный тариф 1904 г., действовавший в неизменном виде до 1911 г., был направлен прежде всего на защиту болгарской крупной капиталистической промышленности от конкуренции западноевропейских промышленных товаров, его выгодами воспользовались главным образом болгарские фабриканты.

На основе нового таможенного тарифа Болгария в 1905 г. заключила торговые договоры с главными европейскими державами — Россией, Германией, Англией, Францией и Италией. По этим договорам, действовавшим до 1912 г., Болгария впервые добилась установления высоких специфических пошлин на большинство импортируемых промышленных товаров в соответствии с новым таможенным тарифом⁸.

⁴ Г. Т. Данаилов. Проект за один митнишки тариф в свързка с нашата търговска политика. «Списание на българското икономическо дружество [СБИД]», год. IV, 1900, кн. 7.

⁵ И. Маналов. Икономически преглед. СБИД, год. V, 1901, кн. 6—7, стр. 434—435.

⁶ Ch. Abadjeff. Указ. соч., стр. 62; G. Entscheff. Die Industrie Bulgariens mit besonderer Berücksichtigung der Mehl- und Wollindustrie. Zürich und Leipzig, 1915, S. 64.

⁷ «Доклад до негово величество...», стр. 193; А. Яранов. Стопанската политика на България (от 1878 до 1928). София, 1934, стр. 157—158; Ch. Abadjeff. Указ. соч., стр. 62.

⁸ Ch. Abadjeff. Указ. соч., стр. 66—67; А. Яранов. Указ. соч., стр. 166; Н. Пиперов. Указ. соч., стр. 120—121.

Политика протекционизма получила в торговых договорах 1905 г. свое наиболее полное выражение. Защитительные пошлины должны были оградить слабую еще болгарскую промышленность от иностранной конкуренции и обеспечить ей благоприятные условия для овладения внутренним рынком. Следует, однако, отметить, что хотя таможенная и торговая политика Болгарии приняла открыто протекционистский характер, она все же не была в состоянии выполнить свое главное назначение — гарантировать внутренний рынок для отечественной промышленности. Результаты этой политики были довольно скромными. Так, средняя пошлина на импортные товары возросла с 15,2% их стоимости в 1897—1905 гг. до 20,3% в 1906—1910 гг.⁹ Ослабление иностранной конкуренции было мало заметно, ввоз промышленных товаров продолжал расти.

Таким образом, политика протекционизма оказалась недостаточной для того, чтобы обеспечить быстрый рост отечественной крупной капиталистической промышленности. Понадобились, как и до этого, специальные меры для ее поощрения.

Закон о поощрении отечественной промышленности 1894 г. не отвечал интересам всей промышленной буржуазии. Особое недовольство он вызывал у той ее части, которая была лишена права пользоваться его льготами. В связи с истечением 10-летнего срока действия этого закона болгарские промышленники требовали принятия нового закона, который предусматривал бы увеличение объема льгот и привилегий и распространение их на все категории крупной промышленности. Так, журнал Болгарского экономического общества, бывший рупором торгово-промышленной буржуазии, писал в 1904 г., что закон о поощрении промышленности 1894 г. «должен быть пересмотрен, исправлен и дополнен в соответствии с растущими потребностями и продлен на новый срок»¹⁰.

Этим требованиям соответствовал законопроект, разработанный и предложенный собранию 27 января 1905 г. министром торговли и земледелия стамболовистского правительства И. Геннадиевым. Он не встретил серьезных возражений со стороны оппозиции и в два дня прошел все три чтения¹¹, а 23 марта 1905 г. был утвержден княжеским указом¹² и вступил в силу.

Новый закон отличался от закона 1894 г. размахом, универсальностью и щедростью в отношении крупной промышленности. Льготы и привилегии, предусмотренные в нем, предоставлялись значительно большему, чем раньше, количеству отраслей промышленности; они делились на общие и специальные, при этом первые охватывали предприятия всех отраслей промышленности.

⁹ «Доклад до негово величество...», стр. 194.

¹⁰ «Ступански преглед». СБИД, год. VIII, 1904, кн. 6, стр. 432.

¹¹ «Дневници на XIII ОНС», II редовна сесия. София, 1905, стр. 2454—2467, 2574—2582, 2622—2627.

¹² «Държавен вестник», 26.III 1905.

Специальные же льготы предоставлялись только более крупным и оборудованным механическими или гидравлическими двигателями предприятиям.

Наиболее важными из общих льгот были: беспопшлинный ввоз машин, инструментов, строительных материалов и сырья и перевозка их, а также топлива и тары по государственным железным дорогам по сниженным тарифам; безвозмездная уступка земельных участков и источников водной энергии, не являющихся частной собственностью, для сооружения промышленных предприятий; обязательное предпочтение болгарских промышленных изделий при поставках государству и муниципалитетам, если даже они дороже иностранных, но не более чем на 15%.

Предприятия, пользовавшиеся специальными льготами, кроме того, освобождались от налога на строения, от промышленного налога и дополнительных к нему сборов; акции таких предприятий освобождались от гербового сбора. Но главная специальная льгота заключалась в праве концессии, т. е. праве монопольного производства в определенном районе. Закон 1905 г. намного увеличил число отраслей промышленности, пользовавшихся правом концессии.

Законом 1905 г. было положено начало новому периоду грюндерства в Болгарии. В последующие годы число новых, поощряемых государством промышленных предприятий росло особенно быстро.

Тем не менее закон о поощрении промышленности 1905 г. просуществовал всего четыре года. В течение этого времени выявился ряд существенных его недостатков, вызывавших недовольство значительной части промышленной буржуазии. Больше всего нареканий вызывали порядок и условия предоставления промышленных концессий, при которых часто имели место злоупотребления как со стороны стамболовистского правительства, так и со стороны концессионеров.

С другой стороны, новое правительство во главе с лидером демократической партии А. Малиновым, пришедшее к власти в 1908 г., стремясь преодолеть финансовые затруднения, вызванные хозяйничанием стамболовистов, было заинтересовано в экономии государственных средств, в сокращении растущих потерь казны, связанных с льготами, предоставлявшимися поощряемым законом промышленным предприятиям. Все это побудило кабинет Малинова отменить закон 1905 г. и заменить его новым законом.

10 января 1909 г. собрание приступило к обсуждению проекта нового закона о поощрении отечественной промышленности, представленного министром торговли и земледелия А. Ляпчевым¹³. Вокруг законопроекта развернулась ожесточенная борь-

¹³ «Дневници на XIV ОНС», I редовна сесия, кн. VI. София, 1909, стр. 2138—2176.

ба. Второе, постатейное, его чтение сопровождалось весьма бурными дебатами и продолжалось три дня¹⁴. Возражения вызвали те статьи законопроекта, согласно которым из числа поощряемых государством отраслей промышленности исключались такие отрасли, как мукомольная, спиртовая, пивоваренная, шерстоткацкая и трикотажная. Официально это мотивировалось тем, что эти наиболее развитые отрасли промышленности не нуждаются в специальных мерах поощрения. Депутаты, представлявшие интересы предпринимателей указанных отраслей промышленности, настаивали на включении их в число поощряемых государством. Таким образом, парламентские дебаты были отражением борьбы внутри лагеря буржуазии, между отдельными ее группами, борьбы за право наживаться за счет государства, т. е. за счет народа.

Правительству удалось настоять на своем. 30 января 1909 г. законопроект без существенных изменений прошел третье чтение и был принят собранием¹⁵. 7 марта 1909 г. новый, третий закон о поощрении отечественной промышленности вступил в силу¹⁶.

В отличие от закона 1905 г., гарантировавшего общие льготы всем крупным промышленным предприятиям, закон 1909 г. предоставлял их только предприятиям строго ограниченного числа отраслей промышленности. Многие предприятия лишились права на общие льготы, а объем этих льгот был резко сокращен.

Объем специальных льгот также был урезан по сравнению с законом 1905 г. Был установлен более жесткий порядок предоставления промышленных концессий. Право на концессию получили только те предприятия, машины и оборудование которых стоили не менее 150 тыс. левов, а количество постоянных рабочих составляло минимум 50 человек. Этот высокий ценз гарантировал наиболее выгодную привилегию наиболее крупным фабрикантам. Количество видов промышленной продукции, на производство которых предоставлялись концессии, было сокращено с 20 до 13. Характерно, что среди них отсутствовали основные виды продукции тяжелой промышленности. Болгарские правители, считавшие, что в стране нет условий для развития производства средств производства, своей политикой, таким образом, содействовали сохранению экономической зависимости Болгарии от западноевропейского капитала.

Как и предыдущие законы о поощрении промышленности, новый закон также имел в виду привлечение в страну иностранных капиталов. Именно иностранным капиталистам предназначались наиболее важные льготы, в частности право на промышленные концессии.

¹⁴ Там же, кн. VIII, стр. 2931—2962, 3006—3028, 3054—3095.

¹⁵ См.: там же, стр. 3195—3204.

¹⁶ «Държавен вестник», 10.III 1909; С. Хинков. Покровителството на едрата индустрия у нас. СБИД, год. XXIV, 1926, кн. 9-10, стр. 372.

Характеризуя закон 1909 г. в целом, следует сказать, что он прежде всего защищал интересы крупных промышленников, как отечественных, так и иностранных. Закон носил противоречивый характер: призванный поощрять развитие национальной болгарской промышленности, он вместе с тем создавал наиболее благоприятные условия для проникновения в страну иностранного капитала. В интересах фиска, которые в новом законе оказались на первом плане, было отказано в поощрении значительной части болгарской промышленности и сокращен объем льгот и привилегий для поощряемых предприятий. Закон 1909 г. был шагом назад по сравнению с законом 1905 г., он не удовлетворял значительную часть болгарской промышленной буржуазии. Отдельные постановления закона и закон в целом вызвали серьезное недовольство и подверглись критике со стороны торгово-промышленных палат¹⁷. Тем не менее этот закон вплоть до Балканских войн не подвергся никаким изменениям.

Дополнением к закону о поощрении промышленности 1909 г. явился разработанный в соответствии с его статьей 12 и принятый собранием 3 февраля 1912 г. закон о промышленных железных дорогах. Этим законом промышленникам разрешалось строить железнодорожные ветки для соединения своих предприятий с государственными железными дорогами, шоссе и портами; эти ветки рассматривались как нераздельная часть соответствующих промышленных предприятий; определялись порядок и условия строительства и эксплуатации таких дорог, права и обязанности их владельцев и т. п.¹⁸

Наряду с протекционистским таможенным тарифом и законами о поощрении промышленности, составлявшими основу промышленной политики болгарского буржуазного государства, известную роль, хотя гораздо менее значительную, в развитии промышленности сыграли и некоторые другие правительственные меры. К такого рода мерам, имевшим своей целью защиту болгарской промышленности от иностранной конкуренции, следует отнести новый закон о торговых и промышленных марках¹⁹, принятый собранием 22 декабря 1903 г.²⁰ и утвержденный княжеским указом от 31 декабря того же года²¹. Новый закон преду-

¹⁷ См.: «Юбилеен сборник на търговско-индустриалните камари в царството». София, 1920, стр. 224—225, 317, 318, 420; *Ал. Ц. Цанков*. Търговско-индустриалните камари през 1910 година. СБИД, год. XV, 1911, кн. 7, стр. 525—526; *он же*. Вторият конгрес на търговско-индустриалните камари. СБИД, год. XVI, 1912, кн. 4-5, стр. 282—286.

¹⁸ См.: «Дневници на XV ОНС», I редовна сесия, кн. II. София, 1911, стр. 440—448, 451—469; кн. V, 1912, стр. 2192—2197, 2200—2202.

¹⁹ Первый закон о торговых и промышленных марках был принят собранием 18 ноября 1892 г. (см.: «Дневници на VI ОНС», III редовна сесия, кн. II. София, 1893, стр. 206—207, 288—297, 298—300).

²⁰ См.: «Дневници на XIII ОНС», I редовна сесия, кн. II. София, 1903, стр. 860—866; кн. IV, 1903, стр. 1612—1620, 1656—1661.

²¹ См.: «Държавен вестник», 14.I 1904.

сма­тривал более эф­фек­тив­ные меры по за­щите болгарской про­мыш­лен­ной про­дук­ции от под­делок и фаль­сификации.

Правитель­ство также пы­талось по­ста­вить на службу ин­те­ре­сам про­мыш­лен­ности со­фий­ский тор­гово-про­мыш­лен­ный му­зей при ми­ни­стер­стве тор­гов­ли и зем­ле­де­лия, ос­но­ван­ный в 1898 г. Этот му­зей, ко­то­рый в пер­вый пе­ри­од его де­я­тель­ности ока­зы­вал не­ко­то­рую по­мощь мел­ким про­мыш­лен­ни­кам и ре­мес­лен­ни­кам, правитель­ство стре­ми­лось пре­вратить в уч­ре­жде­ние, по­лез­ное для про­мыш­лен­ности в це­лом. С этой це­лью 29 но­яб­ря 1906 г. был про­ве­ден че­рез со­бра­ние за­кон о ре­ор­га­ни­зации му­зея, ко­то­рый 25 ян­ва­ря 1907 г. был ут­вер­жен кня­зем²². По это­му за­ко­ну пра­ва и функ­ции му­зея были рас­ши­ре­ны, од­на­ко его фи­нан­со­вая ба­за, как и до это­го, про­дол­жа­ла оста­ваться сла­бой. Че­рез не­ско­ль­ко лет му­зей был за­крыт; спу­стя не­ко­то­рое вре­мя он опять от­крылся, но сколь­ко-ни­будь за­мет­ной роли в раз­ви­тии болгарской про­мыш­лен­ности не сы­грал²³.

Из­вест­ное влия­ние на фор­ми­ро­вание про­мыш­лен­ной по­ли­тики го­су­дар­ства ока­зы­ва­ли уч­ре­жен­ные по за­ко­ну 1894 г. тор­гово-про­мыш­лен­ные па­ла­ты, в ко­то­рых была пред­став­ле­на круп­ная болгарская бур­жуа­зия. Их де­я­тель­ность по­буж­да­ла правитель­ство при­нимать меры к по­ощ­ре­нию отечес­вен­ной про­мыш­лен­ности. Од­на­ко не все­гда правитель­ство счита­лось с мнением па­лат. Это привело к кон­ф­лик­ту между ними. Широ­кие круги болгарской тор­гово-про­мыш­лен­ной бур­жуа­зии до­би­ва­лись от правитель­ства рас­ши­рения компетен­ции па­лат и де­мо­кра­ти­зации их со­ста­ва²⁴. Правитель­ство было вы­нуж­де­но по­йти на ус­ту­пки и в но­яб­ре 1906 г. про­ве­ло че­рез со­бра­ние за­кон, по ко­то­ро­му пра­ва и функ­ции па­лат были рас­ши­ре­ны. 20 де­каб­ря то­го же го­да этот за­кон всту­пил в силу²⁵.

Тор­гово-про­мыш­лен­ные па­ла­ты и после при­ня­тия за­ко­на 1906 г. со­хра­ни­ли ха­рак­тер ор­га­ни­за­ций круп­ной тор­гово-про­мыш­лен­ной бур­жуа­зии. По­след­няя рас­сма­тривала па­ла­ты пре­жде всего как ор­га­ны, призван­ные за­щи­щать ее ин­те­ре­сы, и ис­поль­зо­ва­ла их для кри­тики раз­лич­ных аспек­тов эконо­ми­ческой по­ли­тики правитель­ства, для выд­ви­же­ния своих тре­бо­ва­ний.

Перед ли­цом рас­ту­ще­го не­до­во­ль­ства разоряю­щих­ся ре­мес­лен­ни­ков па­ла­ты были вы­нуж­де­ны при­нимать не­ко­то­рые меры, на­прав­лен­ные на за­щиту ре­мес­лен­ного про­из­вод­ства. Так, они за­ни­ма­лись ор­га­ни­за­цией до­ступ­ного кре­ди­та для ре­мес­лен­ни­ков²⁶,

²² См.: «Дневници на XIII ОНС», IV редовна сесия, кн. II. София, 1906, стр. 591—594, 603—606, 624—626; «Държавен вестник», 10.V 1907; «Доклад до негово величество...», 1887—1912, стр. 492.

²³ См.: А. Яранов. Указ. соч., стр. 175.

²⁴ См.: Ив. Манолов. Указ. соч., стр. 435.

²⁵ «Дневници на XIII ОНС», IV редовна сесия, кн. II, стр. 515—524, 584—590, 600—603; «Държавен вестник», 13.I 1907.

²⁶ См.: «Юбилеен сборник...», стр. 154—156, 345.

а также организацией и субсидированием профессиональных учебных заведений²⁷. Однако «забота» палат о ремесленниках была показной и носила демагогический характер. Это доказывается тем, что палаты поддерживали реакционное законодательство в отношении ремесленников²⁸.

Торгово-промышленные палаты свою задачу главным образом видели в содействии успешному развитию крупной капиталистической промышленности. Несмотря на то, что они далеко не всегда добивались эффективных результатов, они тем не менее представляли важный фактор в экономической жизни страны. Выдвигавшиеся ими требования и предложения оказывали благоприятное для промышленности влияние на экономическую политику государства.

Большое значение для успешного развития крупной промышленности имело также развитие транспортной системы страны. Поскольку важнейшие виды транспорта находились в руках государства, деятельность последнего по расширению транспортной системы, в которой, несомненно, учитывались потребности промышленности, следует рассматривать как часть государственной политики, направленной на поощрение отечественной крупной промышленности.

Период 1900—1912 гг. ознаменовался значительным расширением сети путей сообщений. Протяженность государственных железных дорог увеличилась с 1129,5 км в 1900 г. до 1948,4 км в 1912 г.²⁹ Протяженность действующих шоссейных дорог всех категорий возросла с 3680 км в 1899 г. до 8945 км в 1911 г.³⁰ Выросли также морской и речной транспорт. Вступили в эксплуатацию реконструированные порты Бургас (1903 г.) и Варна (1906 г.). На Дунае были построены пристани в Видине, Русе и Свиштове³¹.

Рост сети железных и шоссейных дорог, а также морского и речного транспорта содействовал расширению внутреннего рынка и увеличению внешнеторгового оборота, а тем самым и развитию капиталистической промышленности.

Таким образом, промышленную политику болгарского буржуазного государства можно определить как политику протекционизма и поощрения крупной капиталистической промышленности. Эта политика, начало которой было положено в 90-х годах, в рассматриваемый нами период получила свое дальнейшее развитие и более четкое выражение, она стала основой всей государственной экономической политики. Несмотря на то, что эта политика не всегда проводилась достаточно последовательно, она

²⁷ См.: там же, стр. 84—92, 93—99, 100—105.

²⁸ См.: там же, стр. 284—288.

²⁹ «Статистически годишник...», година четвърта, София, 1912, стр. 305.

³⁰ Н. Овсяный. Болгария и болгары. СПб., 1900, стр. 166—168; «Статистически годишник...», година четвърта, стр. 315.

³¹ «Доклад до негово величество...», 1887—1912, стр. 710—714.

в целом отвечала интересам крупной промышленной буржуазии и сыграла важную роль в ускорении темпов роста капиталистической промышленности, способствовала процессу концентрации средств производства в руках крупного капитала и окончательной победе капиталистического способа производства в стране.

РУССКО-БОЛГАРСКИЙ ТОРГОВЫЙ ДОГОВОР 1905 г.

А. К. Мартыненко

Русско-болгарские экономические отношения в исторической литературе исследованы недостаточно. Вопрос о русско-болгарском торговом договоре 1905 г. затрагивается в работе болгарского историка Цв. Тодоровой¹, но специально исследованию не подвергается.

Национальная болгарская буржуазия, испытывавшая в эпоху империализма губительную конкуренцию высокоразвитых капиталистических стран на своем внутреннем и внешнем рынках, была заинтересована в повышении своих ввозных таможенных пошлин и в снижении ввозных пошлин на болгарские сельскохозяйственные продукты теми странами, в которые Болгария эти продукты экспортировала. С другой стороны, болгарская сторона была очень заинтересована в ликвидации установленной Берлинским трактатом 1878 г. системы капитуляций, губительное влияние которой остро ощущалось как в экономической, так и в политической жизни страны.

Торговые договоры, заключенные Болгарией в 1897 г. с рядом великих держав², хотя и являлись для своего времени шагом вперед, далеко не создали благоприятных условий ни для защиты Болгарии от иностранной экономической экспансии, ни для успешной конкуренции ее сельскохозяйственной продукции на внешнем рынке, ни тем более для ликвидации системы капитуляций.

Одним из главных юридических моментов, мешавших Болгарии осуществить систему государственного протекционизма и отмену капитуляций еще до официального провозглашения полной независимости, был существовавший в торговых соглашениях 1896—1897 гг. с великими державами принцип наиболее благоприятствуемой нации при отсутствии принципа равноправия и

¹ Цв. Тодорова. Объявяване независимоста на България през 1908 и политиката на империалистическите сили. София, 1960, стр. 28—29.

² См. подробно: А. К. Мартыненко. Русско-болгарские отношения в 1894—1902 гг. Киев, 1967, стр. 154—166.

взаимности. При таких условиях принцип наиболее благоприятствуемой нации давал возможность той или другой великой державе отказываться от выполнения ряда принятых на себя по отношению к Болгарии обязательств на том лишь основании, что другие великие державы таковых на себя не приняли. Так, хотя Австро-Венгрия по торговому договору 1897 г. с Болгарией взяла на себя обязательство отказаться от капитуляционных прав по делам гражданского судопроизводства, принцип наиболее благоприятствуемой нации позволил Австро-Венгрии и после вступления в силу указанного договора в течение ряда лет пользоваться капитуляционными правами в этой области в самых широких масштабах.

Болгарское правительство, пользуясь наличием соответствующих пунктов в австро-болгарском торговом договоре 1897 г., с 1899 г. добивалось подписания с Австро-Венгрией консульской конвенции. Делать это Болгарии было тем более необходимо, что великие державы ставили свое согласие на подписание консульских конвенций с ней в зависимость от того, согласится ли на такую конвенцию Австро-Венгрия³.

После долгих споров 23 февраля 1902 г. между двумя странами была подписана консульская конвенция, по которой Австро-Венгрия, опираясь опять-таки на принцип наибольшего благоприятствования, не только не отказалась от капитуляционных прав в Болгарии, но узаконивала их, а австрийские консулы и торговые агенты получали те же права и привилегии, которыми пользовались консулы и торговые агенты других великих держав в Болгарии, а болгарские консулы и торговые агенты таких прав в Австро-Венгрии не получали⁴.

Русско-болгарская торговая конвенция 1897 г., хотя и была в этом отношении самой выгодной, однако также полностью не удовлетворяла интересы болгарской буржуазии. Поэтому правительство С. Данева, пользуясь приближением срока окончания действия торговых договоров 1897 г., решило попытаться заключить новые торговые соглашения с великими державами на основе, с одной стороны, принципа специфических таможенных тарифов, а с другой — принципа взаимности и равенства.

17 декабря 1902 г. правительство Данева известило русское правительство и правительства других великих держав о своем намерении не пролонгировать срок действия русско-болгарской торговой конвенции 1897 г. и торговых соглашений с другими великими державами и заключить с ними новые торговые договоры⁵. Русское правительство согласилось на это⁶.

³ *Цв. Годорова*. Указ. соч., стр. 26.

⁴ Там же, стр. 27—28.

⁵ Централен Държавен исторически архив (далее — ЦДИА), ф. 176, оп. 1, а. е. 2005, л. 33.

⁶ Архив внешней политики России (далее — АВПР), ф. Вице-консульство в Софии, оп. 782/2, д. 122, л. 3.

Другую позицию заняли западные державы. Когда болгарское правительство запросило их согласия на заключение торговых соглашений на основе повышения Болгарией ввозных пошлин и приложения к торговому договору консульских и судебных конвенций, то правительства западных держав выразили решительный протест. Англия, Германия и Австро-Венгрия заявили, что на таких основах торговый договор с Болгарией они не подпишут. Италия предупредила, что если Болгария будет настаивать на подобных условиях, то она вернется к первоначальной 8%-ной ввозной пошлине. Франция угрожала таможенной войной и тем, что лишит Болгарию поддержки в македонском вопросе и будет чинить ей всевозможные политические затруднения⁷. В результате правительства Р. Петрова в 1903 г. вынуждено было отказаться от пересмотра торговых соглашений 1897 г. и продлить срок их действия⁸.

Из всех великих держав только Россия наиболее лояльно относилась к попыткам Болгарии увеличить свои ввозные пошлины и ликвидировать капитуляции. Так, когда летом 1904 г. австрийское правительство протестовало против принятого в Болгарии закона о промышленных ассоциациях как противного режиму капитуляций вообще и австро-болгарскому торговому договору в частности и австрийский представитель граф Форгач призвал представителей всех великих держав присоединиться к этому протесту, то русский дипломатический представитель Г. П. Бахметев, несмотря на то, что английский и германский представители поддержали австрийцев, заявил, что болгарский закон не затрагивает интересов ни русских, ни других иностранных подданных, и поэтому он не присоединится к протесту. «Восстановление капитуляций, мне кажется,— писал Бахметев в Петербург,— идет в прямой разрез с нашей программой по отношению к Болгарии и присоединение к каким-то *принципиальным* протестам не принесло бы ни малейшей пользы, а скорее в неблагоприятном смысле повлияло бы на исключительное положение, приобретенное нами здесь»⁹.

Русское правительство поддержало точку зрения Бахметева. На вышеуказанном донесении министр иностранных дел В. Н. Ламздорф написал: «На основании этого можно составить ответ бар. Эренталю»¹⁰.

29 февраля (13 марта) 1904 г. болгарское правительство снова уведомило правительства великих держав о своем желании прекратить действие торговых договоров 1897 г. и заключить новые соглашения¹¹. 1/14 апреля 1904 г. русское правительство первое

⁷ Цв. Тодорова. Указ. соч., стр. 27—28.

⁸ АВПР, ф. Вице-консульство в Софии, оп. 782/2, д. 122, л. 5.

⁹ Там же, ф. ПА, д. 1325, лл. 184 и об.— 186.

¹⁰ Там же, л. 184.

¹¹ Там же, ф. Вице-консульство в Софии, оп. 782/2, д. 122, л. 10.

сообщило, что «в принципе к сему препятствий не встречается, но таковой договор может быть заключен лишь на базисе высочайше утвержденного 13 января 1903 г. русского таможенного тарифа и до приступа к переговорам надо было бы получить список желаемых болгарским правительством в этом тарифе уступок, а равно тех, которые оно взамен того было бы готово доставить русской торговле в княжестве»¹². Русское правительство рассматривало предстоящий договор как чисто экономическое соглашение.

Болгарское правительство возлагало на новое торговое соглашение с Россией большие надежды. Категорический отказ западных великих держав идти на какие бы то ни было уступки Болгарии в отношении отмены капитуляций и применения принципа равноправия и взаимности побуждал правительство Р. Петрова искать в этом деле поддержки России. По мысли болгарского правительства, новое торговое соглашение с Россией должно было создать прецедент для последующего заключения Болгарией торговых договоров с остальными великими державами на новых выгодных основах отказа от системы капитуляций и признания принципа равноправия и взаимности. Вот почему перед тем как начать переговоры о заключении нового торгового соглашения, болгарский дипломатический агент в Петербурге Д. Станчов был вызван в Софию, где Р. Петров лично его инструктировал. Суть этих наставлений сводилась к тому, что для Болгарии главная ценность торгового договора с Россией должна заключаться в политическом значении этого соглашения как заключенного на принципиально новой основе равноправия и взаимной выгоды¹³.

7 декабря 1904 г. в Петербург в помощь Станчову прибыли болгарские делегаты — профессор университета Бончо Боев и чиновник министерства финансов Савов. Русское правительство назначило делегацию в составе товарища министра финансов В. И. Тимирязева, управляющего отделом промышленности этого министерства Н. П. Лангового и чиновника первого департамента МИД М. Г. Приклонского. 10 декабря В. Н. Ламздорф заявил Станчову, что «переговоры о заключении новой конвенции могут начаться уже сейчас»¹⁴.

Накануне начала переговоров болгарское правительство известило русскую сторону о том, что оно хотело бы, чтобы одновременно с торговым договором была заключена русско-болгарская консульская конвенция. Последняя должна была привести к юридическому отказу России от капитуляционных прав, в чем была особенно заинтересована болгарская сторона.

Россия фактически уже не пользовалась капитуляциями в Болгарии и не была заинтересована в их сохранении. Но против

¹² Там же; см. также ф. ПА, д. 1325, л. 270.

¹³ ЦДИА, ф. 176, оп. 1, а.е. 2005, лл. 34, 63.

¹⁴ Там же, л. 33 и об.

ликвидации капитуляций в Болгарии резко выступали западные державы, главным образом Германия, Австро-Венгрия и Англия. Турция также не соглашалась на ликвидацию капитуляций в вассальном княжестве. В условиях войны с Японией русская дипломатия была очень заинтересована в поддержании хороших отношений с Германией и Австро-Венгрией; отношения с Англией у России после гульского инцидента и без того очень испортились¹⁵, а с Турцией Россия не могла конфликтовать, поскольку от нее зависел пропуск русского черноморского флота через проливы.

Вот почему при встрече со Станчовым Ламздорф попытался уклониться от обсуждения вопроса о консульской конвенции¹⁶. Начальник первого департамента МИД Н. Г. Гартвиг, с которым после этого беседовал Станчов, заявил, что русское правительство «ни в коем случае не отказывается» от заключения с Болгарией консульской конвенции, но не может предпринять этого шага без предварительной серьезной консультации со своим представителем в Константинополе. И хотя Станчов без обиняков сообщил руководителям русской внешней политики, что «у нас в Болгарии торговый договор с Россией может иметь значение, только если от него будут предвидеться политические выгоды»¹⁷, русская дипломатия в условиях войны с Японией не захотела обострять отношения с другими державами и уклонилась от подписания консульской конвенции.

Поняв, что настоять на своем в этом пункте не удастся, болгарская сторона постаралась во что бы то ни стало добиться успеха в осуществлении принципа равноправия и взаимности. С этой целью болгарская делегация прежде всего добилась согласия русской стороны на то, чтобы в основу нового торгового соглашения были положены принципы русско-германского торгового договора от 29 января (11 февраля) 1894 г.¹⁸

Известно, что указанный торговый договор с Германией, повышавший таможенные пошлины с германской стороны для русских сельскохозяйственных продуктов и, наоборот, заставлявший русскую сторону установить пошлины на германский промышленный экспорт значительно ниже русского таможенного тарифа от 15 января 1903 г., был невыгоден для России. Но, проявив неуступчивость в вопросе консульской конвенции и желая сохранить хорошие отношения с Болгарией, русская дипломатия не нашла возможным быть неуступчивой в вопросе, касавшемся исключительно России, и приняла это требование болгарской делегации.

¹⁵ См. подробно: В. М. Хвостов. История дипломатии, т. II, стр. 561—565.

¹⁶ ЦДИА, ф. 176, оп. 1, а.е. 2005, л. 33 и об.; АВПР, ф. Вице-консульство в Софии, оп. 782/2, д. 122, л. 14.

¹⁷ ЦДИА, ф. 176, оп. 1, а.е. 2005, лл. 33 и об.— 34.

¹⁸ Там же, л. 63.

Таким образом, Россия на деле проявила по отношению к Болгарии принцип наиболее благоприятствуемой нации. Поэтому болгарская сторона высказалась за включение в текст нового договора принципа наиболее благоприятствуемой нации как «принципа ясного и удовлетворяющего без ущемления обе стороны»¹⁹.

С другой стороны, не сумев добиться юридического признания ликвидации капитуляций посредством заключения консульской конвенции, глава болгарской делегации Д. Станчов постарался осуществить эту задачу, включив соответствующие положения в новый русско-болгарский торговый договор. Не говоря, как доносил Станчов, о капитуляциях или консульской юрисдикции, он настаивал на том, что новый торговый договор «не должен лишь ограничиваться декларированием равноправия, а быть действительно вполне равноправным». Для этого Станчов предлагал включить в него статьи об отказе России от судебных капитуляций и консульской юрисдикции²⁰.

Русские представители вначале пытались отказаться от обсуждения этого вопроса на том основании, что это вопрос политический, не входящий в компетенцию торговых переговоров. Но болгарская делегация настаивала на своем, доказывая, что этот вопрос имеет прямое отношение к торговле. Когда русская сторона согласилась включить соответствующие статьи в текст договора, но лишь с оговоркой, что их выполнение зависит от согласия других великих держав на отмену капитуляций (подобное условие было принято Болгарией при заключении австро-болгарского торгового договора 1897 г. и консульской конвенции 1902 г.), то Станчов заявил, что Россия не должна придерживаться «меттерниховской системы», и потребовал исключения этой оговорки²¹.

В ходе переговоров обсуждались также вопросы о взаимных торговых интересах, о взаимных уступках в таможенных тарифах, о портовых сборах и т. п. Наконец, 23 февраля 1905 г. «Договор о торговле и мореплавании между Россией и Болгарией» был подписан с русской стороны Ламздорфом и Витте, с болгарской — Станчовым и Боевым²².

Договор предоставлял равные права подданным договаривающихся стран для торговой и промышленной деятельности на территории обоих государств. Стороны обязались не чинить каких бы то ни было стеснений в торговле друг с другом. «Изыятия, — указывалось в договоре (ст. 5), — допускаются лишь для товаров, которые составляют или будут составлять в государстве... предмет государственной монополии», а также по санитарным соображениям. Подробно оговаривались технические стороны торговых

¹⁹ Там же, л. 65.

²⁰ Там же, лл. 63 и об.— 65 и об.

²¹ Там же.

²² Полный текст см.: «Търговски договори, сключени между България и Германия, Англия и Русия». София, 1906, стр. 51—60.

отношений между двумя странами (порядок взимания пошлины с судов, разгрузки и перегрузки товаров, транзита, права коммивояжеров). В отличие от конвенции 1897 г. договор не фиксировал величину пошлин на различные категории товаров.

В договор по настоянию болгарской стороны были включены статьи, оговаривавшие ряд юридических моментов и очень напоминавшие соответствующие статьи консульских конвенций. Так, указывалось, что «уроженцы одной из договаривающихся сторон не будут привлекаться в пределах территории другой стороны к отбыванию какой бы то ни было официальной службы» (военной, судебной, административной или общественной). Они также освобождались от всяких повинностей («насильственных займов, военных реквизиций и повинностей всякого рода, вызываемых войной... за исключением постоя»). Имелась очень важная статья, гласившая, что подданные каждой из договаривающихся сторон *на равных правах* должны полностью подчиняться местным законам. Это означало односторонний отказ России от судебных капитуляций (в это время ни одна из великих держав от них еще не отказалась).

Договор должен был вступить в силу 1/14 марта 1905 г. и оставаться в силе до 1/14 марта 1910 г.²³ В том случае, если ни одна из договаривающихся сторон за год до истечения этого срока не заявит о своем желании прекратить действие договора, то он автоматически пролонгировался до истечения одного года со дня заявления одной из договаривающихся сторон об отмене его.

К договору был официально приложен «Заключительный протокол», в котором давались подробные разъяснения смысла различных статей и положений договора²⁴. Кроме того, к договору были приложены следующие секретные документы: «Секретное заявление Д. И. Станчова от 23 февраля 1905 г.»; два «Заявления, сделанных при подписании договора русским делегатом Тимирязевым и болгарскими делегатами Станчовым и Боевым»; «Разъяснение, подписанное 29 января 1905 г. русскими делегатами Тимирязевым и Приклонским» (было вручено Станчову) и «Ответное заявление Станчова»²⁵.

Наибольший интерес представляет первый из указанных секретных документов. В договоре, как известно, не были обозначены ввозные тарифные ставки, однако Болгария стремилась к дальнейшему значительному повышению своих ввозных пошлин. Русская сторона готова была пойти в этом важном для Болгарии вопросе на дальнейшие уступки. Но при этом русская сторона

²³ В действительности, в связи с задержкой ратификации (был ратифицирован в январе 1906 г.) договор вступил в действие в январе 1906 г., а до этого по согласованию сторон действовала русско-болгарская торговая конвенция 1897 г. (АВПР, ф. Миссия в Софии, оп. 527/1, д. 57, л. 12).

²⁴ Полный текст см.: «Търговски договори сключени между България...», стр. 59—60.

²⁵ См.: АВПР, ф. Миссия в Софии, оп. 527/1, д. 57, л. 42.

должна была защищать интересы своих экспортеров, особенно нефтяных. В этом плане русскую сторону беспокоила возможность введения Болгарией монополий на ряд товаров, составляющих главные статьи русского экспорта, особенно монополии на керосин. (Как известно, к экспорту иностранных товаров, на которые устанавливались монополии, Болгария по договору имела право вводить протекционистские тарифы и другие ограничения). Русских нефтяных экспортеров беспокоила также конкуренция со стороны Румынии и ряд других моментов.

Письменное «Заявление» Станчова являлось попыткой найти взаимный компромисс по этим вопросам. В нем указывалось, что Болгария будет взимать с русского керосина пошлину в размере 5 фр. со 100 кг брутто и такой же акциз. В результате ввозная пошлина на русский керосин повышалась в 5 раз по сравнению с конвенцией 1897 г. С другой стороны, болгарское правительство обещало, что в течение всего срока действия договора оно не введет монополию на керосин, не заключит таможенного союза с Румынией и в случае производства в Болгарии очистки местной или импортной нефти обязуется облагать производимый в стране керосин и другие осветительные нефтепродукты акцизом и октруа на общих основаниях. В заявлении также указывалось, что с 1 марта 1905 г. в Болгарии будет введена монополия на соль, спички, папиросную бумагу и игральные карты, а на спирт, табак и порох введение монополии «в ближайшее время не предполагается, но княжеское правительство сохраняет за собой право установить их в течение действия договора»²⁶.

Первое «Заявление», подписанное русским делегатом Тимирязевым и болгарскими делегатами Станчовым и Боевым, устанавливало запрещение привоза в Болгарию «легковоспламеняющихся осветительных масел» (к таким относились нефтепродукты, воспламеняющиеся при температуре ниже 25°C при давлении 760 мм)²⁷ и было направлено против конкуренции румынского керосина, который очищался хуже русского и поэтому легко воспламенялся. Второе подобное «Заявление» касалось установления тарифов портовых сборов с торговых судов²⁸. Два последних секретных документа касались дополнительных разъяснений о невмешательстве России в болгарское судопроизводство по делу русских торговцев и промышленников²⁹.

²⁶ Полный текст см. там же, лл. 1—2.

²⁷ Болгарское правительство осуществило это запрещение законом от 4 декабря 1906 г. («Държавен вестник», 22.XII 1906, стр. 6).

²⁸ См.: АВПР, ф. Миссия в Софии, оп. 527/1, д. 57, лл. 42, 43.

²⁹ Полный текст указанных документов нам не удалось разыскать, но из доведения Станчова Фердинанду от 12 февраля 1905 г. явствует, что русской стороной ему была вручена декларация «О невмешательстве в будущем консулов в судебное дело в отношении торговли и промышленности, а также невмешательстве в наше пошлинное дело и полиции» (ЦДИА, ф. 3, оп. 8, а. е. 639, лл. 46 и об.).

Таким образом, русско-болгарский торговый договор 1905 г. был первым экономическим соглашением вассальной Болгарии с великой державой, в котором принцип наиболее благоприятствуемой нации не сводил на нет принципа равноправия и взаимности. Это был самый равноправный торговый договор из всех, заключенных Болгарией со странами, подписавшими Берлинский трактат. Характерно, что Станчов, сообщая Фердинанду о характере этого соглашения, писал: «Текст конвенции подобен германорусскому договору, и Болгария ставится в равное положение с другими государствами в торговом и политическом отношении... Внутренне убежден, что правительство его царского величества заключает выгодный для страны договор, который будет служить основанием для заключения (подобных.— А. М.) договоров с другими странами»³⁰. В другом донесении Станчов сообщал: «De jure наша страна в области международных торговых отношений ставится наравне с независимыми державами. Сумеем ли мы на практике воспользоваться этим своим новым положением, чтобы совершенно освободиться от капитуляций,— будет зависеть от ловкости наших правительств»³¹.

Станчов дал правильную оценку характера русско-болгарского торгового договора 1905 г., но его пожелания, чтобы договор послужил основанием для заключения новых торговых соглашений с другими великими державами на подобной же основе равноправия и взаимности, не осуществились. Западные державы, особенно Германия и Англия, прочно держались за права капитуляций, в которых они видели средство экономического подчинения Болгарии и борьбы с иностранными конкурентами в ней. Поэтому подписанный в декабре 1905 г. болгаро-германский торговый договор³² полностью сохранял за Германией права капитуляций в Болгарии: германские общества и фирмы продолжали действовать в Болгарии сообразно с германскими законами и под покровительством своих дипломатических и консульских представителей.

Подписанные Болгарией в конце 1905—1906 г. новые торговые соглашения с Англией, Францией и Италией сохраняли за указанными державами права капитуляций вследствие принципа наибольшего благоприятствования.

³⁰ ЦДИА, ф. 3, оп. 8, д. 689, лл. 46 и об.

³¹ Цит. по: *Цв. Годорова*. Указ. соч., стр. 28—29.

³² Полный текст см.: «Търговски договори сключени между България...», стр. 3—33.

РАБОТА ССДП В МАССАХ (1903—1912 гг.)

Т. Е. Зююкина

Вопрос о работе в массах, имеющий огромное значение для партии рабочего класса, занимает определенное место в деятельности Сербской социал-демократической партии (ССДП). В рассматриваемый период Сербия представляла собой аграрную мелкокрестьянскую страну, где промышленность получила некоторое развитие только в начале XX в. Общественно-политическая жизнь страны характеризовалась сочетанием относительно широкого развития буржуазно-демократических свобод и мелкобуржуазного радикализма со значительными элементами патриархальности и низким культурным уровнем подавляющего большинства населения. Одна из особенностей сербского рабочего движения состояла в том, что рабочие, занятые в промышленности, оставались вне организаций рабочего класса: в социал-демократические и профсоюзные организации входили преимущественно рабочие ремесленных предприятий¹. Помимо общих тенденций, присущих партиям II Интернационала, на деятельность ССДП оказало влияние стремление части руководителей сербского рабочего движения учитывать в практической политической работе конкретно-исторические условия Сербии и Балкан. Подобный подход к национальной проблеме, правильное сочетание национальных и интернациональных аспектов этого вопроса позволили ССДП занять последовательную интернационалистскую позицию в период аннексионного кризиса в связи с балканскими войнами и вступлением Сербии в первую мировую войну.

В деятельности ССДП и тесно связанных с нею профсоюзов намечаются два этапа, рубежом между которыми служит 1910 год. Первый период работы ССДП (1903—1909 гг.) можно рассматривать как время создания социал-демократических организаций и идейно-организационного укрепления партии в борьбе против левого и правого уклонов, завершившейся исключением из ССДП оппортунистической группы «нововременцев» и ликвидацией продолжавшегося несколько лет внутрипартийного кризиса. В этот же период, несмотря на ряд объективных и субъективных трудностей, происходит усиление в ожесточенной забастовочной борьбе сербских профсоюзов. Эти факторы, наряду с первым успешным активным выступлением ССДП в общественно-политической жизни страны в связи с аннексионным кризисом 1908 г. создали благоприятные предпосылки для дальнейшего развития серб-

¹ «Историјски архив КПЈ», т. 3. Београд, 1950, стр. 177—179; «Синдикални покрет у Србији». Београд, 1958.

ского рабочего движения. Если в 1903—1909 гг. основным направлением в деятельности ССДП была агитационная работа, целью которой являлась пропаганда социализма, ознакомление городского пролетариата с задачами социал-демократии и вовлечение его в ряды ССДП и ГРС (Главный рабочий союз), то дальнейшее развитие рабочего движения требовало от ССДП расширения сферы ее влияния, более активных и энергичных выступлений по широкому кругу вопросов социально-экономической и общественно-политической жизни страны.

Большое значение в этом отношении имеет VIII съезд ССДП, в повестку дня которого были включены такие проблемы, как работа партии в деревне, действия и тактика ССДП, вопрос о единстве этих проблем свидетельствует обсуждение рядом предшествующих съездов вопроса о целесообразности работы партии в деревне и дискуссия по вопросам тактики, имевшая место на VII съезде ССДП. Эти вопросы имели кардинальное значение для дальнейшей работы ССДП и предполагали новую, качественно более высокую ступень в ее деятельности. «Хотя наша партия все еще продолжает основное внимание уделять социалистической агитации и пропаганде,— писал накануне VIII съезда Д. Туцович,— тем не менее это уже не единственное поле ее деятельности, как было вначале. Она все более превращается в боевую организацию, оказывающую политическое влияние на все области общественной жизни, где она встречается со своими противниками. Она агитирует уже не только словом, но и делом, действиями, которые разрабатываются систематически, по плану»³.

О необходимости работы ССДП в массах шла речь в докладе о действиях и тактике, с которым на VIII съезде ССДП выступил Д. Попович. «Социал-демократия,— говорил докладчик,— должна опираться на широкие слои масс, она должна быть организацией большинства»⁴. Выступая за расширение сферы деятельности ССДП и новые формы ее работы, Д. Попович подчеркивал, что принципы социал-демократии остаются неизменными, в то время как тактика, которая исходит из этих принципов, меняется в зависимости от условий классовой борьбы и в соответствии с конкретными обстоятельствами. «В похвальном стремлении сохранить классовый характер и классовую чистоту нашего движения мы дошли до смешного,— говорил Д. Попович.— Из принципиальных политиков мы превращаемся в доктринеров. Стремясь к последовательности в своем движении, мы не смеем сдвинуться с места... Положительная черта прошла через кульминационный пункт и начинает превращаться в навязчивую идею. Это подтверждает множество мелких, но весьма характерных фактов из жизни на-

² «Исторijski архив КПЈ», стр. 132—158.

³ Д. Туцович. Изабрани списи, т. I. Београд, 1950, стр. 16.

⁴ Д. Попович. Изабрани списи. Београд, 1951, стр. 176.

шей партии и профсоюзов... Нецелесообразность того или иного тактического момента тотчас приравнивается к нарушению основных догм марксизма. Люди не смеют думать своей головой, самостоятельно двигаясь, определять свои действия в соответствии с изменениями ситуации, в зависимости от различных противников, во имя будто бы сохранения классовой чистоты»⁵. Вместе с тем и докладчик, и многие делегаты съезда указывали на возможность впасть в другую крайность — на опасность оппортунизма. «Тактика не шаблон, но и не рутинна. Ни доктринерство, ни оппортунизм! — особо подчеркивал Д. Попович... — мы против доктринерства, которое представляет весьма опасную болезнь и парализует партийный организм, но мы и против беспринципного оппортунизма»⁶. Весьма характерна в этом отношении бурная негативная реакция делегатов съезда в связи с обсуждением вопроса о возможных частичных соглашениях с буржуазными партиями в предвыборных кампаниях⁷, хотя, как известно, подобная практика никогда не имела места в деятельности ССДП. В редакционной статье, посвященной итогам VIII съезда, отмечалось: «Выводы докладчика сводились к тому, что для социал-демократии одинаково ошибочно и опасно как сужать свою деятельность из-за боязни утратить чистоту принципов, так и стремиться искусственным путем добиться значительных результатов за счет отступления от своих основных принципов»⁸.

Те же моменты нашли освещение в докладе Д. Туцовича о единстве движения. Анализируя ошибки и неудачи рабочего движения в некоторых западноевропейских странах, секретарь ССДП указывал на необходимость борьбы против анархо-синдикализма и оппортунизма, что свидетельствует о стремлении руководителей ССДП извлечь уроки и из негативных сторон международного рабочего движения. Как нам представляется, включение в повестку дня VIII съезда ССДП вопроса о единстве движения было обусловлено не только наличием анархо-синдикалистских тенденций, хотя этот аспект не следует исключать совсем, но еще в большей мере теми новыми моментами в деятельности ССДП, которые определялись работой в массах. «Вопросы, которые когда-то рассматривались исключительно на узкой профессиональной основе, — отмечалось в докладе, — все чаще становятся предметом открытых классовых столкновений с участием масс, которые не могут не увидеть оправданность целей и методов борьбы социал-демократии.... Обострение классовых противоречий разрушает все иллюзии прошлого, парламентские и синдикалистские, и в противовес искусственному стремлению к разьединению требует сочетание и концентрацию всех сил для единой классовой борьбы

⁵ Там же, стр. 181—182.

⁶ Там же, стр. 168, 169.

⁷ «Радичке новине», 10.VI 1910.

⁸ Там же.

пролетариата. Для успеха классовой борьбы пролетариата необходимо, чтобы объединенные силы имели единый нервный центр, единое сердце, единую директиву, которая может исходить только из центра социал-демократии как общего представителя классовой борьбы пролетариата»⁹.

Обращает на себя внимание тот факт, что не только в докладе Д. Туцовича и резолюции съезда, но в еще большей степени в выступлениях видных деятелей ССДП — Луки Павичевича и Благое Брачинаца подчеркивалась главенствующая объединяющая роль социал-демократической партии в борьбе рабочего класса. Что касается организационных форм, то VIII съезд ССДП, а затем VI съезд ГРС подтвердили сложившиеся ранее в сербском рабочем движении и типичные для партий II Интернационала отношения между партией и профсоюзами, заключающиеся во взаимном представительстве в руководящих органах¹⁰. VIII съезд уделил большое внимание одному из важнейших вопросов, связанных с активизацией всей деятельности ССДП, санкционировав работу партии в деревне¹¹.

Важной вехой в осуществлении решений VIII съезда ССДП явились митинги, собрания и демонстрации, прошедшие 12 декабря 1910 г. в 26 городах Сербии под лозунгом борьбы за всеобщее избирательное право. Только в Белграде в демонстрации, во время которой представителям Скупщины был вручен меморандум ССДП и ГРС, приняли участие около 12 тыс. человек. Повсюду, где 12 декабря состоялись манифестации трудящихся, перед собравшимися выступили видные деятели сербского рабочего движения. Обращает на себя внимание тщательная подготовка выступлений. Известно, что 5 декабря состоялось общее собрание социал-демократических и профсоюзных организаций сербской столицы, на котором обсуждались организационные меры по подготовке демонстрации и было принято обращение к трудящимся с призывом принять активное участие в манифестации¹². Правление ССДП позднее отмечало, что эта акция способствовала вовлечению рабочих в ряды ССДП и ГРС, более широкому распространению социалистической печати, повышению интереса к деятельности ССДП среди пролетариата и крестьянства¹³.

ССДП умело использовала возросший интерес трудящихся масс к деятельности партии. Важную роль в этом отношении сыграла хорошо аргументированная и доступная для широких

⁹ «Радничке новине», 29.VI 1910.

¹⁰ «Историјски архив КПЈ», стр. 156—158; «Синдикални покрет...», стр. 404—406.

¹¹ Более подробно по этому вопросу см.: Т. Е. Зюзюкина. К вопросу о работе ССДП в деревне. «Славянская историография и археография». М., 1969, стр. 83—102.

¹² «Радничке новине», 7—14. XII 1910.

¹³ «Историјски архив КПЈ», стр. 171—172.

слоев трудящихся критика экономической политики, внутреннего и внешнеполитического курса сербских правящих кругов. Это являлось основным направлением в агитационной работе ССДП, которой сербские социал-демократы уделяли очень большое внимание. «Пролетариат развитых стран, — писал журнал «Борба», — начал свою борьбу против капитализма с фабрик. У нас эта критика развивается несколько по-иному. Militarизм и налоговая система, экономическая и финансовая политика в целом, капиталистические привилегии должны стать основными моментами нашей критики капитализма»¹⁴. Исходным пунктом для критики политики правящих кругов Сербии стали финансово-экономические проблемы, такие, как государственный бюджет, налоговая политика, государственные займы. Социал-демократы обращали внимание на то обстоятельство, что большинство доходов государство получало за счет прямых и косвенных налогов, т. е. при существовавшей в Сербии налоговой системе — за счет трудящихся масс, а основная сумма расходов предназначалась на армию, выплату процентов по государственным займам, на содержание госаппарата и королевской семьи. Постоянное из года в год наблюдавшееся увеличение государственного бюджета, что было обусловлено непомерными для такой небольшой и экономически слаборазвитой страны военными расходами, сопровождалось ростом налогов. Разоблачая классовый характер налоговой политики, социал-демократы указывали на значительное увеличение числа дополнительных налогов, так называемых «прирезов», которыми население в большинстве случаев облагалось независимо от размеров имущества и доходы от которых составляли в 1909 г. 128% доходов от подоходного налога; социал-демократы протестовали против увеличения косвенных налогов посредством повышения налогов и пошлин на предметы первой необходимости. ССДП выступала за замену всех видов налогов единым подоходно-прогрессивным налогом¹⁵.

Хорошо аргументированная критика экономической политики правящих кругов способствовала росту популярности ССДП среди трудящихся масс Сербии, положение которых было весьма тяжелым. Несомненная эволюция вправо радикальной и независимой радикальной партий, отказ руководства этих партий после прихода к власти от осуществления их прежних демократических требований, экономическая политика, проводимая этими партиями в соответствии с интересами буржуазии, подорвали доверие народных масс к «истинно народным» радикальным партиям. В такой обстановке критика деятельности радикальных партий, которой отводилось значительное место в агитационной работе ССДП, отвечала настроению и находила отклик не только у рабочих, но и среди части крестьян из числа бедняков и середняков.

¹⁴ «Борба», 1914, № 9, стр. 341.

¹⁵ Там же, 1910, № 19, стр. 722.

В 1910—1912 гг. значительный размах получило забастовочное движение¹⁶, все более массовый характер приобретали первомайские демонстрации, митинги и собрания, проводимые социал-демократами в городах и селах Сербии. По сообщениям «Радничких новин», на отдельных собраниях присутствовало по 1500—2000 человек; нередко крестьяне из окрестных сел посещали, несмотря на препятствия, чинимые местными властями, митинги и собрания городских организаций ССДП¹⁷.

Усиление влияния ССДП в массах стало предметом обсуждения буржуазной прессы, обеспокоило церковные власти, которые предложили приходским священникам использовать проповеди для выступлений против социал-демократии. Однако не всегда руководители сербского рабочего движения находили соответствующие формы и моменты для активизации выступлений масс. В частности, ССДП и ГРС не сумели использовать недовольство широких слоев рабочего класса невыполнением предпринимателями закона о труде, который вступил в силу 1 июля 1911 г., и даже на какое-то время оказались в хвосте стихийно возникшего движения протеста¹⁸.

VIII съезд ССДП принял решение о работе партии в деревне; IX съезд признал целесообразным продолжить деятельность партии в этом направлении. Однако ССДП не определила отношения партии к различным слоям крестьянства, не создала своей аграрной программы. Сербские социал-демократы не осознали самой возможности революционного союза рабочего класса и крестьянства под руководством партии пролетариата. Как свидетельствуют обсуждение этого вопроса на съездах ССДП и материалы, опубликованные в сербской социалистической печати, в руководстве ССДП и среди активных участников сербского рабочего движения не существовало единого мнения по вопросу о том, среди каких слоев крестьянства и в каких формах следует проводить работу партии в деревне. Некоторые видные деятели ССДП обосновывали целесообразность работы партии в деревне тем, что она будто бы проводилась среди сельскохозяйственного пролетариата, хотя это утверждение и не соответствовало истинному положению дел. Те представители ССДП, и прежде всего Д. Тузович, которые придавали большое значение работе партии в массах, рассматривали социал-демократическую деятельность в селах именно как работу партии среди трудящихся масс деревни. Разногласия по этим вопросам обострились к концу 1911 г., что привело к созыву внеочередного съезда ССДП.

Состоявшийся весной 1911 г. IX съезд ССДП, учитывая опыт работы партии в деревне, фактически отменил резолюцию III съезда о неучастии ССДП в избирательной кампании в округах, пре-

¹⁶ «Синдикални покрет у Србији...», стр. 352—357.

¹⁷ «Радничке новине», 24, 28.III; 19.IV 1911.

¹⁸ Там же, август 1911 г.

доставив правлению партии право решить вопрос о возможности выдвижения кандидатур от ССДП на ближайших парламентских выборах в округах, т. е. в сельской местности. Секретарь ССДП Д. Туцович считал необходимым использовать предвыборную кампанию 1912 г., всегда игравшую большую роль в общественно-политической жизни Сербии, для активизации работы партии в массах и с этой целью предлагал, чтобы ССДП впервые в ее истории приняла участие в избирательной кампании в ряде округов. Д. Лапчевич, ветеран рабочего движения и председатель партии, выступил против этого предложения, мотивируя свою позицию стремлением сохранить пролетарский характер партии (по его мнению, контакты с более широкими слоями трудящихся, и прежде всего с крестьянством, были в этом отношении весьма проблематичны), и высказал опасения, что участие ССДП в парламентских выборах в округах может превратиться в погоню за голосами избирателей. Такая позиция основывалась на недооценке революционных возможностей сербского рабочего класса и успехов, достигнутых ССДП и ГРС. Объективно это была догматическая, сектантская позиция, способная лишь ослабить сербское рабочее движение, воспрепятствовать его развитию, сузить сферы влияния ССДП. В. И. Ленин писал: «Великая историческая обязанность рабочей партии — способствовать созданию самостоятельной политической партии рабочего класса. Другая великая обязанность — освободить массы разоряющегося, бедствующего, гибнущего мещанства и крестьянства от влияния идей и предрассудков либеральной буржуазии»¹⁹. Значение этой второй задачи, актуальной и в условиях Сербии, не осознали Д. Лапчевич и другие деятели ССДП, разделявшие его позицию.

В организационном отношении разногласия в руководстве ССДП привели к выходу Д. Туцовича и Д. Лапчевича из состава правления. Внеочередной съезд ликвидировал конфликт в руководстве ССДП, причем Д. Туцович и Д. Лапчевич получили наибольшее число голосов при выборах нового правления²⁰.

В ССДП существовала практика опубликования в центральном органе партии накануне открытия съезда редакционных статей, в которых разъяснялись сущность и значение для рабочего движения основных вопросов, представленных на рассмотрение съезда. «Значение современного политического момента, — писали «Радничке новине» накануне открытия внеочередного съезда ССДП, — в том и состоит, что социал-демократия представляет сегодня единственную принципиальную оппозицию режиму и политике правящей буржуазии, она защищает основные политические свободы от буржуазии, которая когда-то сама боролась за них; борьбой против варварской налоговой системы она защищает

¹⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 380.

²⁰ «Радничке новине», 14.II 1912.

жизненные интересы широких народных масс... Наконец, социал-демократия решительно встала на сторону общего экономического и культурного прогресса, вопреки эгоистическим устремлениям буржуазных фракций»²¹. По докладу Д. Тузовича съезд принял резолюцию, в которой отмечалось огромное значение работы партии в массах и в этой связи санкционировалось участие ССДП в парламентских выборах в округах²². «Наш лозунг в предвыборной борьбе, — говорил на внеочередном съезде Д. Тузович, — означает прежде всего «в массы»! Завоевать их на сторону социал-демократии — это не только политический выигрыш и необходимость, но и предварительное условие дальнейшего успеха и прогресса в нашей работе»²³. На съезде Д. Лапчевич не только не возражал против выдвижений кандидатов от ССДП в сельской местности, но даже поддержал это предложение. Вместе с тем он наряду с некоторыми другими делегатами съезда продолжал рассматривать агитацию и организацию пролетарских элементов в селах как основное направление работы партии в деревне, а участие ССДП в парламентских выборах в округах считал необходимым прежде всего для того, чтобы ССДП не утратила представительства в Скупщине²⁴.

В соответствии с рекомендациями внеочередного съезда ССДП по решению правления партии выдвинула списки кандидатов в шести округах, где она получила свыше 20 тыс. голосов и провела в парламент двух депутатов (до 1912 г. ССДП имела в Скупщине только одно место). Крупнейшая буржуазная партия — радикальная, находившаяся к тому же у власти, что имело для исхода предвыборной борьбы большое значение, получила в 17 округах 160 тыс. голосов²⁵.

В ходе предвыборной кампании социал-демократы провели значительное число предвыборных митингов и собраний, выпустили специальные агитационные листовки; в печати ССДП в этой связи было опубликовано множество материалов. Как отмечалось в «Радничких новинах» и в мемуарной литературе, в ходе избирательной кампании возрос интерес трудящихся, прежде всего крестьянства, к ССДП²⁶. Касаясь значения активного участия ССДП в избирательной кампании 1912 г., Д. Тузович писал: «Все говорит о том, что наша партия выполнила в этой предвыборной борьбе великую задачу: а) массы были выведены из пассивности, они вышли за рамки буржуазных партий; б) авторитет буржуазных партий упал в глазах народных масс; в) нанесен сильный удар политическим группировкам буржуазии, сделавшим полити-

²¹ «Радничке новине», 20.I 1912.

²² «Историјски архив КПЈ», стр. 223.

²³ Д. Тузовић. Целокупна дела. Београд, 1924, стр. 54.

²⁴ «Радничке новине», 18.II 1912.

²⁵ Там же, 5.IV 1912.

²⁶ Там же, февраль — апрель 1912 г.

ческую борьбу беспринципной и пустой; г) открыт путь для формирования классовой оппозиции пролетариата»²⁷.

Переход к работе в массах оказался для ССДП процессом достаточно сложным в идейно-теоретическом и организационном отношениях и сопровождался не только непониманием сущности и значения новых моментов в тактике ССДП со стороны части членов партии, но и усилением анархо-синдикалистских и парламентских тенденций. Некоторые активные участники сербского рабочего движения (Н. Дивац, В. Кнежевич, С. Маркович) проявляли склонность к преувеличению роли профсоюзов и недооценке политической борьбы рабочего класса, что особенно ярко проявилось при обсуждении руководящими органами ССДП работы партии в деревне, вопросов тактики и единства сербского рабочего движения. Используя то обстоятельство, что рост организаций ССДП в селах происходил преимущественно за счет крестьян, мелких и средних собственников²⁸, вследствие чего за период, прошедший между VIII и IX съездами ССДП, резко увеличился удельный вес непролетарских элементов в партии, Н. Дивац и В. Кнежевич, не дожидаясь обсуждения IX съездом вопроса о работе партии в деревне, поставили под сомнение успехи, достигнутые ССДП, и правомерность политической линии и тактики, одобренных VIII съездом ССДП²⁹. Между тем вопрос об изменении социального состава ССДП в связи с основанием социал-демократических организаций в селах привлек самое серьезное внимание руководителей ССДП и делегатов IX съезда; вскоре после IX съезда правление ССДП приняло решение об изменении форм работы партии в деревне: было приостановлено создание организаций ССДП в селах, активизировалась агитационно-пропагандистская деятельность ССДП в деревне³⁰.

Представители анархосиндикалистского уклона попытались объяснить возникновение разногласий между ними и большинством в ССДП личными моментами и нетерпимостью руководства ССДП к критике³¹. Выступившие вслед за ними Б. Брачинац и Д. Тудович обратили внимание делегатов на принципиальный характер разногласий. «Могу сразу же заметить,— сказал Д. Тудович,— что вместо личной неприязни я вижу разногласия в точках зрения. Рабочее движение, разумеется, не развивается без различий во мнениях. Развитие движения сопровождается возникновением различных мнений и различных взглядов. Дискуссия показала, что эти разногласия касаются не работы партии, а самого значения партии. Между нами и группой товарищей существуют принципиальные разногласия по вопросу о целесообразности

²⁷ Там же, 19.III 1912.

²⁸ «Историјски архив КПЈ», стр. 181.

²⁹ «Радничке новине», 8.VI 1911.

³⁰ Там же, 8.VII; 13.X; 6.XII 1911.

³¹ Там же, 8.VI 1911.

действий партии... Наши оппоненты считают, что единственной формой борьбы пролетариата является профсоюз, что партия должна быть подчинена профсоюзам, что для освобождения пролетариата необходим только профсоюз... Я считаю, что невозможен прогресс в профсоюзном движении, если оно не в организационном, а в идейном отношении не является составной частью социал-демократии. Я не только не могу пойти на уступки этим товарищам, но считаю, что профсоюзная деятельность является частью социал-демократической деятельности. Это мнение правления партии и Главного рабочего союза... Вследствие этих разногласий товарищи, которые придерживаются иной точки зрения, наносят своими выступлениями и действиями вред партии, а по нашему мнению, и всему движению»³². Подавляющее большинство делегатов IX съезда подвергли представителей анархо-синдикалистского уклона резкой критике. Съезд, вопреки установившейся в ССДП практике, принял специальную резолюцию по отчетному докладу, в которой выражалась полная солидарность с основными принципами работы партии и рекомендовалось правлению ССДП «следовать этой линии и укреплять ее»³³.

Столь же решительно руководство ССДП реагировало на проявление парламентаристских тенденций, приведших к грубому нарушению партийной дисциплины. В ходе предвыборной кампании 1912 г. социал-демократические организации Паланки и Смедерева, вопреки решению правления ССДП, выдвинули список кандидатов, среди которых были активные деятели ССДП, по смедеревскому округу. В специальном письме, опубликованном накануне выборов, правление ССДП указало, что лица, баллотировавшиеся по смедеревскому списку, не являются кандидатами партии, и предложило социал-демократам и их сторонникам воздержаться от голосования в этом округе³⁴. В серии статей, опубликованных по этому поводу «Радничкими новинами»³⁵, отмечалось, что смедеревский «дикий» список появился в тот момент, когда ССДП впервые приняла участие в избирательной кампании в округах, когда многие социал-демократы относились к этому шагу «с осторожностью», опасаясь, что контакты ССДП с массами, ей сочувствующими, но недостаточно организованными и дисциплинированными, могут привести к дезорганизации движения. Правление ССДП предприняло энергичные организационные меры: из ССДП были исключены социал-демократы, составившие смедеревский список, а организации, их поддерживавшие и не согласившиеся с этим решением (паланкская, смедеревская и белградская районная организация «Дунав»), распущены³⁶.

³² Д. Туцовић. Изабрани списи, стр. 78—79.

³³ «Радничке новине», 10.VI 1911.

³⁴ Там же, 3.III 1912.

³⁵ Там же, 1—12.V 1912.

³⁶ Там же, 25.IV 1912.

Нам представляется заслуживающим внимания то обстоятельство, что ССДП, несмотря на сравнительную слабость и малочисленность сербского рабочего движения, сочла возможным поставить вопрос о работе партии в массах. В практической деятельности ССДП эта тенденция нашла отражение в работе партии в деревне, в организации социал-демократами многочисленных по тому времени митингов и собраний, в стремлении расширить и активизировать участие ССДП в общественно-политической жизни страны. Следует, однако, отметить, что вопрос о работе ССДП в массах не получил должного теоретического обоснования, что при поисках новых форм и методов работы ССДП допустила ряд ошибок. В руководстве ССДП, по сути дела, не существовало единого мнения касательно целесообразности работы партии в массах. Выступления сербской социалистической печати по данному вопросу также не отличались последовательностью. «Радничке новине» и журнал «Борба» публиковали статьи как сторонников работы партии в массах, так и тех социал-демократов, которые стремились ограничить деятельность ССДП организационно-пропагандистской работой только среди рабочих. Усиление разногласий по этому вопросу привело к созыву внеочередного съезда ССДП. Однако ни на внеочередном съезде, ни впоследствии в ССДП не состоялось открытой дискуссии по вопросу о возможности, целесообразности и формах работы партии в массах.

К ИСТОРИИ ТРИЕСТСКОГО КРИЗИСА 1945 г.

Л. Я. Губианский

Триестский кризис в мае-июне 1945 г. явился важным эпизодом в международных отношениях вообще и на Балканах в частности. Данная статья ставит целью рассмотрение некоторых вопросов политики, с одной стороны, Англии и США, с другой — Советского Союза в связи с триестским конфликтом, менее освещенных пока в советской историографии¹.

¹ Из работ, затрагивавших в той или иной связи триестский кризис 1945 г., см., например: «История Югославии», т. II. М., 1963; «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.», т. 6. М., 1963; Г. М. Славин. Освободительная война в Югославии (1941—1945 гг.). М., 1965; Л. Я. Губианский. Расстановка классовых сил в Югославии в 1944—1945 гг. «Советское славяноведение», 1967, № 1; Л. Я. Губианский, В. В. Зеленин. СССР и борьба югославских трудящихся за народную республику (1941—

Как известно, кризис, сопровождавшийся серьезной дипломатической и даже военной напряженностью, разразился в начале мая 1945 г., когда в ответ на освобождение югославской армией в ходе успешных наступательных операций против гитлеровцев Истрии, Триеста и других прилегающих районов по югославо-итальянской границе² западные союзники спешно направили сюда свои войска, потребовав в ультимативной форме немедленного отвода югославских частей и передачи значительной территории под контроль англо-американской военной администрации. Действия, предпринятые Лондоном и Вашингтоном, были логическим следствием всей их политики в отношении триестского вопроса и Югославии, как и в отношении Юго-Восточной Европы в целом, в годы второй мировой войны.

Правящие круги Англии и США стремились не допустить в этом районе революционных общественных перемен, обеспечить там после войны сохранение буржуазных порядков, а также свои политические и экономические позиции. В частности, особую активность проявляло британское правительство, которое, рассматривая Юго-Восточную Европу как особую сферу своих интересов, придавало ей первостепенное значение в общих планах военно-политического проникновения в восточноевропейские страны, что нашло достаточно ясное выражение в известном «балканском варианте», упорно отстаивавшемся У. Черчиллем. В рамках этого замысла высадки на Балканах английский премьер отводил важное место Истрии и Триесту.

Усилия, направленные на осуществление операции в Юго-Восточной Европе, стали особенно настойчивыми с лета 1944 г., и в частности со второй половины июня Черчилль и британские военные руководители добиваются десанта в Истрии, обсуждая даже с американцами вопрос о замене им намеченной уже раньше высадки западных союзников на юге Франции, согласованной еще в Тегеране «большой тройкой»³. Как раз в это время английское правительство пришло к выводу, что соглашение, заключенное в итоге переговоров между председателем Национального комитета освобождения Югославии И. Броз Тито и премьером югославского эмигрантского правительства И. Шубашичем в середине июня на острове Вис, не оправдало надежд Лондона, ибо, как подчеркивал министр иностранных дел А. Иден в одном из документов, адресованных Черчиллю, маршал Тито не сделал на Висе желательных политических уступок⁴. Соответственно англичане предприняли новые попытки, чтобы добыть-

1945). «Советское славяноведение», 1970, № 6; Ю. Л. Кузнец. От Пёрл-Харбора до Потсдама. М., 1970.

² Эта территория получила в Югославии название Юлийской Краины, а в Италии — Венеции-Джулии.

³ См., например: Дж. Эрман. Большая стратегия. Август 1943 — сентябрь 1944. М., 1958, стр. 359—363.

⁴ «The Eden Memoirs. The Reckoning». London, 1965, p. 463.

ся таких уступок, обеспечить необходимые позиции для югославской буржуазии и монархии, значительно ослабив одновременно позиции революционных сил во главе с КПЮ. Эти попытки сопровождались различными мерами давления на новую Югославию, и, очевидно, операция в Истрии, дававшая западным союзникам помимо прочего возможность военного присутствия на югославской территории, выступала как существенное подкрепление британских настояний⁵.

Она была призвана играть и еще более широкую роль в английских замыслах в отношении балканских и дунайских стран, особенно перед лицом непосредственной перспективы генерального наступления советских войск в Юго-Восточной Европе, ставившего решительным образом под вопрос расчеты Лондона и Вашингтона навязать народам этого района свои решения. В телеграмме Ф. Рузвельту 1 июля 1944 г. У. Черчилль отмечал, что Истрия и Триест представляют собой позиции, важные и в военном, и в политическом отношении, занятие которых может иметь далеко идущие и важные последствия⁶. Оценивая эти слова, следует иметь в виду мысль Черчилля, что Истрия и Триест открывают затем путь к Вене, высказывавшуюся им, в частности, в письмах южноафриканскому премьеру Сметсу и Рузвельту 31 августа 1944 г.⁷, и его озабоченность, выраженную вслед за этим в послании английскому комитету начальников штабов 8 сентября, по поводу того, что освобождение советскими войсками помимо Румынии также Югославии, Венгрии и, возможно, Австрии до прорыва западными союзниками линии Зигфрида при желательности с военной точки зрения «может иметь самые ужасные политические последствия для Центральной и Южной Европы»⁸. В связи с обсуждением вопроса об операции в Истрии на встрече с Рузвельтом в Квебеке в середине сентября 1944 г. Черчилль, стремившийся обосновать свою позицию чисто военными соображениями, вынужден был затем признать, что важной причиной было здесь именно продвижение Красной Армии на Балканах и опасность «распространения советского влияния», как он именовал развертывание революционных преобразований и установление народно-демократического строя в странах Центральной и Юго-Восточной Европы⁹.

Между тем летом 1944 г. осуществить британские планы в отношении Истрии, а также высадки на Балканах вообще не удалось, так как по ряду причин президент Рузвельт не мог в тот момент согласиться с участием американских войск в такой

⁵ См., например: *D. Plenča. Međunarodni odnosi Jugoslavije u toku drugog svjetskog rata*. Beograd, 1962, str. 271—277.

⁶ *Дж. Эрман. Указ. соч.*, стр. 566.

⁷ *W. S. Churchill. The Second World War*, vol. VI. London, 1954, p. 91, 110.

⁸ *Дж. Эрман. Указ. соч.*, стр. 404.

⁹ *W. S. Churchill. The Second World War*, vol. VI, p. 133—134.

операции¹⁰. Когда же на встрече в Квебеке американцы согласились с английским планом действий в Истрии, ситуация уже быстро менялась ввиду стремительного освобождения Красной Армией Румынии и Болгарии и успешно развернувшихся совместных наступательных операций советских войск и народно-освободительной армии в Югославии. В новых условиях широкая высадка западных союзников на Балканах, прежде всего в Югославии, была уже невозможна, и британские правящие круги смогли реализовать свои контрреволюционные замыслы лишь в Греции. Однако в обстановке, когда всю западную часть Югославии еще только предстояло освободить и когда не были освобождены ни Венгрия, ни Австрия, Черчилль по-прежнему стремился к вводу западных войск в Истрию, Триест и прилегающие районы. Уже в конце октября он высказывал резкое недовольство медлительностью, на его взгляд, средиземноморского командования западных союзников в планировании высадки на далматинском побережье и наступления на Риеку и Триест, опасаясь, что югославская армия придет туда раньше англо-американских войск и последние не смогут ей в этом помешать. Но военное руководство Запада на Средиземноморье, состоявшее в основном из англичан, не видело в этот момент возможности подготовить высадку раньше февраля 1945 г., с чем был согласен и американский комитет начальников штабов. В итоге планировавшаяся операция теряла, по мнению Черчилля, смысл¹¹.

Беспокойство руководителей Англии, а также США по поводу того, что их войскам не удастся занять эти территории прежде югославской армии, особенно возросло с конца февраля — начала марта 1945 г. ввиду предстоявшего наступления вооруженных сил Демократической Федеративной Югославии (ДФЮ) на запад, в частности в направлении Истрии и Триеста. С планом этого наступления был подробно ознакомлен верховный командующий силами западных союзников на средиземноморском театре фельдмаршал Г. Александер во время его визита в Белград в конце февраля 1945 г.¹²

Уже во время визита Александер пытался настоять перед маршалом Тито на необходимости оккупации англо-американскими войсками всей территории к западу от итало-югославской границы 1939 г., т. е. практически всей области, о которой шла речь, и установлении там ими военного управления, что вызыва-

¹⁰ Важную роль играло здесь, в частности, опасение Рузвельта изменить без согласия СССР план военных операций, о котором «большая тройка» договорилась в Тегеране, и проводить вместо высадки на юге Франции операции в Юго-Восточной Европе (*W. S. Churchill. The Second World War, vol. VI, p. 664*).

¹¹ См. *Дж. Эрман. Большая стратегия Октябрь 1944 — август 1945. М., 1958, стр. 62—64, 351.*

¹² Там же, стр. 132; «*Oslobodilački rat naroda Jugoslavije*», knj. 2. Beograd, 1965, str. 540.

ло возражения Тито¹³. Александер, как видно из его отчета о переговорах, опасался, что югославы смогут овладеть всей областью до вступления его частей; он отмечал доминирующее влияние, которым уже пользовались в ряде этих районов оперировавшие там местные югославские освободительные силы, и наличие созданной в ходе освободительной борьбы с оккупантами югославской администрации¹⁴. В такой обстановке он поспешил договориться с Тито, что войска западных союзников займут лишь часть этой территории¹⁵. Но, информируя о поездке в Белград, английский фельдмаршал уже 2 марта писал объединенному комитету начальников штабов о необходимости того, чтобы западная зона включала не только Триест и районы «коммуникационных линий» из Триеста в Австрию, но также Риеку и Пулу, чтобы югославские войска, которые заняли бы другую часть территории, находились под его главенством и чтобы во всей области было установлено союзное военное управление, в котором Югославия только участвовала бы вместе с Англией и США¹⁶. 28 февраля и. о. государственного секретаря США Дж. Грю также инструктировал телеграфно А. Кирка, американского политического советника при средиземноморском командовании, о необходимости добиться от маршала Тито согласия поставить югославскую гражданскую администрацию, которая была бы установлена в указанной области, под контроль англо-американского военного управления, а югославские войска, которые бы заняли эту область, — под контроль командования западных союзников¹⁷. В связи с этим американская дипломатия пыталась даже предпринять в марте шаги в Москве через посла А. Гарримана¹⁸.

Подобного рода планы активно обсуждались английской и американской дипломатией в течение марта-апреля 1945 г., причем Черчилль поставил этот вопрос в число главных пунктов своей стратегии и политики¹⁹. Когда же в ходе развернувшегося с конца марта — начала апреля успешного наступления против гитлеровцев югославские войска стали освобождать Истрию и прилегающие районы, подойдя в последних числах апреля к Триесту, Англия и США решили предпринять срочные меры.

26 апреля Г. Александер, чьи силы, наступавшие в северной Италии, подходили к этой области с запада, известил английский

¹³ «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1945» (далее — FRUS. 1945), vol. IV. Washington, 1968, p. 1168.

¹⁴ Там же, стр. 1108—1109, 1110.

¹⁵ См. *И. Броз Тито. Изградња нове Југославије*, кн. 1. Београд, 1947, стр. 17.

¹⁶ FRUS. 1945, vol. IV, p. 1110.

¹⁷ Там же, стр. 1107.

¹⁸ «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», т. II. М., 1957, стр. 232; FRUS. 1945, vol. V, p. 1216.

¹⁹ См. FRUS. 1945, vol. IV, p. 1114—1121; *W. S. Churchill. The Second World War*, vol. VI, p. 400.

комитет начальников штабов о желательности как можно скорее захватить наиболее важные с его точки зрения районы, в которые входили югославские войска, включая Триест и Пулу²⁰. Этот план был поддержан У. Черчиллем, который 27 апреля обратился к новому президенту США Г. Трумэну, настаивая на необходимости опередить «партизан Тито» и получить Триест, даже если требуется «идти на риск, свойственный таким политико-военным операциям»²¹. В ответ Трумэн 30 апреля писал, что перед вступлением западных войск Александер должен объяснить свои намерения Тито и «сделать ясным, что любые югославские силы в этой области должны находиться под нашей командой». При этом президент не исключал возможности «дальнейшей акции, если югославы не будут сотрудничать», хотя и подчеркивал желание избежать того, чтобы американцы сражались с югославскими силами²². 30 апреля западные союзники начали ввод войск, встретившихся с югославскими частями 1 мая у Монфальконе, а 2 мая — в Триесте, куда уже перед этим вошла югославская армия, и предъявили ДФЮ свои требования. Поскольку югославские войска, как подчеркнул в своей речи в Загребе 21 мая маршал Тито²³, в ходе борьбы с гитлеровцами первыми вошли и освободили эти районы, где преобладало словенское и хорватское население, новая Югославия отвергла максималистские требования отвода своих войск, подчинения союзному верховному командующему и установления его военного управления. В то же время она не отказывалась решить спорные вопросы путем известного компромисса на основе временной совместной оккупации и военного управления в некоторых пунктах, включая Триест²⁴. Такое решение не устраивало, однако, западных союзников, которые прибегли к режиму нападкам на ДФЮ и предприняли различные меры самого неприкрытого давления.

В западной печати была развязана шумная антиюгославская кампания, сопровождавшаяся различного рода оскорбительными выпадами против ДФЮ и ее руководителей. Враждебные и оскорбительные заявления исходили и от официальных лиц, всячески накалявших таким образом и без того напряженную обстановку; например, фельдмаршал Александер в своем публичном заявлении 20 мая не остановился перед тем, чтобы сравнить югославскую политику с политикой фашистских государств²⁵. Дипломатические демарши в адрес новой Югославии носили уль-

²⁰ Дж. Эрман. Большая стратегия. Октябрь 1944..., стр. 133.

²¹ W. S. Churchill. The Second World War, vol. VI, p. 480—481.

²² Там же, стр. 481.

²³ J. Броз Тито. Указ. соч., стр. 17.

²⁴ См. А. Джонлагич, Ж. Атанацкович, Д. Пленча. Югославия во второй мировой войне. Београд, 1967, стр. 219; D. Plenta. Međunarodni odnosi Jugoslavije..., str. 400.

²⁵ См.: «Documents on American Foreign Relations», vol. VII. Princeton, 1947, p. 910.

тимативный характер, особенно усилившийся с середины мая, когда поштыки, предпринятые в Белграде в первой половине мая начальником штаба средиземноморского союзного командования генералом Морганом, а затем самим Александером, добиться от югославов подчинения требованиям Запада не привели к результатам. Составленные в категоричном, безотговорочном тоне ноты Англии и США правительству ДФЮ требовали вывода югославских войск «из областей, которые представляются необходимыми для англо-американской армии»²⁶; требовалось немедленное согласие на контроль со стороны верховного союзного командующего на средиземноморском театре над областью, которая, как указывалось, «должна включать Триест, Горицию, Монфальконе и Пулу, линии коммуникаций через Горицию и Монфальконе в Австрию и зону, простирающуюся достаточно в восточном направлении от этой линии, чтобы можно было осуществлять соответствующий административный контроль»; были выдвинуты требования немедленно дать указания югославским вооруженным силам в этом районе сотрудничать с союзным командующим в учреждении там военного управления под его властью²⁷. Для подкрепления были пущены в ход все средства нажима, чтобы заставить ДФЮ уступить. Так, в ответ на просьбы югославского правительства, чтобы США рассмотрели вопрос о помощи разоренной войной Югославии по ленд-лизу, американский государственный секретарь Э. Стеттиниус заявил югославам в середине мая, что «мы не можем обсуждать такие вопросы, как ленд-лиз, пока не будет выяснено положение с Венецией-Джулией и Каринтией»²⁸. Но, несомненно, наиболее опасным для новой Югославии было военное давление со стороны Англии и США.

Направив войска в районы, куда уже раньше вошла югославская армия, западные руководители с каждым днем нагнетали напряженность и всемерно усиливали здесь вооруженные демонстрации, направленные против ДФЮ. 6 мая У. Черчилль указывал Г. Александеру на необходимость сосредоточить «солидную массу войск в этой области, с большим превосходством в современном оружии и частыми демонстрациями воздушных сил», а также значительные морские силы²⁹. 21 мая объединенный комитет начальников штабов дал Александеру указание укрепить свои войска на спорной территории и заверил, что главнокомандующий армиями западных союзников в Европе генерал Д. Эйзенхауэр окажет ему всю возможную помощь, чтобы, как было подчеркнуто, не оставалось никаких сомнений в союзническом, т. е.

²⁶ «Oslobodilački rat naroda Jugoslavije», knj. 2. str. 619.

²⁷ «Переписка Председателя Совета Министров СССР...», т. I, стр. 360—361; т. II, стр. 293.

²⁸ FRUS. 1945, vol. V, p. 1229.

²⁹ W. S. Churchill. The Second World War, vol. VI, p. 482—483.

англо-американском, превосходстве и твердости намерений³⁰. Резюмируя всю эту демонстративную военную активность Запада, Трумэн заявил 29 мая министру иностранных дел и послу Югославии, что, если Тито будет «упорствовать», он встретится с «подавляющей силой» и что «настало время для решения»³¹.

Мы уже имели случай отметить³², что со стороны западных союзников это был прежде всего шантаж, попытка устрашить Югославию. Однако подобный шантаж применением силы порождает реальную военную напряженность, в условиях которой создавалась опасность возникновения прямого вооруженного конфликта. Более того, западные политические и военные руководители допускали в своих планах такого рода конфликт уже с самого начала, как видно из приведенной переписки Черчилля и Трумэна перед вводом англо-американских войск. Об этом свидетельствует и переписка Черчилля и Трумэна с английскими и американскими военными руководителями. Так, 12 мая Черчилль писал фельдмаршалу Александру, что в случае конфликта тот может рассчитывать на 18 дивизий, находящихся под английским и американским командованием³³. Со своей стороны президент Трумэн запросил ведущих американских военачальников, какое количество войск они могут сосредоточить вблизи района предполагаемого конфликта, в ответ на что Д. Эйзенхауэр, а также командующий военно-морским флотом США адмирал Э. Кинг и командующий американскими ВВС генерал Г. Арнольд не замедлили известить о готовности немедленно направить туда значительные силы³⁴.

Вся эта сопровождаемая непрерывными угрозами демонстративная дипломатическая и даже военная активность Лондона и Вашингтона, направленная против союзного, сражавшегося в рядах антигитлеровской коалиции государства, чье правительство было к тому же официально признано ими, была беспрецедентна. Правящие круги Запада поставили в этот момент антиюгославскую кампанию в связи с Триестом и всем районом конфликта чуть ли не в центр своей внешнеполитической деятельности. Первая же тема, которую по возвращении 17 мая с учредительной конференции ООН в Сан-Франциско А. Иден обсуждал с У. Черчиллем, касалась югославских дел³⁵. Руководители Англии и США стремились мотивировать свои действия прежде всего тем, что они пекутся по поводу справедливого решения вопроса о югославо-итальянской границе и принадлежности спор-

³⁰ См. *C. R. S. Harris. Allied Military Administration of Italy 1943—1945. London, 1957, p. 341.*

³¹ «Memoirs by Harry S. Truman», vol. 1. N. Y., 1955, p. 252.

³² См. *Л. Я. Губианский. Указ. соч., стр. 11.*

³³ *W. S. Churchill. The Second World War, vol. VI, p. 484.* При последующем перечислении Черчилль насчитывал 16 дивизий (там же).

³⁴ «Memoirs by Harry S. Truman», vol. 1, p. 249—250.

³⁵ «The Eden Memoirs. The Reckoning», p. 537.

ных территорий, которые после первой мировой войны получила Италия, но на которых жило в большинстве югославское население, и что поэтому, как писал У. Черчилль И. В. Сталину 15 мая, «до мирного урегулирования единственно правильным и приемлемым было бы передать провинцию под военное управление фельдмаршала Александера, который займет ее и будет управлять ею от имени всех Объединенных Наций»³⁶. Подобный тезис получил затем широкое распространение и в западной историографии. Между тем он выглядел достаточно странно уже хотя бы потому, что западные союзники присваивали право на односторонние акции от имени Объединенных Наций, насколько не считаясь с Югославией, являвшейся полноправным членом этого сотрудничества и входившей в число государств — учредителей ООН, и игнорируя тот факт, что союзная югославская армия освободила эти районы в ходе разгрома гитлеровцев. К тому же на деле правительства Англии и США вовсе не были озабочены ни итальянскими, ни тем более югославскими национальными интересами и руководствовались в вопросах югославо-итальянских отношений совершенно иными целями.

Эти цели довольно ясно изложил Черчилль Идену в марте 1945 г.: поддержка Италии против Югославии, поскольку еще есть надежда «спасти Италию от коммунизма»³⁷. Здесь-то и заключалась причина яростной антиюгославской позиции, занятой Лондоном, когда югославские войска освободили Истрию, вошли в Триест и прилегающие районы. Она была логическим продолжением всей предшествовавшей политики Англии в отношении этой области в рамках планов противостояния революционным переменам в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, в том числе в Югославии, где раньше всего стала очевидной победа народной революции и перспектива перехода на путь социализма. В конце апреля — мае 1945 г., когда народно-демократическая власть уже была установлена в восточноевропейских странах, упорные усилия британского правительства любыми средствами, вплоть до военной угрозы, вынудить югославов отступить в триестском вопросе играли, во-первых, роль важного инструмента в том общем давлении на ДФЮ, к которому было решено прибегнуть ввиду выявившейся к тому времени неудачи планов подорвать новую Югославию путем сформирования в марте 1945 г. объединенного югославского правительства на основе соглашения Тито — Шубашич. Во-вторых, эти усилия были призваны обеспечить контроль в важном с точки зрения Англии и США стратегическом пункте в целях «борьбы с коммунизмом».

Подобные же мотивы привели к тому, что в отличие от более сдержанной и осторожной линии в вопросе об Истрии и

³⁶ «Переписка Председателя Совета Министров СССР...», т. I, стр. 359

³⁷ *W. S. Churchill. The Second World War, vol. VI, p. 523.*

Триесте, которой придерживался Рузвельт, правительство Трумэна солидаризировалось теперь с британской политикой. Здесь отразился вообще несравненно более жесткий курс в отношении Центральной и Юго-Восточной Европы, проявившийся с приходом Трумэна, в результате чего в дипломатии США все более открыто брали верх враждебность к Советскому Союзу и народно-демократическим государствам. При обсуждении у президента Трумэна госдепартамент интерпретировал вопрос о Триесте и Истрии, в частности об использовании триестского и риекского портов, как вопрос противодействия коммунизму, причем утверждалось, будто установление югославского контроля в Триесте и Риеке означает выход советской военной мощи на Адриатику и в Средиземноморье. Американская дипломатия считала, что США и Англия должны превратить спор о Триесте и Истрии в пробу сил, занять твердую антиюгославскую и антисоветскую позицию, поддерживать претензии итальянского правительства против Югославии в интересах отпора коммунизму. Трумэн первоначально, как мы видели, несколько опасавшийся открытого столкновения с югославами, одобрил 11 мая этот план, разработанный госдепартаментом, и известил Черчилля о необходимости жестких мер³⁸. Американская поддержка была важным фактором еще большей активизации британских действий. 12 мая в телеграмме Александеру об использовании английских и американских дивизий в возможном конфликте Черчилль подчеркивал, что «тот факт, что Великобритания и Соединенные Штаты действуют вместе, должен сделать этот вопрос абсолютно ясным для этих войск»³⁹.

Вместе с тем в этот опасный для Югославии момент Запад вынужден был, однако, учитывать ряд факторов, оказывавших на него сдерживающее влияние, особенно с точки зрения прямого применения силы. К их числу относился завоеванный героической борьбой югославских народов престиж самой новой Югославии, в том числе и среди широких слоев населения Англии и США. В своем донесении У. Черчиллю 1 мая 1945 г. Г. Александер специально обращал внимание британского премьера на необходимость иметь в виду симпатии к югославам и их борьбе за свободу в союзных странах и армиях, включая англичан⁴⁰. Запад не мог также не считаться с тем, что новая Югославия, решительно возражавшая против действий Англии и США, не собиралась допускать, чтобы ее унижали и пренебрегали ее правами, как подчеркнул, в частности, в своих заявлениях И. Броз Тито⁴¹. Не случайно тот же Александер писал Черчил-

³⁸ См. «Memoirs by Harry S. Truman», vol. 1, p. 247—248; Ю. Л. Кузнец. Указ. соч., стр. 276.

³⁹ W. S. Churchill. The Second World War, vol. VI, p. 484.

⁴⁰ Там же, стр. 481—482.

⁴¹ I. Broz Tito. Указ. соч., стр. 16—17, 22—24.

лю, что если будет дан приказ «занять всю Венецию-Джулию силой... мы несомненно будем вовлечены в сражение с Югославской армией»⁴².

Наряду с этим одним из решающих факторов сдерживания в момент триестского кризиса являлось для Запада сознание советской поддержки новой Югославии, связанной с СССР союзным договором.

Уже в самом начале кризиса, 5 мая, Александер, сообщая Черчиллю о возможности столкновения с югославской армией, отмечал, что последняя «будет иметь по меньшей мере моральную поддержку русских»⁴³. Несколько дней спустя, информируя британского премьера об укреплении военного положения Югославии со времени своей встречи с Тито в феврале 1945 г., Александер, имея в виду визит югославской правительственной делегации в СССР в апреле 1945 г. и заключение 11 апреля советско-югославского договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, считал нужным указать: «Мы должны иметь в виду, что с момента нашей встречи он (Тито.— Л. Г.) был в Москве»⁴⁴. И хотя в своем ответе Александеру Черчилль проявлял склонность занять более жесткую позицию устрашения Югославии, он также не мог не согласиться с реальностью фактора советской поддержки Югославии⁴⁵. Этот фактор с самого начала принимал во внимание, как видно из его мемуаров, и Трумэн⁴⁶.

Беспокойство по поводу позиции Советского Союза, поддерживавшего новую Югославию, проявлялось и в том, что правительство США, первоначально не желавшее, как подчеркнул Трумэн в послании Черчиллю 30 апреля, ставить в известность Советский Союз до окончания операции⁴⁷, пришло к выводу о необходимости демонстративно информировать правительство СССР о предпринятых акциях, что и было сделано в письмах американского посольства в Москве 15 и 30 мая и в посланиях Трумэна Сталину, полученных 21 и 31 мая⁴⁸. Это сделал также 15 мая Черчилль⁴⁹. Американские, а также британские руководители явно пытались хоть в какой-то мере ослабить советскую реакцию, отвести обвинения в односторонних действиях, нарушающих союзническое единство, и даже, как следует, например, из послания Трумэна Сталину, полученного 21 мая, добиться согласия СССР на осуществление требований Запада как «временных мер» до решения вопроса о статусе спорной территории при об-

⁴² *W. S. Churchill. The Second World War, vol. VI, p. 481.*

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же, стр. 482.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ См. «Memoirs by Harry S. Truman», vol. 1, p. 245.

⁴⁷ *W. S. Churchill. The Second World War, vol. VI, p. 481.*

⁴⁸ «Переписка Председателя Совета Министров СССР...», т. II, стр. 232—233, 237—238, 293—294.

⁴⁹ Там же, т. I, стр. 359—361.

щем мирном урегулировании. В этих целях американский президент стремился заверить Советское правительство, будто «ни теперь, ни в будущем мы не предпримем и не допустим в отношении этой территории никаких действий, которые не будут полностью учитывать законные претензии Югославии и вклад, внесенный югославскими вооруженными силами в дело победы над Германией»⁵⁰.

Советский Союз непосредственно выступил против ультимативных антиюгославских акций Англии и США. Еще 11 мая 1945 г. в ответ на просьбу югославского правительства о поддержке ДФЮ правительство СССР сообщило, что оно полностью разделяет позицию правительства Югославии и всеми силами будет содействовать тому, чтобы его оправданные претензии были решены мирным путем⁵¹. В соответствии с этой точкой зрения Советский Союз 22 мая, в разгар триестского кризиса, решительно заявил в послании И. В. Сталина Г. Трумэну, что следует учитывать законные претензии Югославии и вклад, внесенный ее вооруженными силами, не только при будущем мирном урегулировании вопроса о территории Истрии — Триеста, большинство населения которой является югославским, но необходимо также уже на данном этапе «считаться с тем фактом, что именно союзные югославские войска изгнали немецких захватчиков с территории Истрии — Триеста, оказав тем самым важную услугу общему делу союзников»⁵². Текст этого послания был сообщен одновременно Советским правительством премьер-министру Англии⁵³.

Отвергая таким образом односторонние требования Англии и США, настаивая на праве новой Югославии на установление военного и гражданского управления в этом районе, СССР вместе с тем исходил из необходимости разрешить принимавший опасные формы конфликт между Западом и ДФЮ мирным путем, чтобы способствовать упрочению единства антигитлеровской коалиции и безопасности новой Югославии. Было понятно, что этого можно достигнуть лишь с помощью взаимоприемлемого компромиссного урегулирования, которое, однако, в необходимой мере должно было учитывать права и интересы ДФЮ. Исходя из этого, глава правительства СССР в противовес ультимативной линии Запада выдвинул перед американским президентом «такое решение данного вопроса, при котором в районе Истрии — Триеста оставались бы на месте югославские войска и действующая сейчас в этом районе югославская администрация. Одновременно в этом районе был бы установлен контроль Союзного Верховного Командующего и была бы определена демаркационная линия по

⁵⁰ «Переписка Председателя Совета Министров СССР...», т. II, стр. 233.

⁵¹ См. А. Джонлавич, Ж. Аганацкович, Д. Пленча. Указ. соч., стр. 219.

⁵² «Переписка Председателя Совета Министров СССР...», т. II, стр. 233—234.

⁵³ Там же, т. I, стр. 363—364.

взаимному соглашению между фельдмаршалом Александром и маршалом Тито»⁵⁴. При этом Советский Союз особенно настаивал, чтобы была сохранена власть возникших в ходе освободительной борьбы и революции народно-освободительных комитетов, которую как раз стремились ликвидировать Англия и США. «Поскольку югославское население составляет большинство на этой территории и еще в период немецкой оккупации здесь стала создаваться местная югославская администрация, пользующаяся в настоящее время доверием местного населения, следовало бы считаться с создавшимся положением, — подчеркивалось в послании И. В. Сталина Г. Трумэну. — Подчинением имеющейся уже югославской гражданской администрации в этом районе югославскому военному командованию вопрос об административном управлении этой территории был бы урегулирован должным образом»⁵⁵.

Требование считаться с югославскими интересами и решительный протест против ультимативных действий Запада были энергично выражены затем в послании главы Советского правительства президенту США 8 июня, а особенно в посланиях американскому президенту и британскому премьеру 21 июня 1945 г.⁵⁶

Эта позиция Советского Союза не могла не оказывать воздействия на западных союзников. В результате США и Англия ограничились военными демонстрациями, не дойдя до прямого столкновения с югославскими силами, и 9 июня 1945 г. удалось заключить в Белграде компромиссное соглашение между Западом и Югославией о временном управлении спорной областью. Как и предлагало Советское правительство в послании И. В. Сталина Г. Трумэну 22 мая, соглашение устанавливало демаркационную линию, к западу от которой вводился контроль англо-американских военных частей, а к востоку — югославских. Однако в западной зоне оставалось некоторое число югославских войск и, что самое главное, должна была сохраняться вся уже существующая югославская гражданская администрация, «которая, — как говорилось в соглашении, — по мнению союзного верховного командующего, действует удовлетворительным образом». Специально оговаривалось, что военная оккупация и временное разделение территории никоим образом не определяют решения вопроса о ее принадлежности при мирном урегулировании⁵⁷. Договоренность, достигнутая в Белграде, была окончательно закреплена и практически конкретизирована две недели спустя дополнительным военным соглашением на переговорах в Триесте. Причем в своих

⁵⁴ «Переписка Председателя Совета Министров СССР...», т. II, стр. 234.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же, т. I, стр. 375; т. II, стр. 239—240, 246.

⁵⁷ См.: «Борба», 10, 11.VI 1945; «Documents on American Foreign Relations», vol. VII, p. 914.

попытках вновь нажать во время этих переговоров на ДФЮ и вынудить ее к дальнейшим уступкам Англия и США по-прежнему столкнулись с резкими возражениями Советского правительства в упомянутых посланиях Трумэну и Черчиллю 21 июня⁵⁸.

Закончившийся заключением временного соглашения триестский кризис явился серьезным испытанием для только что утвердившегося нового югославского государства. Он стал одним из первых крупных международных событий, открыто продемонстрировавших глубокую враждебность правящих кругов Запада по отношению к народно-демократическому строю, устанавливавшемуся в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Вместе с тем в триестском кризисе ясно проявилась роль Советского Союза как важнейшего внешнеполитического фактора поддержки молодых народно-демократических государств, мощного союзника в защите их интересов на международной арене.

⁵⁸ В работах Д. Пленчи, Я. Ери и некоторых других авторов содержалось утверждение, будто Советское правительство выступило первый раз в поддержку Югославии в триестском кризисе лишь 21 июня, через 12 дней после белградского соглашения (*D. Plenča. Međunarodni odnosi Jugoslavije...*, str. 401; *J. Jeri. Tržaško vprašanje po drugi svetovni vojni*. Ljubljana, 1961, str. 87). Мы уже имели случай заметить, что такая трактовка свидетельствует, очевидно, о незнании советских посланий от 22 мая и 8 июня 1945 г. («Советское славяноведение», 1965, № 6, стр. 62).

СПИСОК ТРУДОВ ПРОФЕССОРА С. А. НИКИТИНА *

1924 г.

Очерки по истории профессиональной печати в России. Печать 1905 года.— В кн.: Материалы по истории профессионального движения в России. Сб. 2. М., с. 141—158.

1925 г.

Очерки по истории профессиональной печати в России. Очерк 2. Общественная печать в 1906 г.— В кн.: Материалы по истории профессионального движения в России. Сб. 3. М., с. 43—59.

Январская забастовка 1905 г. в Москве.— Вестник труда, № 8-9, с. 246—258.

1926 г.

Московское стачечное движение 1905—07 гг.— В кн.: Московское профессиональное движение в годы первой революции. М., с. 39—114.

Рец.: Рабочий вопрос в комиссии В. Н. Коковцева. «Материалы по истории рабочего движения в России». М., 1926.— Вестник труда, № 7-8, с. 226—227.

Рец.: Ю. Гессен. История горнорабочих СССР, ч. 1. М., 1926.— Вестник труда, № 10, с. 138—139.

1927 г.

Московские коммунальщики в 1917 г.— В кн.: Союз работников коммунального хозяйства в 1917—18 гг. М., с. 7—63.

Рец.: Рабочее движение в 1917 г. М., 1926.— Вестник труда, № 3, с. 154—155.

Рец.: Сибирская ссылка. Сб. 1. М., 1927 (Каторга и ссылка, кн. XXIII).— Вестник труда, № 6-7, с. 230—231.

1929 г.

Рец.: I. Sakázow. Bulgarische Wirtschaftsgeschichte. Berlin — Leipzig, 1929, S. 294.— Историк-марксист, кн. 14, с. 207—209. (Рец. подписана: И. Егоров.)

* В список не включены статьи, напечатанные в БСЭ (1-е, 2-е и 3-е изд.), «Советской исторической энциклопедии» и «Дипломатическом словаре» (1-е и 2-е изд.). Список составлен В. И. Коротковой.

1937 г.

Интересный экземпляр «Голосов из России».— Книжные новости, № 9, с. 63.

Неизвестное издание «14 декабря 1825 г.».— Книжные новости, № 8, с. 63.

[Несколько разделов в учебнике:] Краткий курс истории СССР. Под ред. А. В. Шестакова. М.

Рец.: Авантюры русского царизма в Болгарии. Сб. документов. Сост. П. Павлович. М., 1935, 239 с.— Историк-марксист, кн. 5-6 (63-64), с. 216—218.

Рец.: «Красный архив» за 1935—1937 годы.— Историк-марксист, кн. 5-6 (63-64), с. 174—180 (совместно с др.).

1938 г.

Сербия XIII—XV вв.— В кн.: Хрестоматия по истории средних веков. Под ред. Н. П. Грацианского и С. Д. Сказкина. Т. II, ч. 1. М., с. 215—231.

Рец.: *B. H. Sumner. Russia and the Balkans 1870—1880.* Berlin, 1936.— Историк-марксист, № 4 (68), с. 159—160.

1940 г.

[История Финляндии в гл. IV учебника:] История СССР, т. II. Россия в XIX в. Под ред. М. В. Нечкиной. М., с. 70—76.

Источниковедение истории СССР, т. II. XIX век. М., 226 с.

1943 г.

Из прошлого партизанской борьбы в Болгарии.— В кн.: Партизанская борьба в национально-освободительных войнах Запада. Сб. статей. Под ред. акад. Е. В. Тарле. М., с. 100—116.

Рец.: «Славяне». Ежемесячный журнал Всеславянского комитета. М., 1942, № 1 (июнь), № 2 (июль), № 3 (август).— Исторический журнал, № 1, с. 94—95.

1944 г.

Методические указания по изучению истории СССР XIX в. для заочников.— В кн.: Программы и методические указания для заочников университетов и педагогических институтов. М.

1946 г.

Исторические издания Болгарской Академии наук (1940—1942 гг.).— Вопросы истории, № 7, с. 128—130.

Подложные документы о русской политике на Балканах в 70-х годах XIX в.— Известия АН СССР. Серия истории и философии, № 1, с. 87—91.

Русская политика на Балканах и начало Восточной войны.— Вопросы истории, № 4, с. 3—29.

1947 г.

Возникновение Московского славянского комитета.— Вопросы истории, № 8, с. 50—65.

Дипломатические отношения России с южными славянами в 60-х годах XIX в.— Славянский сборник. М., с. 262—290.

Рец.: *Христо Ботев*. Сочинения, т. I—III. София, 1945.— Вопросы истории, № 9, с. 140—143.

1948 г.

Балканские связи русской периодической печати 60-х годов XIX в.— Ученые записки Института славяноведения АН СССР, т. I, 1948, с. 18—51.

Письма и записки Н. А. Киреева.— В кн.: Славянский сборник. Славянский вопрос и русское общество в 1867—1878 годах. М., с. 105—120.

Славянские съезды шестидесятых годов XIX века.— В кн.: Славянский сборник. Славянский вопрос и русское общество в 1867—1878 годах. М., с. 16—404.

[Введение к сб.:] Славянский сборник. Славянский вопрос и русское общество в 1867—1878 годах. М.

[Предисловие в кн.:] Документы к истории славяноведения в России. М. Славянские народы в революции 1848 г.— Вопросы истории, № 7, с. 27—43.

Работы советских ученых в области истории и филологии зарубежных славян.— Славяне, № 5, с. 29—34.

Расисты в мантиях ученых.— Славяне, № 12, с. 31—32.

Рец.: История Чехии. Под ред. В. И. Пичета. М., 1947, 260 с.— Вопросы истории, № 6, с. 108—111 (совместно с И. Миллером).

1949 г.

Деятельность В. И. Пичеты в области славяноведения.— Ученые записки Института славяноведения АН СССР, № 1, с. 21—24.

К вопросу о политическом движении сербов Воеводины в 1848 г.— Ученые записки Института славяноведения АН СССР, № 1, с. 85—118.

Россия и славянские народы. Русско-турецкая война 1877—1878 гг.— История СССР, т. II. Россия в XIX веке. Под ред. М. В. Нечкиной. М., с. 647—665.

Финляндия и ее завоевание.— История СССР, т. II. Россия в XIX в. Под ред. М. В. Нечкиной. М., с. 74—81.

Русская культура 1860—1880 гг.— История СССР, т. II. Россия в XIX в. Под ред. М. В. Нечкиной. М., с. 808—857.

1950 г.

Сербия XII—XV веков.— В кн.: Хрестоматия по истории средних веков. Под ред. Н. П. Грацианского и С. Д. Сказкина. Изд. 2, т. II. М.

Рец.: В плену порочных концепций буржуазных историков. (*Хр. Гандев*. Краткая история Болгарии).— Славяне, № 1, с. 60—62.

Рец.: В плен на порочные концепции на буржуазные историки (*Хр. Гандев*. Кратка българска история. София, 1947).— Исторически преглед, София, год. VI, кн. 3, с. 372—375.

1951 г.

Жизненный путь и социально-политические взгляды И. Вазова.— Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР, № 3, с. 8—23.

Slovanské národy v revolúcii r. 1848.— In: «Revolučné dedičstvo rokov 1848—1849». Bratislava, SAVU, s. 49—73.

Южные славяне, молдаване и валахи под властью Турции в XVII—XVIII вв.— Новая история. Под ред. В. В. Бирюковича, Б. Ф. Поршнева; С. Д. Сказкина, т. I. М.

Рец.: Новое исследование о Полице. (Б. Д. Греков. Полица. М., Изд-во АН СССР, 1951).— Славяне, № 12, с. 57—58.

1952 г.

Национальное движение сербов Воеводины в 1848 г.— В кн.: Революции 1848—1849 гг. М., т. I, с. 458—475.

Образование болгарского народа и возникновение Болгарского государства.— Вестник Московского ун-та, № 1, с. 131—153.

Южнославянские связи русской печати 60-х годов XIX века.— Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР, т. 6, с. 89—122.

1953 г.

Образуване на българския народ и възникване на българската държава.— Исторически преглед, София, год. IX, кн. 1, с. 50—77.

Революционна борба в България в 1875—1876 гг. и Апрельское восстание.— В кн.: Освобождение Болгарии от турецкого ига. М., с. 11—46.

Сербия XII—XV веков.— В кн.: Хрестоматия по истории средних веков. Под ред. Н. П. Грацианского и С. Д. Сказкина. Изд. 3. Т. II. М.

Южные славяне, албанцы, молдаване и валахи под властью Турции в XVII—XVIII вв.— Новая история. Под ред. Б. Ф. Поршнева и др. М., т. 1, с. 397—416.

Cinnost Zdeňka Nejedlého na Moskevské universitě.— In.: «Zdeňku Nejedlému Československá Akademie věd», Praha, s. 15—18.

Рец.: Освобождение Болгарии от турецкого ига. Сб. статей. М., 321 с. (Совместно с Л. Б. Валевым и П. Н. Третьяковым).

Рец.: История братского народа (И. Мигев. Кратка история на българския народ).— Славяне, № 8, с. 59—61.

Рец.: История на братски народ (И. Мигев. Кратка история на българския народ).— Исторически преглед, София, кн. 6, с. 657—660.

1954 г.

Задачите на съветските историци в изследването на историята на България.— Исторически преглед, София, кн. 6, с. 3—14.

История Болгарии, т. I. М. (Гл. I; гл. II; гл. III, разд. 1—3; гл. IX; гл. X, разд. 1—2).

Рец.: История Болгарии, т. I. М., 675 с. (Совместно с П. Н. Третьяковым и Л. Б. Валевым).

1955 г.

Вековые связи народов Советского Союза и Югославии.— Международная жизнь, № 10, с. 63—76.

Доклад о классовой борьбе в Чехии и Моравии в XIV — начале XV в.— Вопросы истории, № 3, с. 187—188.

Обсуждение «История Болгарии» болгарскими историками.— Вопросы истории, № 1, с. 188—190. (Совместно с Л. Б. Валевым).

Поездка в Болгарию.— Вестник Московского ун-та, № 1, с. 146—148.

[Послесловие к переводу романа:] Ст. Загорчинов. День последний. М. с. 449—456; то же, изд. 2. М., 1960, с. 449—451.

Славяноведение.— В кн.: Очерки истории исторической науки в СССР, т. I. М., с. 435—501.

Рец.: История Болгарии, т. II. М., 611 с. (совместно с П. Н. Третьяковым и Л. Б. Валевым).

1956 г.

Выдающийся деятель сербского рабочего движения Д. Туцович.— Вопросы истории, № 5, с. 108—115.

Основоположник социалистического движения в Болгарии.— Известия, 14 июня, № 141.

Письмо Огарева Бакунину. [Публикация].— Литературное наследство, т. 63. М., с. 153—157.

L'udevit Stur a národnostný boj južných slovanov v tridsiatych a štyridsiatych rokoch 19 storočia.— In: «L'udevit Stur. Život a delo. 1815—1856». Sb. materiálov z konferencie Historického ústavu Slovenskej Akadémie vied». Bratislava, SAV, s. 431—441.

Slavistika na Moskevské universite.— «Slovanský přehled», Praha, N 5, s. 155—156.

Štúr a narodnostný boj južných slovanov.— «Slovanské pohľady». Bratislava, N 1—2, s. 162—171.

Ред.: *Светозар Марковиц*. Избранные сочинения. М., 919 с.

Ред.: *Историја народа Југославије*, књ. I, Београд, Просвета, 1953, 821 с.— Вопросы истории, № 10, с. 155—162 (совместно с Ю. Бромлеем и И. Достяном).

1957 г.

История южных и западных славян. М. (Введение; гл. I, разделы 1—3; гл. II, разделы 1—2; гл. III, разделы 1—3, 13, 14; гл. VI, разделы 1—4; гл. XV).

М. С. Дринов как историк.— Кратк. сообщ. Ин-та славяноведения АН СССР, вып. 21, с. 3—12.

Русское общество и национально-освободительная борьба южных славян в 1875—1876 гг.— В кн.: Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии. М., с. 3—77.

Ред.: История южных и западных славян. МГУ, 574 с.

Ред.: Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии. М., 331 с. (совместно с Л. Б. Валевым).

1958 г.

Борьба народов Балканского полуострова за национальную независимость.— Новая история, т. II. 1789—1870. М., с. 342—439.

Задачи советских историков в области изучения истории Югославии.— В кн.: Славянский сборник, т. I. Воронеж, с. 7—12.

Избранные труды Б. Д. Грекова.— Вестник АН СССР, № 9, с. 124—126.

Народы Балканского полуострова в 50—60-х годах XIX в.— Новая история, т. II. 1789—1870. М., с. 644—662.

Народы Балканского полуострова в 1789—1815 гг.— Новая история, т. I. 1789—1870. М., с. 177—189.

Новые работы о водных знаках в Югославии.— Славянский архив. М., с. 31—33.

Руската общественост и Освобождението на България.— Исторически преглед, год. 14, кн. 2, с. 13—26.

Ред.: Славянский архив. Сб. статей и материалов. М., 302 с.

Ред.: Из истории русско-болгарских отношений. Сб. статей. М., 291 с. (совместно с Л. Б. Валевым и В. Н. Кондратьевой).

1959 г.

Неопубликованный проект государственного устройства Болгарии.— В кн.: Славянский архив. М., с. 126—138.

Неопубликованный проект государственного устройства Болгарии. Софья, с. 225—231.— В кн.: Сборник в честь на академик Никола В. Михов.

История южных и западных славян. Київ (Вступ. Розділ I, підрозділ 1—3; розділ II, підрозділ 1—2; розділ III, підрозділ 1—9, 13, 14; розділ VI, підрозділ 1—4, розділ XV, підрозділ).

Ред.: История Чехословакии, т. II. М., 350 с.

Ред.: Славянский архив. Сб. статей и материалов. М., 353 с.

Ред.: История южных и западных славян. Київ, 559 с.

Рец.: П. А. Зайончковский. Кирилло-мефодиевское общество (1846—1847). М., 1959.— Вопросы истории, № 2, с. 190—194.

1960 г.

Задачи и организация работы по проблеме «Генезис капитализма, национально-освободительное движение, формирование национальной культуры в зарубежных славянских странах».— Крат. сообщ. Ин-та славяноведения, вып. 33—34, с. 65—71.

Караджич и Ранке.— В кн.: Проблемы историографии. Воронеж, с. 11—16.

Переписка М. С. Дринова с русскими учеными.— В кн.: «Исследования в честь на Марин С. Дринов. София, БАН, с. 205—216.

Славянские комитеты в России в 1858—1876 годах. М., 361 с.

Славяноведение.— В кн.: Очерки истории исторической науки в СССР. т. II. М., с. 484—508.

1961 г.

Парижская Коммуна в оценке болгарской печати.— «Парижская Коммуна 1871 г.». М., т. II, с. 468—472.

[Предисловие].— В кн.: Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в трех томах. Т. I. Освободительная борьба южных славян и Россия. 1875—1877. М., с. 7—16.

Ред.: Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в трех томах. Т. I. Освободительная борьба южных славян и Россия. М., 714 с. (Совместно с др.).

Ред.: Славянский архив. Сб. статей и материалов. М., 271 с.

1962 г.

Европейская дипломатия в Сербии в начале 60-х годов XIX в.— Вопросы истории, № 9, с. 75—102.

Ред.: Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника. М., 330 с.

Ред.: Славянский архив. Сб. статей и материалов. М., 287 с.

1963 г.

История Югославии, т. I. М. (главы 2, 6, 10).

Новая история, т. I. Под ред. А. Л. Нарочницкого. М., с. 614—645 (гл. 27).

Новые данные к биографии Л. Каравелова.— В кн.: Славянский архив. М., с. 235—236.

Нота А. М. Горчакова об отмене условий Парижского мира и русская общественность.— В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., с. 410—417.

Паисий и современная ему южнославянская историография.— Известия на Института за история. София, т. 13, с. 23—31.

Происхождение славянской письменности.— Краткие сообщения Ин-та славяноведения. М., вып. 39, с. 21—26.

Русская дипломатия и национально-освободительное движение южных славян в 50—70-х годах XIX в.— В кн.: История, фольклор, искусство славянских народов. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов. М., с. 159—186.

Славяноведение.— В кн.: Очерки истории исторической науки в СССР, т. III. М., с. 498—514.

Ред.: Генезис капитализма в промышленности. М., 428 с. (совместно с др.).

Ред.: История Югославии, т. I. М., 736 с.

Ред.: Славянский архив. Сб. статей и материалов. М., 305 с.

1964 г.

Вклад Зденека Неедлого в изучение истории славянских стран.— В кн.: Зденек Неедлы — выдающийся общественный деятель и ученый. М., с. 199—207.

Восточный кризис 70-х годов XIX в. в новейшей литературе.— Краткие сообщения Ин-та славяноведения. М., вып. 40, с. 29—31.

Вук Караджич и Россия.— Новая и новейшая история, № 3, с. 24—33.

V Международный конгресс славистов.— Новая и новейшая история, № 1, с. 191—192.

Новая история, т. I, 1640—1789. Под ред. Б. Ф. Поршнева. М. (Разделы о южных славянах).

Ред.: Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в трех томах. Т. II. Борьба за национальное освобождение Болгарии в период русско-турецкой войны. 1877—1878 гг. М., 645 с.

1965 г.

Внешняя политика России в 1856—1876 годах.— История СССР, т. II, 1861—1917. Период капитализма. Отв. ред. А. Л. Сидоров. Изд. 2, М., с. 135—151.

Паисий Хилендарский и современная ему южнославянская историография.— В кн.: Славянское источниковедение. М., с. 3—15.

[Предисловие к переводу романа:] *Сл. Настасиевич*. Стефан, государь сербский. М., с. 5—14.

Ред.: Славянское источниковедение. Сб. статей и материалов. М., 320 с.

Рец.: *Ю. В. Бромлей*. Становление феодализма в Хорватии. М., 1964, 405 с.— Советское славяноведение, № 5, с. 71—73.

1966 г.

Александр Бурмов.— Советское славяноведение, № 6, с. 106.

Болгарский город в 1879 г. по данным русской переписи. М., 29 с. (Международная ассоциация по изучению стран Юго-Восточной Европы. Первый конгресс балканских исследований. София, 26.VIII—1.X 1966. Сообщения советской делегации).

Данные русской переписи 1879 г. о численности и национальном составе населения болгарского города.— В кн. Славянское Возрождение. М., с. 83—103.

Материалы русской аграрной переписи 1879 г. в Болгарии и их научное значение.— В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. (1964). Кишинев, с. 769—779.

Описание экономического состояния юго-восточной части Болгарии в 30-х годах XIX в.— В кн.: Славянское Возрождение. М., с. 161—203.

Роль западнославянских и южнославянских стран в международных отношениях в XII—XV вв.— В кн.: История средних веков, т. I. Под ред. С. Д. Сказкина. М., с. 506—513.

Славянская проблематика на XII Международном конгрессе историков в Вене.— Советское славяноведение, № 1, с. 111—112.

Ред.: Славянское возрождение. Сб. статей и материалов. М., 248 с.

1967 г.

Академик Михаил Димитров.— Советское славяноведение, № 2, с. 125.

[Послесловие к переводу повести:] *К. Калчев*. Отважный капитан. М., с. 215—222.

[Предисловие].— В кн.: Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в трех томах. Т. III. Борьба России и болгарского народа за создание Болгарского государства. 1878—1879. М., с. 7—16.

Ред.: Источники и историография славянского средневековья. Сб. статей и материалов. М., 282 с.

Ред.: Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в трех томах. Т. III. Борьба России и болгарского народа за создание Болгарского государства. 1878—1879. М., 675 с. (совместно с др.).

1968 г.

К 90-летию освобождения Болгарии от турецкого ига. (Предисловие к публикации документов).— Советское славяноведение, № 1, с. 67—68.

Общие черты и специфические особенности формирования славянских наций в XIX в.— В кн.: История, культура, фольклор и этнография славянских народов. VI Международный съезд славистов. Прага, 1968. М., с. 64—79.

Српски политички живот 60-тих година XIX века у руској штампи (периодика).— В кн.: Уједињена Омладина српска. Зб. радова. Нови Сад, Матица српска, с. 363—374.

Ред.: *С. В. Ованян*. Армяно-болгарские исторические связи и армянские колонии в Болгарии во второй половине XIX в. Ереван, 1968.— Советское славяноведение, № 6, с. 68—69.

1969 г.

Болгарский город в 1879 г. по данным русской переписи.— Sofia, с. 77—94. (Association internationale d'études du sud-est Europeen, IV).

[Выступление на научной сессии по проблемам генезиса капитализма].— В кн.: Теоретические и историографические проблемы генезиса капитализма. Материалы научной сессии, состоявшейся в Москве 11—13 мая 1966 г. М., с. 211—216.

Замечания к докладу доц. Валицкого.— В кн. «L'udovit Stur und die slawische Wechselseitigkeit». Bratislava, s. 326—329.

К вопросу о корнях национальной идеологии (résumé).— В кн. «La développement de la conscience nationale en Europe Orientale. Colloque de la Commission internationale des études slaves du Comité international des sciences historiques (Paris, 29 et 30 janvier 1968)». Paris, p. 11.

Кому адресован трактат «Славянство и мир будущего»? — В кн. «L'udovit Stur und die slawische Wechselseitigkeit», Bratislava, s. 415—416.

Россия и славяне в 60-х годах XIX в.— В кн.: «L'udovit Stur und die slawische Wechselseitigkeit», Bratislava, s. 270—289.

Ред.: Славянская историография и археография. Сб. статей и материалов. М., 277 с.

Ред.: Теоретические и историографические проблемы генезиса капитализма. Материалы научной сессии, состоявшейся в Москве 11—13 мая 1966 г. М., 278 с. (совместно с др.).

1970 г.

К вопросу о населении и экономике болгарского города в 70-х годах XIX в.— В кн.: «La ville balkanique XVe — XIXe ss.», Sofia, Ed. de L'Academie Bulgare des sciences, p. 155—158 (Studia balcanica, 3).

Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX в. М., 328 с.

Русское гражданское управление в Болгарии 1877—1879 гг.— В кн.: Освобожденето на България 1878—1968. София, БАН, с. 27—41.

1971 г.

Академик Николай Михайлович Дружинин.— Новая и новейшая история, № 3, с. 224—232 (совместно с акад. Б. А. Рыбаковым и др.).

Буржуазно-национальное освободительное движение и образование самостоятельных государств в Балканских странах.— Новая история, ч. 1. 1640—1870. Под ред. А. Л. Нарочницкого. М., с. 606—624.

Парижская Коммуна в оценке болгарской печати.— В кн.: История Парижской Коммуны 1871 года. М., с. 710—711.

СОДЕРЖАНИЕ

Профессор Сергей Александрович Никитин	3
<i>В. И. Фрейдаон, И. В. Чуркина</i>	
Исследования С. А. Никитина в области русско-славянских отношений в 50—70-х годах XIX в.	11
<i>С. П. Воброва</i>	
Об исследовательской методике С. А. Никитина	20
<i>Г. Г. Лигаурин</i>	
Армянский автор XI столетия о Болгарии и болгарях	27
<i>А. П. Каждан</i>	
Славяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI—XII вв.	32
<i>В. В. Захаров</i>	
О земельной ренте в Задарском дистрикте XIII—XIV вв.	44
<i>Н. П. Мананчикова</i>	
Торговые общества в Дубровнике в XIII—XIV вв.	44
<i>А. Е. Москаленко</i>	
Кто такие «лабораторы» в Далмации XIII—XIV вв.	50
<i>Е. П. Наумов</i>	
Из истории феодальной земельной собственности в Сербии во второй половине XIV в.	55
<i>Л. В. Черепнин</i>	
К вопросу об иммунитете на Руси и у южных славян	63
<i>Б. Н. Флоря</i>	
О текстах русско-польского перемирия 1591 г.	71
<i>Е. Е. Станкевич</i>	
Развитие горно-металлургической промышленности в Силезии (по данным «Генеральных статистических табелей Силезии 1787 г.»)	81
<i>И. И. Лециловская</i>	
Взгляды Досифея Обрадовича по национальному вопросу	89
<i>И. С. Достян</i>	
Планы основания славяно-сербского государства с помощью России в начале XIX в.	98
<i>К. Л. Струкова</i>	
О характере развития европейских провинций Турции в первых трех четвертях XIX в.	107

<i>И. В. Чуркина</i>	
Матица Словенская и русские славянофилы	113
<i>А. С. Бейлис</i>	
Из истории раннего проникновения США на Балканы	124
<i>Н. И. Хитрова</i>	
Реакция русской периодической печати на черногорско-турецкую войну 1862 г.	130
<i>Е. М. Шагозина</i>	
К вопросу о социально-экономическом положении и национально-освободительной борьбе болгарского народа в 60-е годы XIX в.	137
<i>Н. М. Дружинин</i>	
Аграрная реформа 1866 г. и ее последствия	148
<i>К. А. Поглубко</i>	
Революционные волнения среди болгар, обучавшихся в Николаевском пансионе (60—70-е годы XIX в.)	164
<i>В. Г. Карасев, В. И. Фрейдзон</i>	
Сотрудничество хорватского публициста Имбро Ткалаца в «С.-Петербургских ведомостях» (1863—1865 гг.)	171
<i>В. Д. Конобеев</i>	
Об аграрной программе В. Левского	188
<i>И. Унджиев</i>	
Новые данные о жизни Христо Ботева	196
<i>С. И. Сидельников</i>	
Болгарская и советская историческая литература о русско-болгарских революционных связях и деятельности первого БРЦК (1869—1873 гг.)	203
<i>Д. Ф. Поплыко</i>	
О становлении социалистических взглядов В. Пелагича	210
<i>И. В. Ковъженко</i>	
А. Н. Церетелев (1848—1883 гг.)	248
<i>В. М. Хевролина</i>	
Об авторстве некоторых анонимных материалов русской революционной печати по славянскому вопросу (1875—1877 гг.)	225

<i>Н. В. Зуева</i>	
К вопросу о местном самоуправлении в программах болгарской буржуазии накануне освобождения	233
<i>А. А. Улунян</i>	
О формировании болгарских чет в период русско-турецкой войны 1877—1878 гг.	241
<i>А. Н. Киришевская</i>	
Некоторые особенности болгарской буржуазной сельскохозяйственной статистики	248
<i>С. Ш. Гринберг</i>	
Промышленная политика болгарского буржуазного государства в 1900—1912 гг.	255
<i>А. К. Маргынченко</i>	
Русско-болгарский торговый договор 1905 г.	264
<i>Т. Е. Зюзюкина</i>	
Работа ССДП в массах (1903—1912 гг.)	273
<i>Л. И. Гибианский</i>	
К истории триестского кризиса 1945 г.	283
Список трудов профессора С. А. Никитина	297

Славяне и Россия

Утверждено к печати Институтом славяноведения и балканистики АН СССР

Редактор *С. Н. Васильченко*

Художник *В. Г. Прохоров*. Художественный редактор *В. Н. Тихунов*

Технические редакторы *И. А. Макагонова, В. В. Волкова*

Сдано в набор 21/XI 1971 г. Подписано к печати 23/II 1972 г.

Формат 60×90¹/₁₆. Бумага № 1. Усл. печ. л. 19¹/₄. Уч.-изд. л. 20,9

Тираж 2900 экз. Т-03689. Тип. зак. 3073. Цена 1р. 53 коп.

Издательство «Наука». Москва К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука». Москва Г-99, Шубинский пер., 10